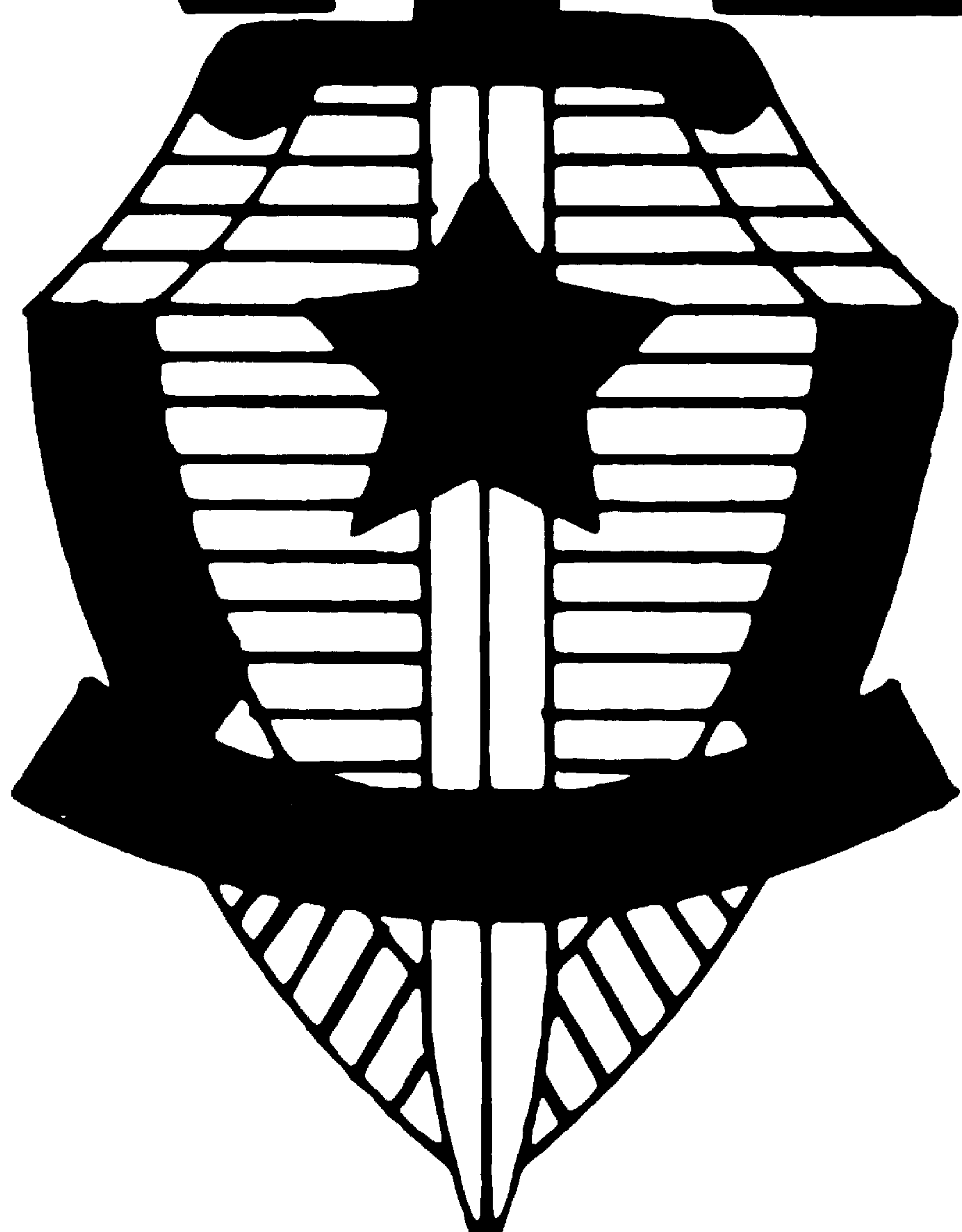

ДЖОН БАРРОН

КЛБ

СЕГ ДНЯ

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

ДЖОН БАРРОН – выдающийся американский публицист, родился и вырос в Техасе. Учился на факультете журналистики Миссурийского Университета, по окончании которого ему была присвоена степень магистра. Во время Корейской войны служил во флоте, в западной части Тихого океана. Изучал в школе морской разведки русский язык и после получения офицерского звания был послан на два года в Западный Берлин. Вернувшись из армии, работал корреспондентом газеты "Вашингтон Стар" и завоевал своими репортажами широкую популярность у ее читателей.

В 1965 году поступил в ежемесячник "Ридерс Дайджест", где возглавил исследовательскую работу по сбору материалов о деятельности советского КГБ. Исследование завершилось изданием книги Джона Баррона "КГБ", которая стала бестселлером в Соединенных Штатах и Западной Европе.

Джон Баррон в соавторстве с редактором "Ридерс Дайджест" по странам Азии Антони Паулем пишет книгу "Уничтожение мирного народа", которая документально подтверждает разгул геноцида в условиях коммунистического режима Камбоджи. Бестселлером стала третья книга Джона Баррона "Пилот МИГа", рассказывающая о драматическом и отважном побеге на самолете МИГ-25 советского летчика Виктора Беленко в Японию.

ДЖОН БАРРОН

КГБ

СЕГ ДНЯ

НЕВИДИМЫЕ ШУПАЛЬЦА

**НЬЮ-ЙОРК – ИЕРУСАЛИМ – ПАРИЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" • 1984**

John Barron:
"KGB Segodnya"

Translated from English by Joseph Kosinsky

Senior Editor Ilya Levkov
Editor Joseph Kosinsky

First Russian edition published in 1984 by "Time and We"
475 Fifth ave, suite 511—A New York, New York
10017

Originally published as "KGB Today. The Hidden Hand"
Copyright 1983 by The Reader's Digest Association, Inc.

Copyright 1984 Russian translation by "Time and We"
This translation published by arrangement with Random House, Inc.

All rights reserved

Cover design by Vagrigh Bakhchanyan

Back cover photo by Twin Lens Photography

Printed in USA

ISBN 0-914481-01-0

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
<i>Глава первая</i>	
Тирания терпит фиаско	15
<i>Глава вторая</i>	
Офицер и джентльмен	51
<i>Глава третья</i>	
В змеином гнезде	92
<i>Глава четвертая</i>	
Тайный замысел	152
<i>Глава пятая</i>	
В стане Главного противника	212
<i>Глава шестая</i>	
Действительность, вывернутая наизнанку	265
<i>Глава седьмая</i>	
Беспредельно преданный	277
<i>Глава восьмая</i>	
Наследник	315
<i>Глава девятая</i>	
Шпион по призванию	361
<i>Глава десятая</i>	
Отпор	407
<i>Приложение</i>	
Организационная структура КГБ	419
<i>Илья Левков</i>	
Вместо послесловия	426

О КНИГЕ "КГБ СЕГОДНЯ"

Всякий раз, когда автор обращается к одной и той же сенсационной теме, у меня возникает некое чувство настороженности. Что-то подобное проснулось во мне и когда я взялся за книгу Джона Баррона "КГБ сегодня" — продолжение широко на шумевшей работы того же автора "КГБ". Но с иным совершенно ощущением закрыл я последнюю страницу.

Все известное и написанное о КГБ ранее вдруг показалось не более чем фрагментами гигантского, мрачного полотна. Нет, не полотна — сравнение неточно, — а гигантской карты войны, которую ведет во всем мире КГБ и эпизоды которой я хоть и знал, но охватить всю карту так и не смог.

Это и в самом деле не просто — представить, что целый мир, пусть даже такой дряблый и неустойчивый, как наш, стал объектом дьявольского, разрушительного влияния одного лишь советского ведомства, именуемого КГБ. С фактами в руках Джон Баррон утверждает, что эта фантастическая ситуация стала реальностью наших дней. И начинаешь воочию ощущать масштабы опасности...

Принято считать, что там, где КГБ, — там шпионаж, провокации, убийства. Но сказать только это — значит признать, что мы имеем дело с тривиальной, хоть и очень мощной, полицией и разведкой. А заодно предать забвению тот зловещий и уже упомянутый мной факт, что на нашей планете идет всемирная, тотальная война, цель которой подорвать и в конце концов смести с лица земли то, что принято называть высшими человеческими ценностями. КГБ — орудие этой войны. Причем орудие особого рода,

не знакомое современной цивилизации, как и особая, не знакомая современной цивилизации сама эта война.

Думаю, что не случайно автор назвал свою книгу "КГБ сегодня", ибо все, что мы знаем о КГБ вчерашнем, в наши дни выглядит скорее как анахронизм, может быть, и интересный историку, но мало что дающий для понимания происходящего вокруг. Иная эпоха — иной характер войны, и — о времена, о нравы! — взгляните на тех, кто стали ее участниками. Маститые министры и парламентарии, уважаемые ученые, добропорядочные буржуа и бизнесмены, — вот ведь кого стягивает КГБ сегодня под свои знамена и кто выступает ныне в роли "бойцов невидимого фронта".

Они не пускают под откосы поезда, не проламывают черепа своим жертвам, а собираются на такие же уважаемые, как они сами, конференции и симпозиумы, устраивают многотысячные демонстрации в защиту мира. Они исправно платят налоги и столь же исправно служат в своих чиновных ведомствах, полагая себя добропорядочными гражданами своих стран. Иные знают, на что они идут, а другие даже не ведают, что служат все той же дьявольской силе, которая ведет к гибели цивилизацию. Но и те, и эти, — все, кого захватывает КГБ в свои жернова, — одинаково опасны, говорит Джон Баррон, исследуя, как действует эта бездушная, обезчеловеченная машина. Машина, не знающая преград в своем стремлении поставить себе на службу каждого, даже самых сильных мира сего. И будем же смотреть правде в глаза: КГБ немало преуспел в этом. Шаг за шагом нам открывается его злобный и, надо признать, отлаженный механизм. Автор предостерегает нас перед лицом грядущей опасности. И уж нам думать о том, как противостоять ей, чтобы спасти современную цивилизацию.

Виктор ПЕРЕЛЬМАН

ОТ АВТОРА

Каждый, кто пишет о работе секретных служб и хочет, чтобы его произведения воспринимались всерьез, должен, по-видимому, вначале объяснить читателям, что побудило его взяться за этот труд, какова его цель, какой методикой пользовался автор и какими источниками информации располагал.

Замысел этой книги родился в ноябре 1979 года, мрачным, дождливым вечером, когда у меня дома впервые появился майор Станислав Александрович Левченко. Незадолго до этого Левченко тайно перебрался в Соединенные Штаты из Токио, где на протяжении примерно пяти лет ему пришлось принимать непосредственное участие в крупных операциях, осуществляемых КГБ. Он все еще переживал перипетии своего побега, все еще находился под свежим впечатлением разлуки с семьей и близкими и, казалось, был ошеломлен тем, что оказался в чужом ему обществе, которое его учили ненавидеть и презирать.

В то же время Левченко произвел на меня впечатление "офицера и джентльмена", патриота своей страны. Ненавидя КГБ и советскую систему, он с благоговением относился к своей родине и народу. Этот человек понравился мне с первого взгляда. Мы беседовали, сидя у камина, и слушали музыку. Некоторые записи он просил повторять снова и снова: "Радость любви", "Говори со мной о любви", "Наша твердыня — Господь", "Боевой гимн республики"...

Левченко попросил меня встретиться с ним, так как прочел первую из моих книг, посвященных КГБ. Шел уже второй час ночи, когда он поднялся, взял эту книгу с полки и обратил мое внимание на то место в ней, где я привожу письмо из со-

ветской психушки, написанное молодым преподавателем по фамилии Чернышев. В письме говорилось:

”Заживо погребенному трудно доказать, что он жив, — разве что произойдет чудо и кто-нибудь разроет его могилу, прежде чем наступит действительная смерть. Точно так же человеку, заточенному в психушку, трудно доказать, что он в здравом уме.

Я окончил матмех ЛГУ и работал преподавателем математики в ленинградском филиале одного из московских институтов. С увлечением собирал книги и пластинки, писал стихи, короткие рассказы и философские эссе, не предназначенные для печати, — просто для собственного удовольствия. Все свои сочинения я перепечатал на машинке и переплел в виде трех отдельных томиков: в один вошли стихи и афоризмы, в другой — рассказы и очерки на разные темы, в третий — философские эссе с изложением моих идей, по существу антикоммунистических. Я писал это на протяжении пяти лет и за все время дал прочитать написанное только двум своим приятелям. В марте 1970 года меня арестовали за ”антисоветскую пропаганду”. Как выяснилось, один из моих читателей сразу же ”раскаялся в содеянном” и поэтому гуляет на свободе. Другой — В.Попов, выпускник Академии художеств (вина которого усугублялась тем, что он нарисовал экслибрис, украсивший томик моих произведений) попал, как и я, в тюрьму.

После ареста меня обследовали врачи. В результате обследования, занявшего всего полчаса, был поставлен диагноз: хроническая шизофрения параноидального характера. Мне не дали защитника, я не представал перед судом. Как диагноз, так и судебный приговор держались от меня в тайне. Я узнал о них от жены, с которой мне разрешили свидание после суда. Тот же диагноз был поставлен и Попову.

В США, как всем известно, была арестована Анджела Дэвис. Сегодня весь мир знает о ее судьбе, у нее есть адвокаты, люди могут выступать в ее защиту, протестовать против обвинений, которые были ей предъявлены. А я лишен каких бы то ни было прав, мне ни разу не позволили встретиться с адвокатом, меня судили заочно, я не имею права обжаловать приговор, не имею права даже на голодовку протеста. Я видел своими глазами, как здесь, в психушке, связывают политзаключенных, которые отказываются принимать пищу или ле-

карство, как делают им инъекции, после которых они не в состоянии двигаться, как их принудительно кормят и "лечат". Например, В.Борисов два года подряд протестовал против содержания в психушке. Тогда они ввели ему аминазин, и вот результат: утрата собственного "я", угасание мышления, атрофия всех чувств и потеря памяти. Для человека с творческими способностями это — смерть. Те, кто получает аминазин, теряют способность даже читать.

Хотя я и боюсь смерти, но пусть они лучше пристрелят меня. Мне противна сама мысль, что они отравят, изуродуют мою душу. Я обращаюсь отсюда к верующим. Н.И.Браславский, христианин, чахнет в этих стенах уже более двадцати пяти лет. Так же страдает здесь Тимонин — его вина состоит только в том, что он вылил чернила в избирательную урну. Они глумятся над религиозными чувствами Тимонина, требуют, чтобы он отрекся от веры, иначе его никогда отсюда не выпустят. Христиане! Ваши братья во Христе страдают здесь! Возвысьте свой голос, чтобы спасти наши души!

Я боюсь смерти, но готов принять ее. Я страшно боюсь пыток. Но тут применяют худшую пытку, предстоящую и мне: вводят в мозг химические вещества. Вивисекторы двадцатого века не остановятся перед тем, чтобы завладеть моей душой. Может быть, я и останусь после этого жив, но не смогу написать ни одного стихотворения. Я утрачу способность мыслить. Мне уже объявили, что принято решение принудительно "лечить" меня. Прощайте..."

Левченко заметил вполголоса: "Знаете ли, я тоже верующий". Он добавил, что его мать была еврейка. Это обстоятельство ему приходилось постоянно скрывать от "органов" и вообще от всех окружающих.

Втайне сделавшись христианином пятнадцать лет назад, Левченко отнюдь не стал пацифистом. Для начала он хотел нанести КГБ удар: рассказать всему миру о своей жизни и работе в "органах". Ему лично не нужно было ни денег, ни вообще какого бы то ни было вознаграждения. Но он настаивал на предельной точности изложения его истории тем, кто возьмется о нем писать.

В апреле 1980 года мы провели с ним три недели, уединившись на одном из островов Гавайского архипелага и воссоздавая на бумаге весь его жизненный путь. В последующие два года мы также часто встречались и беседовали. То, что он мне

рассказал, вошло во *вторую, третью и четвертую* главы этой книги.

Факты, рассказанные Левченко, выходят далеко за рамки его биографии. Ему довелось работать в московском "штабе" КГБ и в тех советских организациях за рубежом, что пытаются манипулировать движением сторонников мира по всему земному шару. Поэтому он хорошо знал, каким видам подрывной деятельности Советы придают сегодня наибольшее значение, знал, чем отличается сотрудник КГБ от подлинного дипломата, с которым он работает под одной крышей. Он был хорошо осведомлен, по каким признакам можно судить о внедрении советской агентуры в легальные и с виду невинные организации свободного мира. На основе этой информации я и мои помощники, пользуясь преимущественно открытыми источниками, проследили, например, такие стороны деятельности КГБ, как кража передовой зарубежной технологии. Мы познакомились с разными методами воздействия советской секретной службы на группы "сторонников мира". О результатах этих исследований читатель прочитает в *пятой и шестой* главах.

В марте 1980 года ФБР сообщило о переходе на Запад полковника Рудольфа Германа, который на протяжении семнадцати лет был тайным агентом КГБ в Северной Америке. Я связался с Германом с помощью ФБР, и в ноябре того же года в Вильямсбурге (штат Вирджиния) он подробно рассказал мне о своей жизни и работе на КГБ. Его рассказы легли в основу *седьмой и восьмой* глав.

Одним из ближайших сообщников полковника Германа был профессор Хью Джордж Гэмблтон — канадский экономист, служивший агентом КГБ в течение двадцати трех лет. Услышав о нем от самого Германа, я встретился с этим человеком; он согласился побеседовать со мной. Наши беседы происходили в Квебеке на протяжении декабря 1980 года. Истории Гэмблтона я посвятил *девятую* главу своей книги.

Глава *шестая* посвящена движению за замораживание ядерного оружия. Впервые она была опубликована — в сокращенном виде — в октябрьском номере журнала "Ридерс Дайджест" за 1982 год. Публикация эта привлекла внимание общественности и даже вызвала дискуссию после того, как президент Рейген, основываясь на данных, приведенных журналом, во всеуслышание заявил, что Советы пытаются приб-

рать к рукам это движение и в известной мере преуспели в этом. Советская сторона, конечно, немало язвила по поводу этой публикации, но, между прочим, оказалась не в состоянии опровергнуть ни одного из фактов.

Готовя статью к печати, сотрудники журнала "Ридерс Дайджест" Г.Вильям Ганн и Дэвид Пахольчик скрупулезно выверили все приведенные в ней факты и утверждения. Почти целый год они трудились по шесть и семь дней в неделю, изучая необходимую литературу, углубляясь в нарочито двусмысленные статьи коммунистической прессы и тягучую коммунистическую полемику. Они беседовали с самыми разными людьми, в том числе и враждебно настроенными к Соединенным Штатам. Сотрудникам "Ридерс Дайджест" удалось обнаружить любопытные вещи. Как-то, например, Билл Ганн пришел ко мне и протянул старый номер коммунистической газеты "Дейли Уорлд": "Взгляни-ка, что я нашел!" В газете сообщалось, что некий Радомир Богданов встретился для беседы с членами конгресса США. Мне эта фамилия была хорошо знакома: мои исследования показали, что Р.Богданов был давним сотрудником КГБ и имел звание полковника. Но в тот день я впервые узнал о том, что через Богданова КГБ протянул щупальца к американским конгрессменам, стремясь заручиться их поддержкой движения за замораживание ядерных арсеналов.

В декабре 1982 г. Постоянная комиссия по делам разведки Палаты представителей опубликовала отчет о слушаниях, посвященных активной подрывной деятельности Советов. Наряду с показаниями свидетелей, отчет содержит результаты изучения документов, представленных Комиссии ЦРУ и ФБР. Сверяя публикацию с оригиналами этих документов, Дэвид Пахольчик обратил внимание на такой поразительный факт: при подготовке отчета к печати Комиссия сочла за благо исключить из него некоторые разделы. А именно — те, где упоминались фамилии конгрессменов, разделявших взгляды советских агентов в ходе борьбы за "разоружение". (Некоторые из этих сведений, скрытых от общественности, приводятся в конце главы *шестой*.)

В проверке изложенных в книге фактов и документов приняли участие также сотрудницы редакции "Ридерс Дайджест" Нэнси Тафойа и Катарина Кларк, что позволило уточнить некоторые детали и избавило книгу от ряда ошибок.

Я многим обязан также и другим лицам. Специалисты по Советскому Союзу, восточноевропейским странам и Японии, работающие в Библиотеке Конгресса, немало потрудились, выверяя литературные источники. Константин Симис, в прошлом советский юрист, разрешил мне использовать некоторые факты из его новой книги "СССР — общество коррупции". Дж.Фред Баси, президент приборостроительной фирмы "Тексас Инструментс", консультировал меня по вопросам новейшей электронной технологии и обратил мое внимание на ряд примечательных фактов, которые свидетельствуют о том, какой интерес к этой технологии проявляет КГБ на территории Соединенных Штатов.

Хочу также выразить благодарность многим лицам — в США и за границей, — оказавшим мне неоценимую помощь. К сожалению, я не вправе назвать имена этих людей. Все они разделяют со мной мысль, высказанную в свое время Уинстоном Черчиллем: "Мы сражаемся не ради славы, не ради богатства и даже не во имя своей чести; мы сражаемся за свободу, и только за нее одну, ибо без свободы нет настоящей жизни".

Нельзя понять сущность Советского Союза, не представив себе той чрезвычайной роли, какую играет КГБ в советской политике и советском обществе. Хочу надеяться, что эта книга в известной мере приблизит читателя к такому пониманию. И оно, это понимание, станет нашим иммунитетом по отношению к системе, символом которой является КГБ.

*Джон Баррон
Вашингтон, 5 марта 1983 г.*

Глава первая ТИРАНИЯ ТЕРПИТ ФИАСКО

В один прекрасный день, примерно около шести вечера, в некую квартиру в центре Москвы вошел высокий представительный старик лет шестидесяти с небольшим. Трое его спутников почтительно держались сзади, явно соблюдая приличествующую его рангу дистанцию. Густые с проседью волосы, гладко зачесанные назад, бледное лицо с печатью вечной, хронической усталости, очки без оправы на хрящеватом носу, пронизательные карие глаза с каким-то ищущим, испытующим выражением, — но тоже утомленные...

Никто не счел нужным представить вошедшего Гэмблtonу, да и сам он пренебрег этой формальностью. Сразу приступая к делу, он заговорил по-английски:

— Профессор Гэмблтон, я рад видеть вас здесь, в Москве. Надеюсь, вы довольны здешними условиями и поработали тут продуктивно?

Хью Джордж Гэмблтон, профессор Лавалевского университета в Квебеке, жизнерадостный, обаятельный человек и довольно известный экономист, всегда работал продуктивно. Уже два десятка лет он был тайным агентом КГБ и за это время успел передать Советам свыше 1200 секретных документов НАТО. А главное, он первым добыл и препроводил в Москву документальное подтверждение того факта, что Израиль и Южно-Африканская Республика совместно производят ядерное оружие. Теперь КГБ рассчитывал, что Гэмблtonу удастся внедриться в какой-нибудь секретный исследовательский центр непосредственно на территории Соединенных Штатов.

Хозяин квартиры, кагебист, накрыл стол для ужина, и Гэмблтона пригласили продолжить беседу за столом. Только

что вошедший старик уселся напротив. Один из его спутников встал за его стулом, чтобы помогать ему объясняться по-английски, двое других прислонились к дверному косяку. Гэмблтон понял, что это — телохранители.

Во время ужина собеседник засыпал Гэмблтона вопросами. Не стал ли военный бюджет Соединенных Штатов чересчур обременительным даже для этой сверхбогатой страны? Не преследуют ли в США евреев? Как относится к СССР американская молодежь? Насколько возможен распад европейского "Общего рынка"? Но вот разговор перешел на Китай, и гость сразу помрачнел: "Да, наши отношения с китайцами — это трагедия..."

Потолковав таким образом о мировых делах, они обсудили дальнейшие задания, поручаемые Гэмблтону, и в первую очередь — задание, относящееся к Соединенным Штатам. "В любом случае, — заключил русский, — совершенно ясно, что мы будем стараться использовать вас в ключевых районах, — скажем, таких, как Израиль, в "горячих точках" по всему земному шару".

Прошел час. Визитер поднялся из-за стола и, прощаясь с Гэмблтоном, проговорил: "Надеюсь, наше сотрудничество станет в дальнейшем еще более плодотворным. Со своей стороны, желаю вам лично здоровья и всяческого успеха".

Едва за ним закрылась дверь, как офицер КГБ, оставшийся с Гэмблтоном в квартире, наполнил стаканы водкой — руки у него слегка дрожали — и, как подкошенный, рухнул в кресло.

— Кто это был? — спросил Гэмблтон.

— Как, неужели вы не знаете?! — воскликнул офицер. — Это же Юрий Владимирович Андропов, председатель Комитета государственной безопасности!

Председатель КГБ, член Политбюро Андропов был одним из самых занятых людей во все советской верхушке. Тем не менее в тот вечер — дело происходило в июле 1975 года — он выкроил часок, чтобы лично встретиться с несомненно важным для КГБ человеком — шпионом, прибывшим в Москву.

Сейчас этот шпион сидит в английской тюрьме. А его хозяин правит советским государством.

Время от времени на заседаниях Политбюро обсуждаются детали шпионских операций, разные дезориентирующие трюки мирового масштаба и коварные зигзаги, которые предстоит совершить советской политике. Осенью 1979 года советская верхушка собралась, чтобы обсудить особенно деликатный вопрос. А именно: должен ли КГБ убрать Хафизулла Амина, президента Афганистана, и заменить его советским агентом?

Рассмотрев план действий, разработанный людьми Андропова и одобренный им самим, Политбюро проголосовало "за".

В качестве исполнителя КГБ выбрал подполковника Михаила Талегова, хорошо подготовленного для такой роли. Как сотрудник "Управления С", которое внедряет тайных агентов КГБ в руководящие круги зарубежных стран, Талегов имел достаточный опыт в подобного рода делах. Он родился и вырос в Азербайджане, рядом с иранской границей, и владел фарси не хуже любого перса или афганца. Запасшись фальшивыми документами, сфабрикованными КГБ, он прожил несколько лет в Кабуле. Там выяснилось, что он вполне сходит за местного уроженца.

Поздней осенью 1979 года Талегова вновь перебросили в Афганистан. Благодаря соответствующей подготовке, проведенной кабульской агентурой КГБ, он получил место повара в президентском дворце. Работая на кухне, подполковник выжидал благоприятного случая. У него с собой всегда был яд — бесцветный и не имеющий запаха, приготовленный в Москве Управлением технических операций специально для президента Амина. Из докладов Талегова резиденту КГБ в Кабуле следовало, что по меньшей мере дважды ему удалось капнуть этого яду во фруктовые соки, подаваемые к президентскому столу.

Однако, зная о пристрастии Амина к сокам, КГБ не вполне представлял себе, насколько хитер и недоверчив этот человек. Опасаясь отравления, он имел привычку наполнять стакан небольшими порциями сока из разных графинов. Это снижало концентрацию яда до заведомо несмертельного уровня. Более того, президент, по-видимому, не испытывал даже болей в желудке, иначе бы кухонному персоналу не избежать расследования и допросов, чего, однако, не происходило.

Потеряв терпение, Андропов и Политбюро распорядились

форсировать события. В ночь на 27 декабря 1979 года в президентский дворец ворвалась оперативная группа КГБ, возглавляемая полковником Бояриновым и поддержанная советскими десантниками. Амин и его любовница находились в одной из комнат второго этажа и были пристрелены на месте. Но дворцовая охрана сопротивлялась столь отчаянно, что полковник Бояринов вынужден был удрать из дворца, чтобы потребовать подкреплений. Это имело для него фатальные последствия: Советскому Союзу вовсе не требовались свидетели убийства президента, поэтому штурмовая группа получила приказ никого не выпускать из здания живым. В темноте десантники застрелили полковника, приняв его за афганца.

Почти все, кто находился во дворце, были перебиты. Среди немногих переживших эту ночь оказался подполковник Талев. Хотя никто не поставил его заранее в известность о намеченном штурме дворца (а нападавшие тоже не были предупреждены, что среди дворцового персонала находится свой человек), ему удалось воспользоваться паникой, возникшей во время кровавой резни, и каким-то образом благополучно выбраться из здания.

* * *

Членам Политбюро приходилось лично заниматься не только покушениями, но и фальшивками. Осенью 1981 года КГБ подделал подпись президента Рейгена на фальшивом письме, адресованном испанскому королю Хуану Карлосу. В письме говорилось, что некоторые из военных, политических и духовных деятелей, близких к престолу, поддерживали оппозицию, сопротивлявшуюся вступлению Испании в НАТО. Сверх того, утверждалось, что имеются "веские причины", которые должны заставить короля покончить с левой оппозицией как таковой. Если король это сделает, говорилось далее в письме, то Соединенные Штаты, со своей стороны, готовы помочь ему вернуть Испании Гибралтар. В целом из письма вырисовывалась такая картина: президент США указывает испанскому монарху, что тому следует делать в собственной стране, и бесцеремонно вмешивается, таким образом, во внутренние дела Испании.

По-видимому, идея фабрикации такого письма показалась членам Политбюро заслуживающей внимания. С ведома Политбюро агенты КГБ в Мадриде распространили по почте

множество копий этой фальшивки: ее получили редакции газет и многие дипломаты европейских стран, аккредитованные в испанской столице. Но этот трюк не достиг цели, разве лишь еще более испортил американо-советские отношения. Испанские журналисты быстро распознали фальшивку, некоторые прямо указывали на ее советское происхождение. Белый Дом расценил этот акт как беспрецедентное личное оскорбление, нанесенное американскому президенту, который всего несколькими месяцами ранее занял свой пост.

* * *

Это зрелище — когда самые высокопоставленные руководители Советского Союза отвлекаются от важных государственных дел, чтобы готовить тайные убийства и пускать в оборот фальшивку, чтобы встречаться со странствующими шпионами, — может показаться иностранцу странным и, более того, — недостойным государственных деятелей. Однако личное участие руководства страны в подобных акциях вытекает из необычайно тесного переплетения легальной советской политики с тайными операциями. Такое переплетение обусловлено историческими и современными реалиями СССР и в значительной мере определяет образ правления, существующий в этой стране. Оно указывает на особенности поведения советской олигархии и маловероятность существенных перемен в мышлении и поведении самих олигархов, по крайней мере в ближайшем будущем.

Этим зловещим переплетением тайного и явного объясняется и то обстоятельство, что КГБ — главное средство осуществления тайных операций — в такой мере пронизывает все советские акции, независимо от того, относятся они к внутренним или иностранным делам. Этим же приходится объяснить тот факт, что в 1982 году престарелые заговорщики, заседавшие в Политбюро, в отчаянии вручили диктаторскую власть человеку из КГБ.

К началу 1982 года здоровье Брежнева ухудшилось настолько, что он оказался в сущности несостоятельным как государственный деятель. Не приходилось надеяться, что он продержится еще сколько-нибудь продолжительное время. Оглядываясь назад, мы можем констатировать, что уже весной 1982 года олигархия сделала ставку на Юрия Владимировича Андропова как на его преемника. В мае Андропов оставил

пост председателя КГБ, чтобы занять место главного партийного идеолога, освободившееся со смертью Суслова. Всего лишь несколько месяцев отделяли его от события, которое должно было сделать его пятым по счету главой советского государства.

За эти месяцы на страницы западной прессы хлынул целый поток статей, очерков и корреспонденций, весьма лестных для Андропова. Он изображался прагматичным, гибким, гуманным интеллектуалом космополитического склада. Подчеркивалось, что он бегло говорит по-английски и "понимает" Соединенные Штаты. Ему приписывали сочувствие идее неких реформ внутри страны, утверждали, что в личном плане он во многом солидарен с диссидентами, а во внешней политике является убежденным сторонником разрядки. Он танцует танго, пьет шотландский виски и коньяк, понимает толк в американском джазе и читает Жаклин Сьюзенн. Одевается элегантно и пользуется репутацией души общества. По вечерам он слушает порой "Голос Америки" или пьет в кругу диссидентов, которых приглашает к себе домой с целью расширения своего кругозора. В общем, как давала понять газета "Вашингтон Пост", в лице Андропова мы имеем дело со скрытым либералом.

Откуда брались эти характеристики, как правило, оставалось неизвестным, и получить их подтверждение из независимых источников почти никогда не удавалось. Частная жизнь Андропова в действительности окружена тайной. Если не считать завербованных Советами шпионов, то едва ли кто-либо из иностранцев на протяжении последней четверти века имел случай общаться с ним в неофициальной обстановке. Ввиду отсутствия заслуживающих доверия свидетелей, которые могли бы подтвердить или опровергнуть распространяемые о нем слухи, оставалось оценивать Андропова по его опубликованным речам и известным всем действиям. Однако в этом случае перед нами возникал образ совсем другого человека — отнюдь не кремлевского танцора или скрытого либерала.

Андропов родился 15 июня 1914 года на станции Нагутская — в крохотном железнодорожном поселке, расположенном на юго-западе России, вблизи кавказских предгорий. Ему довелось работать телеграфистом, киномехаником и матросом на речных судах. Но вот он получает профессиональное

образование — заканчивает техникум водного транспорта в Рыбинске. Вместо того чтобы прозябать на какой-нибудь низкой должности в "системе водного транспорта", он делает ставку на комсомольскую карьеру: еще в техникуме он вступил в комсомол и там же был выдвинут секретарем комсомольского комитета.

Летом 1940 года Андропов выныривает в Карелии. Одно из его здешних заданий — помочь в "освоении" территорий, только что отобранных у Финляндии в результате советско-финской войны. Задача облегчается тем, что на этих территориях практически не осталось коренного населения — оно бежало в Финляндию. Год спустя началась война СССР с гитлеровской Германией; Андропов участвует в действиях местных партизан, направленных против финнов, и становится протеже главы карело-финской компартии Отто Куусинена.

Давний агент Коминтерна, Куусинен был одним из создателей тактики советского "невидимого фронта", предназначенного для подрывной деятельности в зарубежных странах. Еще в 1926 году он заявлял: "Мы должны создать вокруг коммунистической партии целое, так сказать, созвездие разных организаций и комитетов, которые находились бы под влиянием нашей партии, отнюдь не управляясь ею механически". Спустя четыре десятилетия КГБ, возглавляемое Андроповым, сделало особый упор на реализацию этой идеи, создав с подрывными целями такое "созвездие" в странах Запада и Третьего мира.

Возможно, по протекции Куусинена в 1951 году Андропов был назначен на административный пост в ЦК партии. Сталин возобновил свои кровавые чистки, и в Москве царил параноидальная атмосфера интриг, заговоров и жесткой ортодоксии. Но Андропову повезло: его переводят на дипломатическую службу в Венгрию (1953), и через год, в возрасте сорока лет, он удостоивается ранга посла.

В Будапеште с ним встречался ряд иностранцев. Серьезный британский журналист Ноэль Барбер характеризует его как "узколобого сталиниста, лишенного чувства юмора, с непроницаемой физиономией". Один из венгерских деятелей тогда же назвал Андропова "абсолютно безжалостным". Однако другие отзывались о нем как об интеллигенте, уравновешенном и любезном дипломате, способном и быстро схватывающем суть дела.

Понятно, что на разных людей, с которыми Андропов встречался в Будапеште, он производил неодинаковое впечатление; но зато все сходится в признании за ним решающей роли в подавлении венгерской революции. Осенью 1956 года на протяжении нескольких дней казалось, что венгерскому народу удалось невозможное — под руководством националистского правительства, возглавляемого Имре Надем, он добился независимости от Советской России. 1 ноября посол Андропов вполне серьезно заверял Надя, что Советы готовы вести переговоры о выводе из Венгрии всех своих войск. Несколькими часами позже Надь с тревогой сообщил ему по телефону, что поступили сообщения о новых советских танковых частях, направляющихся на территорию Венгрии. Андропов успокоил венгерского премьера: эти сообщения являются "преувеличенными". Ближайшей ночью в советском посольстве Андропов начал тайные переговоры с Яношем Кадаром о свержении правительства Надя и воссоздании в Венгрии марионеточного режима, опирающегося на мощные контингенты советских войск: эти контингенты уже подтягивались.

На следующий день Андропов выразил Надю недовольство по случаю того, что территория советского посольства в Будапеште "осаждается хулиганами". Прибывший для расследования инцидента венгерский генерал не заметил никаких следов осады. Поблагодарив его за оперативное прибытие на место происшествия, Андропов заметил: "Мы, русские, не хотим вмешиваться в ваши дела. Мы понимаем сложность вашего положения и сочувствуем вам".

3 ноября Андропов пригласил венгерского министра обороны Пала Малетера пообедать с ним и заодно обсудить некоторые детали вывода советских войск. Во время обеда в помещение ворвались гебисты и схватили Малетера. Его уволокли, чтобы расстрелять.

Когда советские танки подавили сопротивление венгров и навязали народу режим Кадара, Имре Надь со своими сотрудниками нашел прибежище в посольстве Югославии. По уговору с Андроповым Кадар гарантировал им амнистию. В своем послании бывшему премьеру он писал, что укрывшиеся в югославском посольстве могут без всяких опасений вернуться к себе домой и жить спокойно, поскольку им не грозят никакие репрессии. В ночь на 22 ноября Надь и его сподвижники

вышли из здания посольства и сели в автобус, который ожидал их, чтобы развезти по домам. Но вместо этого их отвезли напрямиком в советское посольство, к Андропову. Надь и его спутники были схвачены, переправлены в Румынию и вскоре тоже расстреляны.

В 1957 году Андропов был щедро вознагражден партией и правительством: его назначили заведовать Отделом социалистических стран ЦК КПСС. Этот пост позволял ему постоянно присутствовать на заседаниях Политбюро и в то же время требовал частых поездок в соцстраны. Но, как бы успешно ни справлялся он тут со своими обязанностями, все же он оставался по существу высокопоставленным партийным чиновником и администратором, но не лидером, оказывающим влияние на высокую политику.

В 1967 году Андропов сделался председателем КГБ и, таким образом, непосредственно взял в свои руки рычаги власти. Говоря объективно, под его руководством это ведомство добилось за каких-нибудь 15 лет исключительных успехов. Не в последнюю очередь они объясняются тем, что Андропов лично вникал во все стороны деятельности КГБ. Если не по его инициативе, то, во всяком случае, с его одобрения реализовались все основные направления развития этого ведомства, осуществлялись все сколько-нибудь крупные операции. Поэтому, рассматривая действия КГБ за андроповский период, мы можем составить себе достаточно четкое представление о характере Андропова, складе его мышления и его мировоззрении.

При Андропове в составе КГБ было организовано принципиально новое управление — Пятое, с такими функциями: дискриминация евреев, преследование верующих, искоренение всех видов самиздатской деятельности и вообще инакомыслия. Выкорчевывание ереси было поставлено на "научную" основу и стало более систематическим, чем когда бы то ни было за тридцать лет, истекших после смерти Сталина. В 1977 году в речи, посвященной памяти первого главы советской тайной полиции, Андропов заявил: "Мы стараемся помочь тем, кто запутался, дать им возможность пересмотреть свои взгляды и избавиться от заблуждений".

При Андропове КГБ ввел в повседневную практику злоупотребления психиатрией как метод подавления инакомыслия. Начиная с 1967 года были организованы вновь либо рас-

ширены многочисленные психиатрические лечебницы. Без какого бы то ни было суда, не затрудняя себя поисками "доказательств вины" и как будто не переступая рамок "законности", психиатры-гебисты получили возможность отправлять людей в заключение на любой срок. Для этого оказалось достаточно констатировать, что такой-то гражданин "страдает параноидальной манией переустройства общества" или "склонностью к беспочвенному морализаторству", или "болезненной переоценкой собственной личности", или, наконец, "проявляет недостаточное понимание окружающей реальности". В своих психушках КГБ может сколько угодно экспериментировать на жертвах режима, доводя их до полуживотного состояния с помощью лекарственных средств, разрушающих мозг и деформирующих психику. Эти злоупотребления психиатрией, многократно подтвержденные свидетельствами честных советских и зарубежных психиатров, представляют собой одну из гебистских реформ, приписываемых лично Андропову.*

При Андропове КГБ все более вовлекался в международный терроризм. Приблизительно в 25 километрах к востоку от Московской кольцевой дороги, у самого шоссе, ведущего на Горький, выстроен секретный комплекс зданий.

Сотрудники Комитета госбезопасности называют его просто "Балашихой". Балашиха подчинена наиболее зловещему подразделению Первого главного управления — отделу 8 управления "С", в ведении которого — диверсии, убийства и похищения. Здесь проходят подготовку будущие террористы: студенты, привезенные непосредственно из стран Третьего мира или же доставленные из московского Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

КГБ регулярно отбирает в этот университет наиболее способных — и в то же время наиболее податливых — студен-

* Вследствие этих злоупотреблений члены Всемирной ассоциации психиатров постановили исключить советских психиатров из своих рядов. В феврале 1983 года, не дожидаясь реализации этого постановления, Советы внезапно вышли из Ассоциации. Президент Британского королевского колледжа психиатрии, Кеннет Роунсли, заявил агентству "Ассошиэйтед Пресс", что он полагает, что Советы поступили таким образом, чтобы избежать "возможного постыдного разоблачения на виду у мирового общественного мнения в ходе свободных публичных дебатов".

тов, чтобы по окончании ими курса пополнить террористические группы, действующие в разных странах мира. Разумеется, КГБ не собирал бы в свои питомники молодежь практически со всего света и не учил бы ее искусству разрушать и убивать, если бы не ожидал, что она применит на практике полученные знания.

Начиная с 1980 года все большее число офицеров самого КГБ обучается в Балашихе различным методам террора и диверсий. Опять-таки: КГБ не занимался бы обучением своих офицеров этим методам, если бы не рассчитывал, что им предстоит воспользоваться полученными уроками.

На словах горячо отстаивая разрядку, Андропов резко увеличил масштаб и темпы подрывной деятельности, направленной против Запада, и в первую очередь против Соединенных Штатов. Кража технологических секретов из промышленно-развитых стран свободного мира приобрела сейчас невиданный размах. По всему миру наблюдается энергичное раздувание кампании, ставящей целью вбить клин между странами НАТО, разложить эту организацию изнутри и разоружить Соединенные Штаты — и все это "во имя мира".

Андроповские призывы, обращенные к КГБ и открыто обнародованные в СССР, столь же красноречивы. Время от времени он напоминал своим подчиненным:

"Мирное сосуществование представляет собой одну из форм классовой борьбы. Оно подразумевает упорную и жестокую войну на всех фронтах — экономическом, политическом и идеологическом".

"Поле исторического противостояния социализма и капитализма является весь мир, все сферы общественной жизни — экономика, идеология, политика".

"Чекистское руководство действует в такой области, где нет — и не может быть — перемирия или передышки".

Вскоре после того как Андропов сделался генеральным секретарем ЦК партии (это произошло в ноябре 1982 года), он поставил во главе министерства внутренних дел (в чьем подчинении находится милиция) свирепого кагебешника, генерала Виталия Федорчука. Другого ветерана КГБ и специалиста по подавлению недовольства в стране — Гейдара Али Рза-оглы Алиева, он назначил первым заместителем председателя Совета министров, поручив ему контроль за состоянием советской экономики. А чтобы обеспечить преемствен-

ность власти в самом КГБ, Андропов назначил председателем этого комитета своего проверенного заместителя Виктора Чебрикова. Никогда прежде в истории советского государства власть не концентрировалась в такой степени в руках питомцев аппарата госбезопасности.

Готовность советской олигархии доверить таким людям свою судьбу — а следовательно и судьбу государства — вытекает из трезвой оценки этой олигархией сегодняшнего положения.

По существу, положение советских лидеров в 80-е годы мало отличается от того, в каком в свое время оказались первые большевистские правители. Лучше, чем кто-либо, они понимают, что им так и не удалось придать своему режиму видимость законности и заручиться добровольной поддержкой народа. Их власть все еще держится на силе, олицетворением которой в конечном счете является тайная политическая полиция, ныне именуемая КГБ.

Вообще же положение нынешних советских олигархов выглядит даже более мрачным и отчаянным, чем положение их предшественников. Им уже не удастся убедить себя, что время работает на них и на их систему, или что наиболее острые внутренние противоречия и проблемы советского государства могут быть разрешены без отхода от существующей ныне политико-экономической системы.

Сопоставление недавних большевистских посулов и обещаний с сегодняшними реалиями еще более усугубляет серьезность накопившихся проблем. На своем двадцать втором съезде, в 1961 году, коммунистическая партия "торжественно провозгласила", что к 1980 году Советский Союз достигнет "Реального коммунизма". Из официальных деклараций партии, заполонивших все каналы пропаганды и звучавших по всей стране, следовало, что "Реальный коммунизм" принесет стране сверхизобилие товаров и услуг и вообще любых материальных благ, какие только можно себе представить. Все граждане СССР, независимо от их положения на общественной лестнице, профессии, возраста, пола, расы и национальности, заживут поистине чудесной жизнью. Как из рога изобилия на них посыпятся доброкачественные продукты и товары, лекарства и медицинское обслуживание, средства транспорта, все блага просвещения, образования, культуры и т.д. И все будет бесплатным!

Мало того, "Реальный коммунизм" преобразует саму человеческую природу. Повседневное удовлетворение всех материальных нужд, потребностей и желаний будет постепенно избавлять людей от таких недостатков, как жадность, скупость, лицемерие, зависть, неискренность, эгоизм, лень. В результате появится новый человек, человек коммунистической эпохи — благородный, великодушный, искренний, сильный духом, чуткий и дружелюбный. С наступлением эры "Реального коммунизма", разумеется, навсегда исчезнут преступность, алкоголизм и другие социальные недуги, унаследованные от капитализма.

Обещания золотого века, повторявшиеся до полного одурения в первой половине 60-х годов, в дальнейшем слышались все реже и с приближением заветного 1980 года исчезли вовсе. На фоне действительного положения, создавшегося к началу 80-х годов, эти посулы выглядели бы трагикомично.

За период с 1964 по 1980 год уровень смертности в Советском Союзе поднялся почти на пятьдесят процентов — с 6,9 до 10,3 смертей в год на тысячу человек населения. "Этот скачок не удастся объяснить увеличением процента престарелых людей в составе населения. Он вызван в первую очередь резким увеличением детской смертности и смертности мужского населения в цветущем возрасте — от 20 до 44 лет, — замечает М.Фешбах, сотрудник Центра исследований динамики населения Джорджтаунского университета. — Если не считать военных лет, такую тенденцию следует признать уникальной во всей истории развитых стран".

На основе информации, имевшейся в их распоряжении, Фешбах и демограф К.Дэвис сделали вывод, что за 70-е годы (с 1971 по 1979) детская смертность в СССР возросла с 22,9 до 35-36 на тысячу рождений. Для сравнения: в США тот же показатель составлял в 1979 году 12,9 (в 1981 г. он еще более понизился — до 11,7). Ожидаемая средняя продолжительность жизни мужчин, родившихся в Советском Союзе в середине 1960-х годов, оценивалась шестьюдесятью шестью годами. Дж.Болдуин, сотрудник американского бюро демографического анализа, пришел к выводу, что к 1980 году, когда в Советском Союзе предполагалось построить "Реальный коммунизм", этот показатель снизился до шестидесяти двух лет.

Уже в начале 70-х годов, по словам Фешбаха, ожидаемая продолжительность жизни мальчиков, рождающихся в СССР, была на целых десять лет меньше ожидаемой продолжительности жизни девочек, родившихся одновременно. "Теперь этот разрыв увеличился до 11,6 лет, — отмечает Фешбах. — Ни одна из развитых стран не знает такой разницы".

Беспрецедентный рост детской смертности и сокращение продолжительности жизни частично объясняется недостатками советского медицинского обслуживания, которое сам Брежнев в феврале 1981 года признал несовершенным.

Ведущий американский специалист по советской медицине, д-р Вильям А.Кнаус (из медицинского центра Университета им.Джорджа Вашингтона) утверждает, что за период с 1960 по 1978 год в СССР показатель смертности от сердечно-сосудистых заболеваний на 100 тысяч человек повысился с 247 до более чем 500, то есть произошло обратное тому, что наблюдается в США.

Несмотря на столь тревожные тенденции, правящая верхушка СССР за период с 1965-1978 гг. сократила долю государственного бюджета, предназначенную на нужды здравоохранения, более чем на 20 процентов.

Другой причиной резкого повышения смертности в СССР является алкоголизм. "Городская семья в Советском Союзе тратит на спиртное в среднем такую же часть своего месячного бюджета, какую американская семья расходует на питание", — замечает М.Фешбах.

Алкоголизм и скверное медицинское обслуживание тесно связаны с еще более вопиющими советскими проблемами — и, вероятно, ими же в значительной мере и порождены. В ноябре 1981 года Брежнев заявил, что самой существенной из всех является проблема сельского хозяйства. "как в экономическом, так и в политическом отношении". Безусловно, в последние годы, начиная с 1979-го, урожай в СССР неизменно страдал из-за неблагоприятных погодных условий, но бедственное положение советского сельского хозяйства являлось и до того хроническим, независимо от природных факторов, и едва ли выправится в будущем.

В сельском хозяйстве занята примерно четвертая часть трудоспособного населения Советского Союза. С машиностроительных заводов течет непрерывный поток тракторов и других сельскохозяйственных машин, и недостатка в них

деревня не испытывает. К сельскому хозяйству постоянно приковано внимание советских верхов и управленческого аппарата. И в то же время в большинстве городов страны (порой даже и в самой Москве) в магазинах подолгу отсутствуют мясо, молочные продукты, фрукты и многие овощи. Стоимость питания в СССР чрезвычайно высока, даже если покупать продовольствие в государственных магазинах, и вовсе чудовищна, если судить по ценам "колхозного рынка".

Детальное и авторитетное исследование, проведенное в марте 1982 года, показало, что московский рабочий должен трудиться в среднем 53,5 часа в неделю, чтобы покрыть потребности семьи, состоящей из четырех человек, в основных видах продовольствия.

Рабочему, живущему в Вашингтоне, достаточно для этого всего 18,6 часа, парижанину — 22,2, мюнхенцу — 23,3 и лондонцу — 24,7.

Вновь и вновь Советы испытывают острый недостаток хлеба, закупая его в значительных количествах за границей, главным образом в США. Между тем в высокоэффективном американском сельском хозяйстве занято всего лишь 3,4 процента трудоспособного населения страны. Они производят такое количество продовольствия, что им можно обеспечить большую часть земного шара.

Ежегодно с приближением уборки урожая в СССР вспыхивает некая чрезвычайная всенародная кампания. Можно подумать, что сбор урожая — это экстраординарное событие, никогда прежде не случавшееся в этой стране. Солдаты, студенты, школьники, заводские рабочие и конторские служащие — все по предписанию свыше массами устремляются в гущу отчаянной битвы за урожай. Впрочем, значительная часть их могучих усилий пропадает втуне: каждый год кто-то там на железнорожном транспорте не сумел вовремя подать вагоны под погрузку собранного добра, а к тому же немалая часть этого добра в любом случае будет потеряна в пути.

Ситуацию, в которой оказалось советское сельское хозяйство, впечатляюще обрисовывают бывшие советские граждане, жившие в разных областях страны, а теперь оказавшиеся на Западе. Но самым серьезным обвинением сельскому хозяйству в СССР является картина, рисуемая официальной советской статистикой. Сельскому населению разрешается на определенных условиях обрабатывать свои личные земельные

участки и продавать собираемый с них урожай. Размер каждого такого участка, приходящийся на одну семью, не должен превышать половины гектара, и в общей сложности эти так называемые "индивидуальные" участки составляют в СССР всего 1,3 процента обрабатываемой земельной площади. Однако, по официальным данным, с этого ничтожного процента земельных угодий было получено в 1980 году две трети всего сбора картофеля. Те же микроскопические участки дали стране две трети всех яиц и треть всех овощей и мяса, произведенных в СССР.

Еще одна фундаментальная советская проблема состоит в нежелательно складывающейся демографической структуре. Население СССР включает пятнадцать основных национальностей и более сотни этнических групп, которые говорят на ста двадцати семи различных языках. Ленин в свое время уверял, что коммунизм всем им обеспечит равенство и культурную автономию. В действительности к настоящему времени сложилось так, что государственное управление находится исключительно в руках русских. Составляя по численности чуть больше половины населения, русские занимают наиболее важные и влиятельные должности в партии, бюрократическом аппарате и экономике страны. Подавляющее большинство советских военных летчиков, офицеров ракетных войск и подводного флота — русские или, во всяком случае, относятся к трем доминирующим славянским нациям. Вдобавок к этому партия неустанно делает попытки подавить проявления "национализма" и национальной культуры среди нацменьшинств, в особенности — мусульман, которых насчитывается в СССР приблизительно 44 миллиона.

"Тем не менее, мусульманское религиозное и этническое самосознание и самоутверждение в Средней Азии за последние годы скорее, напротив, усиливается, чем исчезает, — заметил по этому поводу Фешбах. — Правоверные мусульмане обрели уверенность в себе по мере распространения пантюркизма, который как идеология охватывает теперь и мусульман тюркской ветви в СССР. Этому способствует и утверждение Ирана в качестве модели мусульманского общества... Советской верхушке хорошо известно, что если бы мусульмане в СССР образовали сплоченный этнический блок, это означало бы прямую угрозу власти Москвы в случае возникновения в этом районе любой взрывоопасной ситуации".

Национализм и антирусские настроения продолжают существовать и среди пятидесятимиллионного населения Украины, где народ с оружием в руках продолжал сопротивляться режиму еще в течение нескольких лет после окончания второй мировой войны. Прибалтийские республики — Литва, Эстония и Латвия, насильственно аннексированные Советским Союзом в 1940 году, настроены по отношению к русским явно враждебно. Многие армяне и грузины смотрят на русских как на колонизаторов, оккупировавших их земли.

Благодаря сохранению традиционно многочисленных семей, запрету разводов и аборт, а также сравнительно меньшему распространению алкоголизма мусульмане держат в СССР первенство по темпам прироста населения. Их численность возрастает в 4-5 раз интенсивнее, чем численность русского населения, и на протяжении трех ближайших десятилетий должна удвоиться.

Напротив, русское население по естественному приросту занимает одно из последних мест среди всех национальностей СССР. Новейшие советские исследования показывают, что к 2000 году русские будут составлять менее 47 процентов всего населения страны. Этот процент может оказаться еще тревожнее, если не удастся снизить нынешний высокий показатель смертности. Так или иначе число русских в работоспособном возрасте за ближайшие 15 лет, несомненно, понизится.

Мусульманская часть населения все еще меньше приспособлена к городским условиям жизни и к труду в промышленности, чем русская; вдобавок многие из мусульман плохо говорят по-русски и недостаточно понимают этот язык. Тем не менее увеличение численности промышленных рабочих может быть достигнуто только за счет привлечения мусульман. То же относится и к людским ресурсам советских вооруженных сил.

Отчетливо сознавая потенциальные сложности, связанные с этим демографическим перекосом, советский режим одновременно пытается как-то разрешить еще более грозную и не терпящую отлагательства проблему, зловеший масштаб которой, по-видимому, уже осознан учеными и сотрудниками научно-технического управления КГБ.

Советская система привела к тому, что СССР все еще не готов подключиться к происходящей ныне в мире "второй промышленной революции" и использовать преимущества,

создаваемые ею. Советская промышленность инертна и произвольно сопротивляется любым новшествам. Печать СССР полна критики директоров предприятий, которые вместо того, чтобы устанавливать на своих заводах новое оборудование, оставляют его ржаветь на складах или просто на заводской территории под открытым небом. Но эти сурово караемые директора поступают так не в силу какой-то дурацкой прихоти. О их должностных качествах правительство судит по тому, как они выполняют спущенный сверху производственный план. Если они займутся реконструкцией предприятия, установкой нового оборудования, что неизбежно связано с нарушениями производственного процесса, и если вдобавок это новое оборудование не станет работать как положено, или рабочие не сумеют быстро его освоить, — предприятие не выполнит план и его администрация будет наказана. Если же в результате установки нового оборудования производительность возрастет — за этим последует только увеличение плановых заданий.* Советские научно-исследовательские институты и центры обычно далеки от насущных нужд промышленности и не озабочены их проблемами и потребностями. А когда советский ученый предлагает какую-либо новую идею, проект или технологический процесс, полезный для промышленности, — никогда нет уверенности, что это предложение будет принято или хотя бы одобрено.

Вот почему СССР всегда сильно отставал от Запада в технологии (исключая некоторые области военной техники, куда неизменно направляется львиная доля научно-технических ресурсов страны). В прошлом удавалось кое-как справляться

* В своем выступлении на пленуме ЦК 22 ноября 1982 г. Андропов требовал "широкого и быстрого внедрения научно-технических достижений и передового опыта в производство". Он резюмировал проблему таким образом: "Этот вопрос не нов, конечно. Он не раз поднимался на съездах партии и пленумах ЦК. Тем не менее, сдвиги происходят медленно. Почему? Ответ тоже давно ясен: чтобы внедрить новый метод, новую технологию, производство должно быть так или иначе перестроено, а это сказывается на выполнении плановых заданий. Больше того, вас могут наказать за невыполнение производственных заданий, а за слабое внедрение новой технологии скорее всего только пожурят".

с трудностями и подраиваться под передовые страны, при свайвая и копируя чужие изобретения, — или, как в случае с пресловутым Камским автозаводом,* привлекая западные фирмы к сооружению предприятий в СССР. В дальнейшем это будет оказываться все более трудным.

Внедрение полупроводниковой технологии, впервые разработанной лабораториями фирмы Белл в Нью-Джерси, и силиконовых интегральных схем, изготовление которых было начато впервые в Техасе, на предприятиях "Тексас Инструментс", означало наступление новой эры в истории человечества. Такая полупроводниковая схема выполнена в виде тонкой силиконовой пластинки размером со спичечную головку, обозначаемой термином "чип" ("ломтик", "стружка"). Такой "чип" в настоящее время содержит десятки тысяч (!) ячеек памяти или логических связей. Комбинация функций памяти и логики в пределах единого "чипа" создает миниатюрный компьютер.

В 1978 году президент "Тексас Инструментс" Дж.Фред Баси заявил: "Стремительное развитие компьютерной техники приведет к росту научно-технических знаний в геометрической прогрессии. Человечество окажется в состоянии ставить и решать такие теоретические проблемы, о которых оно сейчас не имеет ни малейшего понятия. Мир вступил в эпоху второй промышленной революции, и мы так же не в состоянии представить себе, что она принесет человечеству, как люди, жившие в девятнадцатом веке, не могли предвидеть всех последствий первой промышленной революции".

В настоящее время в областях компьютерной технологии и полупроводниковой техники СССР отстает от Соединенных Штатов на пять-десять лет. Ввиду ускорения темпов технического прогресса на Западе этот разрыв наверняка будет расти. Например, ряд японских и американских компаний вскоре окажутся в состоянии изготавливать "чипы" с емкостью памяти 256.000 бит (единиц информации). И эта не-

* Камский автозавод (КАМАЗ) — крупнейшее в мире предприятие по производству грузовиков — было построено в 70-х годах с использованием американского и западноевропейского оборудования стоимостью полтора миллиарда долларов. Большая часть военных автомашин, на которых перебрасывались советские воинские соединения в Афганистан, а также машины, сконцентрированные на западных границах Советского Союза, носят марку "КАМАЗ".

вероятная память уместится на крошечном силиконовом кристаллике! Чтобы СССР мог достичь такого темпа технического прогресса, ему необходимо радикально реформировать систему организации промышленности и управления.

Вдобавок ко всему, советская экономика, контролируемая из единого центра, все более страдает от низкой производительности труда, вызванной пассивностью рабочего класса. В СССР производительность труда составляет всего 40 процентов американского уровня, причем многие рабочие совершенно безразлично относятся и к качеству продукции.

В 1980 году Андропов говорил так: "Нужно признать, что, как всем известно, наряду с ударниками соцсоревнования, мы все еще встречаем рабочих, для которых безразлично качество продукции, лодырей, прогульщиков и пьяниц. Все еще не изжиты случаи хищений, очковтирательства и бюрократизма, попытки обмануть государство, сделать как можно меньше, а получить побольше". По утверждению Андропова, все это происходит оттого, что советской власти все еще не удалось создать "нового человека": его формирование, — был вынужден признать Андропов, — "представляет собой сложный и длительный процесс".

Между тем Ричард Пайпс, один из ведущих американских советологов, уверен, что это положение вызвано иными причинами. "По существу масса русских, потомков крепостных крестьян, смотрит на своего нынешнего хозяина — советское государство — в общем так же, как их крепостные предки смотрели на своих помещиков, — замечает Пайпс. — Они теперь тоже изыскали уйму уловок, чтобы снять с себя всякую ответственность за происходящее, чтобы поживиться хозяйской собственностью, чтобы вымогать себе всяческие блага. По-видимому, советский режим не в состоянии справиться с этим пассивным сопротивлением в масштабе целого государства и вынужден, скрепя сердце, терпеть его. Падение производительности труда, наблюдаемое в Советском Союзе, представляет собой, по сути, месть современного крепостного своему хозяину — государству".

Советская способность улаживать критические общенародные проблемы существенно подорвана все более распространяющейся коррупцией. Эта особенность советского образа жизни приобрела такие масштабы, что ее саму по себе следует считать важнейшей проблемой.

Известно, что новые жилые дома быстро приходят в упадок и даже разрушаются, будучи построены с грубыми отклонениями от строительных норм и правил, — отчасти из-за утечки строительных материалов на "черный рынок". Цифры выполнения плана промышленными предприятиями, часы, налетанные самолетами гражданской авиации, "тоннокилометры", наезженные государственными грузовиками, нередко фальсифицируются самым бессовестным образом. Подпольные предприниматели делают миллионерами, содержат нелегальные фабрики с собственными тайными каналами снабжения. Необходимость давать взятки, чтобы получить квартиру, купить хорошую одежду, мебель или просто кусок мяса, чтобы обеспечить медицинскую помощь, поступить в институт или добиться справедливого решения суда — эта необходимость признается многими советскими гражданами уже как повседневная реальность.

Наиболее обстоятельное объяснение, почему коррупция в СССР смогла вырасти до масштабов экономического и социального бедствия, принадлежит бывшему советскому юристу Константину Симису. Как адвокат и преподаватель советского права, Симис часто выезжал из Москвы на периферию, в частности, чтобы защищать в суде людей, обвиненных в коррупции. От своих подзащитных и коллег по профессии, участвуя в многочисленных судебных заседаниях, он собрал материал для книги, посвященной коррупции в СССР. КГБ разузнало о существовании его рукописи и конфисковало ее. После этого Симису и его жене — тоже адвокату, известному защитой ряда диссидентов, — было предложено выбрать между концентрационным лагерем и высылкой из страны. По прибытии в США Симису удалось восстановить по памяти свою рукопись, и в конце 1982 года его книга вышла в свет на английском языке.*

В этой книге подробно описано и подтверждено многочисленными примерами то, о чем давно уже догадываются многие граждане Советского Союза: коррупция начинается с верхов партийной иерархии в Москве и пронизывает буквально все слои общества. Находятся люди, которые охотно платят сто и более тысяч рублей за предоставление того или

* Симис Константин. СССР — общество коррупции. Нью-Йорк, изд-во "Саймон и Шустер", 1982.

иною административного либо партийного поста. Они отлично знают, что с избытком вернут себе эту сумму, постоянно получая на этом посту взятки, подарки и распродавая более низкие должности. Симис показывает, что даже когда проштрафившиеся партийные тузы оказываются разоблаченными в результате вмешательства честных работников госконтроля, прокуроров или журналистов, им обычно удается избежать серьезной ответственности: они либо откупаются от суда, либо заручаются поддержкой какого-нибудь влиятельного патрона, у которого тоже рыльце в пушку.

Некая государственная строительная организация соорудила для партийных чинов небольшой, но первоклассный дом отдыха на берегу Волги. В качестве обслуживающего персонала и охранников были наняты... мастера спорта по борьбе, и не без оснований. Им было приказано "обеспечить женщин" персонам, прибывающим сюда на отдых. Охранники решили эту проблему таким образом. Они заманивали в дом отдыха молоденьких девушек, в том числе школьниц, насиловали их и фотографировали эти сцены. Под угрозой, что снимки будут продемонстрированы родителям юных жертв, их школьным преподавателям и друзьям, некоторые из девушек, травмированные случившимся, согласились посещать этот "дом отдыха" в качестве штатных проституток, лишь бы их позор не был предан огласке. Но нашлись и такие, которые рассказали обо всем своим родителям; те обратились в прокуратуру. Симис пишет: "Их жалобы содержали конкретные факты, даты и имена, однако все они получили одинаковый ответ: "Расследованием вашего заявления установлено, что факты, указанные вами, не поддаются проверке. Оснований для возбуждения уголовного преследования гр-на Х. по ст. 117 УК (изнасилование) не усматривается".

Устроители этого "дома отдыха" надлежащим образом подстраховались, включив в число "отдыхающих" местное партийное начальство, чины милиции и работников прокуратуры. Однако, несмотря на сопротивление местных властей, "Литературная газета", сама по себе пользующаяся определенным политическим влиянием, в конце концов опубликовала скандальную статью, на основе которой было начато расследование. Козлами отпущения оказались, разумеется, только некоторые из "охранников" и какой-то мелкий служащий "дома отдыха".

Общество, где процветает коррупция, создало "заводы-призраки", воображаемая продукция которых, как ни странно, фигурирует в официальных статистических отчетах как часть валового национального продукта. В качестве примера Симис говорит о новом заводе в поселке Сиверский, предназначенном для ремонта тракторных двигателей. 28 декабря 1978 года государственная комиссия подписала официальный акт, удостоверяющий, что завод сдан в эксплуатацию. 16 февраля 1979 года министр сельскохозяйственного машиностроения издал приказ о вводе завода в действие на полную проектную мощность и "спустил" ему производственный план. Ранее действовавший завод, на смену которому был сооружен новый, закрылся.

Однако в действительности из пятидесяти одного цеха, запроектированного на Сиверском заводе, лишь четырнадцать были более или менее готовы к началу производственной деятельности. Территория завода выглядела как беспорядочная свалка оборудования, и, конечно, здесь нельзя было отремонтировать ни одного мотора.

Центральное статистическое управление (ЦСУ СССР) в течение года включало мнимую продукцию несуществующего завода в свои официальные сводки промышленного производства по стране. Между тем росло число тракторов, простаивающих из-за того, что старый завод, где их можно было бы отремонтировать, закрылся, а ему на смену не появился новый.

Коррупция такого масштаба не только подчеркивает нелепость и неэффективность советской экономики, но и умножает беззакония и разъедает душу народа. Человек, теряющий жену или ребенка, потому что ему не по карману операция; родители, не имеющие возможности купить сыну за деньги право учиться в университете, куда поступили его товарищи; супружеская чета, десять лет стоящая на очереди на получение квартиры, потому что в райисполкоме тоже требуется кое-кого "подмазать", — все эти люди чувствуют себя обманутыми и ущемленными; они сознают, что государство с ними не считается, что моральные ценности в этом обществе не признаются и даже их существование безразлично государству.

Р.Пайпс, также констатируя, что раковая опухоль коррупции, первоначально локализованная, теперь распространи-

лась на всю советскую систему, подчеркивает еще некоторые дополнительные последствия этого явления: "Оно заставляет население смотреть на руководящий слой как на шайку паразитов, всецело сосредоточенных на удовлетворении своих личных желаний и потребностей". И еще: "Создавшееся положение дел лишает правительство всякого уважения в глазах даже самых аполитичных граждан и решительно ставит под сомнение его моральное право требовать от населения того, что называется гражданской ответственностью, тем более — проявлений самопожертвования. Последствия этого чрезвычайно серьезны; особенно это сказывается на молодежи: ее общественная пассивность и цинизм заставляют власти серьезно задуматься о будущем страны".

В 1981 году, едва начав работать в секретариате ООН в Нью-Йорке, попросил политического убежища молодой советский служащий Александр Сахаров. КГБ тщательно проверил политические взгляды Сахарова и установил, что его поступок не может быть объяснен причинами идеологического характера. Сахарову предстояла в ООН необременительная и даже приятная работа; его будущее по возвращении в Москву представлялось обеспеченным. Так в чем же дело? Отчего он и его жена дезертировали из советского общества? Вот его объяснение, чудовищное по своей циничной простоте. Советская миссия при ООН предоставляет квартиру каждому вновь прибывающему из СССР служащему. Но должностное лицо, ведающее распределением квартир, заявило Сахарову: если он хочет получить приличную квартиру, пусть приготовит 500 долларов. "Хватит им меня обжуливать!" — заявил Сахаров.

Советская олигархия с помощью прессы попыталась дать знать населению, что она намерена как-то бороться с коррупцией. 27 апреля 1982 года в "Правде" появилась большая статья, где говорилось о смертном приговоре, вынесенном заместителю министра рыбного хозяйства Рытову. Последний организовал шайку контрабандистов, тайно переправлявших в Западную Европу икру в жестяных банках с этикеткой "Сельдь". Афера раскрылась будто бы потому, что некий милицкий чин получил одну такую банку в качестве платы за молчание и сообщил об этом кому следует.

В январе 1983 года газета "Социалистическая индустрия" поместила сообщение о суде над неким Станиславом Ивано-

вым и четырнадцатью его сообщниками, которые якобы присвоили миллионы рублей, организовав фабрику, существующую лишь на бумаге. В течение трех с лишним лет они получали от государства зарплату на 515 рабочих, будто бы занятых на этой фабрике. В аферу был вовлечен ряд колхозов, которые за плату поставляли фабрике фиктивную рабочую силу, и несколько официальных лиц — последние были подкуплены взятками. Газета сообщила, что Иванову грозит смертная казнь.

Советская олигархия озабочена и другими серьезными проблемами. Все большему числу колхозников разрешают обзаводиться приусадебными участками — в масштабах государства это как-то компенсирует неэффективность колхозного производства. Женщин в СССР приходится освобождать от тяжелых работ и всячески стимулировать резко снизившуюся рождаемость. В промышленности уже не удастся выезжать на краже передовой технологии у развитых стран Запада. Руководителей промышленности приходится убеждать разрабатывать и внедрять собственные технические новшества.

Впрочем, публичные заявления Андропова и его коллег вовсе не выражают особой озабоченности. "Да, у нас действительно имеются трудности и нерешенные проблемы, — говорил Андропов в 1980 году. — Но они связаны не с природой нашей экономической системы, а прежде всего с тем фактом, что мы не научились полностью использовать огромные преимущества, заложенные в социалистическом способе производства".

В общем, советская олигархия склонна все еще прибегать к полумерам, которые никогда не разрешат главных проблем страны. Эти проблемы будут существовать и усугубляться до тех пор, пока населению не будет предоставлена достаточная свобода инициативы. Но олигархи не могут пойти на это, так как сомневаются, что им удастся сохранить свою власть, если люди будут свободны в выборе формы правления и государственного устройства. Полчища кагебешников, охраняющих границы, — безусловно, не для того, чтобы отразить вторжение извне, а чтобы сделать невозможным массовое бегство населения, — красноречиво свидетельствуют о том, как олигархия боится показать народу хотя бы призрак свободы.

Не уверенная в собственном народе, боящаяся его, олигархия сохраняется только за счет тиранической формы правления. Она поступает в точности по рецептам Аристотеля, более чем 2000-летней давности. Аристотель писал, что ради прочности своей власти тиран должен духовно разобщить своих подданных; он должен внушить каждому гражданину, что никто, кроме правителя, не позаботится о нем, что он безнадежно одинок и отдан в полную власть всемогущему и вездесущему тирану. Самое главное средство духовного разобщения населения, говорил Аристотель, это — на шпиговать общество доносчиками. Страх, что беспощадное государство повсюду имеет глаза и уши, парализует возможность интеллектуального общения и, таким образом, исключает зарождение оппозиции.

Начиная со времен "Чека", тайная политическая полиция использовала шпигов и тотальный террор, чтобы парализовать самосознание большинства народа, внушить ему чувство безнадежности и беспомощности перед могуществом партии. Этот паралич привел к тому, что храбрые генералы, герои партийного подполья, лояльные ученые, художники, руководители промышленности и преданные партии офицеры разведки не воспротивились собственному уничтожению в ходе безумных сталинских чисток. Отцы и сыновья, матери и дочери, братья и сестры, друзья и товарищи боялись вступить за родных им людей, добрых знакомых, коллег. Все были запуганы, каждый был одинок.

Сегодня применяются более утонченные средства воздействия на советских граждан. Но основным средством изоляции продолжает оставаться все тот же страх, внушаемый тайной политической полицией — КГБ.

Относительно небольшое число граждан за последние годы позволило себе высказаться на заведомо запретные темы, и КГБ отреагировал с жестокостью, которая кажется до нелепости непропорциональной угрозе, какую представляли для системы эти граждане.

Хозяева КГБ имеют особый нюх на всякую потенциальную опасность. Открыто протестуя против несправедливости или тирании, советский гражданин, по существу, заявляет олигархам: "Вы можете делать со мной все, что вам заблагорассудится. Разорить мою семью. Бросить меня в концлагерь. Поместить в психушку и принудительным "лечением"

превратить в полуживотное. Но я больше не стану подчиняться вашим правилам игры. Меня больше не удастся запугать”. Тем самым протестант замахивается на самую основу советской системы, основанной на страхе. Олигархия понимает, что любое проявление бесстрашия, не пресеченное вовремя, подвергает систему нешуточной опасности.

Таким образом, власти должны постоянно полагаться на то, что тайная полиция увековечит этот страх, распознает, изолирует и подавит всякое проявление бесстрашия. Ради этого КГБ содержит чудовищную сеть осведомителей, сидящих в каждой щели советского общества. Инакомыслящих, которых не удастся вернуть к ортодоксальному поведению путем предостережений со стороны КГБ, ждут лагеря принудительного труда или психушки.

Имея дело со всем остальным миром, советская олигархия вынуждена вести с ним борьбу с позиций относительной слабости. Так повелось со времен Ленина. Так продолжается и сейчас. Правда, за шестьдесят с лишним лет своего существования советское государство обрело чудовищную военную мощь, хотя это и далось ему очень недешево. Подавив восстание в Восточной Германии (1953), венгерскую революцию (1956), ростки свободы в Чехословакии (1968) и поставив перед угрозой интервенции Польшу (1982), Советы показали миру, что они не остановятся перед применением военной силы, чтобы сохранить свою империю. Вторгшись в Афганистан, они продемонстрировали и нечто большее: они пойдут на завоевание силой оружия любой страны, которая, по их мнению, не сможет оказать эффективного сопротивления. Если они в один прекрасный день придут к выводу, что Запад не сможет или не захочет сопротивляться их военному вторжению, они, конечно, соблазнятся возможностью завоевать и государства Западной Европы. Но до тех пор, пока они сознают, что Запад все еще обладает равной или превосходящей военной мощью, они не решатся ни на какую акцию, способную привести к прямой военной конфронтации.

Советская олигархия все еще провозглашает, что всему человечеству суждено жить в коммунистическом обществе. Бывший государственный секретарь Соединенных Штатов Дин Раск как-то заметил: ”Демократии не верили, что диктаторы говорят то, что думают, и это неверие обошлось нам чрезвычайно дорого”. Прислушаться к тому, что говорит со-

ветский диктаторский режим, весьма невинно и, более того, поучительно. Но чтобы все правильно понять, требуется сначала изучить советский язык и советские формулировки.

Большинство американцев понимают слово "детант" именно в том смысле, как разъясняет его стандартный толковый словарь английского языка: "ослабление напряженных отношений или трений" между народами. Однако для Советов "детант" означает нечто иное: смягчение явного, видимого конфликта, но с одновременным усилением конфликта тайного, подспудного. "Разрядка (детант) ни в коей мере не означает возможности ослабления идеологической борьбы, — заявил Брежнев на заре детанта, в 1972 году. — Напротив, мы должны быть готовы к тому, что эта борьба станет более интенсивной".

Председатель Всемирного совета мира Ромеш Чандра, индийский коммунист и штатный советский агент, с полным пониманием выражающий официальную позицию Политбюро, высказался в 1976 году так: "Детант означает по существу изменение соотношения сил в мире — в пользу дела мира, в ущерб империализму... Неправильно было бы считать, что детант означает смягчение борьбы с империализмом; детант означает усиление этой борьбы, но только новыми средствами, с использованием более широких возможностей, с большим оптимизмом и большей уверенностью".

Советские официальные лица неустанно заявляют, что они жаждут мира, и эти их утверждения, несомненно, искренни. Но что представляет собой этот "мир"? В их понимании мир на данном отрезке истории вовсе не означает отсутствия конфликтов и войн. Полное прекращение последних возможно только тогда, когда коммунизм победит во всем мире. Тогда все окончательно уладится. Ведь еще Ленин предупреждал, что пока на земном шаре существуют капитализм и социализм, настоящий мир невозможен. "Национально-освободительные" войны и другие виды конфликтов не только неизбежны, но, более того, естественны и должны приветствоваться. Вплоть до окончательной победы коммунизма в мировом масштабе, подчеркивает "Правда", советское государство обязано считаться с необходимостью войн во имя мира.

Решения стратегического уровня и многие тактические шаги в этой тайной войне определяются самим Политбюро. Повседневная деятельность направляется штабом КГБ на Лу-

бянке, возле площади Дзержинского, в нескольких кварталах от Кремля. Этот штаб представляет собой шестиэтажное здание в стиле модерн, до революции принадлежавшее страховой компании. В качестве дополнения к нему в сталинские времена возведено еще одно здание, насчитывающее десять этажей. Наружный вид этого комплекса не меняется на протяжении десятилетий. Но внутри произошли существенные изменения.

В старой Лубянской тюрьме уже не слышно стонов пытаемых и обреченных на смерть. Пьяные исполнители уже не приставляют пистолеты к затылкам своих жертв и не бьют "врагов народа" кулаком по физиономии. Уборщицы уже не смывают то и дело кровь с каменных стен, не соскребают с паркетных полов зловещие пятна, из следовательских кабинетов не вывозят на тележке подследственных, потерявших сознание.

Теперь соответствующие функции, жизненно важные для советского государства, деловито переданы Лефортовской тюрьме, находящейся в черте Москвы, а также лагерям за пределами столицы и специальным отделениям психиатрических больниц. Лубянка, святилище террора и его символ, Лубянка, само название которой продолжает внушать ужас советским гражданам, подверглась реконструкции, что, впрочем, неизвестно широкой публике. Ее камеры, комнаты пыток и расстрельные подвалы сделались частью "центра", то есть главного штаба КГБ. Там, где героев партийного подполья, видных военных и самих сотрудников тайной полиции вынуждали сознаваться в самых чудовищных преступлениях (что, впрочем, не спасало от расстрела), теперь офицеры КГБ изо дня в день занимаются спокойной, будничной работой, и их не посещают кошмарные видения того, что происходило в тех же самых помещениях в относительно недавние времена.

Превращение тюремных камер в кабинеты сотрудников КГБ было вызвано, собственно, потребностью в дополнительной площади, поскольку число сотрудников этого руководящего штаба КГБ на протяжении 70-х годов неуклонно росло.* Кабинеты старого здания и нового, построенного при

* Автор не смог получить точных, поддающихся проверке данных о численности персонала КГБ. В беседах с ним бывшие офицеры этого ведомства заявляли, что они не в состоянии назвать даже приблизи-

Сталине, пришлось перегораживать и делить между новыми и новыми отделами и бюро, которые должны были сюда втиснуться. В начале и в конце рабочего дня мрачные, выкрашенные зеленой краской коридоры, усталые изрядно вытертыми красными дорожками и охраняемые вооруженными стражами, заполняются густой толпой, точно станции и переходы метро в часы пик.

”Центр” подвергся также значительной организационной перестройке. Например, Седьмое управление, на которое возлагались надзорные функции, в прошлом являлось придатком Второго главного управления, отвечавшего в основном за подавление инакомыслия в стране и за контрразведку. Теперь Седьмому управлению поручили бороться с крамолой самостоятельно и завести собственный аналитический отдел слежки за иностранцами и подозреваемыми советскими гражданами.

Пятое управление, образованное первоначально для того, чтобы разгромить диссидентов, ликвидировать самиздат (то есть распространение неподцензурной литературы), усилить контроль за религиозной деятельностью и ”поставить на место” евреев, по-прежнему считается самым гнусным подразделением КГБ.

Сотрудники этого управления все еще избивают своих ”подопечных” прямо на улице, среди бела дня, ”в назидание другим”. Правда, сейчас Пятому управлению разрешено, по своему усмотрению, наставлять инакомыслящих на путь истинный посредством увещаний и предостережений, прежде чем они будут отправлены в лагеря или психушки.

тельные цифры, так как аппарат КГБ подразделен на массу различных управлений, отделов и служб, и ряд сотрудников этих подразделений распределен по всей стране и всему миру.

В 1973 году две западные разведки оценили тогдашнюю численность аппарата КГБ в 90 тысяч офицеров и приблизительно 400 тысяч человек вспомогательного персонала — техников, секретарей, делопроизводителей, охранников, состава пограничных и специальных войск.

Число сотрудников, занятых в главном штабе КГБ в Москве, конечно, возросло за десятилетие, прошедшее с тех пор, и соответственно увеличилась численность персонала КГБ на периферии.

Количество осведомителей КГБ в пределах Советского Союза и агентов этого ведомства за рубежом, разумеется, в точности не известно. Оно должно составлять несколько сот тысяч человек.

В составе Первого главного управления, ведающего зарубежными операциями, был образован новый важный отдел — Двенадцатый. Вначале за вербовку иностранцев, прибывающих в Москву или работающих здесь, несло безраздельную ответственность Второе главное управление. За долгие годы такой деятельности оно добилось немалых успехов на этом поприще, зачастую прибегая к ловушкам и элементарному шантажу. Ему удалось завербовать как минимум двух послов западных стран и большое число журналистов, бизнесменов и научных работников. Но Второе главное управление продолжало пользоваться этими замшелыми приемами и тогда, когда настроения на Западе уже резко изменились и понимание роли СССР в мире заметно возросло.

Методы работы Второго главного управления приносили все меньший улов и все чаще давали обратный эффект. К тому же большинству его сотрудников не доставало знания иностранных языков и зарубежных обычаев, то есть того, что можно было постичь лишь живя за границей. Казалось бы, им уже удалось поймать вербуемую жертву в свои сети, достичь с ней "полного взаимопонимания", — но иностранец возвращался домой и выяснялось, что от взаимопонимания не осталось и следа.

Вновь образованный Двенадцатый отдел Первого главного управления не страдает этими недостатками. Он укомплектован старшими офицерами КГБ, хорошо зарекомендовавшими себя в ходе длительных тайных операций за рубежом. Эти офицеры вполне освоились с образом мышления иностранцев и привыкли чувствовать себя среди них совершенно непринужденно. Выдавая себя за представителей Академии наук, Торговой палаты или какого-либо университета, они вполне естественно выполняют эту роль и не вызывают подозрений у иностранных визитеров. Более того, такое "легальное прикрытие" позволяет им принимать от последних приглашения в ту или иную зарубежную страну. Приезжая туда, они, в свою очередь, заманивают в Советский Союз простаков, обработкой которых здесь займутся их коллеги.

Чрезвычайно характерной для Двенадцатого отдела фигурой можно считать, например, полковника Радомира Георгиевича Богданова, маскирующегося под научного работника — формально он является заместителем директора московского Института США и Канады. Будучи протеже генерала Бориса

Соломатина, который в 70-х годах был резидентом КГБ в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке, Богданов сначала получил задание, связанное с Индией. Дело было в 1957 году. Почти десять лет он занимался тут вербовкой индийцев, владеющих английским языком, помог довести Ромеша Чандру до кондиции полноценного агента, а сам в конце концов вроде бы сделался резидентом КГБ в Нью-Дели. Играя роль ученого, серьезно занимающегося Северной Америкой, Богданов посещает международные конференции в разных странах, рассчитывая поймать на удочку кого-нибудь из нужных американцев. Он появляется в Соединенных Штатах, встречается с конгрессменами на Капитолийском холме и пытается, правда безуспешно, получить разрешение "вести исследовательскую работу" в Стэнфордском университете.

Двенадцатый отдел — одно из немногих подразделений Первого главного управления, оставшихся на Лубянке, в то время как большинство отделов этого управления переехало в собственное здание, построенное за чертой города.

Приблизительно в пятнадцати километрах на юго-запад от Москвы, вблизи деревни Теплый Стан, от окружного шоссе отходит узкая дорога, углубляющаяся в густой лес. На съезде с окружной дороги виднеется предостерегающая надпись: "Стой! Проезд воспрещен. Водоохранная зона". Проехав метров двести, вы наталкиваетесь на милицейский пост. Здесь круглосуточно дежурят гебисты, одетые в милицейскую форму. Еще полкилометра и дорога кончается. Перед вами площадка для стоянки, где оставляют свои машины приезжающие сюда на работу сотрудники. Впрочем, большинство прибывает в служебных автобусах, отправляющихся каждое утро от пунктов сбора возле основных станций метро.

Подступы к этому тайному святилищу КГБ ограждены забором с колючей проволокой. Сотрудники проходят поодиночке через турникет, установленный в охраняемой проходной. Медная пластина на стене проходной сияет накладными позолоченными буквами: "Научно-исследовательский центр". Вооруженные вахтеры из охранного дивизиона КГБ — форма защитного цвета, голубые петлицы, голубой кант на обшлагах и брюках — вглядываются в пропуска: темно-желтые пластиковые прямоугольники с фотографией и выбитыми на каждом цифрами. Это коды участков, куда разрешен доступ владельцу пропуска.

Миновав проходную, нужно одолеть еще метров триста дорожки, обрамленной газонами и цветниками. И вот перед нами — здание Первого главного управления, спроектированное финскими архитекторами и построенное в значительной мере с использованием материалов и оборудования, доставленных из Финляндии. Напоминающее в плане трехлучевую звезду, это семиэтажное сооружение сверкает стеклом и алюминием. Его многочисленные окна обведены по периметру голубой каймой. Через двойную стеклянную дверь сотрудник попадает во внушительный, отделанный мрамором вестибюль, где вновь необходимо предъявить охране пропуск. В центре вестибюля — бюст Феликса Дзержинского со свежими цветами у подножия, сменяемыми ежедневно. В стороне — газетно-журнальный киоск. Центральную часть здания занимает мощный ствол шахты, в которой размещены лифты. За этим стволом — обширный кафетерий и буфет.

За рубль с небольшим сотрудник этого учреждения может получить первоклассный обед, включающий мясное блюдо. Обед приготовлен симпатичными молодыми девушками, набранными в окрестных деревнях. В буфете есть пиво, никаких других алкогольных напитков здесь не держат.

Первому главному управлению удалось в значительной мере искоренить традиционное пьянство в служебные часы, которое долго процветало среди сотрудников органов государственной безопасности. Эта традиция возникла с молчаливого согласия начальства, и укоренилась во время чисток 30-х годов, когда персонал, избивавший, пытавший и расстреливавший узников, нуждался в водке, чтобы заглушить в себе всякие чувства по отношению к жертвам.

Традиция распространилась и на новые поколения гебистов. И даже в шестидесятые годы многие офицеры часам к десяти утра собирались в буфете, чтобы пропустить первый за день стаканчик. Строгости в этом отношении начались только уже в 70-е годы. В этот период КГБ под нажимом партийной верхушки начал пачками увольнять пьянчуг.

Впрочем, офицерам по-прежнему разрешается пить во время перерывов на оперативных совещаниях, а в свободное время многие вообще напиваются до бесчувствия...

Этот подмосковный центр закинул свои тайные сети в самые отдаленные уголки земного шара. Партийные пропагандисты гордо именуют сотрудников КГБ, соорудивших эту

всемирную сеть, "бойцами невидимого фронта". Разумеется, сотрудники КГБ стараются оставаться невидимыми. Но в последние годы масштабы и интенсивность их тайной деятельности настолько возросли, что все большее число гебистов невольно обнаруживает себя. В результате перестают быть тайной цели этой войны, ведущейся фактически со всем миром, и вырисовываются ее существенные особенности.

В сентябре 1981 года из Египта было выдворено семь советских "дипломатов", включая самого посла, и два советских журналиста. Египетское правительство объявило, что Советы спровоцировали столкновения между христианами и мусульманскими фанатиками, переросшие в кровавую битву, которая стоила жизни семидесяти египтянам. При этом московские агенты работали рука об руку с местными левыми экстремистами и с "арабским государством, враждебным Египту", — несомненно, имеется в виду Ливия.

В феврале 1982 года два советских торговых представителя были высланы из Норвегии за попытку нелегально приобрести части американских истребителей Ф-16, производимых в этой стране. Они также неоднократно пытались вовлечь с помощью взяток норвежские фирмы в незаконные торговые сделки для снабжения Советского Союза передовой американской технологией.

В августе-сентябре 1980 года Пакистан выдворил около сотни советских граждан, уличенных в противозаконной пропагандистской и подрывной деятельности.

В феврале того же года два агента были высланы из Испании за нелегальную связь с запрещенными террористическими и революционными группами. В апреле 1982 года Испания выдворила еще двоих — за незаконные попытки воздействия на испанскую прессу и за связь с испанцами, замешанными в нелегальные операции по доставке в Испанию американского оружия.

Два советских агента в августе 1979 года были изгнаны из Коста-Рики — за подстрекательство масс к общенациональной забастовке.

В феврале 1978 года Канада объявила тринадцать советских граждан персонами нон грата: они пытались подкупить сотрудников канадской службы безопасности. В 1982 году из Канады был выдворен еще один гражданин СССР, пойманный с поличным при попытке вывезти контрабандой сверх-

современное оборудование, относящееся к технике связи.

В июле 1981 года три гебиста были выставлены из Малайзии. Они пытались завербовать в своих целях секретаря заместителя премьер-министра и снабдили его подслушивающим устройством, фотокамерами специального назначения и радиопередатчиком.

В августе 1981 года двум советским гражданам пришлось покинуть Бангладеш после стычки с сотрудником службы безопасности, уличившим их в попытке нелегального ввоза в страну оборудования электронного подслушивания.

В апреле 1979 года Либерия выслала трех советских агентов за подстрекательство населения к мятежу.

Из США за последние пять лет было выдворено пять советских граждан, обвиненных в шпионаже. В феврале 1982 года пришлось выслать советского дипломата, оказавшегося генерал-майором и работником ГРУ (военной разведки): ФБР выследило его, когда он получал секретные материалы от агента (дело происходило в районе города Вирджинии), и он был схвачен, прямо как в шпионском фильме, после головокружительной автомобильной гонки с преследованием.

В апреле 1983 года Великобритания выслала трех сотрудников ГБ, обвиненных в подрывной деятельности. Одновременно социалистическое правительство Франции, вынужденное к таким решительным действиям возросшей шпионской активностью КГБ, потребовало, чтобы страну покинуло в общей сложности 47 шпионов.

Факты тайной войны, развязанной КГБ против свободного мира, становятся достоянием гласности на все новых и новых судебных процессах. Так, в ноябре 1982 года британский суд приговорил к 38-ми годам тюремного заключения некоего Джеффри Прайма, сексуального извращенца, бывшего работника сверхсекретного коммуникационного и шифровального центра. Прайм был агентом КГБ начиная с 1962 года.

За каких-нибудь 15 месяцев — с октября 1981 года по январь 1983 — таможенная служба Соединенных Штатов произвела 1051 конфискацию запрещенных к экспорту стратегических материалов и оборудования, которые злоумышленники пытались нелегально вывезти из страны. Большая часть этой контрабанды, включающей объекты, относящиеся к "новейшей технологии", предназначалась для советского блока.

Где бы ни орудовали эти "бойцы невидимого фронта", против какой бы страны ни направлялись их непосредственные действия, "главным врагом" неизменно остаются Соединенные Штаты. Для усиления глобальной атаки на США извне и изнутри Андропов создал в середине 70-х годов чрезвычайный орган в составе КГБ — группу "Норд", состоящую из руководителей всех оперативных служб его ведомства. Упомянутые руководители встречаются не реже чем раз в месяц, чтобы скоординировать очередные акции всех форпостов КГБ, направленные на раскол союза западных держав, изоляцию Соединенных Штатов, подрыв их изнутри и ослабление решимости сопротивляться натиску Советского Союза.

Стратегия, которую они разрабатывают, все больше основывается на "активных операциях"; задачи, ставящиеся в этой области, отвечают ленинской тактике: "Мои слова рассчитаны на то, чтобы возбудить ненависть, отвращение и презрение... не на то, чтобы переубедить противника, а чтобы внести смятение в его ряды, не на то, чтобы поправить его, если он ошибается, а на то, чтобы его уничтожить, стереть его организацию с лица земли".

Да, именно на это и рассчитаны нынешние слова и дела КГБ.

Глава вторая ОФИЦЕР И ДЖЕНТЛЬМЕН

В августе 1981 года в Москве состоялось заседание военного трибунала, которому предстояло вынести приговор по делу майора КГБ Станислава Александровича Левченко. Это дело чрезвычайно волновало не только руководство КГБ, но и Политбюро. Поэтому следствие по нему велось в обстановке особой секретности. Обвинение представило нескольких свидетелей, но почти все доказательства вины обвиняемого были исключительно косвенными. Их, однако, оказалось достаточно, чтобы трибунал поспешно вынес приговор: майор Левченко виновен в государственной измене и соответственно приговаривается к высшей мере наказания — расстрелу.

Сейчас с людьми, осужденными советскими судами, обращаются более гуманно, чем в прошлом. Начальник тюрьмы вызывает приговоренного к смертной казни и с угрюмой корректностью информирует его, что Верховный суд отклонил его просьбу о помиловании. Впрочем, остается последний шанс: можно обратиться с личным заявлением на имя председателя президиума Верховного совета. "Садитесь и пишите, о чем вы его просите. Можете писать сколько хотите, но помните: чем короче, тем вернее".

Забирая написанное заявление с просьбой о помиловании, начальник тюрьмы заверяет, что оно будет немедленно отослано председателю президиума. Обнадеженного таким образом заключенного возвращают в камеру.

Но на этот раз охранник безо всяких объяснений ведет осужденного не тем путем, каким тот был доставлен из камеры. Как только они минуют тюремный медпункт, второй

охранник бесшумно возникает в боковом дверном проеме и стреляет осужденному в затылок из крупнокалиберного пистолета. Все обходится как нельзя лучше: никаких истерических сцен, пол запачкан лишь слегка, врач под рукой, и, чтобы констатировать наступление смерти, тело не требуется доставлять откуда-нибудь издалека.

Смертные приговоры военного трибунала приводятся в исполнение и так. Приговоренного со связанными руками, но без повязки, закрывающей глаза, выводят в тюремный двор или на парадный плац и ставят перед выстроенной здесь воинской частью, в которой он служил, либо перед группой его бывших коллег-офицеров, стоящих по стойке смирно. Как только офицер из трибунала зачитает смертный приговор, сзади к обреченному бесшумно приближается с пистолетом в руке "исполнитель". Страшное напряжение овладевает присутствующими. Обернется ли сейчас приговоренный, чтобы успеть увидеть, что с ним сию минуту произойдет? Но, успеет он обернуться или нет, это дела не меняет: исполнитель мгновенно всаживает ему пулю в голову. Именно так всегда делалось на Лубянке. И, уже испуская дух, осужденный оказывает партии последнюю в своей жизни услугу, являясь своего рода наглядным пособием в этом незабываемом уроке для присутствующих.

Без сомнения, именно так умрет майор Левченко, если КГБ удастся поймать его живым. В глазах КГБ никакое преступление не является более кошмарным и более опасным, нежели то, что совершил он.* Гнев КГБ в данном случае должен был бы обернуться особенно страшной местью еще и по-

* Чтобы предупредить случаи побегов, "центр" распространяет ложные сообщения, будто многих из беглецов на Запад "уже нет в живых", — подразумевается, что это КГБ так или иначе позаботилось об их уничтожении.

Конечно, вынесенные заочно приговоры следует принимать всерьез, и КГБ правомочно приводить их в исполнение, если ему удастся добраться за границей до осужденного. Но если за два последних десятилетия КГБ ни разу не удавалось ликвидировать кого-либо из своих сотрудников, бежавших на Запад, то объясняется это тем, что они изменили свою внешность и вообще оказались тщательно замаскированными, а также пользовались поддержкой соответствующих зарубежных служб и находились под их охраной.

тому, что Левченко считался образцовым сотрудником этого ведомства. Его личное дело выглядело настолько безупречным, что его начальство просто невозможно было упрекнуть в утрате бдительности, когда в 1975 году оно послало Левченко в Токио. Предвидеть роковые последствия этого назначения оно не могло.

К середине 70-х годов токийская резидентура входила в первую пятерку главнейших зарубежных гнезд КГБ, соперничая с нью-йоркской, женевской, парижской и нью-делийской. Япония — вторая крупнейшая промышленная держава капиталистического мира — стала наряду с США "целью № 1" во всей зарубежной деятельности КГБ. Помимо прочего, через Японию Советы получали большую часть секретной информации, касающейся Китая. И, наконец, КГБ рассматривал Японию как один из наиболее удобных районов, где можно было получать информацию об американской технологии и похищать промышленные секреты.

Конечно, в Токио, как и в остальных главных столицах мира, перед агентурой КГБ были поставлены и другие задачи, гораздо более важные, чем кража секретных чертежей. В первую очередь требовалось завербовать как можно больше политических деятелей, правительственных служащих, писателей, журналистов, художников, промышленников, ученых, — всех, кто бы так или иначе мог направлять японскую политику на пользу Советскому Союзу в ущерб Соединенным Штатам.

Намеченные для этой цели люди были людьми интеллигентными, незаурядными и требовали особого подхода. Поэтому КГБ в Токио нуждался в таких сотрудниках, которые бы ориентировались в тонкостях японской культуры, истории, обычаев, знали бы различные стороны жизни этой страны. Одним словом, он нуждался в людях, которые своей эрудицией, тактом и умением себя держать в обществе могли бы понравиться японцам. Именно таким и был Станислав Александрович Левченко.

Начиная с девятилетнего возраста Левченко посещал привилегированную школу, где большое внимание уделялось изучению английского. Некоторые из ее преподавателей жили какое-то время в Англии. Теперь они старались привить своим ученикам манеры английских джентльменов. Проучившись шесть лет на факультете востоковедения Московского

университета и занимаясь затем исследованиями, связанными с внешней политикой Японии, Левченко шесть раз побывал в этой стране и свободно говорил по-японски. Работая рука об руку с советским Комитетом сторонников мира, а в дальнейшем с Комитетом афро-азиатской солидарности, он показал себя умелым и тонким сотрудником, способным очаровать любого из иностранцев — от дезертиров из американской армии, оказавшихся за границей, до вожака ПЛО ("Организации освобождения Палестины") Ясира Арафата. Левченко достаточно хорошо владел пером, чтобы готовить международные комментарии для московского радио, статьи для журнала "Новое время" и рассчитанные на за границу декларации, которые подписывал лично Брежнев.

Да и облик Левченко соответствовал игре, для которой наметил его КГБ. Его слегка скуластое лицо с прямым носом, каштановые волосы и пытливый взгляд темных глаз в сочетании со стройной спортивной фигурой делали его весьма симпатичным молодым человеком — он был из тех, кто всегда к месту — и в дипломатическом салоне, и в изысканном ресторане, и в залах парламента.

КГБ не обнаружил в биографии Левченко каких бы то ни было изъянов или "идеологических отклонений", хотя он трижды проходил тщательную проверку. Первый раз — в 1966 году, когда советская военная разведка (ГРУ) начала готовить его к опаснейшему заданию в Англии, которое могло поставить мир на грань третьей мировой войны. В 1968 году Второе главное управление отозвало Левченко из ГРУ, чтобы использовать его в качестве своего агента. Объектом его деятельности должен был стать японский дипломатический персонал в Москве. В связи с этим Левченко подвергли вторичной тщательной проверке. И, наконец, года два спустя главное управление решило зачислить его в свой штат.

Каждая из проверок длилась несколько месяцев. На это время в квартире Левченко незаметно устанавливалась подслушивающая аппаратура, его телефонные разговоры записывались, за ним велась негласная слежка и к нему подсылали провокаторов. Непосредственно и через своих осведомителей КГБ скрупулезно изучал личность Левченко, расспрашивая его товарищей, родственников, соседей, — были разысканы буквально все, кто когда-либо так или иначе соприкасался с этим человеком.

Конечно, набралось какое-то количество компрометирующих слухов, мнений и даже фактов. Было неопровержимо установлено, что Левченко уединялся со своими коллегами женского пола в подвале огромного здания Комитета афроазиатской солидарности. Во время беспосадочного авиарейса Токио—Москва он уговаривал стюардессу отдаться ему в одном из отсеков, предназначенных для отдыха экипажа, и она, по-видимому, уступила ему. Более того, когда самолет уже приземлился в подмосковном аэропорту, эта пара вновь была обнаружена в том же отсеке. Некоторые из источников критически отзывались о Левченко как о человеке невыдержанном и порой не умеющем держать язык за зубами, так что перед началом последней проверки один видный сотрудник КГБ по-дружески предостерег его: "Ты иногда бываешь слишком откровенным с людьми. Но на ближайшее время я хочу тебе посоветовать: держи рот закрытым и, кстати, застегни наглухо штаны!"

Наверное, в его личном деле набрались и другие малоприятные факты. Но во всех случаях Левченко был признан достойным доверия своего ведомства. Поэтому надо думать, что все это были действительно мелочи и среди них не оказалось ничего такого, что могло бы поставить под сомнение его лояльность и пригодность для намечаемых операций. И решение руководства КГБ направить Левченко в Японию под видом журналиста и корреспондента "Нового времени" выглядело вполне логичным.

В последнюю ночь перед отъездом, в феврале 1975 года, Левченко взял такси и подъехал к православному собору рядом с одним из вокзалов. Выйдя и осмотревшись кругом, он заметил неподалеку постоянного наблюдателя от КГБ — молодого парня, сидевшего за рулем машины, как бы случайно остановившейся напротив собора. Направившись прямо к нему, Левченко вынул свое красное гебистское удостоверение:

— Где-то тут должен быть мужчина моего роста, в сером пальто и черной меховой шапке. Не заходил такой в церковь?

— Нет, товарищ лейтенант, за последние два часа одни только старухи...

— Ну, он мог проскользнуть незаметно. Это еще тот тип! Я пойду гляну, пожалуй...

Перед алтарем Левченко опустился на колени и произнес

ту же молитву, какую не раз повторял еще в прежние времена: "Отец наш Небесный, прошу Твоего участия и милосердия. Молю Тебя, прости мне грехи мои, наставь меня на путь истинный, укрепи во мне веру!"

Выходит, КГБ при всей своей дотошности и въедливости чего-то явно недосмотрел. Свое самое заветное Левченко скрывал от окружающих так тщательно, что никто, даже его жена, не догадывался, что он был верующим человеком. И уж конечно, никому не могло прийти в голову, что в душе он уже давно взбунтовался против советской системы, ненавидя ее за тот чудовищный путь, каким она вынуждает идти его родину.

Должно быть, это мировоззрение он унаследовал от отца, по профессии химика, по необходимости — армейского офицера. Станислав родился 28 июля 1941 года, в Москве, и его самое раннее воспоминание детства относится к 1944 году. В тот день отец подхватил его на руки и сказал ему что-то такое, чего он тогда не смог до конца понять: "Мама и обещанный тебе братик не придут домой, они умерли в больнице!"

Спустя четыре месяца он попал под грузовик и сам оказался в больнице с полураздавленным тазом. Теряя сознание от боли, мальчик услышал, как кто-то произнес над ним: "Нет, он не выживет..." Но женщина-хирург спасла его. Пролежав десять месяцев в больнице, он вернулся домой.

Постоянно навещая сына в больничной палате, отец Станислава подружился с Анастасией — так звали хирурга, и в конце войны они поженились.

Военное начальство назначило Левченко-старшего офицером связи в Белград. Возвратившись в конце 1947 года в Москву, он просил сына никогда и никому не говорить о том, что они были какое-то время за границей. На следующий год Сталин возобновил свои кровавые "чистки", и отцу пришлось настойчиво повторить свое предупреждение. Кроме того, он просил никому не рассказывать и о том, что у них дома есть иностранные книги. "Иногда приходится скрывать правду от некоторых людей, от посторонних, — сказал он. — Но перед самим собой надо всегда быть искренним".

Станислав вспоминает, что его отец не только проповедовал честность на словах, он и сам поступал всегда честно. Они жили в страшной тесноте, занимая одну комнату в коммунальной квартире, где, помимо них, было еще семь семей.

Однажды Станислав услышал, как мачеха убеждала отца использовать свои связи в военных кругах, чтобы там помогли ему с получением приличной квартиры. "А что делать тем, у кого нет таких влиятельных друзей? — возразил отец. — Нет, это было бы нечестно!" По тем же причинам он отказался воспользоваться протекцией для того, чтобы Станислава приняли в привилегированную школу с английским языком. "Пусть заслужит сам это право, пусть покажет себя на экзаменах". Правда, отец пригласил репетитора, чтобы помочь сыну в английском языке.

Левченко-старший был аполитичен. Он занимал должность начальника химической лаборатории в научно-исследовательском институте, принадлежащем военному ведомству, был автором учебников — и его интересы были сосредоточены на научной деятельности. Станислав никогда не слышал, чтобы отец критически отзывался о коммунизме, о партии или о ком-либо из советского руководства: он просто не высказывался на эти темы. Правда, у них дома хранились запрещенные труды дореволюционных историков. Бродя с сыном по букинистическим магазинам или гуляя в выходной день в парке, отец убеждал Станислава изучать всерьез историю и культуру России. От отца и из книг, которые были у них дома, Станислав узнал, что до революции в стране процветали науки, литература и искусство; из года в год собирались такие урожаи, что Россия обеспечивала хлебом не только себя, но и большинство стран Центральной Европы; Россия успела до революции создать собственную промышленность, уступавшую только таким странам, как Соединенные Штаты, Англия и Германия. Станислав унаследовал от отца его гордость за свою родину и его убежденный патриотизм.

Осенью 1953 года Левченко-старший, носивший тогда звание полковника, был выбран парторганизацией в качестве представителя от института на суд над Берией. Вернувшись поздно вечером домой, отец выглядел таким подавленным, каким Станислав никогда еще его не видел. Он наотрез отказался рассказывать о каких бы то ни было подробностях: "Это слишком жутко, чтобы говорить об этом. Невозможно поверить, что такие вещи могли происходить в нашей стране!" Именно тогда Станиславу впервые пришла в голову мысль, что Россия и Советский Союз — это далеко не одно и то же.

В 1954 году у Левченко-старшего врачи обнаружили рак, притом уже в неизлечимой стадии. Его сослуживцы — что было не вполне обычным явлением — обратились в Совет министров с ходатайством, чтобы умирающему присвоили генеральское звание. За три дня до смерти, уже в полубессознательном состоянии, он узнал, что произведен в генерал-майоры. Вскоре после его смерти семья Левченко стараниями тех же военных получила отдельную двухкомнатную квартиру.

Трудно понять, почему так произошло, но, оставшись вдовой, Анастасия вдруг воспылала бессмысленной ревностью к покойной матери Станислава: она сожгла все ее фотографии, уничтожила все до единой вещи, хоть как-то напоминавшие о ней, и официально усыновила мальчика. Это усыновление тогда казалось ему нелепой прихотью со стороны мачехи, но оно имело далеко идущие последствия. Из семейных документов были стерты записи, относящиеся к рождению Станислава, в частности самая опасная из них — то, что его мать была еврейкой.

Впрочем, сама Анастасия не давала подростку забыть об этом. Те самые черты в ее характере, которые позволяли ей уверенно командовать своим хирургическим отделением в больнице — энергия, решительность, нетерпимость ко всякому несовершенству, — делали ее невыносимым диктатором в семье. Измотанная работой, одинокая, лишившаяся мужа, без всякой надежды снова когда-нибудь выйти замуж, она порой срывала свои неудачи на сыне. Не в силах сдерживать себя, она могла яростно отшлепать его за ничтожную провинность, крича при этом: "Ты паршивый еврей, вот ты кто! Еврейство в тебя въелось, никогда тебе от этого не отмыться!"

Станислав, затаив обиду, мстил мачехе тем, что убегал на несколько дней из дому. Когда товарищи не могли приютить его у себя, он проводил ночи под открытым небом или где-нибудь в недостроенных домах. Потом в отношениях между мачехой и пасынком наступала полоса длительного перемирия, хотя и случались мелкие столкновения. Когда Станиславу было уже семнадцать лет, он как-то выдержал ее бурную вспышку, не отвечая ни словом, ни жестом, хотя она бешено колотила его, пока не выдохлась. Дождавшись этого, он сказал: "Никогда больше не бей меня, а то я боюсь, что не выдержу и дам сдачи".

Он ушел от мачехи, едва став студентом и, будучи на первом курсе университета, женился на восемнадцатилетней студентке. Жену его звали Елена. Дед Елены — по происхождению дворянин — задолго до революции примкнул к большевистской партии. Он получил юридическое и биологическое образование и в те предреволюционные годы выступал защитником на судах товарищей по партии. Его интересы как биолога лежали в сфере генетики. В Станиславе он распознал живой ум и отнесся к нему с чисто отеческим участием. За разговорами они нередко засиживались до глубокой ночи. Теперь уже не опасно было говорить о преступлениях сталинской эпохи, и старик рассказывал о том, что ему пришлось пережить, с беспощадной откровенностью.

Несмотря на свою преданность партии, он был в конце 30-х годов арестован, доставлен на Лубянку и осужден за то, что возражал против дурацких теорий биолога-шарлатана Лысенко, одного из сталинских фаворитов. На протяжении двух лет его мучали допросами о его мнимом участии в империалистических заговорах, нацеленных на подрыв советской науки. По непонятным причинам его не подвергали физическим пыткам, но он слышал крики тех, кого пытали в соседних камерах.

Его сосед по камере, литовец, обвинялся в создании диверсионной группы, которая будто бы намеревалась устроить подкоп под кремлевские стены, заложить в подземный ход взрывчатку и взорвать Кремль. Путем чудовищных пыток от него добились признания в таком преступлении. Подобные признания заставляли верить, что слова некоего палача из органов безопасности: "Дайте мне любого человека на одну ночь, и я заставлю его признаться, что он не кто иной, как английский король!" — не были пустой похвальбой.

Дед Елены рассказывал Станиславу об истинных причинах расстрела Тухачевского и других крупнейших военачальников. К концу 30-х годов Сталин уничтожил всю советскую военную элиту. Армия осталась без компетентного руководства — вот почему Гитлер с такой легкостью захватил за несколько месяцев половину территории европейской России.

— Я не могу этому поверить, — говорил Левченко.

— Как же не верить, — отвечал дед. — Хрущев сам все это признал и рассказал партийному съезду. Я сохранил эти газеты. На, почитай!..

По мнению деда, ужасы, которые довелось ему пережить, были вызваны не только безумными действиями Сталина — человека, страдавшего манией величия, как теперь вдалбливают народу партийные пропагандисты. Дело тут было скорее в неизбежных логических последствиях извращения марксизма, причем извратил его не Сталин, а еще Ленин. Именно Ленин создал систему тирании, предопределившую успех самих тиранов, — систему, которая существует только ради сохранения самой себя и привилегий правящего меньшинства. Эта система основана на терроре и может выжить лишь благодаря террору.

Этот террор то нарастает, то спадает, подобно волнам; он может приобретать новые разнообразные формы, но пока существует система, завещанная Лениным, то есть советская система, будет существовать и террор. Если его прекратить, система рухнет, лишенная своей главной опоры.

В библиотеке деда было собрание сочинений Маркса — разумеется, в русском переводе. Видя, что Станислав воспринимает подобные разговоры как кощунственные, дед настоятельно посоветовал ему почитать Маркса и сравнить его теории с окружающей советской действительностью. Конечно, Левченко не одолел все тома собрания сочинений Маркса, но и то, что он прочел, в сочетании с рассказами деда жены посеяло в его душе серьезные сомнения.

Его жизнь в этой семье была приятной и интеллектуально насыщенной. Он редко ссорился с Еленой, их связывала подлинная дружба. Но их отношения были скорее братскими, и это не устраивало обоих. Прожив вместе года два, они решили разойтись.

Прошел еще год с небольшим, и Станислав женился на совершенно необыкновенной девушке. Она была студенткой архитектурного факультета и звали ее Наташей. Лицом и фигурой она напоминала манекенщицу — так совершенна была ее внешность. Ее отец — специалист по лесоводству — служил в президиуме Академии наук. От родителей Наташи Станислав тоже услышал немало о преступлениях советской власти. Услышанное совпадало с тем, что говорилось в доме Елены. Многие друзья и родные Наташи и ее родителей, несмотря на свою верность партии, оказались в годы сталинских чисток на Лубянке и в лагерях. И многие годы Наташины родители тратили большую часть своих средств, чтобы помогать их осиротевшим семьям.

Но в начале 60-х Левченко еще верил, что, может быть, Хрущев и партия "преодолеют" это ужасное прошлое. В то же время, желая оставаться искренним с самим собой (как наставлял отец) и стараясь не закрывать глаз на истинное положение вещей, он не мог проходить мимо мелких, но зловещих фактов, вовсе не свидетельствующих о преодолении культа личности.

Как-то утром, в начале недели он встретил сокурсницу, которая пожаловалась: "Ужасно болит нога". Оказалось, что накануне она побывала на неофициальной выставке художников, устроенной молодыми энтузиастами на каком-то пустыре на окраине города. Вдруг подъехали машины, из них высыпали гебешники. Одни кинулись уничтожать выставленные картины, другие разгоняли и били художников и собравшихся зрителей. Позже Левченко узнал, почему так болела нога у его сокурсницы: в тот день ей сломали ногу.

Время от времени из университета исчезали студенты. Обычно это были те, кто вслух высказывался за ту или иную экономическую реформу, которая, по их мнению, назрела. Они пропадали бесследно, и о их судьбе ничего нельзя было разузнать. Но уж вовсе невыносимой была ложь повседневности, в которой Станислав сам вынужден был участвовать, хотя и считал это "беспредельным цинизмом".

К 1962 году он уже довольно хорошо говорил по-японски — ведь за плечами у него было три года учебы на восточном факультете. И теперь его иногда привлекал для сопровождения приезжающих в СССР японцев Международный отдел ЦК. Инструкции, которыми снабжали всех работающих с иностранцами, предусматривали ответы на всевозможные вопросы простодушных иностранных гостей.

— Почему у вас заставляют женщин делать мужскую работу? — спросил его как-то молодой японский социалист. — Мы у себя никогда бы не позволили женщинам носить кирпичи или собирать мусор.

— Социализм, — втолковывал Левченко японцу, — не допускает дискриминации женщин, и советские женщины требуют полного равноправия с мужчинами, в том числе и права выполнять ту же работу, что и мужчины. Вот почему у нас так много женщин-ученых, инженеров, преподавателей.

— Но я видел из окна поезда, как старые женщины носили тяжелые железнодорожные шпалы. Я просто удивляюсь, от-

куда у них берутся силы. У них был совершенно изможденный вид...

Станиславу пришлось изобразить возмущение:

— Неужели вы это видели собственными глазами?! Пойдите-ка... сейчас я достану блокнот. Повторите, пожалуйста, чтобы я мог точно записать, когда и где это происходило. Я сейчас же сообщу об этом в совет профсоюзов той области. Будьте уверены: виновников такого безобразия строго накажут. Это прямой долг наших свободных профсоюзов: ни при каких обстоятельствах не давать трудящихся в обиду!

На последнем курсе университета Левченко добровольно в течение трех месяцев занимался несколько необычным делом: находясь все это время на борту советского патрульного судна в Японском море, он участвовал как переводчик в допросах японских рыбаков, задержанных в советских территориальных водах. Он показал себя с такой хорошей стороны, что Министерство рыбного хозяйства после окончания им университета — дело было в 1964 году — закрепило его за собой. Впрочем, Международный отдел ЦК КПСС продолжал время от времени привлекать его как переводчика к выполнению разовых заданий, а в 1965 году предложил ему постоянную работу в Комитете защиты мира.

Эта организация совместно с Комитетом солидарности с народами Азии и Африки, куда в дальнейшем перешел работать Левченко, начала активную антиамериканскую кампанию. Ее цель заключалась в том, чтобы вынудить США бросить Юго-Восточную Азию на произвол судьбы, после чего весь этот район неминуемо подпал бы под коммунистическое господство. Левченко тогда искренне верил в справедливость этого дела. В его представлении Америка обнаружила свою агрессивную сущность, набросившись на нищих, безоружных и беззащитных вьетнамских крестьян, применяя против них самое современное оружие. И, конечно, он безоговорочно поддерживал официальные цели своего Комитета — борьбу за дело мира и за ядерное разоружение.

Оба Комитета — и защиты мира, и солидарности с народами Азии и Африки — содержались в значительной степени на средства, выжимаемые партией из русской православной церкви, и на пожертвования, которые демонстративно делались видными писателями, спортсменами и т.п. во имя "дела мира". Церковь убеждала и рядовых прихожан жертвовать

их трудовые копейки на то же пресловутое "дело мира", и безуспешно. Бывали случаи, когда прихожане расставались во имя мира со своими фамильными драгоценностями. Люди легко поддавались на пропаганду, и иной раз жертвования приобретали комический характер. Левченко помнил, например, одну старушку, которая принесла в Комитет цыпленка, полагая, видимо, что он будет отправлен голодающим Вьетнама или какой-нибудь другой страны.

На самом же деле Комитет солидарности с народами Азии и Африки использовал значительную часть жертвований на то, чтобы приобретать оружие и военное снаряжение для так называемых национально-освободительных движений в Африке и на Среднем Востоке.

Левченко видел, что партия эксплуатирует точно так же, как церковь, и советский Красный крест. Чтобы расположить к себе московских корреспондентов зарубежных коммунистических газет, Международный отдел ЦК предоставлял им бесплатных помощников и выплачивал ежемесячные субсидии в размере трехсот рублей. Но Международный отдел, разумеется, не хотел, чтобы журналисты знали, что эти блага исходят от партии или советского государства. Поэтому все это делалось за счет Красного креста. Люди, платящие взносы в эту организацию, и не подозревали, что их деньги идут на подкуп зарубежных журналистов.

Оба Комитета, а с ними и еще несколько подопечных Международного отдела ЦК размещались в старинном особняке в доме номер 10 по Кропоткинской улице. Здесь Левченко и его сослуживцы трудились по двенадцать часов в сутки, шесть дней в неделю стряпая пропагандистские материалы, организуя демонстрации и готовя инструкции для зарубежных фронтов советского государства. Вся эта деятельность в сущности была направлена на то, чтобы создать иллюзию народного гнева в разных странах — гнева, направленного на американцев, ведущих войну во Вьетнаме.

После такого дня во имя "дела мира" можно было и развлечься. Иногда Левченко присоединялся к компании сослуживцев, спускавшихся в подвал особняка, где располагалась фотолаборатория. Комитетский фотограф, пятидесятилетний старый холостяк, наловчился ловить голубей. Прикрепив кусочек хлеба к длинной бечевке, он одного за другим заманивал голубей в свой подвал и, свернув им шею и ошипав до

последнего перышка, тут же зажаривал на вертеле. Жареные голуби отлично шли под водку. После такого изысканного ужина присутствующие привычно разбивались на парочки и расходились в поисках дальнейших удовольствий. Впрочем, по прошествии нескольких месяцев эти трапезы сделались более редкими, а там и вовсе сошли на нет: защитники мира съели в своем районе всех голубей.

Весной 1966 года Левченко как-то позвали к телефону. Сам по себе телефонный звонок был весьма ordinary — обычный вызов в военкомат. Но в военкомате Станислава поджидал некто в гражданском костюме, представившийся как полковник из ГРУ (военная разведка).

— Здесь разговаривать неудобно, — заметил полковник. — Выйдем отсюда.

Они долго прохаживались по объятному покоем и миром парку, среди благоухающих цветов. Полковник откровенно говорил о подготовке к войне. Когда станет ясно, что война вот-вот должна разразиться, Советский Союз намерен забросить в страны Западной Европы своих разведчиков и диверсантов. Они будут сброшены на парашютах или высажены в прибрежных районах с подводных лодок. Левченко знает английский язык, изучал Англию в своей специальной школе, поэтому ГРУ намерено подготовить его к выполнению задания в окрестностях Ливерпуля.

— Не хочу вас вводить в заблуждение, — продолжал полковник. — Когда вас забросят туда, вам едва ли удастся продержаться дольше нескольких дней. Потом — смерть. Вам надо обдумать это предложение, вы вправе свободно решать, и, если откажетесь, это никак не запятнает вашу биографию. Ну, а если согласитесь, — значит, вы достойный сын нашей великой Родины...

Левченко дал согласие, не раздумывая.

Тем же летом его призвали на военные сборы. В течение шести недель он ежедневно являлся на учебу, и офицеры военной разведки обучали его тайнописи и шифрам, радиоператорскому мастерству, распознаванию на местности складов ядерных боеприпасов и прочим премудростям, необходимым разведчику. На следующее лето, проходя военные сборы в Подмосковье, он прыгал с парашютом с вышки, тренировался в умении выживать "на подножном корму", в стрельбе из ручного оружия, в ориентировке на местности.

Ливерпуль интересовал советское военное ведомство как один из важнейших портов Великобритании. Один из офицеров подробно ознакомил Левченко с особенностями этого города и, главным образом, района доков. Станиславу предстояло засесть здесь все данные, связанные с перемещениями военных кораблей и воинских частей. Вот когда ему должны были пригодиться знания, накопленные при изучении фотоснимков различных видов английского вооружения, как ядерного, так и обычного. Ему четко объяснили: с того момента как он ступит на британскую землю, ему придется полагаться только на себя и действовать в одиночку.

— А как я выберусь оттуда? — спросил он.

Инструктор помедлил с ответом.

— Ну, когда вы там окажетесь, вам дадут знать... всему свое время.

Оба рассмеялись: было ясно, что его готовили на роль смертника.

Предполагалось, что в дальнейшем Левченко придется время от времени проходить краткий курс дополнительного обучения, чтобы освежить свои знания и получить новую информацию взамен устаревшей. Офицеры ГРУ произвели на него впечатление смелых людей, которые с пренебрежением относились к КГБ и были далеки от всепроникающей партийной демагогии. Казалось, они всецело поглощены делом защиты отечества. Станиславу льстило то, что и его сочли достойным работать в ГРУ. И если бы ему было позволено остаться в этом ведомстве, его идеологические разногласия с советской системой, вероятно, постепенно бы стерлись.

Но вот как-то в начале 1968 года, после сытного, с обильной выпивкой обеда в ресторане, офицер ГРУ смущенно сказал ему, что отныне он переходит в ведение Второго главного управления КГБ. Левченко оскорбленно запротестовал, но его собеседник ответил: "Мы тоже возражали. Но нам приходится слушаться КГБ. Так что и тебе придется подчиниться".

Левченко должен был явиться в один из номеров гостиницы "Берлин", рядом с площадью Дзержинского. Эта гостиница давно была облюбована Вторым главным управлением, которое установило подслушивающую аппаратуру в каждом номере и оборудовало ею каждый стол в гостиничном ресторане и баре. С помощью волоконно-оптических световодов,

вмонтированных в потолки, оперативные работники могли подглядывать за всеми действиями иностранцев, которых поселял в эту гостиницу "Интурист", и фотографировать их. Наиболее пикантные фотографии, полученные таким путем, часто ходили по рукам во Втором главном управлении, забавляя его офицеров.

В гостинице Станислава ждал полковник Азизов — смуглый с сардонической усмешкой татарин, посасывающий трубку. Левченко счел нужным сразу же заявить ему, что не станет работать осведомителем. Азизов усмехнулся: "Конечно же нет, дорогой товарищ! У нас для этого дела хватает жополизов. Их на любой улице больше, чем мусора. А вас мы считаем интеллигентным человеком и приготовили для вас настоящее дело. Вы нам поможете в борьбе с серьезным противником. С японцами!"

Техники из КГБ так на шпиговали подслушивающей аппаратурой японское посольство и квартиры японских дипломатов, а установленные там микрофоны обладали такой чувствительностью, что фиксировался любой звук, даже шепот или падение капель из крана. Это позволило КГБ следить за каждым шагом дипломатов и постепенно нащупывать их человеческие слабости. Заметив, что один молодой дипломат никогда не встречается с женщинами, КГБ пришел к выводу, что имеет дело с гомосексуалистом.

— Теперь нам придется отловить парочку гомиков, — сказал Азизов.

— То есть, как? — переспросил Левченко.

— А очень просто. Мы их всех знаем наперечет, и, когда требуется, мы нескольких арестовываем и ставим перед выбором: тюрьма, где они скоро загнутся, или возможность наслаждаться своим вывихом, служа при этом отечеству. Они, конечно, всегда выбирают последнее.

Полковнику казалось, что он рассказывает нечто забавное.

Это, однако, было далеко не все, с чем Левченко столкнулся на новой работе и что называл про себя "безграничным цинизмом". Офицеры Второго главного управления подтвердили слухи, которые он считал невероятными. Да, диссиденты, недовольные и прочие идеологические саботажники проходят обработку в психушках. По определению, всякий, кто не в состоянии приспособиться к советской действительности, психически нездоров. Заточение смутьянов в психушки поз-

воляет обойтись без "вещественных доказательств", "улик", "свидетельских показаний", очных ставок, которые были бы необходимы, чтобы отправить эту публику в лагерь. К тому же в психушках пытка проводилась с помощью лекарств и оказалась намного более действенной. Кроме того, она не расстраивала нервную систему палачей, как прежние зубодробительные методы. Это было именно то, что предсказывал дед Елены: террор продолжается, только в ином обличье.

Сопровождая иностранцев, гостей Комитета солидарности с народами Азии и Африки, Левченко объехал большую часть Советского Союза. Он показывал им образцовые заводы, колхозы, больницы, школы, ясли, содержащиеся специально для демонстрации таким визитерам. Иностранцы просто не могли увидеть обычные колхозы, где урожай гнил на корню, а бездействующая техника ржавела, брошенная под открытым небом. Не могли они видеть и заводы, остановившиеся из-за отсутствия сырья или комплектующих деталей. Ничего не знали о санэпидстанциях первой помощи или жилых домах без канализации. Их оберегали от вида очередей перед дверьми магазинов с вечно полупустыми полками. Левченко и его коллеги, силясь утаить от гостей действительные условия жизни большинства советских граждан, вечно находились в напряжении. И это было унижительным.

Моральное состояние Станислава еще более ухудшалось из-за поездок в Японию, которые выпадали на его долю по линии Комитета солидарности с народами Азии и Африки чуть ли не каждый год. Всякий раз он возвращался домой под впечатлением бурного роста японской экономики, заполонившей улицы автомобилями, а магазины — продовольствием, одеждой и непрерывно растущим потоком великолепных, новых, невиданных в СССР изделий. Так вот она какова, экономика общества, над которым не висит топор всемогущего КГБ, где людей не бросают в психушки и лагеря принудительного труда!

К 1968 году, когда советская власть отпраздновала уже полустолетний юбилей, Левченко вполне утвердился во мнении, что большевистская революция оказалась лишь жалким подражанием революции 1789 года во Франции. Он считал, что никакая другая революция не принесла столько несчастий народу, который она взялась "освободить".

Но выхода он не видел. Противопоставление себя системе

способно привести только в лагерь или психушку. Он даже подумывал одно время о самоубийстве, но решил, что это слишком трусливый выход из положения. И в довершение всего — он не смел ни с кем поделиться своими мыслями.

Вот тогда-то он и обратился к религии. На протяжении столетий христианство было неотъемлемой частью российской истории и культуры. Водя иностранных гостей по церквам и соборам, Станислав находил православную службу величественной и прекрасной, видел просветленные лица верующих. Когда и как он сделался одним из них? — это осталось неизвестным, кажется, даже ему самому.

Стараясь быть искренним с самим собой, он сознавал противоречие между религиозной верой и служением политической системе, которая высмеивает его Бога. Он пытался найти какой-то рационалистический компромисс: он должен жить с этим раздвоением в душе; быть может, его работа пойдет на пользу русскому народу; возможно, неудачи, которыми ознаменовалось нынешнее правление, вынудят систему пойти на необходимые изменения. Но ни один из этих доводов не казался ему самому убедительным. Кончилось тем, что он еще глубже ушел в работу, чтобы меньше думать.

Его служебное рвение в сочетании с природными способностями не остались незамеченными начальством и, возможно, привлекли внимание Первого главного управления. В январе 1971 года, хмурым студеным вечером, подполковник КГБ, курирующий Комитет солидарности с народами Азии и Африки, пригласил Станислава где-нибудь выпить после работы. Подполковник заговорил со Станиславом вполне откровенно — точно так же, как полковник из ГРУ три года назад. На все Первое главное управление и на него лично Станислав и его биография произвели самое благоприятное впечатление. Второе главное управление — это, в сущности, гнусная лавочка. Оно занимается главным образом преследованием собственного народа. Но Первое главное управление — совсем другое дело: Это управление помогает народу, поставляя стране новейшую зарубежную технологию и военные секреты, существенно важные с точки зрения национальной безопасности. "Вот это — действительно мужская работа! Вы узнаете здесь такие вещи, в какие посвящены считанные специалисты на всем земном шаре. Каждый день вы будете узнавать захватывающие секреты."

Неизвестно, что сыграло тут большую роль: профессиональное превосходство Первого главного управления, личная проницательность полковника или перст судьбы, но так или иначе Левченко согласился стать штатным сотрудником КГБ.

Подмосковные леса вовсю зеленели и дышали свежестью, когда июньским утром 1971 года он впервые выскочил из служебного автобуса у ворот разведшколы, что находится рядом с Волоколамским шоссе, за деревней Юрлово.

Здесь за двухметровой желтой каменной стеной, по верху которой натянута колючая проволока, скрывается четырехэтажное кирпичное здание с множеством классов, канцеляриями, библиотеками — отдельно для секретной и для несекретной литературы, — спальнями, буфетом и амбулаторией. В подвале — хорошо оборудованные спортзал, плавательный бассейн и тир. Участок патрулируется сержантско-старшинским составом войск госбезопасности. Все охранники носят гражданскую одежду, вооружены макаровскими пистолетами, а по ночам им в помощь придаются немецкие овчарки. По окончании занятий каждое помещение школы закрывается на ключ, запечатывается, и специальные датчики, связанные с сигналом тревоги, следят за тем, чтобы ни одно живое существо не могло проникнуть в здание.

В классе Левченко было 120 человек. Не менее двух третей составляли свежие выпускники Института международных отношений, МГУ и подобных престижных вузов, остальные были набраны из разных гражданских учреждений или из подразделений КГБ. Многие владели по меньшей мере одним иностранным языком.

Класс делился на семь секций, каждую курировал военный в звании полковника. Левченковскому полковнику было под шестьдесят; этот седовласый подтянутый человек относился к своим подопечным с отеческой теплотой. Он разъяснил им, что они будут находиться здесь под неусыпным контролем. "Контролерами" являются сам полковник, преподаватели и "прочие" (то есть стукачи, которыми прослоен состав слушателей). К концу учебного года полковнику придется писать подробную характеристику на каждого слушателя, которая важна уже хотя бы потому, что будет вечно храниться в его личном деле. "Эта характеристика будет сопровождать вас всю жизнь, вплоть до выхода в отставку, — предупредил полковник. — Каждый, кто станет заглядывать в ваше личное де-

ло, первым делом наткнется на нее. Так что вы должны постараться, чтобы характеристика оказалась без сучка, без задоринки”.

Другой полковник, собрав всех слушателей, объявил режим дня и перечислил школьные правила. Занятия начинаются в 8 утра и идут шесть дней в неделю. Первый час посвящается физподготовке: бегу по пересеченной местности, упражнениям на снарядах, плаванию, борьбе. Классные занятия идут с 9-ти до 2-х, затем часовой перерыв на обед, снова занятия с 3-х до 6-ти, и, кроме того, три вечерних часа отводятся на самостоятельную подготовку. Женатые слушатели, живущие в Москве и ее окрестностях, могут проводить субботние вечера и воскресенья дома; вообще же все свободное время слушатели должны использовать для чтения или упражнений по программе. Приносить и распивать алкогольные напитки в помещении школы не разрешается.

Слушателям запрещается упоминать свои настоящие фамилии как в разговоре друг с другом, так и с кем бы то ни было из преподавателей: они должны обращаться друг к другу, называя присвоенные им вымышленные фамилии (Левченко стал называться Ливенко). Так же будут обращаться к ним преподаватели и администрация. Отношения между слушателями должны быть товарищескими, но соображения безопасности исключают тесную дружбу и обмен деталями личной биографии, адресами, фотографиями и так далее. Слушатели могут бывать в близлежащей деревне, но ходить туда в одиночку запрещается — только вдвоем, и задерживаться там не следует. Не разрешено также собираться за пределами школы на пикники, праздничные обеды и т.д.

Когда начались спецкурсы, Левченко обнаружил, что он подготовлен лучше, чем большинство его товарищей. Сказалось то, что было им получено в ГРУ. Кроме того, в Комитетах защиты мира и солидарности с народами Азии и Африки он научился составлять доклады, писать статьи и готовить радиопередачи. Поэтому он не встретился с особыми трудностями при составлении образцов разведдонесений, которые строились по четким логическим правилам. Его неоднократные командировки за рубеж дали ему значительную практику в английском и японском, так что, в отличие от многих, он не нуждался в помощи со стороны преподавателей иностранных языков. Углубившись в теорию и практику разведы-

вательной работы, он как бы шагнул с периферии в самую сердцевину реального мира шпионажа. Теперь он начал находить смысл и даже известное благородство в деятельности, которую раньше считал глупой, малозначительной и грязной.

Чтобы продемонстрировать слушателям необходимость тайной войны, преподаватели широко знакомили их с эпизодами из истории разведки, разъясняя далеко идущие последствия каждого такого эпизода. Левченко был прямо-таки потрясен впервые услышанной им здесь историей советского проникновения в тайны "Манхаттенского проекта". Таким кодовым названием американцы зашифровали разработку и производство первых атомных бомб. Хотя это предприятие являлось самым крупным по масштабам и самым сложным и дорогостоящим из всех, какие когда-либо затевались в области науки, техники и промышленности, американцам удалось полностью утаить его от немцев и от японцев. О том, что атомное оружие уже существует, ни те, ни другие не догадывались до того дня, когда под грибовидным облаком чудовищного взрыва рухнули стены Хиросимы. А между тем в СССР ученые благодаря советской разведывательной агентуре все время были в курсе американских исследований и разработок. Когда американцы взорвали в пустыне под Аламогордо свое первое атомное устройство, Советы, не проводя никаких подобных экспериментов, уже имели в распоряжении чертежи, позволившие им начать подготовку к производству собственных атомных бомб. Украденная у американцев информация дала возможность сократить срок создания советского атомного оружия на несколько лет. "Несколько лет! — подчеркнул преподаватель, — в течение которых в противном случае мы бы полностью зависели от милости Америки!"

Левченко испытывал чувства восхищения и благодарности к тем, кто избавил свою родину — его Родину! — от такого опасного риска. Те же чувства охватили его, когда он услышал о деятельности Филби. Преподаватель лаконично сообщил, что Гарольд А.Р. (Ким) Филби находился в числе нескольких студентов Кембриджского университета, завербованных советской службой безопасности в 30-е годы. Личное обаяние, интеллект, аристократическое происхождение, а также необходимая советская опека позволили Филби сделать такую головокружительную карьеру в британской разведке, что некоторые его коллеги полагали: еще немного, и он ста-

нет ее главой. Во время второй мировой войны Филби и другие советские агенты в "Фореин офисе" отклонили предложение антигитлеровских элементов в Германии, добивавшихся заключения тайного союза с Англией. После войны Филби избавил своих советских друзей от чрезвычайных неприятностей, дав им возможность схватить полковника разведки, пытавшегося перебежать к англичанам (дело происходило в Турции). Назначенный на должность координатора деятельности английской и американской разведок в период, когда ЦРУ было только сформировано, Филби, действуя на собственный страх и риск, "спас" Албанию, предупредив Советы об англо-американском плане свержения коммунистического правительства в этой стране. Преподаватели разведшколы многозначительно намекали, что еще не пришло время рассказать обо всех подвигах Филби и его агентурной группы, но что СССР "обязан ему очень, очень многим".

Однако больше всего воображение Станислава поразила история Рихарда Зорге. Этот человек родился в России. Отец его был немец, мать — русская. Он начал работать в советской разведке еще в юные годы. В качестве корреспондента солидной немецкой газеты Зорге был направлен в 1934 году в Токио. Перед ним поставили задачу: создать агентурную сеть, участники которой получили бы доступ в правительственные круги Японии. В Токио Зорге сблизился со многими служащими тамошнего германского посольства и сумел войти в доверие к японским лидерам, которые принимали его за неофициального эмиссара нацистской Германии. Летом 1941 года, когда германские армии рвались к Москве, Зорге оказался в курсе дебатов, разгоревшихся среди японского руководства: должна ли японская империя расширять свою территорию за счет советской России (то есть двинуться на просторы Сибири), или ей выгоднее начать сражения с американцами и англичанами на Тихом океане. Советский генштаб, Сталин да и сам Зорге — все прекрасно понимали, что от решения японцев зависит судьба Советского Союза. Чтобы остановить немцев, Советы отчаянно нуждались в свежих войсках, которые неоткуда было взять, кроме как с Дальнего Востока. Но на оголение дальневосточных границ нельзя было пойти, пока японцы колеблются, на каком варианте агрессии им остановиться: это значило бы спровоцировать Японию на вторжение в Сибирь.

В августе 1941 радист, помощник Зорге, отстучал азбукой Морзе одно из самых важных донесений за всю историю военной разведки: японцы выбрали в перспективе "южное", а не "северное" направление агрессии — удар по владениям Соединенных Штатов в Тихом океане. Советы немедленно начали массовую и поспешную — и потому беспорядочную — переброску своих сибирских дивизий на запад. Примерно 500-тысячная армия прибыла на советско-германский фронт как раз вовремя, чтобы отбить немецкое наступление, уже непосредственно угрожавшее Москве. Сотни тысяч бойцов погибли, спасая Москву, но в конечном счете она была обязана спасением одному-единственному человеку, действующему вдалеке от театра военных действий — агенту-одиночке, которому спустя три года суждено было погибнуть на виселице в неизвестной японской тюрьме.

Преподаватели разведшколы, разбирая выдающиеся разведывательные операции прошлого, затрагивали и подчеркивали их профессиональные, специфические особенности, что заставляло слушателей, и в том числе Левченко, видеть в них в первую очередь не романтические шпионские истории, а серьезные практические уроки на будущее.

Каждая из этих операций удавалась потому, что советская разведка готовилась к ним основательно и заблаговременно, еще не представляя себе сколько-нибудь конкретно, какой выигрыш ожидает ее в будущем. Когда Зорге, Филби и физик-атомник Клаус Фукс, в ту пору совсем молодые люди, были впервые завербованы Москвой, никто не мог предвидеть, что один из них в критический для Советов момент станет пользоваться неограниченным доверием членов японского правительства, руководителей британской разведки или "Манхаттенского проекта". Ради успешного выполнения этих операций в течение многих лет беззаветно работало множество людей, так или иначе причастных к разведке, — начиная от безымянного связного и кончая высшим начальством, осуществлявшим руководство из "центра". Ни одна из этих операций не привела бы к успеху, если бы агенты вербовались лишь в тот момент, когда в них возникала необходимость. Так вот, заключали преподаватели, выявление, вербовка, постепенное внедрение агентов и продвижение их по линии легальной службы — самая важная из задач, стоящих перед сотрудниками Первого главного управления.

Все агенты, работающие за границей, условно делятся как бы на два типа. Одни — это те, кто имеет доступ к политическим, научным или промышленным секретам. Другие — влияющие на принятие решений государственной важности и политику страны, в которой они находятся. В принципе, более ценны последние. Какими бы важными ни оказались для СССР похищенные в Америке атомные секреты, гораздо интереснее было бы иметь в США агентов, способных повлиять на американское правительство и убедить его отказаться вообще от "Манхаттенского проекта". По крайней мере до тех пор, пока атомное оружие не появится у Советского Союза. Чем больше у вас влиятельных агентов, тем больше шансов успешно манипулировать действиями других государств. Поэтому, сколько бы влиятельных агентов ни работало на вас, всегда надо стараться умножить их число.

В обычных вооруженных силах офицер может напряженно готовиться к военным действиям, всю жизнь совершенствовать то, что называется боевой выучкой и, однако, ни разу не принять участие в боевых действиях. Напротив, сотрудник Первого главного управления непосредственно воюет на невидимом фронте начиная с того момента, когда он попадает в чужую страну. Сколь бы обиденными и непродуктивными ни выглядели там его обязанности, все они — существенный вклад в непрекращающиеся боевые действия. И, кроме того, всегда есть шанс, что очередной агент, которого вербует или опекает офицер из Первого главного управления, станет со временем вторым Фуксом, Зорге или Филби.

Проникшись этими соображениями, Левченко нашел, что называется, цель жизни. Существование мирового зла, воплощенного прежде всего в образе Америки, заставляет считать, что война в защиту Советской России неизбежна. В этих условиях Первое главное управление представляет собой форпост российской обороны. Преподаватели разведшколы подводили слушателей к убеждению, что тактика тайной войны приносит чрезвычайный эффект и, следовательно, имеет моральное оправдание. Точно так же, как всегда считалось морально оправданным уничтожение врага на поле битвы. Невольно повторяя слова подполковника КГБ, приглашавшего его на работу в Первое главное управление, Левченко говорил себе: "Да, это возвышенная цель. Это — настоящее дело

для мужчины!” Лекции, посвященные методам работы иностранных разведслужб и контрразведок, оставили у него чувство, что он непосредственно участвует в подготовке к надвигающейся третьей Отечественной войне. Еще более усилилось его восхищение теми, кто уже сегодня находится на переднем крае битвы.

Как-то раз в школе появился генерал из Второго главного управления, чтобы прочесть лекцию о новейших методах деятельности ЦРУ в Советском Союзе. Он утверждал, что хотя Второе главное управление неоднократно раскрывало и пресекало действия этой агентуры, тем не менее КГБ располагает сведениями, что утечка секретной информации продолжается, и это, естественно, очень беспокоит советское правительство. Успешно бороться с этим можно только парализовав соответствующие действия ЦРУ путем тайного проникновения в штаб-квартиру американской разведки. ”В этом деле, — закончил генерал, — мы надеемся на вашу помощь, товарищи из Первого главного управления!” И вновь Левченко почувствовал, как ему хочется оправдать доверие, оказаться достойным возложенной на него миссии.

С началом зимы 1972 года он энергично включился в тренировочные занятия, проводимые непосредственно на улицах Москвы. Вся его секция была на время расквартирована в большом особняке на одной из улиц, отходящих от Зубовского бульвара. Верхние этажи особняка были переоборудованы под типичную резидентуру КГБ за границей. Поскольку функции этих резидентур во всех странах примерно одни и те же (да и выглядят такие квартиры более или менее одинаково на всех широтах земного шара), слушатели разведшколы, попадая в этот особняк, вполне могли вообразить, что они находятся в Вашингтоне, Лондоне, Париже или Токио. Каждый день они выходили из подъезда этого здания, чтобы попрактиковаться в тактике, которую придется применять за границей.

Они прогуливались по улицам, выслеживая друг друга и в свою очередь пытаясь оторваться от преследования, закладывали данные им предметы в тайники и изымали их оттуда. Они старались незаметно прошмыгнуть через те или иные заданные им участки, по неуловимому для посторонних сигналу собирались вместе и вновь рассредоточивались по всему району, незаметно принимали донесения агентов, пользуясь

миниатюрными радиоприемниками, скрытыми в шарфах и отворотах пальто. На заключительной стадии каждый должен был несколько раз тайно встретиться в условленном месте и в назначенное время с офицером КГБ, выступающим в роли агента-информатора.

Слушатели были предупреждены, что в ряде случаев за их действиями будут следить профессиональные филеры из Отдела наружного наблюдения. Если они обнаружат такую слежку, им следует отказаться от встречи с партнером, изображающим агента, а затем подробно отчитаться: когда, где и при каких обстоятельствах и по каким признакам они заметили, что за ними следят. Если слушатель встретился с партнером, не обнаружив за собой наблюдения, выполнение задания ему не засчитывалось — равно как и в том случае, если он уклонялся от встречи, заподозрив слежку, которой на самом деле не было. Офицерам, игравшим роль партнеров, и филерам из Отдела наружного наблюдения вменялось в обязанность представить детальные рапорты о каждом таком случае. Необходимо было охарактеризовать поведение слушателя в целом и особо подчеркнуть моменты, когда последний действовал логично и сохранял самообладание.

У Левченко первая встреча с "агентом-информатором" должна была состояться ровно в полдень в одном из отдаленных ресторанов. Он вышел из особняка в половине десятого, доехал автобусом до ГУМа и, покупая газету в киоске, расположенном рядом с остановкой, постарался запомнить всех пассажиров, вышедших вслед за ним из автобуса. Все они явно спешили по своим делам и разошлись в разные стороны, только двое мужчин продолжали топтаться на остановке, увлеченные беседой и подчеркнуто не обращая на Левченко никакого внимания. Станиславу пришлось зайти в универмаг и задержаться там возле прилавка, незаметно поглядывая на входящих покупателей. Одним из них оказался мужчина с автобусной остановки. Войдя, он сразу же деловито направился совсем в другой отдел. Постояв минут десять в очереди, Станислав купил детскую игрушку — подарок своему трехлетнему малышу на день рождения. Выйдя и поджидая автобус, он заметил, что неподалеку отирается какой-то тип, ростом и фигурой похожий на того, что он заметил раньше. Правда, этот был совершенно иначе одет и, кроме того, гораздо старше, с седыми бровями и усами, вдобавок носил очки.

Станиславу пришлось сесть в автобус, идущий в другую сторону. Выйдя через несколько остановок, он зашел пообедать, потом сходил в кино, купил в булочной батон и вернулся в особняк. На вопрос куратора, состоялась ли встреча, он доложил, что ехавший с ним в автобусе наблюдатель последовал за ним в ГУМ и, находясь в универмаге, сумел переодеться, а также напялил парик и нацепил усы и очки.

— Как же вы его опознали после этого? — спросил полковник.

— А по туфлям. Туфли он не сменил.

Вечер того же дня застал Левченко снова на московских улицах. Он долго ехал автобусом и в метро, пока, наконец, не обнаружив никаких признаков слежки, встретился с партнером в здании стадиона, где шел хоккейный матч. Кругом восторженно обменивались впечатлениями болельщики, доселе незнакомые друг другу. В общем гуле Левченко незаметно обменялся необходимой информацией со своим партнером и без всяких приключений вернулся в особняк, где полковник сообщил ему, что он не ошибся: на этот раз наблюдения не было.

Не заметил он слежки и на следующий вечер, но, подсаживаясь за столик к своему партнеру в условленном заранее ресторане, расстроился из-за такой неожиданности: "агент", полковник Алтынов, ожидая его, успел напиться и прямо-таки лыка не вязал. Алтынов незадолго до этого погорел в Японии и теперь искал утешения в водке. Его должны были, вообще говоря, уволить из "органов", но начальство его спасло, прикомандировав к разведшколе. Стоит теперь Станиславу доложить, что в ходе выполнения задания полковник напился, — и того, безусловно, уберут из "органов". Но и скрыть это невозможно, потому что в таком случае самого Левченко обвинят в служебном несоответствии и, надо полагать, отчислят из школы. Мало было надежды и на то, что Алтынов, протрезвев, сам честно доложит обо всем и признает, что встреча фактически сорвалась по его вине, хотя Левченко явился вовремя. Очень часто бывает, что люди не могут простить окружающим своих собственных промахов и ошибок.

Как ни упрашивал его Левченко, Алтынов во что бы то ни стало хотел еще посидеть в ресторане. Заказав новую бутылку коньяку, он принялся выбалтывать грязные секреты,

которыми был напичкан. Он требовал понимания, сочувствия и одобрения своих действий в Японии, кончившихся для него весьма плачевно.

Дело было так. Агентура "линии X", то есть оперативно-го сектора, отвечающего за научно-технический и промышленный шпионаж, донесла, что японскими учеными проведены успешные экспериментальные исследования некоторых смертоносных бактерий. Целью исследований было получение новых вакцин. По распоряжению из Москвы был похищен образец смертельно опасной культуры, который предстояло переправить в СССР, в один из центров бактериологической войны. Советские специалисты утверждали, что эту культуру ввиду ее особой опасности нельзя транспортировать, не приняв чрезвычайных мер предосторожности. Иначе в случае какого-нибудь непредвиденного происшествия, например катастрофы самолета, смерть выкосит целые области. Пришлось специально направить в Японию советское торговое судно, и резидентура поручила Алтынову сопровождать водителя-оперативника, который должен был доставить смертоносную ампулу в порт. Алтынов рыдал пьяными слезами, вспоминая, как они почти два часа продирались сквозь уличные пробки, ежесекундно ожидая, что вот сейчас в них врежется какой-нибудь идиот. "Мы бы погубили, — всхлипывал он, — сотни тысяч япошек!"

Левченко обнял его за плечи и заставил подняться из-за стола: "Товарищ полковник, вы очень устали. Это может случиться с каждым... Разрешите мне отвезти вас домой". Когда же Алтынов попытался вырваться из его объятий, Левченко резко и грубо схватил его за руки и прошептал: "Идиот! Они же собираются вызвать милицию! Плохи наши дела. Пошли!"

На пороге алтыновской квартиры Станислав сказал, что в своем рапорте укажет: встреча прошла нормально.

— Отвяжись от меня, — буркнул Алтынов.

Подав рапорт, Левченко испытывал понятную тревогу. Но спустя несколько дней полковник-куратор показал ему заключение Алтынова и он вздохнул с облегчением. Заключение кончалось такими словами: "В целом тов.Ливенко проявил последовательность, выдержку и смекалку, что позволяет считать его подготовленным сотрудником, на которого можно положиться в агентурной работе".

Четвертый выход Левченко прошел более гладко. Он довольно быстро обнаружил слежку. Каждый раз, когда он пересаживался с одного автобуса на другой, сзади неизменно пристраивались две-три одинаковые "Волги". Школьная наука гласила: кому дважды удалось уйти из-под слежки, тот и впредь сумеет от нее отделаться.

В тот день, когда расписанием была предусмотрена последняя встреча с "агентом", Левченко отправился на нее необычно рано — в 7 часов утра, чтобы наверняка отвязаться от слежки, прежде чем произойдет это свидание, назначенное на обеденное время. По дороге он использовал все приемы, каким его учили и какие он сам мог изобрести: заглядывал в магазины, заходил в подъезды, спускался в метро, менял направление своих поездок, прыгал в отходящие автобусы. Наконец, не замечая вокруг ничего подозрительного, он решил, что пора ехать на встречу. На часах было уже 11.30. Он сел в поезд метро.

Рядом сидел какой-то мужчина средних лет со спокойным, добродушным лицом. Когда поезд замедлил ход, приближаясь к очередной станции, этот незнакомец, не глядя на Левченко, прошептал: "Товарищ, за вами следят!" Тут же он вскочил с места и, не оборачиваясь, поспешно вышел из вагона.

В сильном замешательстве Левченко сошел на следующей станции, чтобы собраться с мыслями. Что бы это могло значить? Быть может, ему попался маньяк, страдающий галлюцинациями? Нет, не похоже. Наверное, он заметил нечто такое, что укрылось от внимания самого Станислава. Но как он решился на столь дерзкий поступок, прямо-таки на преступление (вмешаться во внутренние дела КГБ!), чтобы помочь незнакомому человеку? Должно быть, решил Левченко, это верующий христианин, мой брат по вере. Подумав так, он решил воспользоваться шансом, полученным столь необычным порядком. Он отказался от встречи с агентом, пообедал в одиночестве и во второй половине дня доложил начальству, что в последний момент, находясь в вагоне метро, почувствовал, что за ним ведется наблюдение: "Я не могу объяснить, почему я так решил. Как-то вдруг я интуитивно почувствовал слежку".

Оказалось, Левченко, вернее, его таинственный доброжелатель был прав. Поскольку Станиславу до сих пор удава-

лось уходить из-под наблюдения, на сей раз "они" окружили его невидимой подвижной стеной, — метод, обычно прибегаемый для известных КГБ иностранных агентов. Вся система московского метрополитена, как узнал теперь Левченко, пронизана линиями связи, так что филеры могут обмениваться информацией, находясь на разных подземных станциях и даже на поверхности. Это позволяет опергруппам, находящимся на станциях и едущим в поездах, не упускать человека, взятого под наблюдение, в то же время оставаясь им незамеченными. В зоне визуального контакта с объектом наблюдения может находиться всего один агент, а когда он уж слишком примелькается, его заменяют другим. В данном случае агентом, привлечшим внимание его соседа, была пожилая женщина колхозного вида с мешком огурцов, как бы направлявшаяся на рынок. Левченко вспомнил, что такая присутствовала в вагоне, но признался, что никогда бы ее не заподозрил.

"Они" приняли его объяснение и одобрили его интуицию. Но поскольку он не смог определить филера, ему пришлось на этот раз довольствоваться оценкой "4". Все остальные оценки были пятерки.

Впрочем, эти баллы не играли столь важной роли, как личные характеристики, составлявшиеся куратором и старшими офицерами из "центра", которые подробно беседовали с каждым слушателем перед тем, как допустить его к "государственным экзаменам". Беседы проводились и с женами слушателей. Как-то, в середине недели, полковник-куратор целый вечер расспрашивал Наташу (жену Левченко) о ее муже — вежливо и корректно, но достаточно вьедливо. У нее осталось впечатление, что КГБ в первую очередь интересовало, насколько прочным можно считать их брак.

Когда государственные экзамены остались позади, полковник, отвечавший за группу Левченко, пригласил его к себе в кабинет. "К сожалению, мне не удастся составить на вас абсолютно точную характеристику, — объявил он. Левченко похолодел. — Истина такова: я не могу найти у вас никаких минусов, — продолжал полковник. — А найти их необходимо, иначе никто моей характеристике не поверит. Вот и помогите мне сами".

К хвалебному тексту, где Левченко был охарактеризован как один из самых способных слушателей, когда-либо встре-

чавшихся полковнику, они вдвоем приписали два замечания: во-первых, Левченко имеет склонность писать подробные донесения в тех случаях, когда достаточно и более кратких; во-вторых, порой "от избытка энтузиазма" он перескакивает с одного предмета на другой вместо того, чтобы сосредоточиться на главном и в срок доделать одно какое-то дело.

— Ах, да, — поразмыслив, сказал полковник. — Еще мы можем добавить, что вам следует побольше попрактиковаться в вождении автомашины.

Это было справедливо. Левченко водил машину весьма неважно. Впрочем, большинство слушателей впервые село за руль только в разведшколе, так что и спрашивать с них много в этом смысле не приходилось.

С учетом работы в ГРУ и Втором главном управлении КГБ Левченко было присвоено звание старшего лейтенанта, и он был откомандирован в "Японское бюро центра" для подготовки к возможному выполнению заданий на территории Японии. Его месячная зарплата составляла теперь более 300 рублей. Это почти вдвое превышало зарплату среднего советского научного работника, врача, инженера, учителя или журналиста. Наташины родители уступили им свою двухкомнатную квартиру, совсем рядом с проектным бюро, где Наташа занимала должность архитектора, получая 120 рублей в месяц. Благодаря ежедневным занятиям физподготовкой и отличному питанию, которое полагалось слушателям разведшколы, Станислав физически чувствовал себя в этот период лучше, чем когда-либо прежде.

Капиталистический мир выглядел, если смотреть на него из "центра", захватывающе интересным, по крайней мере на первых порах. Когда Левченко по утрам появлялся на шестом этаже в здании "центра", в комнате, где работало, кроме него, еще пятеро офицеров, его обычно ждала целая пачка телеграмм и донесений, поступивших из Токио за ночь. В них можно было, например, прочесть, что сказал президент Соединенных Штатов или государственный секретарь премьер-министру или министру иностранных дел Японии; какими сведениями о своих планах во Вьетнаме американцы сочли нужным поделиться с японцами; кто из японских политических деятелей получает чудовищные взятки и от кого; кто из тамошних парламентариев, издателей или промышленников все больше запутывается в силках, расставленных КГБ.

Впрочем, к сенсациям постепенно привыкаешь, и, когда первый пыл миновал и острота восприятия подобных сообщений притупилась, Левченко начал замечать многие куда менее эффектные реалии и болезненно реагировать на них.

Он с ужасом начал сознавать, что, связав свою судьбу с КГБ, он внедрился в самую сердцевину советской системы. Здесь существовало нечто вроде языческого культа или своего рода религии, приверженцы которой не имеют права на отступничество. Единственная уважительная причина для отступничества — смерть. Но пока есть силы, каждый посвященный в этот культ должен стоять на страже его и в то же время работать подобно ведущим шестеренкам в машине. Но их удалят и заменят другими, как только они будут сочтены устаревшими, износившимися или, может быть, просто по той причине, что пришли в негодность какие-то другие части той же машины. Более того: КГБ может уволить сотрудника, опозорить, ввергнуть в нищету и поставить вне закона в любой момент и безо всяких на то причин.

Левченко был поражен судьбой участников многих возвышенных и героических историй, о которых им рассказывали в разведшколе. Он узнал, например, что японка, вдова Рихарда Зорге, а также все родные помощников Зорге, казненных японцами, влачили жалкое существование и умерли в крайней нищете, оказавшись без поддержки тех, кому они служили, брошенные ими на произвол судьбы.

Полковник Рудольф Абель годами жил в трущобах Нью-Йорка, руководя тайной сетью советской агентуры в США. Арестованный после того как его заместитель сдался американским властям, он стойко держался на следствии, и ФБР не удалось ничего узнать от него. В 1962 году американцы передали его Советам, обменяв на пилота разведывательного самолета "У-2" Пауэрса. КГБ предложило ему дачу под Москвой, персональную машину с водителем и даже снабжало его, заядлого курильщика, американскими сигаретами "Лаки Страйк", к которым он привык в Штатах, выкуривая по три пачки в день. Но поскольку Абель побывал в американской тюрьме, КГБ навсегда утратило к нему доверие и не могло допустить его к работе в "центре". Большую часть дня он просиживал в кафе рядом с площадью Дзержинского, куда постоянно заходили офицеры КГБ. Абель искал их общества, они были с ним вежливы, но держались отчужденно.

Другой заслуженный тайный агент КГБ, подполковник Молодой, возглавлял в свое время группу шпионов, специализировавшихся на краже секретных чертежей английских и американских атомных подлодок. После возвращения на родину КГБ относилось к нему с непонятной подозрительностью, и он не смог получить никакой сколько-нибудь ответственной работы. Молодой затосковал, запил и в возрасте 47-ми лет умер от инсульта.

После того как в США бежал подполковник Юрий Иванович Носенко (дело происходило в 1964 году), из КГБ было уволено около полусотни офицеров, по большей части полковники и подполковники. Одного из них выгнали за то, что он вовремя не доложил о "признаках начавшегося разложения" Носенко, то есть о том, что последний иногда позволял себе переспать со своей секретаршей. Остальные были уволены в основном потому, что они были знакомы с Носенко, хотя у многих это знакомство было чисто шапочным.

В 1971 году перебежал к англичанам гебистский диверсант, капитан Олег Лялин. Это вызвало подобную же расправу со множеством не причастных к его побегу офицеров Пятого отдела КГБ. Больше всех не повезло тому офицеру, которого меньше, чем других, можно было в чем-то обвинить. За некоторое время до побега Лялина он был направлен в Англию с заданием проверить имевшиеся сведения, будто Лялин ведет аморальный образ жизни, пьянствует и волочит-ся за женщинами. По возвращении офицер сообщил, что эти сведения верны. КГБ положило его рапорт под сукно и, более того, осудило его за "очернение" коллеги. Когда же в КГБ узнали, что Лялин сделался британским агентом задолго до своего побега, тот же офицер был уволен в отставку. Оказывается, он должным образом не настоял перед начальством на верности своих выводов и на необходимости отзыва Лялина из Англии.

Станислав с отвращением убеждался, что, служа в КГБ, вообще не обязательно быть честным и нравственным человеком. Один из его однокашников по разведшколе, известный там как Александр Шибаев, оказался Шишаевым, сыном начальника управления цветоводства при Моссовете. По окончании разведшколы Александр Шишаев был направлен на работу в японский отдел, и Левченко вскоре понял, как оказался в КГБ этот безнадёжный тупица.

В Первом главном управлении офицеры умирали часто. в относительно молодом возрасте и, как правило, неожиданно; некоторых хватал удар прямо за рабочим столом, в их кабинете, или же в коридорах "центра". Причинами этих инсультов и инфарктов были постоянная перегрузка по службе и эмоциональные стрессы. Но как бы там ни было Первое главное управление постоянно испытывало нужду в цветах, и на протяжении ряда лет их поставлял Шишаев-старший, притом бесплатно, даже зимой, когда цветы можно было достать, помимо него, разве что на рынке, и стоили они там бешеных денег. КГБ отблагодарил своего поставщика, обеспечив покровительство и карьеру его сыну.

Как-то утром — дело было в 1973 году — Левченко услышал громкий крик полковника Калягина, начальника Седьмого отдела. Полковник кричал: "Пронников уговорил Исиду подарить Брежневу машину! Там во дворе ее сейчас проверяют. Спустись, погляди, чтоб наши ублюдки ее не раскулачили!"

Подполковник Владимир Пронников, начальник одной из оперативных групп токийской резидентуры, незадолго до того получил орден Красного знамени за успешную вербовку Хирохиде Исиды — бывшего министра труда. Исида оставался депутатом японского парламента и был видной фигурой правящей Либерально-демократической партии. В своих собственных интересах Пронников представил Исиду своему начальству как важнейшего потенциального проводника советского влияния в Японии, так что Советы всячески старались поднять его престиж. Советские руководители, в том числе тогдашний председатель Совета министров Косыгин, лично приветствовал его по прибытии в Москву, а к окончанию его визита приурочили такой жест: распорядились отпустить японских рыбаков, беззастенчиво задержанных в открытом море под предлогом, что они оказались в территориальных водах СССР.

В распространённой токийской газете "Асахи Симбун" в связи с этим появилось такое сообщение ее московского корреспондента, датированное 4 сентября 1973 года: "Советский Союз объявил сегодня, что он немедленно освободит всех 49 японских рыбаков, задержанных по обвинению в нарушении границы советских территориальных вод. Это заявление было сделано председателем Президиума Верховного совета во

время встречи с Хирохиде Исидой, главой делегации японских парламентариев, находящейся в СССР с дружеским визитом". Получалось, что именно Исида сумел добиться освобождения злосчастных пленников. Не отдавая себе отчета в том, что Советский Союз хоть завтра может нахватать сколько угодно свежих заложников (все под тем же предлогом "нарушения границы территориальных вод"), японская общественность восприняла этот факт как свидетельство авторитета, коим пользуется Исида у кремлевской верхушки, и как доказательство той истины, что если хорошо относиться к Советам, то они обязательно "отвечают взаимностью".

Автомобиль, доставленный Исидой в Москву, представлял собой огромный лимузин марки "Ниссан", темно-красного цвета, изнутри весь кожаный и оборудованный новейшими достижениями автомобильной техники. Когда Левченко спустился во внутренний двор, чины из Управления охраны, отвечающего за безопасность советских лидеров, ощупывали и обнюхивали машину со всех сторон в поисках подслушивающих устройств, и его присутствие было явно излишним. Но приказ есть приказ, и он находился рядом, пока они не вывели ее со двора.

Левченко было известно, что КГБ периодически перекачивает в Японию через посредство Исиды миллионы иен, как бы для возглавляемой им "Парламентской ассоциации японо-советской дружбы". При этом знаменательно, что КГБ не требовал от своего агента Исиды отчета, на что израсходованы эти деньги. Очевидно, он приобрел эту дорогую машину по рекомендации Пронникова, знавшего, что Брежнев крайне равнодушен к роскошным автомобилям заграничных марок, и Левченко подозревал, что она куплена на деньги КГБ. Брежневу, конечно, доложат, что это Пронников сумел подцепить на крючок японского деятеля — столь богатого и влиятельного, что ему ничего не стоит преподнести советскому боссу такую роскошную машину. "Словом, и здесь все тот же беспредельный цинизм", — в который раз подумал Левченко.

Если бы виновниками таких порядков в КГБ были отдельные лица, Левченко страдал бы меньше. Но дело было не в отдельных лицах. Большинство его знакомых и приятелей по новой работе казались честными и порядочными лишь до поры до времени — "пока позволяли обстоятельства". Левченко понимал, что все они — пленники как бы некоего культа, дер-

жащегося на жестокости, несправедливости, продажности и предательстве. Некоторые из них, достаточно для этого сильные, сумели выжить в джунглях КГБ, не принимая закона джунглей, другим это не удалось.

Наташа заметила, что ее муж теперь постоянно чем-то угнетен, и допытывалась у него, в чем дело. Он не мог открыть ей правду, — точно так же, как не мог признаться в том, что сделался верующим.

Новое назначение, состоявшееся в конце 1973 года, на время избавило Левченко от его мрачных дум. Кадровик Первого главного управления полковник Пастухов объявил ему, что КГБ решил направить его в Токио корреспондентом журнала "Новое время".

Этот журнал был основан в 1943 году в качестве легального прикрытия зарубежной агентуры советских органов безопасности. По распоряжению Политбюро, двенадцать из его четырнадцати отделений за границей были укомплектованы исключительно гебистскими кадрами. Правда, новый главный редактор журнала Павел Наумов настоял на том, чтобы каждый офицер КГБ, назначаемый на эти места, доказал в течение годичного испытательного срока свою профессиональную пригодность в качестве журналиста, то есть то, что он в состоянии писать статьи, пригодные для публикации в журнале. Полковник Пастухов — лысый очкарик, ветеран госбезопасности, отдавший ей 35 лет жизни, пояснил: "Наумов — известная жопа, все это знают. Но мы не можем ему приказывать, потому что Крючков (Владимир Крючков, начальник Первого главного управления) души в нем не чает. Так что тебе придется потрафить Наумову, — это главное, что от тебя требуется в первый год. Если он даст тебе коленкой под зад, нам придется посылать тебя от ТАССа или от "Правды", что уже хуже".

В редакции "Нового времени", размещавшейся на Пушкинской площади, рядом с агентством печати "Новости", Левченко начал работать с января 1974 года. На третий день в его комнату бочком втиснулся один из литсотрудников — Жмеринский, держа в руках журнал "Ньюсуик" с карикатурой на Брежнева. Деланно хихикая, Жмеринский заговорщицки шепнул:

— Забавный рисуночек, не находишь?

Левченко поморщился:

— По-моему, непристойный.

Тот перестроился с проворством хамелеона:

— Я тоже так считаю. Забавно все же, как они из кожи вон лезут, пытаясь нас очернить. Это свидетельствует об их комплексе неполноценности!..

Левченко молча уставился на него.

— Ты чем-нибудь занят сегодня после работы? — спросил Жмеринский. — Сходили бы выпить пивка. Ради первого знакомства... Я угощаю!..

В грязноватой пивной Жмеринский заказал пиво и бутылочку водки. Левченко прекрасно понимал, что стукач обычно нуждается в паре глотков спиртного, прежде чем отважиться на "разговор по душам".

— Знаешь, я должен тебя предупредить... — начал Жмеринский. — Правда, может быть, ты уже сам это заметил. Но если нет, я просто обязан обратить твое внимание...

— На что?

— У нас в журнале очень сложная обстановка...

— Серьезно? Что же у вас происходит?

— Ну, ты наверно заметил, что восемьдесят процентов наших авторов и технических сотрудников по национальности евреи. Их никогда не пустят ни в какую заграничную командировку, а здесь им приходится ишачить дай Боже. Многие из них от этого совсем осатанели: еще бы — за границу не пускают, по службе не продвигают. У людей — никаких шансов. Жуть, правда?

— Я не заметил пока в редакции ничего такого жуткого. Тебе, конечно, лучше знать... Но, насколько я успел заметить, Наумов со всеми держится ровно...

Выпили еще. Жмеринский усиленно замахал руками:

— Давай забудем о служебных делах, ну их всех в задницу. Развлекаться так развлекаться! Как ты насчет...

Левченко уклонился:

— Знаешь ли, мне предстоит ехать в Японию... Приходится всего такого остерегаться...

Отбив эту попытку провокации, Левченко намерен был постепенно сломать невидимую стену недоверия, зависти и отчуждения, которая, как он чувствовал, отделяла его от сотрудников редакции. Большинство здесь, действительно, составляли евреи, которым никогда не доведется съездить в командировку за границу, хотя многие из них были куда

более способными журналистами, чем офицеры КГБ, которым они помогали подготовиться к журналистской работе в разных странах мира. Все эти работники редакции боялись КГБ и относились к нему с презрением, но трудились не за страх, а за совесть. Наумова много раз упрекали, что у него работает столько "лиц нерусской национальности", но он отшучивался: "Евреи работают, как дьяволы, — если держать их в черном теле!"

Работая так же напряженно, как и они, с готовностью берясь за любое дело, какое только требовалось в данный момент редакции, никогда не задавая никаких двусмысленных вопросов и не заводя разговоров на скользкие темы, Левченко со временем почувствовал, что "заслужил признание". Приблизительно тридцать процентов статей в "Новом времени" были написаны работниками Международного отдела ЦК (укрывающимися под псевдонимом), около двадцати процентов — гебистской службой дезинформации и примерно столько же — сотрудниками министерства иностранных дел. Поломать такой порядок был бессилён даже Наумов. Он требовал, чтобы все статьи отвечали хотя бы минимальным требованиям в смысле стилистики, и Левченко заслужил уважение коллег вполне толковой правкой тех статей, которые в их первоначальном виде просто не годились для публикации.

Левченко предложил, чтобы тогдашний токийский корреспондент "Нового времени" присылал в редакцию не готовые материалы, а, так сказать, заготовки для них и просто вырезки из японских газет, с тем, чтобы на их основе он, Левченко, писал статьи и корреспонденции, которые пойдут в журнале за двумя подписями.

В результате такой кооперации офицер КГБ получил возможность время от времени отвлекаться от однообразной редакторской работы для подготовки статей, Наумов с удовлетворением отметил, что качество материалов по Японии заметно улучшилось, а японская — да и не только японская — контрразведка имела теперь возможность "засечь" на страницах "Нового времени" имя Станислава Левченко — по всей видимости, профессионального журналиста.

Перед отъездом в Токио Левченко по традиции должен был устроить отвальную в редакционном кафе-ресторане. Он пригласил всю редакцию, включая технический персонал, — человек сто, но полагал, что придет не более двух десятков.

Вручив директору кафе-ресторана сто рублей, он попросил его выставить на стол "как можно больше" еды и спиртного.

Левченко появился в дверях кафе-ресторана ровно в 8 часов — на этот час был назначен прощальный ужин, — и остановился, пораженный. Его даже бросило в пот. Столы ломились от закусок, от икры, балыка, сыра, на них красовались десятки бутылок лучших грузинских вин, коньяка и "Столичной", которую обычно нелегко было достать. Безусловно, это должно было стоить не меньше пяти сотен, — разве что Наумов, пустив в ход свои связи, заказал часть продуктов в правительственном магазине. А в ресторане вопреки всем ожиданиям собралось человек восемьдесят, — едва Левченко вошел, все они поднялись с мест и устроили ему овацию.

Поздним вечером, когда приглашенные начали понемногу расходиться и все в зале были уже основательно навеселе, Наумов, остававшийся трезвым, произнес прощальное слово: "Товарищи, Станислав Александрович поработал для нас всего один год, но проявил себя как достойный член нашего коллектива и способный журналист. Разрешите пожелать ему всяческих успехов в выполнении трудных и ответственных журналистских заданий, которые ждут его в Японии. Он — хороший товарищ..."

Одна из присутствующих — хорошенькая полная блондинка, видимо имевшая случай узнать Станислава лучше, чем остальные, закричала, перебивая начальство: "Он и человек хороший!" И все засмеялись.

Отведя Левченко в сторону, Наумов сказал: "Вы — один из лучших наших сотрудников, и я считаю вас своим другом. Желаю вам удачи в вашей журналистской работе и во всякой другой. Да, между прочим: вы полетите первым классом и сможете взять с собой собаку. Я договорился, с кем нужно".

Обычай требовал, чтобы Левченко устроил также прощальный ужин для своих начальников по линии Комитета госбезопасности. За два дня до отлета он пригласил пятерых полковников из "японского бюро" в ресторан Дома киноактера. Завсегдатаями этого ресторана были актеры и актрисы, разного рода киношники, писатели и партийные боссы, "курирующие" все виды искусства. Поэтому ресторан щедро субсидировался государством и здесь можно было по весьма умеренной цене получить великолепный шашлык, изысканные закуски и отборные грузинские вина. Но Левченко выб-

рал это место главным образом потому, что обстановка здесь напоминала "настоящую Россию" — ту Россию, что, по его представлениям, существовала в прошлом. Чтобы как-то справиться со своим настоящим и тем более будущим, он должен был искать опору в этом прошлом, быть может воображаемом.

С верхнего этажа безвкусного здания сталинской эпохи, где они сидели, были видны площадь и длинный проспект, ведущий к Кремлю. Только что выпавший снег, отражавший городские огни, делал московский пейзаж каким-то необычным. Стены ресторана украшали старинные гобелены и идиллические сельские пейзажи.

Один из полковников внезапно обнаружил, что в этой изысканной атмосфере они со стороны, наверное, выглядят очень нелепо — разговор не клеился и они сидели, уставившись в стол и что-то невнятно бормоча вполголоса. "Что мы тут скуксились, точно бляди в церкви! — воскликнул он. — Веселиться — так веселиться!"

Вечер прошел, как говорится, в теплой атмосфере, но в самом конце его произошло нечто необычное. Когда все встали и начали прощаться, один из полковников попросил Левченко задержаться. Это несколько удивило Станислава, потому что в служебное время полковник был сух, флегматичен, немногословен, что называется, "застегнут на все пуговицы" и разговоров, не относящихся к делу, никогда не заводил.

— Я хочу выпить с тобой напоследок вдвоем и заодно дать тебе три совета, — начал полковник, когда они остались одни. — Если ты где-нибудь повторишь хоть слово из того, что я тебе скажу, я, конечно, заявлю, что никогда этого не говорил, и докажу всем, что ты врун, пятью различными способами. Кроме того, я оторву тебе яйца. Понял?

Левченко кивнул.

— Так вот. Первое: в настоящей оперативной работе никакие ситуации никогда не повторяются. Все случаи практически уникальны. Все правила, которые ты вызубрил, это еще не закон жизни. А закон — это твой собственный здравый смысл и сообразительность.

Второе. Держись подальше от ЦРУ. На тебя все время будут давить, чтобы ты вербовал американцев; старайся это делать при каждом удобном случае. Но если ты наткнешься на ЦРУ, помни, это всегда игра с огнем. Человек из

ЦРУ будет только рад пообедать с тобой всякий раз, как ты пожелаешь. Рано или поздно он пригласит тебя к себе домой, — посмотреть, как живет типичная американская семья. Там окажется несколько славных американцев, хорошо знающих нашу страну, рассудительных и симпатичных. И вдобавок девушка, — одинокая, заметь, — которая выглядит, как голливудская кинозвезда, а по-русски говорит так, что заслушаешься. Она заставит тебя думать, что для нее на свете не существует других мужчин, кроме тебя.

В лучшем случае — ты напрасно потерял время. В худшем — ты влип и бесповоротно.

Третье. Берегись Пронникова. Он опаснее, чем даже ЦРУ.

Глава третья В ЗМЕИНОМ ГНЕЗДЕ

После утомительного перелета сразу через семь часовых поясов Левченко надеялся, что их с Наташей ждет спокойная токийская гостиница, уютный номер, заграничный комфорт и сервис. Однако его коллеги по КГБ забронировали ему номер в дешевом отеле рядом с посольством, который в основном служил приютом случайным парочкам, снимавшим номера на часок-другой. Всю ночь из-за тонкой стенки доносились то скрип кровати, то визг, то страстные стоны, то хихиканье. Спать пришлось лишь урывками, и около шести утра Левченко встал, оделся, не зажигая света, выпил чаю внизу в буфете и, выйдя из гостиницы, бесцельно побрел по едва пробуждающейся улице, мысленно готовя себя к первой встрече с начальством из резидентуры.

Он чувствовал себя так, словно ему предстоит очутиться в змеином гнезде. Из того, что ему привелось прочесть и услышать в "японском бюро" "центра", он сделал вывод, что не менее половины всего взрослого населения советской колонии в Токио — явные осведомители КГБ, стукачи, старающиеся перещеголять один другому в одном — как выведать побольше компрометирующих фактов обо всех окружающих. Жены дипломатических работников упрямо старались втереться в доверие друг к другу и выдавали одна другую. Порой два сотрудника засиживались допоздна за бутылкой — а наутро спешили в посольство, чтобы накатать друг на друга доносы. Все опасались каждого, каждый боялся всех остальных. Беседовали между собой очень осторожно, избегая фраз, которым можно было бы придать двойное толкование, и, по возможности, старались вообще не вести никаких разговоров.

Не зная точно расстояния от гостиницы до посольства, Левченко подошел к комплексу посольских зданий без четверти девять, и ему пришлось ждать до девяти, когда его впустили в здание. Одиннадцатизэтажное из белого камня посольство было современным по своему архитектурному облику и стояло в хорошо ухоженном саду. Рядом с ним высился огромный жилой дом в том же стиле, где квартировала большая часть советского дипломатического персонала, работающего в Токио. К услугам советской колонии в пределах посольского комплекса были плавательный бассейн, сауна, теннисные корты, магазин и кинотеатр. Многим из обитателей этого комплекса редко приходилось выбираться за его пределы, да и то в основном это были коллективные вылазки-пикники или экскурсии. Телевизионные камеры с дистанционным управлением, скрытые за полупрозрачными маскировочными экранами, держали под контролем всю периферийную зону этого участка.

Левченко вошел в облицованный мрамором вестибюль посольства. Здесь его уже ждал майор Вячеслав Пирогов. С первого взгляда Станислав решил, что за четырнадцать лет, что они не виделись — когда-то они вместе учились в университете — Пирогов ничуть не изменился. Студенты уже тогда считали его стукачом — и, видимо, не без оснований, потому что после университета он подвизался во Втором главном управлении КГБ, пока отчим не выхлопотал ему перевод в Первое главное управление.

Пирогов был классическим, плакатным образцом "пролетария". Черные глаза навыкате и кривые выступающие вперед зубы придавали его лицу какое-то сатанинское выражение, усугублявшееся тем, что Пирогов каждую минуту пытался радостно осклабиться. На его неуклюжей фигуре мешковато сидел бессменный московский костюм, заношенный до того, что брюки сзади лоснились. О чем бы он ни заговаривал, он употреблял одни и те же стертые, штампованные выражения, словно читал тусклую партийную брошюру. Но уж таков он был от природы, и осуждать его было бы так же нелепо, как порицать собаку за то, что она лает. Эта бросающаяся в глаза партийная безликость Пирогова полностью лишала его той человеческой черты, которая именуется коварством, и делала его, скорее, безобидным. В этом смысле он был, что называется, "лучше многих других", и Левченко еще в Моск-

ве охотно, не в пример прочим, принял приглашение Пирогова присутствовать на его свадьбе. Женился Пирогов на очень некрасивой девушке, дочери полковника КГБ.

Выйдя из лифта на десятом этаже, они вошли в лишенную окон приемную резидентуры. Специальным хитроумным ключом Пирогов открыл серую стальную дверь и, нажав кнопку в полу, скрытую под пластинкой паркета, заставил открыться вторую, внутреннюю дверь. Пройдя затем по длинному коридору, оба очутились в просторном помещении, отделанном панелями под дуб. Здесь Левченко был представлен генерал-майору Дмитрию Ерохину, резиденту КГБ в Японии.

Ерохину было всего 42 года. Этот высокий офицер с суровой, мужественной внешностью незадолго до того сделался самым молодым генерал-майором во всем аппарате КГБ. Этим он был обязан своей весьма успешной работе в Нью-Дели. Чем-то, похоже, озабоченный, резковатый в обращении, — впрочем, возможно, это была его всегдашняя манера, — он небрежно потрянул руку Станислава и отпустил его, напутствовав всего тремя короткими фразами: "Мне говорили о вас как о блестящем специалисте по Японии. Так что я жду от вас отличной работы. Давайте, действуйте!"

Выйдя от него, Левченко увидел, что по коридору спешит им навстречу щеголеватый человечек небольшого роста в твидовом пиджаке, свежей голубой рубашке с галстуком в полоску и серых фланелевых брюках. Его густые темные волосы были тщательно приглажены, лицо выглядело молодежливым и свежим, — словом, внешность этого человека можно было бы назвать приятной, если бы не его цепкий, испытующий взгляд. Его серые глаза не утрачивали своего безжалостного выражения, даже когда он улыбался.

Протянув руку, он сказал:

— Вы, наверно, Станислав Александрович? Меня зовут Владимир Алексеевич. Пойдемте со мной!

Пирогов тоже было двинулся за ними, но Владимир Алексеевич смерил его откровенно презрительным взглядом, и тот ступешевался.

Подполковник Владимир Алексеевич Пронников, глава "линии ПР", был вторым по старшинству офицером резидентуры. Но хорошо информированным сотрудникам Первого главного управления было известно, что должность и звание

Пронникова далеко не соответствовали ни его действительной роли в посольстве, ни его влиянию.

Пронников родился в крестьянской семье. Его до сих пор удручали две вещи — "низкое" происхождение и рост, едва достигавший 165-ти сантиметров. То и другое, естественно, нуждалось в какой-то компенсации. Еще в юности Пронников усиленно занимался легкой атлетикой и боксом, закалил себя физически и по-прежнему находился в отличной форме, бегая по утрам и частенько играя в теннис. Он не курил, почти не пил и выглядел лет на тридцать пять, хотя в действительности был на десять лет старше.

В школьные годы он учился весьма усердно и благодаря своей отличной памяти снискал расположение учителей, многие из которых ценят в первую очередь безупречное зазубривание материала. Вполне заслуженно он был принят в Институт международных отношений, где блестяще овладел японским. Попав в Токио в 50-е годы, совсем молодым человеком, Пронников начал копировать манеру одеваться и поведение западных дипломатов. Он коллекционировал старые японские маски, любил щегольнуть в разговоре знанием малоизвестных подробностей японской истории и слыл сведущим человеком по части достоинств автомобилей зарубежных марок и французских вин.

Этот внешний лоск, приобретенный им за годы службы в посольстве, привлек внимание КГБ. Он был приглашен в аппарат госбезопасности в качестве совместителя.

В течение первого же года своего совместительства Пронников завербовал японского журналиста — успех, редко выпадающий на долю новичков, — и показал себя таким мастером интриг, что был зачислен в КГБ на постоянную должность.

Совершив после этого одну за другой три "челночных" поездки в Токио, он сумел завербовать там по меньшей мере шесть видных фигур, ставших проводниками советского влияния, а подкупив бывшего члена кабинета министров, Хирохиде Исиду, добился максимально возможного успеха: об этой удаче было доложено Брежневу, Косыгину и Андропову. Так что о существовании Пронникова узнали на самом верху.

Дальнейший взлет его карьеры казался уже вполне закономерным: его ждала теперь очередная должность в "центре",

— вероятно, должность заместителя начальника какого-либо из управлений, с присвоением звания полковника, а затем — возвращение в Токио уже в качестве резидента КГБ. Заняв этот принципиально важный пост, он получит новые возможности отличиться и выбиться в ряды высшего руководства КГБ. Как слышал Левченко, его прочили со временем в начальники Первого главного управления.

Как всегда занятый выше головы, Пронников сейчас делал вид, что для него нет ничего важнее, чем поприветствовать нового коллегу. Впрочем, он на самом деле придавал этому первостепенное значение. Он привык сразу прикидывать, как новый сотрудник впишется в его личную, пронниковскую, систему агентов и осведомителей. Левченко, который уже имел опыт и обладал званиями, давшимися Пронникову ценой невероятных усилий, в этом отношении представлял для него особый интерес.

С показным дружелюбием Пронников давал понять Станиславу, что знает о нем такие детали, которые наверняка можно было добыть только через личных осведомителей. Как бы невзначай произнеся кличку левченковского пуделя, он спросил его, хорошо ли собака перенесла такой дальний перелет — от Москвы до Токио. Потом поинтересовался, продолжает ли Станислав увлекаться Шекспиром и Чосером, — их проходили в школе, где тот учился. Пронникову было известно о работе Левченко на дальневосточном корабле береговой охраны, в Афро-Азиатском комитете, он знал, какие отметки Станислав получал в разведшколе, кое-что знал и о жене Станислава, Наташе.

— Я слышал, твоя жена — Наташа, кажется? — замечательная красавица...

— Да, мне в этом отношении повезло, — сдержанно ответил Левченко.

— В самом деле, ты везучий... У тебя будет собственная машина, отдельная квартира, ты будешь обедать в самых лучших ресторанах, встречаться с интересными людьми! Многим ли в твоём возрасте выпадает такая удача? Надеюсь, ты не забыл, что всем этим ты обязан Первому главному управлению? Но смотри, не очень-то задирай нос, не вздумай отказываться и от моей помощи. Я приобрел тут, в Японии, порядочный опыт и с удовольствием с тобой поделюсь. Если говорить честно, резидент все эти дни жутко занят, так что

нам не стоит соваться к нему еще и со своими заботами. Если у тебя возникнут проблемы или тебе захочется что-нибудь предложить, поправить, — давай со всем этим ко мне. Кстати, а что с твоей женой, — ей ведь тоже требуется какая-нибудь работа? Это можно было бы, наверное, устроить...

Левченко прекрасно понимал, что скрывается за непридуманной болтовней Пронникова: знание — это сила, а я знаю все или, во всяком случае, очень многое, — как бы говорил он. Служи мне как надо — и тебе обеспечено покровительство сильного. Ведь ты знаешь, что без меня Наташа никогда не получит в посольстве работы, — разве что если согласится "стучать". А мне, между прочим, ничего особенного от тебя не требуется. Ничего такого, что бы шло вразрез с твоими понятиями или твоей совестью. По крайней мере, на сегодня дело обстоит так...

Несколько позже Левченко, получив ряд устных наставлений, был проведен Пироговым по всем помещениям резидентуры и познакомился с ее неукоснительно соблюдаемым рабочим распорядком. Прежде всего они вошли в большой зал, где стояло не меньше двадцати или двадцати пяти рабочих столов. Сотрудники писали здесь отчеты и донесения, разрабатывали операции, занимались переводом документов. Курение и разговоры были воспрещены, и офицеры, безмолвно корпевшие за своими столами, напоминали, как отметил про себя Станислав, монахов в каком-нибудь монастыре.

Дверь, следующая за кабинетом резидента, вела из коридора сразу в два помещения. Одно из них занимали руководитель "линии X" и офицер, отвечавший за обеспечение связи с нелегальной агентурой. Из всех подразделений КГБ Левченко отдавал предпочтение именно "линии X", добывавшей научно-техническую информацию. Он полагал, что эта деятельность должна приносить пользу его народу. А токийский участок "линии X" работал, пожалуй, с наибольшей продуктивностью, уступая в этом смысле только участку в Соединенных Штатах. Впрочем, симпатизировал Левченко и офицеру связи, который вместе со своими помощниками должен был день и ночь рыскать по Токио, загружая и разгружая тайники нелегальной советской агентуры, которая прослоила японское общество на всех уровнях.

Вторая комната принадлежала руководителю "линии КР" и начальнику охраны. Пытаясь проникнуть в ряды сотрудников японских спецслужб, "линия КР" в то же время раскинула сеть осведомителей внутри советской колонии. В ее глазах сотрудники "линии КР" выглядели париями резидентуры, — еще бы, у них такая грязная работа!

Отдел охраны опекал многочисленных осведомителей, отвечая за физическую безопасность персонала посольства и советских сановников, посещающих Японию. На нем лежали обязанности по возвращению сбегающих советских граждан, он также проводил еженедельные лекции об опасностях, подстерегающих неискушенных советских граждан за пределами посольского комплекса, в ужасном капиталистическом мире.

Еще одна дверь по правой стороне коридора вела в помещение "американской группы", "китайской группы" и "активных мероприятий". Следуя указаниям группы "Норд", американская группа с фанатичным усердием собирала любую крупинку информации, какую удавалось получить, в отношении граждан США, пребывающих в Японии, — дипломатов, журналистов, бизнесменов, преподавателей, студентов, обслуживающего персонала и их семей. Эта группа постоянно прилагала усилия, чтобы завербовать японцев и вообще любых иностранцев, которые были знакомы с американскими гражданами либо "имели шанс" с ними познакомиться. Она составляла списки японцев, работающих в США, рассчитывая, что им легче подружиться с коренными американцами.

Китайская группа делала в общем то же самое, только по отношению к гражданам Китайской народной республики.

Группа "активных действий" координировала прямые подрывные акции и кампании по дезинформации, которые проводила резидентура непрерывно, используя свою агентурную сеть. Случались дни, когда эта группа получала из "центра" с полдюжины различных директив, в которых перечислялись новые темы для нелегальной ("черной") пропаганды, приказывалось начать распространять те или иные слухи или подбросить японской либо мировой прессе очередную фальшивку.

По другую сторону коридора располагались отделы оформления отчетов и донесений и комната под названием "секретарская", где две женщины — жены офицеров резидентуры —

занимались регистрацией входящей и исходящей корреспонденции. На стенах этой комнаты были развешаны увеличенные фотографии сотрудников японской контрразведки, которые удалось достать, и перечень номеров автомашин, которые, как считалось, принадлежат ЦРУ. Надпись гласила: "Встретив где-либо машину с таким номером, запиши и немедленно сообщи точное место и время встречи".

К секретарской примыкал кабинет Пронникова, за которым находилось помещение, носившее загадочное название "Зенит". Здесь трудились техники, следившие за радиопереговорами на частотах, используемых японской контрразведкой и опергруппами полиции.

Каждый раз, когда офицер резидентуры направлялся на рискованную встречу с агентом, дежурный техник начинал тщательно прослушивать эфир. Обнаружив резкое увеличение интенсивности радиопереговоров японских спецслужб или уловив какой-нибудь другой подозрительный признак, он посылал в эфир специальный сигнал тревоги. Миниатюрный приемник в кармане офицера начинал зуммерить, что означало: необходимо прервать встречу или вообще отказаться от нее, если она еще не произошла. В обязанность операторов "Зенита" входило также наблюдение за экранами телекамер, скрытно расположенных вдоль ограды посольского комплекса.

Войдя в туалет рядом с выходом на лестничную площадку, Левченко впервые обратил внимание на могильную тишину, царившую в резидентуре. Пирогов с гордостью объяснил, в чем дело. Оказывается, стены, полы и потолки всего комплекса помещений, занимаемого резидентурой, были двойными, а промежутки постоянно "озвучивались" музыкой и пронизывались электронными импульсами. Это гарантировало абсолютную звуконепроницаемость стен резидентуры и делало бессмысленной любую попытку посторонних сил использовать аппаратуру подслушивания. Немногочисленные окна, остекленные матовым оргстеклом, тоже были полностью звуконепроницаемыми и исключали возможность применения любых средств электронной или фотографической регистрации происходящего внутри здания.

Поднявшись по лестнице на одиннадцатый этаж, Левченко и Пирогов оказались в точно таком же коридоре, что и этажом ниже.

В первой слева комнате две переводчицы трудились над кипами краденой документации. Стенная ниша этой комнаты была битком набита радиоаппаратурой, микроволновыми приемниками, аппаратами звукозаписи, телетайпами и прочей электроникой. Здесь перехватывалась информация, исходящая от американских разведывательных спутников и других систем военного назначения, записывались чужие телефонные и радиопереговоры. Резидентура уже давно сумела подключиться к телетайпным линиям японского министерства иностранных дел и записывала все сообщения, передаваемые по ним. Процесс был до такой степени автоматизирован, что с ним управлялся один-единственный сотрудник КГБ, которому были приданы в помощь две офицерские жены.

Еще одно помещение по левую руку показалось Станиславу чем-то вроде музея шпионского снаряжения, многие экспонаты которого он видел здесь впервые. Большая часть вещей была изготовлена явно по индивидуальным заказам в московских лабораториях Комитета. Офицер, распоряжавшийся этими вещами, заведовал и находящейся рядом фотолабораторией. Установленный в ней фотокопировальный аппарат запирался секретным замком, ключ от которого каждый раз надо было получать в секретарской.

Упаковка дипломатической почты, в которой время от времени попадались похищенные детали новейшего японского оборудования и аппаратуры, производилась в большом помещении напротив комнаты электронной разведки. К этому помещению примыкала финчасть. Здесь офицерам резидентуры выдавались порой крупные суммы денег, необходимые для выполнения оперативных заданий. Финчасть требовала отчета только в мало-мальски значительных тратах, начиная со ста долларов.

В Кабинете микрофильмов, выходящем на лестничную площадку, дежурный офицер переснимал стандартные рапорты, представляемые сотрудниками после каждой встречи с агентом или по окончании той или иной операции. Снятые на микроплёнку копии этих документов отправлялись в "центр". Точное время и место встреч с агентурой заранее регистрировались в специальном журнале. Назначая такую тайную встречу или намереваясь пообедать с "нужным человеком", каждый офицер КГБ должен был заглянуть в этот кабинет и удостовериться, не появится ли в том же ресторане

и в тот же день и час кто-либо из его коллег, преследующий подобную же цель.

Каждый новый ответственный сотрудник, прибывающий в распоряжение резидентуры, получал личный блокнот с грифом "совершенно секретно" и пронумерованными листами, куда заносил наиболее существенные детали проводимых им операций — действительные имена и фамилии своих агентов, их псевдонимы, телефоны, номера автомашин, детали запасных вариантов, чтобы не держать все это постоянно в памяти.

Выходя из помещения резидентуры, каждый был обязан вложить свой блокнот в специальный баул, который опечатывался индивидуальной печаткой, и опустить в щель передвижного сейфа. В конце рабочего дня шифровальщик доставлял этот сейф в помещение референтуры на восьмом этаже, надежно отрезанное от внешнего мира бронированной дверью пятнадцатисантиметровой толщины. Дверь эту можно было открыть только изнутри. В референтуре круглые сутки, не исключая выходных и праздников, дежурил охранник или шифровальщик, он следил за работой криптографического оборудования и аппаратуры спутниковой связи, служившей для передачи информации.

Пирогов сообщил Левченко несколько паролей для открытых телефонных разговоров с посольством из внешнего мира, названия полудюжины ресторанов и ознакомил его с ограничениями в отношении спиртного. В пределах резидентуры пить воспрещается, — разве что сам резидент пригласит тебя отметить какое-нибудь торжество и сам предложит тост. Ни в коем случае нельзя напиваться в общественных местах. Попутно Пирогов, подмигнув, заметил, что, конечно, никому не возбраняется прихватить бутылочку домой и там втихомолку с ней разделаться.

Станислав из вежливости выслушивал всю эту примитивщину, время от времени выдавливая из себя любезную улыбку, но на душе у него кошки скребли. Не желая, чтобы Пирогов заметил это, он сослался на необходимость встретиться со своим предшественником по "Новому времени", который должен тоже ввести его в курс дел, извинился и поспешил уйти.

Вот как это здесь делается, — думал Левченко, выйдя на токийскую улицу. Они тут сорят деньгами, да это и понятно: для резидентуры деньги играют ту же роль, что для фронтово-

го генерала — патроны и снаряды. Так что никому не придет и в голову подсчитывать, потратил офицер лишнюю десятку или нет, — следить за этим так же нелепо, как если бы боевой командир вздумал проверять, не зря ли солдат выпустил по врагу автоматную очередь. Всю жизнь Левченко наблюдал самые дикие и нелепые проявления бюрократизма, сковывающего, словно цепями, все отрасли советского хозяйства. Здесь в резидентуре, а может быть, и в самом "центре", полностью презрели этот мелочный бюрократизм. КГБ угнездился в японской столице не для того, чтобы перебирать бумажки и писать бесконечные доклады. Он тут занят работой: подрывом японского государства, а заодно пытается, насколько возможно, насолить китайцам, американцам и всем остальным. Резидентура — это крепость, построенная для военных действий, и ее офицеры могут рассчитывать на успешное продвижение по службе только в том случае, если блестяще покажут себя в бою.

Почему бы, — думал Станислав, — не приложить те же понятия, диктуемые здравым смыслом, для решения задач мирного строительства там, дома? Почему нельзя предоставить народу известную свободу действий? Почему там не принято оценивать людей по их действительным способностям и достижениям?

Если не считать совершенной шпионской аппаратуры, сосредоточенной на одиннадцатом этаже, Левченко не нашел в резидентуре ничего, что могло бы его поразить. Конечно, здесь иные масштабы и более современный дух, — но в общем все похоже на типичную резидентуру, оборудованную для учебных целей в Москве. Он понимал, что эти огромные гебистские гнезда по всему миру устроены примерно одинаково, и горько было сознавать, что в десятках мировых столиц тучи офицеров-гебистов в эту самую минуту корпят над краденными бумагами, шифруют, перехватывают чужую информацию, шмыгают по чужим улицам ради своих шпионских целей... И это — цвет нации, безусловно одаренные природой и хорошо подготовленные люди. Неужели их способности нельзя было использовать дома, во имя процветания собственной страны.

Отвлечься от мрачных мыслей можно было только, уйдя с головой в работу, то есть опять прибегнуть к испытанному средству, не раз уже выручавшему Станислава.

Прежде всего, следовало постараться выгладеть в глазах японских и западных спецслужб настоящим журналистом. Левченко начал приглашать на обеды японцев, рекомендованных ему прежним корреспондентом "Нового времени". Он звонил депутатам парламента, правительственным чиновникам и коллегам-журналистам, стал бывать на дипломатических приемах и пикниках, стремясь любым способом привлечь к себе внимание.

Полагая, что его телефон прослушивается, он регулярно обзванивал лидеров всех японских политических группировок, чтобы взять у них интервью и попутно задавая заранее обдуманые вопросы. К удивлению японских политиков, когда прошли очередные выборы в парламент и избирательные участки закрылись, он в два часа ночи явился в штаб-квартиру Либерально-демократической партии узнать результаты голосования из первых рук, — словом, он действовал как серьезный корреспондент какого-нибудь западного издания.

Чтобы укрепить свои позиции, он старался чаще посылать статьи и корреспонденции в "Новое время", на первых порах воздерживаясь от критики в адрес Японии и японцев. Одна из его первых корреспонденций была связана с посещением огромного универсального магазина "Исетан". Случилось так, что в здании универмага его застал сигнал тревоги, предупреждающий публику о пожаре или слабых подземных толчках, за которыми могут последовать более сильные. По этому сигналу тысячи покупателей быстро покинули здание универмага, соблюдая спокойствие, без паники и каких бы то ни было инцидентов.

Левченко рассказал об этом в "Новом времени", подчеркнув, что в подобных ситуациях проявляются такие черты японского народа, как врожденная дисциплинированность и общественная сознательность.

Объективный, благожелательный тон сообщений нового корреспондента не остался незамеченным: вскоре Левченко — первым из советских журналистов — получил доступ в престижный Национальный пресс-клуб.

Корреспонденты американских и западноевропейских изданий занимали в Токио прекрасные квартиры и даже порой отдельные дома. Станиславу досталась от его предшественника жалкая квартирка, кишмящая тараканами, в скверном

районе города. Пришлось довести до сведения главного редактора, что это обстоятельство подрывает престиж журнала, — если не всего Советского Союза. Наумов тут же распорядился снять другую, вполне приличную квартиру и обставить ее современной мебелью, — "Новое время" брало на себя все связанные с этим расходы. Левченко подыскал отличную четырехкомнатную квартиру в первоклассном новом доме, в аристократическом районе Удагава, рядом с прекрасным парком и почитаемой всеми японцами синтоистской усыпальницей Мэйдзи. Смотритель, дежурящий в подъезде дома, несомненно, станет сообщать японской контрразведке, когда Левченко выходит из дому и когда возвращается. Но это даже к лучшему: ведь можно войти в подъезд, чтобы посмотреть засек твое возвращение, а потом при необходимости выскользнуть через пожарный выход.

Роскошная квартира, новенький автомобиль, купленный тоже на средства "Нового времени", хорошо сшитые темные костюмы, которые стал носить Станислав, Наташины платья западного покроя, — все это диктовалось "оперативными соображениями".

Прикрываясь теми же "оперативными соображениями", Станислав и Наташа могли, не опасаясь неприятностей, пропускать унылые партсобrania и вообще уклоняться от соблюдения монашеских порядков, типичных для советской колонии. Все это выделяло их из среды тех, кто жил в пределах посольского комплекса под неусыпным надзором "линии КР" и множества гебистских осведомителей, — тех, у кого никогда не будет машины и возможности сорить деньгами в дорогих магазинах и изысканных ресторанах. В общем, они были "не такими, как все", и поэтому вызывали страх, зависть, неприязнь и привлекали особое внимание стукачей.

Одним из таких стукачей была Лариса, она же Лариса Петровна. Как-то в один из весенних дней она без приглашения заявила к Наташе, — якобы для того, чтобы по-дружески посоветовать, что и где лучше всего покупать в Токио. Ларисе было уже за сорок — женщина не первой молодости, к тому же большая любительница спиртного и озабоченная специфической личной проблемой — всем и каждому она рассказывала по секрету, что ее муж, офицер госбезопасности — импотент. Она до сих пор его не бросила только из альтруистических побуждений и по соображениям патриотизма,

зная, что если они разведутся, его тут же отправят домой. Пострадает не только он, страдает дело, которое он делает.

Незадолго до приезда Левченко эта дама оказалась героиней такого происшествия. Вдвоем с одним из посольских донжуанов Лариса выехала за город, в машине они занимались любовью и изрядно выпили. На обратном пути они врезались в чью-то стоящую у дороги машину, сильно ее помяли и сами тоже пострадали: Лариса до сих пор была бледной от потери крови и не вполне освободилась от бинтов. Ей удалось избежать наказания главным образом потому, что, во-первых, она была активным стукачом, а во-вторых, у ее любовника оказалась "рука" в Москве.

Источая благожелательность, Лариса старалась внушить Наташе, что, экономя иены и купив побольше японских товаров, которые можно захватить с собой в Москву, та распродаст их из-под полы и заработает целое состояние. В СССР очень ценятся японские транзисторные приемники, фотокамеры и часы, но они относительно дороги и в Японии. Поэтому лучше всего покупать косметику, ткани, джинсы, шариковые ручки и презервативы, которые здесь не чета советским.

Чтобы сэкономить иены, поучала Лариса, надо сократить расходы на питание. Например, покупать рыбы головы, кости и мясо не первого сорта, из которых можно, тем не менее, приготовить вполне приличные блюда. Наташа пыталась возражать: "Мой муж работает по пятнадцать часов в сутки! Ему требуется настоящее мясо, что ж я его буду кормить всякой дрянью?" Эта фраза, постепенно ставшая известной всей колонии, и была расценена как свидетельство "расточительного образа жизни" семьи Левченко. А расточительство — худший грех в глазах людей, страдающих маниакальной жадной экономии, чтобы потом нажиться на московском черном рынке. Еще одним доказательством расточительства Станислава и его жены считалось то, что они держат пуделя. Сорить деньгами, держа за границей собаку, — это уже не лезло ни в какие ворота.

Вживаясь в новую для себя обстановку, Левченко появлялся в резидентуре нечасто: у него было множество дел в других местах. Он совершенно ошеломил начальство, представив список фамилий и адресов всех иностранных корреспондентов, аккредитованных в Токио. Ему это, собст-

венно, ничего не стоило: список пришел по почте. Японская ассоциация газетных издателей и редакторов, желая оказать иностранным журналистам помощь в работе, разослала им эту бумагу совершенно бесплатно, в порядке самой тривиальной любезности. Несмотря на то что у каждого корреспондента имелась копия этого списка, Пирогов пришел от него в такой восторг, что приказал Станиславу отрезать заголовки и представить список в Москву как случайно попавший в их руки секретный документ. Вскоре "центр" откликнулся: "Материал, полученный от тов.Кольцова,* представляет исключительную ценность, так как позволяет заполнить давно отмеченный нами пробел в имеющейся информации".

— Вот видишь! — сиял Пирогов. — Всегда слушай меня!

Встретившись как-то со Станиславом в коридоре резидентуры, Пронников выразил удивление, почему Левченко не заходит к нему. С некоторым сарказмом, как показалось Станиславу, он спросил: "Как поживает твоя красавица Наташа? А песик, что с ним? С этим прелестным песиком?.."

В апреле, тоже в коридоре и на ходу, Пронников вдруг заинтересовался: "Что, Наташа уже получила работу?" Он, конечно, не мог не знать, что незадолго перед тем посольство вернуло Наташино заявление с резолюцией: "Вакантных должностей нет".

Одним из наиболее многообещающих знакомств, завязанных Станиславом среди японцев, было знакомство с видным деятелем японской социалистической партии, которому КГБ присвоило кодовое имя Кинг. Левченко тщательно изучал личность этого человека, чтобы "подобрать к нему ключик", и снова и снова повторял про себя советы, полученные в разведшколе от полковника, который приобрел в этом немалый опыт в Соединенных Штатах. Обсуждая со слушателями вопрос, каким образом люди становятся агентами чужой державы, полковник привел американскую формулу "MICE" Money, Ideology, Compromise, Ego, — то есть: деньги, идейные соображения, боязнь компрометации, самомнение (или, если угодно, комплекс неполноценности). И добавил: обычно

* Кольцов — рабочий псевдоним Левченко в КГБ. Фамилию Кольцов носил известный советский журналист, уничтоженный Сталиным и посмертно реабилитированный при Хрущеве.

иностранца способно толкнуть к сотрудничеству с КГБ даже присутствие хотя бы одного из этих факторов, но в идеале лучше использовать все четыре.

Собранные резидентурой данные о Кинге содержали такую информацию: это — респектабельный интеллектуал, в прошлом имевший убеждения, близкие к коммунистическим, продолжающий и по сейчас склоняться к марксистской идеологии. Правда, это не обязательно говорило о его симпатиях к Советскому Союзу. Подавляющее большинство японцев относятся к СССР отрицательно, а многие — настолько враждебно, что во время своих поездок по Японии Левченко предпочитал выдавать себя за американца или швейцарца. Японские марксисты часто рассматривают Советский Союз как изменника истинному марксизму, даже японская компартия занимает резко антисоветскую позицию.

Кинг получал прекрасное жалованье. У него были жена и двое детей. Он не страдал какими-либо бросавшимися в глаза недостатками или порочными наклонностями, опираясь на которые можно было бы его шантажировать. В распоряжении ГБ не было данных, что он отличается, скажем, чрезмерным самолюбием, или — что было бы еще лучше — честолюбием. Тем не менее, ища подход к этому человеку, Левченко пытался нащупать скрытые пружины его поведения, черты характера, которые позволили бы воздействовать на тот или иной из элементов, входящих в комплекс "MICE".

Руководствовался он и некоторыми общими принципами, которые сам вывел из анализа японской национальной культуры и психологии. Японцы работали очень напряженно, их день был нередко расписан по минутам, и они неодобрительно относились к любой непроизводительной потере времени. Исходя из этого, Левченко старался сделать любую встречу за обедом или ленчем приятной и запоминающейся для собеседника, уснащая беседу тонкой лестью и вводя в нее обрывки тех или иных деловых сообщений, которые Кинг мог счесть полезными для себя.

Используя прием, неоднократно проверенный и доказавший свою эффективность, Левченко как-то заметил: "Откровенно говоря, я хотел бы вам кое-что сообщить — при условии, что это останется между нами. Официально считается, что "Новое время" издается советскими профсоюзами. Но на самом деле это орган министерства иностранных дел, причем он

регулярно выпускает конфиденциальный бюллетень для узкого круга лиц, — настолько узкого, что этот бюллетень читают разве что только люди, близкие к Политбюро или непосредственно определяющие советскую политику. Поэтому я не могу позволить себе ошибаться: они должны знать реальные факты, независимо от того, приятны эти факты или нет. Вот почему я так ценю наши доверительные беседы. Ведь вы — признанный авторитет в международной политике”. (Иными словами это означало: ”Мистер Кинг, разговаривая со мной, вы разговариваете не с рядовым, обычным журналистом. В моем лице вы говорите с руководством Советского Союза и, возможно, в этот самый момент произносите нечто такое, что окажет влияние на дальнейшую политику этой державы!”)

Руководствуясь донесениями агентов КГБ, уже внедренных в верхние слои социалистической партии Японии, Левченко задавал своему собеседнику вопросы, демонстрирующие поразительное знание обстановки, сложившейся внутри партии, и в японской политической жизни в целом.

Впрочем, иногда он специально преподносил своему собеседнику какой-нибудь факт в искаженном виде, заведомо ошибочно оценивал то или иное событие, давая Кингу возможность поправить его.

— Вы уверены, что это так? — спрашивал он, когда Кинг деликатно указывал на его ошибку. — Я получаю информацию из надежного источника...

Иногда, желая доказать свою правоту и продемонстрировать превосходство своих сведений и соображений, Кинг увлекался и сообщал такие вещи, которые были безусловно новы и поэтому представляли интерес для КГБ. В таких случаях Станиславу, действительно, оставалось только искренне благодарить Кинга за то, что тот рассеивает его заблуждения и предупреждает неправильную оценку им (а тем самым, надо понимать, и руководителями Советского Союза) тех или иных событий.

Демонстрируя доверие, Левченко время от времени информировал Кинга о некоторых неявных изменениях в советской политике или о внутренних проблемах Советского Союза, о которых со дня на день должна была сообщить — но пока еще не сообщила — ”Правда”. Эти маленькие откровения, ничего не стоившие Советам, делали Кинга на ближайшие несколько дней более информированным — пусть по частным

вопросам, — чем его окружение. Сверх того, раза два или три у Левченко появилась возможность поделиться с Кингом кое-какими секретами правящей в Японии Либерально-демократической партии. Этой информацией социалистическая партия, к которой принадлежал Кинг, могла при желании воспользоваться в пику своим соперникам.

Левченко понимал, что завоевать дружеское отношение любого японца очень непросто. Но зато когда это достигнуто, оказывается, что игра стоила свеч. Дело в том, что японцы смотрят на дружеские связи почти как на родственные, фамильные. И Станислав медленно, но верно добивался дружбы Кинга. Он старался создать у него представление о себе как о симпатичном, чутком человеке, ничего общего не имеющем с расхожим образом твердолобого большевика. Он предпочитал скромные рестораны и заказывал, обедая с Кингом, непременно японские деликатесы, для многих иностранцев несъедобные да и просто вредные для желудка, например "аваби-но-кимо" — сырую печень какого-то морского чуда. Он никогда не позволял себе критиковать какие бы то ни было стороны японской действительности и не давал понять Кингу, что в той или иной мере соглашается с его собственными критическими высказываниями.

Их дружеские отношения, казалось бы, укрепились, — и в этот момент Левченко, то ли от чрезмерного доверия к своему партнеру, то ли по недостатку опыта, сделал неверный шаг. Как-то беседуя с Левченко о предстоящих в 1976 году выборах в парламент, Кинг обмолвился, что сложнее всего собрать достаточную сумму денег для подготовки победы. "Ну, так мы вам поможем, если разрешите, — отозвался Левченко. — Мой журнал располагает средствами для подобных случаев..."

Кинг буквально отшатнулся от Станислава, и его лицо мгновенно окаменело. "Нет, нет! — необычно резко запротестовал он. — Это было бы совсем недостойным делом". Тем не менее, их отношения оказались достаточно прочными, чтобы выдержать даже такой непростительный со стороны Левченко промах, и, когда Станислав предложил встретиться на следующей неделе, чтобы, как обычно, пообедать вдвоем, Кинг не стал возражать.

Левченко заказал отдельную комнату в приличном ресторане. Под монотонный шум дождя за окнами они дружески

беседовали о том, о сем часа три. Обед состоял из девяти блюд, сдобренных несколькими чашками подогретого сакэ. Кинг упомянул, между прочим, что уже довольно давно у него появилась мысль начать выпускать информационный бюллетень со статьями на разные политические темы. Такое издание могло бы способствовать упрочению единства социалистической партии.

— О, это великолепная идея! — откликнулся Левченко. — Отчего же вы ее до сих пор не осуществили?

Оказалось, дело опять упирается в деньги. У Кинга были кое-какие личные сбережения, но необходимо было наскрести еще по крайней мере миллион иен. Можно бы, конечно, собрать такую сумму, и довольно быстро, но это означало, что семья Кинга должна будет пожертвовать слишком многим.

Левченко с пониманием кивнул и тут же умышленно заговорил совсем о другом. Его беседы с Кингом чрезвычайно ценны с профессиональной, журналистской точки зрения, но еще больше он ценит завязавшуюся между ними сердечную дружбу. Будучи другом Кинга, он должен бы позаботиться о нем, — позаботиться вот в каком отношении:

— Я журналист, вы — известный политический деятель, — продолжал свою мысль Станислав. — Мы имеем полное право обмениваться мнениями по самым разным вопросам. Но служба контрразведки обычно относится к подобным вещам не в меру ревниво. Она следит за советскими людьми, подслушивает телефонные разговоры, — и все только потому, что речь идет о советских людях. Я эту службу не осуждаю — такова специфика их работы. К тому же некоторые мои соотечественники, быть может, действительно дали повод к слежке. Но в наше время власти в каждом иностранце готовы видеть шпиона. Мне-то как журналисту это почти безразлично, но не хотелось бы невольно причинить неприятности вам...

Он клонил к тому, чтобы оба они прекратили звонить друг другу, договариваясь о встречах. Порешили так: отныне при каждой встрече они будут договариваться о двух последующих, и если кто-нибудь из них пропустит очередное свидание, то следующее непременно должно состояться. Кинг согласился с таким порядком — и тем самым объективно вовлек себя в тайные, то есть скрываемые от властей, сношения с иностранцем.

Побудив Кинга сделать этот шаг, Левченко, тем не менее, испытал не гордость профессиональной удачей, а совсем иное чувство — скорее, некоторое отвращение к себе. Выходит, он становится таким же лицемерным и циничным, как и вся система, на которую он работает. Дружески протягивая руку этому японцу, он фактически охотится за его душой, преступая тем самым если не человеческий, то божеский закон. Но что ему остается делать, если он хочет уцелеть в этом КГБ?

Прошел месяц, и Левченко опять, как бы между прочим, спросил Кинга об информационном бюллетене:

— Ну как, что-нибудь прояснилось с деньгами?

— Нет, это, должно быть, дело безнадежное. Я, знаете ли, махнул на него рукой.

— Дорогой друг, — вкрадчиво начал Левченко, — я знаю, вы никогда не взяли бы у нас денег лично для себя, и эта ваша черта достойна всяческого уважения. Но, пожалуйста, разрешите мне как-нибудь помочь вам с вашим бюллетенем. Ведь это так важно для многих людей доброй воли...

— Спасибо, — нервно отозвался Кинг. — Но только не сейчас. Может быть, когда-нибудь после...

В резидентуре Левченко обсудил это предприятие с Прониковым, и они вдвоем составили текст срочного запроса в Москву, одобренный Ерохиным: "Товарищ Кольцов уверен, что выплата одного миллиона иен даст возможность завербовать Кинга. Резидентура возражений не имеет".

"Центр" немедленно санкционировал этот расход.

Встретившись с Кингом в очередной раз, Левченко после нескольких порций виски прямо приступил к делу.

— Да, я почти позабыл... Как ваше давнее намерение? Что-нибудь уже сдвинулось с мертвой точки?

— Ну как же его сдвинешь...

— Так вот. Примите нашу братскую помощь. — Левченко выложил на стол пухлый желтый конверт с миллионом иен. Поколебавшись, Кинг сунул его во внутренний карман пиджака. Левченко с энтузиазмом разглагольствовал о перспективах, открывающихся перед будущим изданием, о возможности его превращения во влиятельный орган прессы...

— Да, кстати... Деньги эти, естественно, не мои. Мне предстоит за них отчитаться. Мне нужна ваша расписка, что ли, чтоб показать, что я их не присвоил, — ведь в жизни всякое бывает.

Мучительно покраснев, Кинг на обороте своей визитной карточки поспешно нацарапал расписку.

Спрятав ее в карман, Левченко поблагодарил и выразил надежду, что теперь они будут сотрудничать еще активнее и с большей пользой для обоих.

— Да, да, — пробормотал Кинг. — Я теперь ваш должник...

Это произошло в пятницу, а в понедельник Станислава разбудил необычно ранний телефонный звонок. Было шесть часов утра. Звонил Кинг, и от волнения его голос так дрожал, что Станислав не сразу разобрал, что он говорит.

— Нам надо срочно повидаться. Дело не терпит отлагательства!

Они встретились за ленчем.

— Вы выглядите совсем больным, — сочувственно заметил Левченко. — Что с вами случилось?

— Да нет, я не болен... Но я должен забрать у вас свою расписку. Вы понимаете, что она означает для меня?

— Ну, собственно... Она подтверждает, что деньги вы получили...

— Нет, вы не хотите понять. Это ведь документ, он может быть использован против меня... с целью меня скомпрометировать, подорвать мое положение в партии, испортить всю мою жизнь!

Левченко сделал вид, что раздумывает над услышанным, как будто ему до сих пор ничего подобного не приходило в голову.

— Я не думаю, что такое может случиться... Нет, что вы, этого наверняка не произойдет. Это совершенно исключено!

— Где сейчас эта расписка? В вашем посольстве?

— Она уже в Москве, в абсолютно надежном месте. Доставлена со специальным курьером и хранится в помещении, охраняемом круглые сутки. Никто, кроме меня и начальника нашей финансовой части, не имел к ней доступа... значит, никто не мог прочесть, что вы написали на обороте вашей визитной карточки.

Кинг сидел перед ним, ссутулясь. На него было жалко смотреть. Похоже, что эти доводы его не убедили.

Так же вкрадчиво и без нажима Левченко начал приучать Кинга к мысли, что теперь ему придется исполнять довольно щекотливые поручения. Для начала они неизменно облакались в форму вопроса или пожелания и выглядели, например,

так: "Нельзя ли как-нибудь предупредить выдвижение этого коварного китайского агента делегатом на съезд Японской социалистической партии?" Следовало понимать, что Кинг должен употребить все свое влияние, чтобы подорвать репутацию такого-то деятеля собственной партии, известного КГБ своими прокитайскими настроениями. Следуя прямым указаниям Левченко, Кинг помог организовать так называемую "Мартовскую группу", которая способствовала внедрению в социалистическую партию прокоммунистически настроенных политиков. Сообщения Кинга о тенденциях, наметившихся в руководстве его партии, сообщения о внутренних конфликтах и оценки влиятельных партийных деятелей открыли перед КГБ дополнительные возможности вербовки. Информация, получаемая от него, проверялась путем сопоставления с сообщениями других агентов — и Кинг успешно выдержал такую проверку.

Анализ интенсивности радиопереговоров, подкрепленный наблюдениями сотрудников резидентуры, позволил прийти к выводу, что японские группы внешнего наблюдения, состоящие из работников контрразведки и политической полиции, обычно резко ослабляют свою активность по выходным и праздничным дням, а между одиннадцатью вечера и семью часами утра вообще почти не появляются на улицах (по мнению КГБ, это объяснялось нежеланием начальства платить им сверхурочные).

Как-то в начале декабря Левченко подъехал к Кингу домой ранним утром, часов в шесть, будучи уверен, что в столь ранний час никто не станет за ним следить. Кинг, облаченный в кимоно, без лишних церемоний провел его на кухню, заварил чай.

— Дорогой друг, я привез вам три миллиона иен на вашу избирательную кампанию, — объявил Левченко. — Примите, пожалуйста, эту братскую помощь. Мы и в дальнейшем думаем вас поддерживать.

Кинг кротко пересчитал деньги и без всякого напоминания написал расписку. Приняв как должное этот неожиданный ранний визит и немалую сумму денег, он молчаливо поставил себя в положение исполнителя всех дальнейших указаний КГБ.

Тем же утром резидентура телеграфировала в "центр": "Во всех практических вопросах Кинг сейчас работает на нас,

отчасти из идейных побуждений, но главным образом по соображениям материального порядка. Анализ его действий и полученной от него информации показывает, что он искренен и не является провокатором.

Изучение Кинга, проведенное с помощью других источников в социалистической партии Японии, подтверждает эту оценку. Ввиду изложенного резидентура считает, что Кинг может рассматриваться как доверенное лицо, и просит "центр" санкционировать его включение в состав постоянной агентурной сети резидентуры".

29 декабря 1975 года Москва ответила: "Центр" одобряет включение Кинга в состав постоянной агентурной сети токийской резидентуры в качестве доверенного лица. По решению руководства товарищу Кольцову присваивается звание капитана, и он назначается ответственным руководителем темы. Желаем тов.Кольцову дальнейших успехов в его благородной деятельности".

По предположениям КГБ, Кинг может рассчитывать на длительную политическую карьеру и в оптимальном случае продержится в руководстве социалистической партии еще лет двадцать. Значит, имеет смысл делать ставку на "группу Кинга" — как на него самого, так и на его окружение. Умело направляемые, эти люди составят ядро, способное если не полностью держать партию в руках, то, во всяком случае, оказывать решающее влияние на ее политику, даже вопреки желанию большинства. Дело Кинга — увеличивать это ядро количественно и соответственно укреплять его. Повышая Левченко в звании и должности, КГБ дал понять, что он связывает с личностью Кинга далеко идущие планы.

Пронников первый поздравил Левченко. "Ну вот, я оказался прав, — заявил он. — Рад, что удалось тебе помочь. Я тебе доверил самостоятельное дело, и вот, пожалуйста, начальство тебя оценило. Будешь работать со мной — увидишь, как быстро продвинешься".

Коллеги предложили отметить приятное событие, спустившись в бар. "Может, отложим на завтра? — уклонился Левченко. — Мне предстоит вечером одно дело... Надо побывать в церкви, чтобы Господь меня просветил и наставил". Коллеги заулыбались. "Да нет, серьезно, — продолжал он. — Японцы говорят, что здешний православный собор — шедевр архитектуры. Я слышал к тому же, что служба идет

на японском языке. И потом, знаете, японцы, наверное, меньше подозревают того, кого им случится увидеть в церкви”.

Единственный в Токио православный собор, основанный еще в 1891 году, был открыт по субботам, воскресеньям и праздникам. В эти дни Станислав не раз приходил сюда, чтобы помолиться об отпущении грехов — он часто повторял про себя эту молитву с тех пор, как поступил работать в КГБ. На этот раз он помолился также о Кинге, умоляя Господа, чтобы Он избавил их обоих от служения злу, от которого они и сами не ведали, как освободиться.

Вскоре после Нового года резидентуру потрясло необычайное событие: слетел резидент. Падение генерал-майора Ерохина произошло мгновенно и оказалось неожиданным для всех, включая Пронникова. Причин, вызвавших такое событие, было несколько. Конечно, в первую очередь приложил к нему руку сам Пронников, но роковым для генерал-майора оказалось его столкновение с подполковником Евстафьевым.

С того самого дня, как Ерохин прибыл в Токио, воодушевленный успехом, выпавшим на его долю в Индии, Пронников усмотрел в нем угрозу своему благополучию. Ведь если Ерохину в Токио станет везти так же, как в Нью-Дели, он, чего доброго, будет оставлен резидентом надолго, перекрывая Пронникову — старшему по возрасту — пути к дальнейшей карьере. Вот и пришлось предпринять некоторые действия, чтобы помешать этому, не нарываясь в то же время на неприятности.

Евстафьева Ерохин перетянул из Нью-Дели, пообещав ему повышение в звании до полковника. Однако сразу это сделать не удалось, и Пронников, пользуясь моментом, дал понять Евстафьеву, что в действительности резидент хлопочет о присвоении этого звания кому-то другому. Одновременно Пронников сообщил Ерохину, что Евстафьев ”сильно обозлился” и допускает ”клеветнические высказывания” об особе резидента. Так, сея слухи и искусно интригуя, Пронников восстановил этих двоих друг против друга. В конце концов он намекнул резиденту, что Евстафьев, не выдержав повседневного нервного напряжения, связанного с работой, ”похоже, свихнулся”.

То ли по наущению Пронникова, то ли по собственной инициативе Ерохин начал добиваться, чтобы ”центр” отозвал Евстафьева, который-де не в своем уме. Это встревожило Москву; в Токио стало известно, что одному из офицеров

резидентуры, проводившему отпуск на родине, в "центре" с полной серьезностью был задан такой вопрос: "Скажите, это правда, что товарища Евстафьева застали в тот момент, когда он стоял в углу своего кабинета и мочился прямо на пол?"

Разумеется, Пронников поспешил убедить Евстафьева, что Ерохин собирается насильно уложить его в госпиталь как психически больного. Ничего удивительного, что Евстафьев, будучи отозван в Москву, прямо из аэропорта отправился в госпиталь КГБ и настоял там на проведении всестороннего обследования психиатрами. В "центре" специальная комиссия, образованная для расследования его дела, разговаривала с ним мягко и уклончиво, как принято говорить с ненормальными: "Мы знаем, вам пришлось вынести огромное напряжение... Такие перегрузки, конечно... Вы слишком переутомились на работе. Вам, безусловно, предоставят длительный отпуск, вы его более чем заслужили..."

В госпитале, однако, Евстафьеву удалось получить на руки врачебное заключение, удостоверявшее, что он вполне здоров, и, заручившись этим документом, он тут же принялся разоблачать "ерохинский заговор", направленный против него. Партийная комиссия допросила всех оказавшихся под рукой офицеров, работавших в Токио за последние два года, — все они заявили, что не замечали за Евстафьевым ни малейших проявлений ненормальности.

Пронников, который на время, пока шло расследование, был назначен исполняющим обязанности резидента, прислал длинное обстоятельное донесение, восхваляющее обоих — Ерохина и Евстафьева — как отличных работников. Он выражал сожаление по поводу "конфликта между ними на личной почве", одновременно становясь на сторону Евстафьева: "К сожалению, генерал-майор Ерохин оказался в данном случае, на мой взгляд, неправ".

Сам Ерохин, представший перед партийной комиссией, которая предъявила ему обвинение в "травле" подчиненного, поначалу вел себя вызывающе, крича: "Подите к черту! Да залепитесь вы все с вашим Евстафьевым!" Однако опровергнуть обвинений он не смог и к концу разбирательства совсем пал духом и разразился плачем, как обиженный ребенок. Чтобы замять скандал, его не уволили из системы КГБ

вовсе, а перебросили, как в ссылку, в Управление пограничных войск.*

Хотя Левченко считал Ерохина надменным и грубоватым, его устранение было явной несправедливостью. Не сдержавшись, Станислав позволил себе осудить поведение Пронникова во всей этой истории в присутствии нескольких сотрудников.

— Пронников — настоящая змея, — неосторожно сказал он. — Чем скорее его заберут в Москву на повышение, тем чище тут будет воздух!

На следующее же утро, когда Левченко шел по коридору резидентуры, его окликнул Пронников: "Зайдите ко мне!" Закрыв дверь кабинета, Пронников уселся за стол, подчеркнуто оставив Левченко стоять.

— Я надеялся, что мы в самом деле станем друзьями, — начал он. — Я делал все, чтобы вам помочь — и здесь, в резидентуре, и в ПГУ.** Теперь я вижу, что вы человек неблагодарный. Больше того: бессовестный и ненадежный.

— Что вы имеете в виду?

Пронников грязно выругался.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Ты меня недооценил. Болтаешь слишком много, а люди мне все рассказывают. Мне положено знать все, что тут происходит, раз я здесь начальник.

— Выходит, в резидентуре вы держите тайных осведомителей?

— Это не твоего ума дело. Но мне все известно. И то, что ты вчера наболтал обо мне... я никогда тебе этого не прощу. Теперь берегись, если хочешь остаться цел!

Через несколько недель, на протяжении которых они как могли избегали друг друга, Пронников был отозван в Москву и назначен заместителем начальника Седьмого отдела, отвечающего за Японию. Левченко уклонился от участия в прощальном ужине, устроенном отъезжающим для сотрудников.

Пока КГБ искал преемника Ерохину, обязанности резидента исполнял Крармий Константинович Севастьянов, заняв-

* Насколько известно, Ерохин вышел на пенсию в 1977 году в возрасте 45-ти лет, по состоянию здоровья.

** Первое главное управление.

ший штатную должность Пронникова. Он просил сотрудников называть его Романом Константиновичем вместо того, чтобы употреблять комичное и труднопроизносимое настоящее имя, данное ему родителями в честь Красной армии. Долговязый, нескладный, с вечно желтыми от сигарет кончиками пальцев, он обладал весьма заурядной, незапоминающейся внешностью, говорил медленно и вяло и вообще был мало похож на сотрудника "органов". При всем том это был один из самых сведущих специалистов по Японии. Он проработал здесь три обычных срока и мог во всех деталях вспомнить операции, проводившиеся 20 лет назад.

Жена Севастьянова вскоре подружилась с Наташей, и в известной мере благодаря этому обстоятельству Станислав и Крармий тоже стали друзьями.

Левченко увидел, что Крармий — по сути дела, честнейший мальчик, махнувший рукой на советскую систему, которую он презирал, но был бессилён хоть что-то изменить. Он дотягивал в Токио свой четвертый срок, последний перед уходом в отставку, и, пожалуй, ничего так не хотел, как только бы закончить службу без неприятностей. Поэтому он на каждом шагу перестраховывался и ко всему был инертен.

Севастьянов познакомил Станислава с разработкой резидентуры, относящейся к одному из самых многообещающих потенциальных агентов. Это был "Томас", ведущий корреспондент газеты "Иомиури", самой крупной в стране, с тиражом 8,7 миллиона экземпляров. Удачливый автор нескольких популярных книг и солидный политический комментатор, Томас пользовался доверием в правительственных кругах и лично знал нескольких бывших премьеров. Для него не было секретом, кто в правительстве склонен к коррупции и кто — неподкупен.

Левченко понял, что Томас был бы бесценным приобретением как проводник советского влияния в Японии. Он мог бы стряпать не только статьи, предназначенные для опубликования в "Иомиури", но и истории совсем другого рода — с недомолвками и умолчаниями. Известно ведь, что восприятие мировых событий общественностью формируется не только тем, что печатается в газетах, но и главным образом тем, о чем пресса умалчивает. Этот человек может консультировать советское правительство по поводу истинных настроений, склонностей и амбиций японских лидеров, что позволит КГБ

играть на самых сокровенных чертах их характера. Пройдут годы — и настанет момент, когда понадобится направить в нужную сторону мысли премьер-министра, министра иностранных дел, влиятельных политических лидеров, должным образом повлиять на их решения, — точь-в-точь, как это делал в 1941 году Рихард Зорге, — вот тогда и пригодится дальновидная и рассчитанная на многолетнюю перспективу работа КГБ с Томасом.

Правда, за 18 месяцев контактов с этим человеком КГБ не обнаружил никаких признаков, вселяющих надежду на то, что Томаса удастся превратить в советского агента. Человек высокообразованный, с широким кругозором, объездивший весь мир, он оказался таким же консервативным по убеждениям, как и его газета. Он высмеивал коммунизм как устаревшую политическую философию, которая дискредитировала себя повсюду, где бы ни пытались применить ее на практике.

В личной жизни Томас был образцом добропорядочности. Он был безраздельно предан жене, привлекательной и интеллигентной женщине, своим детям, дому и любимому садовому участку. Вместе с тем его заработок в газете, доходы от книг, консультаций и лекций позволяли ему жить безбедно. Раз или два в месяц Томас соглашался пообедать с капитаном Беловым, который считался представителем "Международной книги" и пытался "подобрать ключи" к японским журналистам, писателям и издателям. Из разговоров с Беловым Левченко вынес впечатление, что Томас встречается с ним лишь по таким двум причинам: во-первых, потому, что вообще интересуется иностранцами, во-вторых, — желая показать, что советских он не опасается. Напрашивался вывод: если не удастся сыграть на каких-то пока еще невыясненных слабостях и минусах Томаса, которые бы позволили его шантажировать и в конечном счете завербовать, — тогда не останется ничего другого, как завязать с ним "личную дружбу". Попытаться залезть ему в душу...

При первой же встрече, едва Белов представил Станислава, тот произвел впечатление на Томаса своими основательными знаниями в области японской истории, литературы и политики. Томас признался, что ему доставляет удовольствие беседовать с иностранцем на родном языке, — по-английски он говорит с трудом и вынужден больше слушать. Чтобы

поднять в его глазах свой журналистский престиж, Левченко вручил ему копии собственных статей, опубликованных в англоязычном издании "Нового времени". Томас, разумеется, обещал их прочесть.

Возвращая при следующем свидании эти статьи, Томас заметил:

— Знаете, мне нравится ваш стиль. Но, простите, содержание статей выглядит несколько странным...

— Ну конечно же, это чистая пропаганда. Увы, приходится писать именно так. Но я-то по крайней мере сознаю, что это чушь. А ведь основная масса журналистов пишет ерунду, даже не отдавая себе в этом отчета, не правда ли?

— Верно, верно! — рассмеялся Томас.

Очень вежливо и тонко Томас, однако, заметил, что ему претят репрессии, применяемые в СССР к инакомыслящим.

— Боюсь, вы правы. В этих историях с диссидентами есть доля истины, — дипломатично заметил Левченко. — Но ведь все приходится оценивать в сравнении, в исторической перспективе. Посмотрите, как далеко мы ушли от сталинских порядков!

Оглянувшись кругом и понизив голос, он добавил:

— Конечно, нельзя отрицать, что надо бы отойти от тех порядков еще намного дальше:..

Они позлословили насчет нового советского посла в Японии — Дмитрия Полянского, которого выперли из Политбюро и отправили сюда в ссылку.* Полянский выглядел, одевался и вел себя как дремучий провинциал. Нужно было видеть, как он вышагивает, по-бычьему нагнув голову, сцепив руки за спиной или, наоборот, держа ладони у груди, словно собираясь молиться или умывать лицо. На дипломатических

* На заседании Политбюро Брежнев предложил "объединить две главные должности советского государства — пост генерального секретаря ЦК КПСС и пост председателя Президиума Верховного Совета, поскольку он претендовал сразу на обе эти должности. Подгорный, не желая расставаться с постом председателя Президиума, голосовал против такого предложения. Так же поступил и Гелепин, вообще всегда голосовавший против брежневских предложений, независимо от их сути. Остальные поддержали Брежнева... кроме, впрочем, Полянского, который поступил вовсе по-дурацки — воздержался при голосовании, дав тем самым Брежневу повод услатить его с глаз долой.

встречах он смотрел на собеседников, постоянно осклабившись. Эта усмешка могла ввести в заблуждение: то ли она принадлежала человеку всеведущему и потому смотрящему на всех с неким сарказмом, то ли — умственно отсталому. Он развлекал японцев длинными газетными тирадами о советском сельском хозяйстве или же детски наивными вопросами: например, как это им удастся получать так много мяса и молока с такой маленькой площади.

С того дня, как Левченко познакомился с Томасом, прошло месяца три. Как-то к концу обеда, проведенного вдвоем, Левченко заказал бутылку французского коньяка, и Томас, придя в хорошее настроение, налил себе одну, а затем и вторую рюмку.

— Откровенно говоря, русские мне всегда казались изрядными грубиянами, — заметил он. — Но вы — культурный человек, и мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями...

— Я — русский, вы — японец, — отозвался Левченко. — Но в первую очередь мы оба — люди. Мы, конечно же, друзья!

Обхаживая Томаса, Станислав нащупывал в нем черты, которые позволили бы уверенно применить к нему все ту же универсальную формулу "MICE". Томас был гурманом, равнодушным к шикарным ресторанам. Он всегда был безупречно одет, носил дорогие, сшитые на заказ костюмы, шелковые сорочки, изысканные галстуки. По некоторым его репликам можно было догадаться, что его жену тоже отличает тонкий вкус. Фотография дома Томаса, доставленная агентом резидентуры, вполне соответствовала общему впечатлению от этого человека: содержание такого дома должно было обходиться недешево. Станислав решил, что если предложить Томасу дополнительный источник доходов, тому трудно будет удержаться от соблазна.

С другой стороны, Левченко казалось, что Томаса едва ли удовлетворяет его роль политического обозревателя. Ему бы хотелось, наверное, добиться такого положения, когда бы выражаемые им идеи и мнения реально влияли на ход событий. Итак, резюмировал Станислав, надо сделать ставку сразу на "М" и "Е", то есть деньги плюс самоутверждение.

— Этой ночью мне пришло в голову: каким же я был слепцом и каким нечутким человеком, — начал он. — Дело в том, что "Новое время" регулярно издает конфиденциальный обзор событий, с которым во всей Москве знакомится не более

двухсот человек. Но если расценивать эту малочисленную группу с точки зрения ее влияния на мировые события, то вряд ли кто-то способен с ней соперничать. В любом крупном государстве, даже в Соединенных Штатах, "Новое время" приглашает сотрудничать наиболее выдающихся журналистов. А здесь, в Японии, мне просто повезло: я познакомился и подружился с самым выдающимся аналитиком японской политической жизни, но мне до сих пор не приходила в голову такая очевидная мысль... почему бы вам, господин Томас, не начать писать в "Новое время"? Разумеется, журнал будет платить гонорар, исходя из ставок, принятых здесь, в Японии. То есть, — подчеркнул Левченко, — по тысяче иен за страницу.

— О чем же вы хотите, чтобы я написал? — спросил Томас.

— Да, Бог мой, берите любые темы! Вы же знаете о японской политической жизни несравненно больше моего. В основном, конечно, желательно, чтобы вы писали о том, что, по вашему мнению, необходимо знать руководителям Советского Союза.

Это вовсе не выглядело предложением раскрывать японские правительственные секреты или пойти на нарушение законов, действующих в стране. Все, что говорил Левченко, не выходило за пределы разумных журналистских интересов, — и Томас принял предложение.

Первый же представленный им материал ясно показал КГБ, что деньги интересуют Томаса даже больше, чем возможность "раскрывать глаза" Кремлю. Он вручил Станиславу скорее не статью, а пухлое пятидесятистраничное сочинение с массой водянистых рассуждений, многословных отступлений от основной темы и совершенно ненужных экскурсов в историю, — во всем этом проглядывало стремление автора получить возможно больший гонорар.

После того как Томас написал три или четыре таких "статьи", Левченко вынужден был сказать ему, что "Новое время" сократило объем своего бюллетеня, предназначенного для московской правящей верхушки.

— Отныне мы нуждаемся в сжатых, трех-четырёхстраничных обзорах, насыщенных фактами. Тем не менее во имя сохранения наиболее ценных наших авторов, редакция поручила сообщить им, что гонорары останутся на прежнем уровне.

На этот раз Томас представил долгожданную "конфетку".

В его статье было прямо сказано, что японский премьер-министр сознательно поощряет критику своих действий справа, со стороны консервативных кругов. И делает он это для того, чтобы предупредить или нейтрализовать нападки со стороны либералов, которые обвиняют премьера в том, что он оттягивает заключение соглашения с Китаем. Левченко объявил, что ему приказано заплатить за эту статью 60 тысяч иен.

— О н и считают, что ваша последняя статья представляет очень значительный интерес, — сообщил он.

В дальнейшем Томас все более откровенно выбалтывал государственные секреты, и гонорар, получаемый им от КГБ, начал составлять около 500 долларов в месяц — не ахти сколько, однако это означало примерно пятнадцатипроцентную добавку к его доходам. Причем за нее он не отчитывался ни перед налоговым управлением, ни перед собственной женой. К тому же КГБ хорошо знал, что Томасу, уже привыкшему к этим легко достающимся деньгам, в случае чего будет не так-то легко отказаться от них.

Сославшись на чрезмерную подозрительность и пронырливость японской контрразведки, Левченко убедил Томаса, что им надо встречаться тайно, — точно так же, как он сумел внушить это Кингу. Дважды он нарочно пропустил назначенное Томасу свидание, чтобы тот лучше осознал необходимость конспирации.

— Прошу прощения, — сконфуженно объяснял Станислав при ближайшей встрече, — но я заметил какую-то подозрительную машину, следовавшую за мной, и не захотел подвергать вас напрасному риску.

Эта перестраховка и условный язык, которым им отныне приходилось пользоваться, назначая свидания по телефону, несколько даже развлекали Томаса. Он с удовольствием включился в игру.

— Чем вы думаете заняться сегодня после обеда? — спросил его как-то Левченко.

— Да я пригласил на чашку чая одного профессора... Заодно потолкуем с ним о Полинезии...

— А вы не собираетесь заглянуть по дороге в свой служебный кабинет?

— Вроде бы не собирался. А в чем дело, собственно?

— Видите ли... У меня с собой несколько денежных документов. Если кто-нибудь о них узнает, будет скандал. Я их по-

лучил, когда уже отправлялся на встречу с вами, и не смог забросить в посольство. Вот я и подумал: может быть, вы согласитесь поддержать эти бумаги у себя до понедельника?

— Я ничего не имею против, но только не смогу вернуть их вам в понедельник. Меня не будет в городе. Если можно во вторник — тогда другое дело.

— Отлично. Давайте пообедаем вместе во вторник вечером!

Конверт с документами перешел к Томасу. Во вторник, получив его обратно, Левченко отправился в резидентуру, где, несмотря на поздний час, его дожидался офицер из отдела технических операций. Обследовав конверт с помощью специальной оптики, он заявил:

— Нет, могу поручиться, что его не вскрывали.

Вскоре Левченко подверг Томаса еще одному испытанию. Японская контрразведка арестовала майора ГРУ Александра Мачехина за несколько минут до того, как он получил рулончик микропленки от мичмана американского военно-морского флота. Мачехину удалось выбросить пленку, но он вступил в драку с задержавшим его полицейским и угодил за решетку. Как корреспондент агентства печати "Новости" дипломатическим иммунитетом он не пользовался, и отправить его за решетку японский суд мог на довольно длительный срок. Левченко поинтересовался у Томаса, не может ли тот через свою газету как-нибудь повлиять на общественное мнение, чтобы спасти Мачехина от тюрьмы.

— Это очень трудно, — ответил Томас. — Все основные газеты Японии, в том числе и моя, занимают жесткую антисоветскую позицию. Сейчас просто невозможно напечатать статью, благоприятную для Советского Союза.

— Да, конечно... — согласился Левченко. — Ну, а что если, допустим, первая половина статьи будет антисоветской, скажем будет подчеркнуто, что Советы широко практикуют шпионаж тут, на территории Японии.. А вот во второй части — обратить внимание на некоторые неясности в этом деле... Что, если все это — провокация, подстроенная американской военно-морской разведкой? Куда подевался этот самый мичман? Если это действительно шпионская афера, почему же он не был арестован, — ведь он-то и есть настоящий шпион! И еще: оправдались ли слухи, что Мачехина подвергали пыткам? Что же, это постоянная практика японской полиции — вечно подыгрывать американцам и выгораживать их? Разве Япония

что-то выиграет, если ввяжется в еще один серьезный конфликт с Советским Союзом, когда отношения между обоими государствами и без того до крайности натянуты?

Подумав, Томас сказал:

— Я знаю одного молодого репортера, очень способного. Ему по душе разные сенсации. Я введу его в курс дела и дам понять, что ряд известных журналистов уже ломают голову над этими загадками. Может быть, он и согласится написать такую статью...

После того как токийские газеты поместили несколько статей, где поднимались эти инспирированные КГБ вопросы, а, кроме того, на японцев был оказан нажим через дипломатические каналы, Мачехину позволили без излишней огласки покинуть Японию.

По тому, как Томас отзывается на просьбы Москвы, Левченко решил: должно быть, он уже понял, что имеет дело с советской разведкой. Это предположение перешло в уверенность, когда Томас попросил Станислава о внеочередной встрече и, страшно волнуясь, рассказал о назревшем скандале. Правительство Соединенных Штатов, по его словам, узналось, что самолетостроительная корпорация "Локхид" платит огромные взятки японским руководящим деятелям.

— Американцы так глупы и так наивны, — объяснял Томас, — что хотят предать все это дело огласке и погубить своих лучших друзей в Японии!

— А как японцы узнали об этой истории? — спросил Левченко.

— Через одного еврея...

— Какого еще еврея? Насколько мне известно, в Японии нет евреев!

— Речь идет об американском еврее. Я не знаю его имени, знаю только, что он работает на японскую разведку и разузнал все это в Вашингтоне.

— Ну, и как вы поступите с этой сенсацией?

— Никак. Это слишком опасное дело. Один из моих друзей работал над историей вроде этой, и его выбросили из окна небоскреба, имитируя самоубийство... — Помолчав, Томас взглянул Станиславу прямо в глаза. — Я подумал, может быть, ваши руководители в Москве захотят узнать об этом раньше, чем будет знать весь мир.

Севастьянов нашел сообщение Томаса слишком сенсаци-

онным, чтобы ему можно было верить. И поскольку подтверждений из других источников не поступило, он отказался передать его в "центр".

— Послушайте, Станислав, — сказал он. — Вы мне нравитесь, в вас есть жилка разведчика. Но вы — прямо какой-то Джеймс Бонд, авантюрист! Вы погорите на этом, да все мы погорим. Так что лучше выкиньте из головы эту нелепую историю — она годится разве что для шпионского фильма.

Левченко интуитивно чувствовал: Томас знает что говорит. Им представилась возможность первым потрясти мир сенсацией, огласив свидетельство далеко зашедшего разложения капиталистического мира, — а они этой возможностью пренебрегают! И он невольно спрашивал себя: как можно упускать подобный случай? Во имя чего мы тут выбиваемся из сил, губим себя и других?

Прошло чуть больше месяца, и корпорация "Локхид" оказалась в центре разразившегося публичного скандала, подорвавшего Либерально-демократическую партию Японии.

— Да, — со вздохом признал Севастьянов, — все оказалось правдой. Иногда мы не доверяем своим агентам — и даем маху. Пусть это станет нам уроком на будущее...

Он дал согласие, чтобы Левченко ходатайствовал о формальной вербовке Томаса перед новым резидентом, полковником Олегом Гурьяновым.

Гурьянов был назначен в Токио по рекомендации Седьмого управления. До того он занимал пост резидента в Нидерландах, затем в Гаване, где помогал организовывать кубинскую разведывательную службу. Это был человек с ясными голубыми глазами и редкими рыжеватыми волосами. Ему было лет сорок, и он начинал уже полнеть. Гурьянов страдал сильной гипертонией и время от времени, страдальчески морща всегда усталое лицо, прижимал руку к груди, как бы надеясь, что этот жест утихомирит боль.

В первый же день он собрал в своем кабинете всех сотрудников резидентуры. Прямо не упоминая о недавних склоках, новый резидент заявил, что не потерпит "интриг и травли" в коллективе:

— Либо научимся дружно работать тут, в Токио, либо отправимся домой. Я надеюсь, мы все будем друзьями. Что каждый из нас думает о другом как о человеке, не суть важно. О нас будут судить по нашей работе. Я бы не хотел, чтобы

со мной соглашались только ради того, чтобы не перечить начальству. Если вы с чем-то не согласны, если считаете, что можете предложить что-то лучшее, сразу сообщайте мне. Я рассчитываю впредь находиться в своем кабинете с 9 утра до 8 или 9 вечера. В остальное время меня можно будет застать дома или на теннисном корте. Так что я всегда буду в пределах досягаемости, — это на случай, если у вас возникнут какие-то серьезные проблемы. Текущие вопросы решайте сами, а если чувствуете, что самим не управиться, обращайтесь к непосредственному начальству или руководству линии ПР.

Приблизительно через две недели после того, как Левченко подал рапорт о формальном включении Томаса в состав агентов резидентуры, Гурьянов вызвал его именно по этому вопросу.

— Новости неважные, — объявил он: — Прочтите внимательно, только не принимайте близко к сердцу.

Поступивший из "центра" ответ на 36-ти страницах, по мнению ветеранов резидентуры, был беспрецедентен по размерам, по тону и по какой-то личной озлобленности, сквозившей в каждой строке. "Надежность Томаса не обоснована в достаточной степени... Материалы, исходящие от Томаса, изобилуют противоречиями и отдают фальшью... Кольцов потратил слишком много времени и денег, угощая Томаса обедами и вином и не забывая при этом себя... Томаса нельзя отнести к прогрессивным элементам, его взгляды насквозь консервативны... Томас не вызывает доверия. Зачисление его в состав постоянной агентуры представляется нецелесообразным".

Начальник "линии КР", читая эту бумагу, заявил, что в жизни не доводилось ему видеть такого количества гадостей, собранных в одном документе.

— Это уж точно! — откликнулся Гурьянов. — Но мы еще отыграемся. Будет и на нашей улице праздник.

Такой праздник настал в связи с приездом в Токио генерал-майора Попова, заместителя начальника Первого главного управления. Попов не раз встречал Левченко в "центре"; теперь он захотел повидаться с ним в резидентуре. Левченко показал ему ответ "центра" по делу Томаса вместе с заключением, почти одновременно полученным из Москвы Гурьяновым. В заключении говорилось, что приблизительно 50 процентов информации, полученной от Томаса, ввиду ее важности "было доведено непосредственно до сведения членов Политбюро".

Попов побледнел.

— Сейчас я припоминаю... Мне эту бумагу подсунул Проников. Дело было поздно вечером, а я в тот день так вымотался, что завизировал всю эту писанину, не читая. Конечно, если бы прочел, не видеть бы ему моей визы... Можете на меня положиться, я все устрою.

Не прошло и двух суток после возвращения Попова в Москву, как из "центра" пришло сообщение: "Руководство одобряет вербовку Томаса и его включение в сеть резидентуры в качестве лица, заслуживающего доверия".

Но тут случились новые события. Днем 6 сентября 1976 года старший лейтенант Виктор Беленко привел на аэродром гражданской авиации на острове Хоккайдо новейший советский истребитель-перехватчик МИГ-25. Это из ряда вон выходящее сообщение вызвало замешательство в Москве и настоящее столпотворение в токийской резидентуре. "Центр" разразился панической радиограммой, предписывая руководству резидентуры выяснить, что заставило пилота перелететь к японцам, какие секреты он успел им выдать и как японцы намерены поступить со сверхсекретным самолетом, неожиданно попавшим в их руки. Радиограмма заканчивалась такими словами: "Самое важное — получить информацию о двух совсекретных единицах электронного оборудования самолета. Первое: система опознания "друг или враг", позволяющая идентифицировать свои и вражеские самолеты. Второе: система создания противорадарных помех. Оба устройства снабжены тумблерами аварийного уничтожения путем взрыва. Установите, уничтожены ли они летчиком".

Уже на следующий день резидентура смогла ответить: "Совсекретные устройства остались неповрежденными и сейчас изучаются американскими специалистами".

По этому поводу Севастьянов заметил:

— Конечно, они и не подумают вернуть самолет, пока все там не обнюхают до последнего винтика. Срать они на нас хотели с высокого дерева.

Из Москвы прилетел специальный курьер с письмом, состряпанным КГБ от имени жены Беленко. К письму были приложены фотографии: жена изменника и его трехлетний сын. Письмо содержало слезливую мольбу: пусть Беленко возвращается домой, где семья погружена без него в безутешное горе.

— Любым путем, — приказал Станиславу Севастьянов, —

добейтесь, чтобы это письмо в течение суток смогло появиться в западных газетах.

По линии прессы Левченко привелось несколько раз встречаться с молодым американцем, который работал на токийское бюро Ассошиэтед Пресс — пока что в качестве стрингера (внештатного репортера), но упорно стремился пробиться в штатные сотрудники. Станислав тут же позвонил ему:

— У меня есть для вас материал... да, пожалуй, сенсационный.

В кафе возле дома он показал американцу письмо и фотографии.

— Как это все попало к вам? — спросил тот.

— Мы с вами оба журналисты... Я ведь не интересуюсь вашими источниками информации, не так ли?

Левченко переводил письмо строчка за строчкой, и стрингер записывал перевод в блокнот. Но, кончив писать, он неожиданно заявил, что весь этот текст — "просто куча дерьма".

— Ну, что ж, возможно, — согласился Левченко. — Но это — не просто дерьмо, как вы изволили выразиться. Это — сенсационное дерьмо. Учтите, насколько я знаю, только мы с вами располагаем этим материалом. Вашему агентству он наверняка покажется интересным.

На следующий день газеты Японии и Соединенных Штатов опубликовали сообщение Ассошиэтед Пресс из Токио, в котором подчеркивалось, что письмо, "по-видимому, написано женой Беленко" и что оно "поступило из советских источников". В сообщении излагалось содержание письма и приводились фразы, которые должны были свидетельствовать о том, что молодая женщина вне себя от отчаяния: "Лапушка, дорогой, я знаю, что с тобой случилось. Я все время плачу, и, видя это, наш сын плачет тоже. Он то и дело спрашивает меня: "Когда же папа вернется со своих полетов?" Не могу поверить, что у тебя не хватит силы воли вернуться домой, к нам. Не верю, что ты дашь людям основание считать нас женой и сыном предателя. Умоляю тебя, приложи все силы, чтобы к нам вернуться... Не верь никаким их обещаниям. Ты им нужен только, пока ты рассказываешь им то, что они хотят разузнать. Я уверена, что наше правительство тебя простит, даже если ты натворил там ошибок. Обнимаем тебя и целуем. Твои Дима и Люда".

Без всякого сомнения, многие читатели газет сочувствовали бедной женщине, бездушно брошенной старшим лейтенантом Беленко на произвол судьбы. Никто из них не знал и не мог знать, что Люда Беленко давно уже ненавидела военную службу мужа, обрекавшую всю семью на невероятные жизненные тяготы, и объявила ему, что решила с ним развестись. Она уедет к своим родителям, заберет с собой сына и навеки вычеркнет из памяти этот проклятый Дальний Восток, где им пришлось жить в авиагородке в глуши, отрезанными от всего мира.

С помощью этой фальшивки КГБ рассчитывал усилить давление советского руководства на японцев и побудить их выдать Беленко. Но после того как летчик категорически отказался разговаривать с офицером из резидентуры, домогавшимся встречи с ним, японцы дали разрешение на выезд Беленко в Соединенные Штаты, о чем он просил с самого начала. Политбюро не оставалось ничего другого, как мобилизовать все возможности КГБ и министерства иностранных дел, для того чтобы американцы не получили доступа к самолету МИГ-25. В срочной телеграмме из Москвы резидентуре предписывалось:

”Немедленно предпринять активные действия в полном объеме и всеми доступными средствами, чтобы довести до сведения японцев следующее. 1. Япония играет с огнем. Вся совокупность отношений между Японией и СССР в результате этого инцидента может оказаться пересмотренной, отчего Япония сильно проиграет. 2. Соединенные Штаты Америки используют Японию в качестве проститутки. Американцы распоряжаются на японской территории, как у себя дома. Они не заботятся о национальных интересах Японии и навлекают на эту страну несчастье. 3. Американцы грубо попирают все международные правила, относящиеся к вынужденной посадке самолетов на иностранной территории.

При осуществлении всех активных действий необходимо создавать впечатление, что выражаемое недовольство исходит от самого японского народа”.

Сотрудники резидентуры разъехались по всему Токио, требуя от агентов и всех своих подручных, имеющих доступ к прессе или парламенту, чтобы те срочно распространили ”в народе” эти московские тезисы. Виднейший проводник советского влияния — Хирохиде Исида — лично посетил самого

премьера, несколько министров и своих коллег по парламенту, пытаясь убедить их, что японцы должны немедленно вернуть злополучный МИГ-25 и что они не имеют права исследовать его конструкцию.*

Эти ухищрения КГБ оказались, впрочем, в значительной мере напрасными. Игру сильно подпортил посол Полянский. Обивая пороги японского министерства иностранных дел, он обрушил на японцев угрозы, которые были расценены ими как "беспрецедентные в истории дипломатии". Советская печать и ТАСС обвиняли японцев в том, что они пичкают Беленко наркотиками и применяют физическое насилие, чтобы только задержать его в Японии "вопреки его желанию".

Японское правительство с негодованием отвергло эти обвинения. Провокационные выпады Советов вызвали реакцию японской общественности, обратную задуманной, что в свою очередь позволило правительству Японии занять вовсе неуступчивую позицию. Японцы дали американцам возможность участвовать в полной разборке самолета — деталь за деталью — для изучения его конструкции.

Правда, активные действия, предпринятые резидентурой, вызвали в японских правительственных кругах одну заминку: японцы не решились сразу дать американцам согласие опробовать истребитель в воздухе; время было упущено, и эти полеты так и не состоялись. Кроме того, КГБ удалось несколько приглушить в прессе голоса сторонников милитаризации Японии, обращавшие внимание общественности на такое вопиющее обстоятельство: МИГ-25 свободно проник в

* В порядке компенсации за подобные действия Советы продолжали создавать Исиде добавочную популярность, не говоря уже о прямых подачках. Они прибегали при этом к довольно однообразным средствам. Так, в сообщении из Москвы, датированном 14 июня 1977 года, газета "Асахи Симбун" писала: "Советский Союз принял сегодня решение об освобождении 23-х японских рыбаков. Все они задерживались в СССР по обвинению в нарушении границы советских территориальных вод. Объявляя об этом решении доброй воли, советские руководители подчеркнули, что оно представляет собой особый акт дружелюбия, совершаемый по просьбе, высказанной вчера японским министром труда Хирохиде Исидой, который находится в СССР с кратковременным визитом. Исиды выразил эту просьбу на встрече с председателем Совета министров Косыгиным". Уже не в первый раз японские рыбаки использовались как своего рода разменная монета.

воздушное пространство страны и даже смог совершить посадку на аэродром, не будучи перехваченным японской ПВО. Опасаясь, что этот инцидент приведет к усиленному перевооружению японских сил обороны, "центр" приказал: "Приложите все усилия, чтобы показать японцам, насколько они заблуждаются. Подобный шум вокруг одиночного самолета свидетельствует о их собственной слабости перед границей. Показывая, что на них способно нагнать такой страх советское оборонное оружие,* они теряют лицо как одна из ведущих держав капиталистического мира".

Несколько недель спустя "центр" потребовал, чтобы Левченко взял отныне под контроль, или, по советскому выражению, "начал курировать" "дело Ареса".

Это поручение было сопряжено с немалым риском. Арес в прошлом неоднократно поставлял Советам документы из папок японской контрразведки. Если бы японцы поймали с поличным советского гражданина, получающего от Ареса эти бумаги, судьба его оказалась бы весьма незавидной. Левченко не пользовался дипломатическим иммунитетом. Следовательно, вступая в контакт с Аресом, он рисковал и своей свободой, и своей карьерой. Может быть, КГБ со временем и добился бы его освобождения, выкупил или обменял, но никогда уже не мог бы ему доверять как человеку, побывавшему в заключении за границей.

Ареса завербовал Пронников более десяти лет назад. Тогда это был молодой многообещающий служащий информационного агентства Киодо. Обзаведясь знакомствами среди сотрудников контрразведки, Арес получил доступ к массе секретных сведений, настолько ценных, что КГБ отзывался о нем как о "золотой жиле". По-видимому, японцы заподозрили утечку секретной информации и переместили на менее ответственные должности человек тридцать своих контрразведчиков, среди которых, надо полагать, оказался и источник сведений, поставляемых Аресом. "Линия КР", отвечавшая за контакты с ним (поскольку на эту линию возлагалась вообще задача проникновения в иностранные разведывательные орга-

* Имелось в виду, что самолеты-истребители относятся, безусловно, к оборонительному вооружению, в отличие, например, от бомбардировщиков. (Примеч.переводчика.)

ны), сплеховала и фактически потеряла ценнейшего агента. Получилось так, что за последние три года Арес не принес почти никакой пользы, хотя ему исправно продолжали выплачивать приличные деньги — около 1300 долларов в месяц.

Чтобы восстановить прежнюю "продуктивность" Ареса, Левченко стал подбирать к нему тот же ключ, что и к другим японцам, то есть попытался с ним подружиться и таким образом войти в доверие. Арес воспринял эти попытки с каменным безразличием. На него не произвел впечатления японский язык Левченко, — в конце концов, Пронников владел японским даже лучше. Хотя Пронников в свое время заявлял, что Арес согласился работать из идейных побуждений, Станислав убедился, что перед ним расчетливый, корыстолюбивый человек, далекий от каких бы то ни было возвышенных чувств.

Стройный, всегда изысканно одетый, с красивым холеным лицом, Арес был убежденным холостяком. Он откровенно говорил сотрудникам резидентуры, что главная его страсть — это женщины, что у него бывает одновременно три, а то и четыре любовницы. Притом его интересуют только образованные дамы из высших сфер. Он обращает свое благосклонное внимание главным образом на служащих министерства юстиции или иностранных дел.

Но когда Левченко, пытаясь разговорить собеседника, затронул эту тему, он натолкнулся почти на грубость.

— Эти прелестные девушки, наверное, всегда рассказывают вам что-нибудь захватывающе интересное?

— Мне не приходится их слишком долго обхаживать, так что ни до каких секретов дело просто не доходит. Но, говоря по правде, я не люблю пускаться в разговоры о моих личных делах. Давайте переменяем тему...

Стараясь нащупать слабые стороны Ареса в соответствии все с той же магической формулой "MICE", Левченко заговорил о том, как высоко оцениваются его достижения в Москве, и заодно выразил надежду, что в будущем он еще не раз порадует своих друзей. Арес в ответ только поморщился:

— Вечно им что-то нужно от меня...

Поздним вечером, завезя его на какую-то глухую улочку, Левченко остановил машину и объявил:

— Мне поручено кое-что передать вам наедине, из рук в руки...

Арес заметно оживился.

— ...Письмо, — торжественно закончил Левченко.

— Вот как! — недовольно пробормотал его спутник, уже, видимо, представивший себе кучу денег, которую ему сейчас предстоит огрести.

Вручив ему конверт и карманный фонарик, Левченко попросил Ареса тут же прочесть послание, которое он сам отпечатал на роскошном бланке, не жалея комплиментов адресату, и подписал: "Ю.В.Андропов, председатель Комитета государственной безопасности".

— Я пошел, — резко заявил Арес. — Это самый компрометирующий документ из всех, какие я когда-либо держал в руках! Он, действительно, открыл уже дверцу, чтобы выскочить из машины. В последний момент Левченко спас положение, прибегнув к внезапно пришедшему ему в голову доводу:

— Страшно компрометирующий! Не зря весь этот район, куда мы сейчас заехали, оцеплен нашими людьми. И не случайно мне приказано сжечь это письмо, как только вы его прочтете. Мы пошли на такой риск, чтобы вы знали, как мы вас ценим...

Несколько смягчившись, Арес проговорил:

— Ладно, передайте господину Андропову мою благодарность... Но попросите его больше не писать мне!..

Действуя согласно инструкциям "центра", Левченко сказал Аресу, что он уезжает из Токио месяца на два, и просил за это время подготовить заключительное донесение о конечной реакции японского правительства на инцидент с МИГом-25.

Через два месяца он спросил:

— Ну, вам удалось найти что-нибудь интересное по этому делу?

— Нет. Похоже, что позиция правительства нашла вполне объективное и исчерпывающее отражение в прессе.

Действуя опять-таки по указаниям "центра", Левченко вручил Аресу конверт с деньгами, составляющими его заработную плату в КГБ за текущий месяц. За предыдущие два месяца ему намеренно не уплатили.

В день следующего свидания Левченко и Ареса вовсю хлестал дождь, и буйный ветер норовил вырвать из рук зонтики. Они встретились на уличном перекрестке. Арес был изрядно пьян. Левченко дал ему несколько поручений на будущее и

сказал, что не смеет более держать своего друга под проливным дождем.

— Встретимся через пару недель...

— Нет! — энергично возразил Арес, пытаясь перекрыть шум дождя и ветра. Этой встречи не будет, мы видимся в последний раз. Вы ведете себя некорректно. Пока вы отсутствовали, я работал, не жалея сил и времени, а вы решили, что можете ничего не платить мне за все время, когда вас не было в городе.

— Пойдите, пойдите! — вскричал Левченко, изображая примитивного тугодума. — Я, кажется, начинаю понимать... Вы нуждаетесь в деньгах... конечно, вы их заслужили. Но, наверное, произошло недоразумение, и зря вы так расстраиваетесь. Из Москвы поступает такая масса бумаг, наши клерки прямо теряют голову... кто-то из них, должно быть, не вложил деньги в конверт, предназначенный для вас... Но мы оба разволновались, а тут еще этот тайфун! Разрешите мне вернуться в посольство, я все выясню... Увидимся завтра же, идет?

Левченко отправился прямо к Гурьянову; тот сразу же дал знать в Москву, что резидентура рискует потерять ценного агента. Через несколько часов — в Токио наступило уже утро следующего дня — "центр" ответил: "Согласны с выплатой агенту Аресу денег за два прошлых месяца. Одобряем усилия тов.Кольцова по активизации агента и установлению психологического контроля над ним. Одновременно обращаем ваше внимание, что в прошлом Арес выказывал особый интерес к материальной стороне контактов и пытался вымогать деньги у связанных с ним работников под угрозой прекращения сотрудничества. Надеемся, что тов.Кольцов как опытный работник найдет соответствующую линию поведения с агентом и впредь".

Вечером того же дня Левченко объявил Аресу:

— Знаете ли, вы были правы. Ясно, что это случайная ошибка. Я получил обычный в таких случаях ответ: они извиняются, больше это не повторится. Вот ваши деньги... Но вам ничем не угрожает сотрудничество с нами, вы проверили?

— Что касается меня, тут все в порядке.

— Меня очень волнует ваша безопасность. Вся наша организация крайне заинтересована в вас. Мне думается, вы напрасно пытаетесь снять напряжение спиртными напитками,

как я заметил вчера. Вам нужно сохранить ясную голову. Я настаиваю, чтобы вы, направляясь на встречу со мной, никогда больше не употребляли спиртное. После встречи — пожалуйста, но до нее — ни в коем случае!

Арес виновато соглашался, сам не замечая, что соглашается с ролью подчиненного, которому Левченко вправе диктовать, как ему себя вести.

—...И я надеюсь, что, встречая с моей стороны полное понимание, такую готовность к честному сотрудничеству, вы оплатите мне той же монетой: — закончил Левченко.

На протяжении последующих трех месяцев Арес, действительно, работал не за страх, а за совесть и передал резидентуре микрофильмы примерно тридцати документов. Переводя их один за другим, Левченко поначалу не обнаружил, правда, ничего особенно интересного. Но вот ему попался на вид ничем не примечательный документ, содержание которого оказалось просто поразительным. В нем были зафиксированы, день за днем, перемещения по Токио одного из важнейших агентов КГБ, — следовательно, этот агент находился под постоянным наблюдением! Резидентура немедленно дала ему знать, чтобы он полностью прекратил нелегальную деятельность и, более того, постарался показать японской контрразведке, что за ним ничего такого не водится. Этот документ фактически избавил советскую агентурную сеть в Токио от возможной инфильтрации японских контрразведчиков. Конечно, он мог исходить только из самой сердцевины японских спецслужб.

Среди документов, переданных Аресом на протяжении дальнейших двух недель, Левченко обнаружил еще одно сокровище — статистический отчет о количестве, национальности и месте жительства всех иностранцев, пребывающих в Японии. Центр счел нужным подчеркнуть, что этот документ окажет неоценимую помощь управлению "С" при определении пунктов, где следует внедрять в японское общество нелегальных агентов, чтобы получить наибольший эффект.

В новом документе, полученном месяц спустя, перечислялись сотрудники резидентуры, которых японцы однозначно определили как офицеров КГБ и ГРУ, и Станиславу приятно было узнать, что он в этом списке не числится. Не менее важным выглядел и такой факт: этот документ подтверждал вывод, вытекавший из предыдущих — Арес имеет собствен-

ного информатора внутри японской службы безопасности.

Убедившись в этом, Левченко принимал теперь все меры предосторожности, чтобы оградить Ареса от возможного внимания японских спецслужб. Они договаривались по телефону о ближайшей встрече, обозначая ее время и место условными, только им понятными словами. А сама встреча протекала так:

— Вы мне что-нибудь принесли? — спрашивал Станислав, поравнявшись на улице с Аресом.

— Да.

— Отлично, не замедляйте шага. Я вас догоню...

Спеша с добычей в кармане к машине, где бдительно дежурил водитель-оперативник майор Жаворонков, Левченко чувствовал, как учащенно бьется его сердце. Подойдя, он прятал полученную микроплёнку в специальную пластмассовую коробку, закрывал герметическую крышку и поворачивал ее на полоборота. Чтобы теперь открыть коробку, надо было вернуть крышку в то же положение, которое было известно только Станиславу и офицеру из отдела технических операций. Попытки снять крышку, не прибегая к этому ухищрению, приводили к мгновенному воспламенению содержимого и, таким образом, уничтожению микроплёнки.

При встречах с Аресом Левченко первым делом вручал ему конверт с деньгами. Последующий короткий разговор занимал менее минуты, и они расходились, будто случайные знакомые, ненароком встретившиеся на улице. После этого Левченко, подойдя вплотную к машине, принадлежавшей советскому посольству, передавал плёнку Жаворонкову, тот мчался с ней в резидентуру, а Левченко направлялся к себе домой.

Выходя из дому, Левченко всегда имел при себе миниатюрный приемник. Он лежал в кармане, с антенной, опущенной в брючину. Дежурный офицер "Зенита" в это время прислушивался, не проявляют ли активности радиопередатчики японской контрразведки в соответствующем районе, и едва заметив что-либо подозрительное, посылал предупредительный сигнал Станиславу.

Общий объем документов, полученных резидентурой от Ареса, составил уже несколько тысяч страниц. Постоянно просматривая этот поток информации, Левченко установил, что вначале процентов тридцать, затем пятьдесят и, наконец,

более семидесяти процентов всех материалов исходит, по всей видимости, от одного и того же человека, работающего в японской контрразведке. Когда среди снятых на микро пленку документов начали попадаться страницы ежемесячного закрытого японского бюллетеня, предназначенного только для высших правительственных служащих, стало ясно, что источник принадлежит именно к этим высоким сферам. И, наконец, наступил день, когда Левченко попросил Ареса постараться достать копию своего собственного досье, наверняка уже давно составленного японскими спецслужбами.

Арес заявил, что не сможет "просто так" заполучить досье кого бы то ни было из советских служащих; для этого требуется представить убедительное объяснение, зачем оно ему понадобилось. Поразмыслив, Левченко решил написать для "Нового времени" статью, которая дала бы Аресу повод изобразить его антияпонски настроенным фанатиком, особа которого заслуживает внимания правоверных местных журналистов. Темой статьи он выбрал положение "эта" или "буракумин" — той категории японского населения, которая согласно древним догматам буддизма считалась "нечистой", — только потому, что они забивали скот и обрабатывали мясные туши.

Воспользовавшись содействием Такуми Уэда — члена парламента и одновременно активиста "Лиги освобождения буракумин" — Левченко посетил районы, населенные "эта" (кстати, само это слово означает — "отверженные"), после чего "Новое время" опубликовало его статью, высмеивающую японцев за дискриминацию несчастных "отверженных". Вскоре Арес с едва заметной усмешкой передал ему ролик микропленки: "Это вас должно заинтересовать..." Ролик содержал извлечения из досье, составленного японцами на Левченко.

Он был охарактеризован там как "возможный" сотрудник КГБ. Впрочем, это подозрение тяготело над ним как бы по наследству: японцам было известно, что его предшественник по "Новому времени" заведомо являлся работником Комитета госбезопасности. В досье перечислялись многие из японских партнеров Станислава, — правда, среди них не оказалось ни Кинга, ни Томаса. Были отмечены его поездки за пределы Токио и результаты слежки. Забавно, что одна из записей фиксировала его недавнюю поездку на юг Японии. Действи-

тельно, он заказал тогда авиабилет через Национальный клуб прессы, но опоздал на самолет из-за транспортных пробок на токийских улицах, и поездка не состоялась. По-видимому, кто-то из Клуба прессы служит осведомителем контрразведки...

Услуги Ареса приобрели теперь особую ценность в глазах Левченко, Гурьянова и самого "центра". Если бы удалось также формально завербовать то лицо, от которого получает информацию Арес, и превратить его в контролируемого агента, — перспективная ценность такого информатора должна была оказаться еще большей, прямо-таки не поддающейся точной предварительной оценке. Следовало полагать, что этому человеку, как и самому Аресу, под сорок, но он занимает несравненно более высокий служебный пост. Так или иначе, Арес, вне всякого сомнения, имел дело с опытным профессионалом, безусловно способным распознать, не пахнет ли интерес Ареса к служебным, тем более секретным документам, обыкновенным шпионажем. Быть может, он уже распознал в Аресе шпиона, и, более того, поступил, как полагается в таких случаях? Не исключено, что японцы начали классическую игру с дальним прицелом, снабжая Ареса полноценными, подлинными документами, чтобы упрочить доверие КГБ к этому источнику. А потом, когда настанет час какого-нибудь мирового кризиса, они подсунут КГБ по тому же каналу фатально дезориентирующий документ — и этой ловушкой будет оправдана вся их многолетняя терпеливая игра.

Действуя на собственный страх и риск, имея дело с неподконтрольным резидентуре офицером японской спецслужбы, о котором КГБ даже ничего не знал, Арес, конечно, ежеминутно подвергался страшной опасности. Тем более важно было удостовериться, что же собой представляет его источник информации, выведать все детали, касающиеся этой таинственной личности. Но Арес категорически отказывался называть имена своих информаторов.

Запросив и получив микрофильм досье, заведенного "центром" на самого Ареса, Левченко начал внимательно изучать его, интересуясь главным образом временем, когда резидентура только установила контакты с Аресом. Об этом времени он знал явно недостаточно.

Поздно ночью, когда Левченко уже собирался оставить это нудное занятие и отправиться спать, его внимание привлекла

такая любопытная фраза: лет десять назад, перечисляя свои связи в различных кругах японского общества и стремясь, грубо говоря, набить себе цену, Арес упомянул — не называя, впрочем, по имени, — одного офицера разведки, с которым он был дружен с ранней молодости. В дальнейшем этот офицер закончил Академию разведывательной службы и работал тайным агентом в отделе, занимавшемся токийскими группами террористов и левых экстремистов. Хорошо проявив себя, офицер был переведен в провинцию, где было больше возможностей для продвижения по службе.

Арес счел нужным подчеркнуть, что если дела его знакомого и в дальнейшем пойдут столь же успешно, то он, возможно, вернется в Токио. Не исключено, что это лицо как раз и сделалось теперь постоянным источником информации, поступающей от Ареса. Не в этом ли разгадка того, что "золотая жила", на время словно бы исчерпавшая себя, вновь раскрылась перед токийской резидентурой?

На ближайшем свидании, мимолетном, как обычно, Левченко попросил Ареса выехать из Токио рано утром в воскресенье, чтобы в час дня они могли встретиться в отдельной кабине уютного ресторанчика, находящегося поблизости от знаменитого курорта Хаконе.

Левченко доехал туда без каких бы то ни было приключений, но на всякий случай останавливался по дороге во всех мало-мальски примечательных населенных пунктах, часто посещаемых туристами, и увлеченно щелкал фотоаппаратом. В случае чего он мог сказать, что занят подготовкой статьи для "Нового времени" о красотах токийских пригородов.

Арес поджидал его, попивая в одиночестве виски, — он позволял себе эту роскошь всякий раз, когда знал, что заплатит КГБ.

— Ну, как? — спросил Левченко.

— Я не заметил ничего подозрительного...

— Я тоже. Так вот, давайте порадуем друг друга.

Левченко торжественно объявил, что в знак признания блестящих достижений Ареса Москва награждает его суммой, достаточной, чтобы он мог купить себе новый автомобиль. Документы, доставляемые Аресом, свидетельствуют о том, что он не только ценный сотрудник, но и смелый человек, выдающаяся личность. Между прочим, Левченко, анализируя эти документы, пришел к выводу, что все они поступают из одно-

го источника. И вот он вспомнил, что много лет назад Арес дружил с человеком, только-только начавшим тогда работать в японской контрразведке. Если источник нынешних документов — этот самый друг Ареса, то, значит, операция вступила в принципиально новую и притом опасную фазу, потому что играть в такие игры с офицером контрразведки опасно по определению.

Если Арес готов раскрыть свой источник информации, то он тем самым уменьшает опасность, грозящую ему лично. В этом случае огромный опыт и профессиональные возможности резидентуры, да и самого "центра", будут направлены на то, чтобы оградить его от всяких случайностей. Впрочем, Левченко ни на чем не настаивает. Пусть Арес решает сам. Не хотелось бы только, чтобы он так рисковал собой в одиночку.

— Что ж, я очень рад, что Москва обо мне помнит. Спасибо ей за щедрый подарок, — заговорил Арес. — Во многом вы правы. Эти документы, что я доставлял вам последнее время, исходят из одного источника. Действительно, это мой друг. Еще года не прошло, как он вернулся в Токио. Я не называл вам его именно потому, что не был уверен, что он без конца будет снабжать меня такими важными документами...

— А какой пост он занимает?

— Начальник сектора.

— Раз он дает вам знакомиться с такими важными документами, значит, вы по-прежнему близкие друзья?

— Ну, конечно.

— Вы встречаетесь открыто, на людях?

— Мы часто встречаемся с женщинами, вместе обедаем, потом отправляемся на час-другой в какую-нибудь гостиницу... Мой друг очень равнодушен к женщинам, он без них просто жить не может. Но он женат, и у него нет времени, чтобы заводить романы. Так что я предоставляю ему свой гарем.

— Нельзя ли узнать, как зовут этого Казанову?

— Думаете, я не понимаю, к чему вы клоните? Вы, конечно, тут же отправитесь в посольство и пошлете в Москву телеграмму: вот мы и провели этого глупого Ареса, выведав, как зовут его поставщика информации. Ну да ладно, я вам доверяю. Сейчас я назову его имя. Только, пожалуйста, не злоупотребляйте моей откровенностью. Сразу же дайте ему псевдоним.

— Псевдоним? За этим дело не станет. Давайте назовем его Швейком.

— Что это значит — "Швейк"?

— Да ничего особенного. Так звали героя одного известного чешского романа — "Похождения бравого солдата Швейка". Я просто назвал первое имя, что мне пришло в голову. Между прочим, ваш друг, конечно, не знает, что вы делаете со всеми этими документами?

— Он считает, что я пользуюсь ими в своей работе...

— А его не удивляет, что в ваших статьях никогда не встречается никакого намека на них?

— О, нет. Я обещал никогда их не цитировать. Он полагает, что эти документы нужны мне, так сказать, для расширения общего кругозора...

— Ну, так или иначе, я буду рад, если мне удастся сделать вашу дружбу с господином Швейком еще более прочной. Допустим, мы начнем передавать вам добавочные суммы денег в расчете на него. Вы уж сами решите, — потратить их на совместные развлечения или просто передать ему. Скажите ему при этом, что ваша организация выделяет специальные средства на сбор информации, необходимой для борьбы с коммунистами.

— Это, конечно, поможет нам получить массу интересных документов...

— Без всякого сомнения! Давайте, вернемся к обсуждению всех деталей ровно через неделю, тоже в воскресенье.

На сегодня хватит, решил Левченко. Он и так уже добился многого. Не следовало чрезмерно смущать Ареса, вытягивая из него дальнейшие подробности о "Швейке". Прямой путь — не всегда самый короткий.

На телеграмму, отправленную Гурьяновым и Левченко в тот же вечер, "центр" отозвался немедленно. Текст ответа был проникнут нескрываемой радостью: "Тов.Кольцову удалось воскресить Ареса и добиться значительного прогресса в работе с ним. Имеющиеся сведения об его источнике информации дают основания надеяться, что резидентура сумеет завербовать, пусть под ложной вывеской, офицера японской контрразведки. Просим только соблюдать предельную осторожность. Проверяйте и перепроверяйте обоих — Ареса и Швейка, ни на минуту не забывайте, что это может оказаться игрой, начатой контрразведкой".

Гурьянов санкционировал выплату Аресу дополнительно шестидесяти тысяч иен для Швейка — это была максимальная сумма, которую он мог выделить своей властью. При этом он сказал: "До сих пор мы имели дело с призраком. Пришло время, чтобы он облекся плотью".

Деликатно расспрашивая Ареса, Левченко смог постепенно набросать достаточно определенный портрет "призрака". Подполковник, в возрасте около сорока. Любит свою работу, и его дальнейшая карьера представляется обеспеченной. Лояльный японский гражданин, — следовательно, убежденный антикоммунист. Но во всем остальном, кажется, совершенно аполитичен, не отдает предпочтения ни Либерально-демократической, ни Социалистической партии. Женат на портнихе. Похоже, это одна из разновидностей брака по расчету. Во всяком случае, жену не слишком беспокоят его увлечения на стороне.

Он приобрел скромную квартирку, и ежемесячные выплаты за нее очень чувствительны при его относительно небольших доходах. Он, конечно, нуждается в дополнительных средствах. Но нет никаких признаков того, что, передавая Аресу документы, он исходил из каких-либо иных побуждений, чем просто желание помочь своему близкому другу. Если он узнает, что объективно помогал Советам, это будет для него страшным ударом.

Установив служебное положение Швейка и, таким образом, представив себе, к какой примерно информации он имеет легальный доступ, Станислав теперь настойчиво просил Ареса добыть определенные документы, которые Швейк заведомо не мог получить легально.

— Как раз эти бумаги он не может достать, — сообщил спустя некоторое время Арес. — Они находятся в распоряжении других отделов, с которыми у него нет общих дел.

Это было благоприятным признаком. Напротив, если бы Швейк снабдил Ареса также и этими документами, следовало сделать вывод, что японцы специально позаботились предоставить их в распоряжение КГБ.

При каждой встрече Левченко тщательно взвешивал каждое слово Ареса, внимательно наблюдал за ним, пытаясь уловить признаки перемен в его поведении, вслушивался во все его вопросы, которые могли выдать, не подпал ли Арес под контроль японской стороны.

Из месяца в месяц Швейк с Аресом продолжали снабжать КГБ информацией, содержащейся в досье японских граждан. Чтобы составить представление о том или ином японском деятеле, КГБ прежде всего изучал секретную информацию о нем, собранную ведомством Швейка. Когда резидентура не была уверена в успехе какой-либо из планируемых операций, тоже можно было тайно проконсультироваться на этот счет у японской стороны. Один из полученных документов содержал совершенно секретные протоколы совещания руководителей японских спецслужб, на котором обсуждались общие направления операций, предпринимаемых против советского блока. На основе одного этого "богатого" документа резидентура подготовила целых десять самостоятельных донесений.

Устав пробираться на тайные свидания с Аресом разными темными закоулками, Левченко решил, что будет вполне благоразумным время от времени встречаться с ним в более естественной и непринужденной обстановке, например в ресторане в субботний вечер или в воскресенье днем. Он даже сочинил легенду, которая в случае чего позволит Аресу без труда объяснить, почему тот обедает с русским: "Он, то есть Левченко, советский журналист и тайный диссидент. Как большинство советских журналистов, он очень сдержан и не способен выдать никаких государственных тайн. Вместе с тем, он рассказывает массу интересного об общем положении в Советском Союзе. Я как журналист вроде бы "завербовал" его для своей организации. Но он человек осторожный и очень боится, как бы его земляки не увидели нас вдвоем. Вот почему мы обычно встречаемся поздно вечером и в отдаленных от центра ресторанах. Он просто труслив. Но в то же время он порядочный гурман и способен прямо-таки наслаждаться хорошо приготовленной едой, — разумеется, когда плачу я".

Швейк, привыкший по просьбе Ареса приносить документы из своего учреждения и еще более привыкший к дополнительному доходу, оказался теперь, сам того не сознавая, под контролем КГБ. "Центр" по-прежнему одобрял ход этой операции и высоко отзывался о разведданных, получаемых от того и другого. Гурьянов, со своей стороны, рекомендовал "центру" санкционировать формальную вербовку Швейка.

— Если у вас и дальше так здорово пойдут дела, вы скоро обгоните меня по службе, — шутливо говорил он Станиславу.

Но вот как-то после очередного выходного дня, придя на работу, Гурьянов начал день с того, что распечатал пакет, прибывший с очередной почтой из Москвы. В нем было длинное послание на двадцати страницах за подписью Орлова (рабочий псевдоним Анатолия Бабкина, бывшего тогда начальником Седьмого управления).

”Центр” по-прежнему одобряет действия тов.Кольцова по развитию чрезвычайно важного контакта внутри японской разведслужбы, — говорилось в послании. — В то же время, чтобы убедиться, что мы располагаем полным представлением об этом контакте, и избежать малейшей вероятности быть вовлеченными в оперативную игру японской разведки, резидентура должна приложить максимум усилий для проверки Швейка. Арес также должен быть подвергнут параллельной проверке. Резидентуре предлагается представить детальный план осуществления этих мер. Кроме того, желательно, чтобы резидентура приняла к сведению следующие предложения ”центра”.

Попросите Ареса сфотографировать Швейка; сфотографируйте дом, где Швейк занимает квартиру, установите наружное наблюдение за его домом и учреждением, чтобы выяснить его обычные часы работы; проследите путем визуального наблюдения за встречами Швейка и Ареса; проследите также, куда направится Швейк после такой встречи; установите подслушивающие устройства по месту работы Швейка; получите через Ареса перечень всех друзей Швейка и всех лиц, кому он подчинен по службе; разработайте план проверки Ареса и Швейка путем снабжения Ареса карманным магнитофонным устройством со спецпередатчиком”.

Когда Левченко кончил читать и отложил эту странную инструкцию, Гурьянов сказал:

— Станислав, я знаю вы человек культурный. Так что извините за грубый совет: идите помойте руки, вы только что держали большой кусок дерьма.

Руководитель ”линии КР” Юрий Дворянчиков читал эту бумагу, откровенно смеясь:

— Я бы сказал, что это написано кретином, если б не знал точно, кто готовил этот документ: Добрая половина этих предложений связана с нарушением элементарных правил безопасности. Тот, кто писал, явно хочет загубить всю операцию... или ему хочется, чтобы кто-то крепко погорел у нас в

резидентуре. Вы можете себе представить наших русаков, бегущих по всему Токио вслед за японцем-профессионалом? Слоняющихся вокруг штаба японской контрразведки? Или, еще чище, устанавливающих в этом штабе подслушивающие устройства? Это же стопроцентный абсурд, и они сами это знают. Они хотят провалить операцию!..

— Это Пронников, — заметил Левченко.

— Конечно, он, — сказал Гурьянов. — Но он переборщил. А в то же время, если мы хотим добиться санкции на формальную вербовку Швейка, придется все же как-то его проверять. Но мы сделаем это поумнее. Мы, как-никак, профессиональные разведчики.

— Можно, я составлю проект ответа? — спросил Левченко и, получив согласие, написал: "Любой компетентный сотрудник, имеющий опыт работы в Японии, должен будет признать, что предложения, относящиеся к Швейку и Аресу и выдвигаемые от имени "центра", являются просто самоубийственными. Резидентура не может рисковать провалом одной из самых важных операций, идя на такие безответственные и непрофессиональные действия. Проверка Швейка будет вестись резидентурой на профессиональном уровне".

Гурьянов и сам Левченко колебались, стоит ли отсылать такой ответ, написанный сгоряча, но резидент сказал:

— Сойдет. Хуже все равно не будет.

Вскоре они убедились, что бывает хуже, и даже очень.

После этой истории прошло месяца полтора. Левченко шел по двору посольского комплекса, как вдруг его окликнул майор Жаворонков:

— Слушай, ты не сможешь мне тут в одном деле?

Между ними уже возникла та особенная дружба, которая обычно связывает людей, участвующих в опасных предприятиях и в любой момент готовых выручить друг друга в критической обстановке. У майора за плечами было несколько лет напряженной работы в Москве, где он то и дело рисковал жизнью, участвуя в головокружительных гонках и преследованиях. В Токио он как водитель-оперативник должен был прикрывать своих коллег и агентов, предупреждать любую потенциально грозящую им опасность, если потребуется — тоже ставя на карту собственную жизнь. Обнаружив слежку за местом встречи офицера резидентуры с агентом, он был обязан переключить филеров на себя. Если бы его и его

спутника задержала полиция, ему вменялось в обязанность любой ценой сохранить документы и микроплёнки, полученные от агента. Словом, в любой момент ему приходилось считаться с возможностью провала.

За неделю до встречи во дворе посольства Жаворонков и Левченко, возвращаясь со свидания с агентом, заглянули в бар рядом с посольским комплексом, чтобы выпить и немного прийти в себя. Здесь их глазам представилось такое зрелище: перед стойкой в полном одиночестве восседал один из шифровальщиков резидентуры. Состояние его отвечало образному выражению: лыка не вяжет.

Известно, что шифровальщики знают больше секретов, чем кто бы то ни было, исключая разве что самого резидента. Вечный страх начальства, что кто-нибудь из них может стать добычей иностранных спецслужб, был настолько велик, что шифровальщикам не разрешалось выходить за пределы посольского комплекса без специальных сопровождающих. Но в тот вечер, как потом выяснилось, сопровождающий — офицер резидентуры — так упился, что ноги сами вынесли его из бара и занесли неизвестно куда. Это был тяжкий служебный проступок, грозивший проштрафившимся немедленным откомандированием на родину и увольнением из "органов".

Не сговариваясь, Левченко и Жаворонков кинулись к шифровальщику, доволокли его до машины, затолкали чуть ли не под заднее сиденье и, тайно доставив в пределы посольского комплекса, уложили в постель в его собственной квартире. Все это они проделали, полностью отдавая себе отчет, что если их контрабандная акция будет обнаружена, их тоже вышвырнут из "органов".

— ...Чем могу быть полезен? — спросил Левченко.

— Резиденту требуется, чтобы я написал рапорт об одном тут офицере, который в общем-то хороший парень, но какой-то сволочи в "центре", видно, не терпится съесть его с потрохами. Я не очень-то силен в писании таких характеристик, вот я и подумал, может, ты как журналист меня выручишь...

— Что же ты хочешь там написать?

— Ну, во-первых, надо будет отметить, что работает он день и ночь. Во-вторых, у него нет никакой личной жизни из-за этой вечной оперативной работы. В-третьих, мы с ним участвовали во многих очень опасных операциях, и он всегда был спокоен, никогда не терял голову. Потом, он обо всем забы-

вает, когда надо прийти на помощь товарищу. Забывает о себе, о своих интересах... И еще: мы с ним ездили на многие встречи с агентами, и я никогда не видел его выпившим. Вообще, он пользуется в резидентуре большим авторитетом...

Левченко быстро напечатал на машинке рапорт, нужный Жаворонкову, и тут же забыл о нем. У него были свои заботы, и ото дня ко дню, похоже, их становилось все больше.

Как-то его вызвал Гурьянов и сухо заметил:

— ”Центру” требуются дополнительные детали вашей встречи с Аресом в районе Мегуро.

— Зачем это им? Ведь три месяца прошло, не меньше!

— У них там появились какие-то сомнения, нужно что-то добавочно выяснить. Так что не сочтите за труд изложить все детали этой встречи и ваши действия, предшествовавшие ей, — все, что сможете вспомнить.

— Да не могу я теперь припомнить всякие там мелочи...

— Постарайтесь. Постарайтесь припомнить абсолютно все, вплоть до мельчайших деталей. Это очень важно.

— Ладно, я принесу вам отчет на будущей неделе.

— Нет, не годится. Сегодня же вечером.

— Но у меня назначена встреча на вечер...

— С кем? С Аресом?

— Нет, с Каменевым. — (Это был новый, усиленно развиваемый контакт.)

— Отмените ее и садитесь писать!

Станиславу все же удалось припомнить подробности той давней встречи с Аресом, главным образом благодаря тому, что встреча происходила не в обычный день, а в один из советских праздников. Как правило, КГБ запрещает контакты с агентами в праздничные дни, потому что если эти контакты кончатся арестом или другими неприятностями, которые придется отразить в сводке, то это нарушит покой отдыхающих в такие дни членов Политбюро. Поскольку все контакты с Аресом считались опасными, Станиславу приходилось выезжать на встречу с сопровождающим — обычно с Жаворонковым. Но в тот раз ему не хотелось беспокоить Жаворонкова — как-никак, все же праздничный день. Потягивая пиво и наблюдая за игрой в волейбол во дворе посольства, Станислав наткнулся взглядом на Александра Шишаева. Тот, конечно, охотно отправится с ним — что в будний день, что в выходной. Шишаев, как известно, попал в КГБ только благодаря тому,

что его отец поставлял Первому главному управлению цветы в дни торжеств и траурных церемоний. Но он был столь примитивен, что резидентура не доверяла ему работать с агентами, и ему так и не удалось самому никого завербовать. Поэтому он всегда был готов подобострастно услужить любому из своих более удачливых коллег, — лишь бы не говорили, что от него нет никакого толку. Шишаев тут же согласился сопровождать Левченко, и под вечер они выехали на встречу с Аресом.

Встреча, состоявшаяся на улице перед каким-то скромным кафе, заняла всего несколько минут, и Левченко решительно не мог вспомнить о ней ничего примечательного. Но когда его отчет уже ушел в Москву, Гурьянов откровенно сказал ему:

— В отношении вас ведется расследование. "Центр" получил сообщение, что вы тогда, встречаясь с Аресом, находились в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Левченко вдруг сообразил: это сообщение могло исходить только от Шишаева. По-видимому, тот состоял у Пронникова в числе осведомителей.

— Но, кажется, дело пошло на лад, — продолжал Гурьянов. Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент зазвонил телефон, а потом Гурьянову понадобилось выйти из кабинета. Вставая из-за стола, он то ли случайно, то ли намеренно обвел взглядом лежавшие перед ним бумаги, — как будто приглашал Левченко тоже поинтересоваться ими.

Оставшись один в кабинете резидента, Левченко смог убедиться, что эти бумаги — не что иное, как рапорты офицеров резидентуры, характеризующие его, левченковские, качества — его порядочность, преданность делу, профессиональный опыт. Один из этих рапортов принадлежал Севастьянову, другой был написан самим резидентом, наконец, в третьем Станислав узнал ту бумагу, которую он сам писал недавно по просьбе Жаворонкова. Итак, все трое, не исключая самого Гурьянова (единственного убежденного коммуниста, которого довелось встретить Станиславу за всю его жизнь), единодушно решили спасти его. А если бы этого не произошло, если б они не захотели открыто идти наперекор Пронникову? Ну что ж, тогда Пронников и вся эта гебешная система погубили бы Левченко.

Когда Гурьянов вернулся в кабинет, ему пришлось дважды окликнуть Левченко — так глубоко тот ушел в свои невеселые мысли.

— Я говорю, Станислав Александрович, пора приступить к работе напрямую со Швейком. Это будет самым лучшим ответом вашим недоброжелателям.

Левченко разработал план, каким образом заполучить фотографию Швейка, затребованную "центром".

Попросив Ареса в следующий раз встретиться со Швейком днем в баре, занимавшем подвал небоскреба Сантори, Левченко сказал, что он сам будет поджидать их там.

— Зачем? Разве вы мне не доверяете? — спросил Арес.

— Да нет, конечно, мы все верим вам. Это очень здорово, что ваш друг — видный сотрудник разведки и что вам фактически удалось завербовать его. Но с другой стороны, именно то, что он — профессиональный разведчик, заставляет нас считать: надежнее, если каждая деталь наших с вами операций будет проанализирована не одним, а несколькими нашими компетентными офицерами. Помните, мы заботимся прежде всего о вашей безопасности.

Как было решено, Левченко с женой заранее пришли в бар. Появился Швейк, которого Станислав видел впервые. Это был скромно одетый мужчина средних лет. Вид у него был нервный и какой-то взъерошенный. Войдя, он быстро осмотрелся, на секунду задерживая взгляд на каждом посетителе бара.

Швейк передал Аресу небольшой пакет и взамен получил конверт. Как бы они ни дружили, в этот момент они были прежде всего заговорщиками, спешившими поскорее покончить с делом, и, опрокинув по рюмке, более не задерживались в баре. Арес, направляясь к выходу, провел Швейка чуть ли не вплотную к Станиславу. Тот слегка пригнулся, нажал кнопку, и сработала камера, спрятанная в портфеле.

Гурьянов сообщил в "центр": "Анализ текущих взаимоотношений Ареса и Швейка, а также психологическая характеристика Швейка, составленная тов.Кольцовым путем косвенного опроса последнего, показывают, что как Арес, так и Швейк искренни. Кроме того, тов.Кольцов и его жена лично наблюдали за встречей этой пары. Результаты наблюдения во всех отношениях подтверждают аналитические выводы. За последние два года резидентура получила от Ареса — Швейка более трех тысяч страниц документов неодинаковой ценности, однако достаточно важных, чтобы отвергнуть предположение о возможной разведигре. Японские спецслужбы едва

ли могли рассчитывать что-то выиграть в результате получения нами доступа к упомянутым документам, так что вести такую игру для них не имеет смысла. В частности, они никоим образом не могли бы добровольно расстаться с секретным документом, представляющим собой протоколы совещания руководителей японских спецслужб и раскрывающим основные направления деятельности японской контрразведки. Как известно "центру", резидентура на основании одного лишь этого документа подготовила десять разведдонесений, причем некоторые из них поступили прямо к председателю КГБ тов. Андропову. Таким образом, резидентура считает Швейка созревшим для формального включения в сеть".

Получив ответ "центра", Гурьянов выждал несколько дней, прежде чем сообщить этот ответ Станиславу. Возможно, он пытался убедить "центр" изменить занятую им позицию, или просто обдумывал, как лучше объявить подчиненному о неуступчивости начальства. Ответ "центра" сводился к следующему: "Ввиду чрезвычайной важности и перспективности операции Арес — Швейк, а также необходимости дальнейших проверок, операция должна быть передана "линии КР".

Безусловно, к этому распоряжению приложил руку Пронников. Поскольку "центр" санкционировал формальное включение Швейка в состав агентурной сети, то его вербовка будет теперь доверена кому-либо из офицеров "линии КР". Станиславу же было недвусмысленно в нем отказано — а значит, и в продвижении в ближайшее время по службе.

— Но если они думают, что "линия КР" справится с этим делом лучше, чего же они вначале поручили его мне? — спросил Левченко.

— Есть такая пословица, — откликнулся Гурьянов, — пусть лучше меня обворуют, чем мне самому придется воровать. Никто уже не сможет отнять у вас главное. То есть, я и мои товарищи уверены в ваших достоинствах, и эту уверенность уже никто и ничто не поколеблет.

Левченко промолчал.

— Я знаю, Станислав, сейчас вам нелегко. Но, пожалуйста, не обвиняйте в этом нашу систему. Это не система виновата. Плохие люди встречаются везде. Когда мы построим настоящий коммунизм, таких там не будет:..

— Наверное, не будет, — сказал Левченко. — Спасибо, вы меня утешили...

Глава четвертая ТАЙНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Убедившись, что он в какой-то степени утратил доверие начальства и что всему виной козни Пронникова, Станислав если и огорчился, то ненадолго. В конце концов, пребывание сотрудника в Японии считается в КГБ "оправдавшим себя", если ему удастся завербовать хотя бы одного достаточно важного агента; Левченко же завербовал уже троих, причем двое из них были официально утверждены в качестве постоянных агентов. Дальнейшее повышение в звании его не слишком волновало. Кроме того, судьба и раньше не всегда была благосклонна к нему.

В дополнение к другим делам, теперь он должен был взять на себя ответственность за курирование деятельности одного из наиболее ценимых резидентурой агентов — "проводников влияния" — Такудзи Ямане, носившего кодовое имя Кант. Этот узколицый интеллигентный японец с профессорской внешностью был завербован еще в 60-е годы все тем же Пронниковым. За прошедшее время Кант неуклонно продвигался по службе — был помощником редактора консервативной газеты "Санкэй", личным советником издателя; в мае 1982 года его назначили главным редактором. Он искусно выдавал себя за непримиримого националиста антисоветского и антикитайского толка. В действительности Кант придерживался марксистских убеждений и симпатизировал Советскому Союзу.

Правда, японская контрразведка засекла встречу Канта с корреспондентом "Комсомольской правды" Николаем Лосинским, информировала его, что лицо, с которым он встретился, является сотрудником КГБ, и склоняла его к сотруд-

ничеству против Советов. Кант изобразил испуг и негодование по поводу того, что эти зловещие красные осмелились послать к нему шпиона, выразил на словах поддержку тайным операциям своей страны, однако решительно отклонил предложение о сотрудничестве с контрразведкой, поскольку как редактор газеты он не может участвовать ни в какой подобной деятельности.

КГБ на полгода прервал все контакты с Кантом и возобновил их вновь через посредство корреспондента Агентства печати Новости майора Бориса Смирнова. Когда умер китайский премьер Чжоу Эньлай, Смирнов обратился к Канту с оригинальным поручением, не терпящим отлагательства. Кто-то из сотрудников службы дезинформации КГБ вспомнил, что Ленин, умирая, продиктовал письмо, известное под названием "Ленинское завещание". Это письмо заставило Сталина потратить несколько лет на консолидацию сил в верхах партии.

Чтобы посеять аналогичный разброд и замешательство в компартии Китая, КГБ изготовил фальшивку под названием "Завещание Чжоу Эньлая" и забросил ее в Токио, распорядившись распространить этот текст через какой-нибудь respectable консервативный орган печати. Например, через "Санкэй". Кант задал в связи с этим такой вопрос: "Как я объясню, откуда у меня взялось это завещание? Ведь среди моих друзей и знакомых нет ни одного родственника Чжоу Эньлая!"

Корреспондент АПН посоветовал ему заявить, что некоему китайцу с материка удалось нелегально доставить это "завещание" в Гонконг, а оттуда оно, дескать, попало в Японию. Взвесив все "за" и "против", Кант отказался от этой версии. "Завещание" может быть вынесено на страницы "Санкэй" только в таком виде: он, Кант, напишет статью за собственной подписью со ссылкой на "завещание" и, введя туда текст, исходящий якобы от Чжоу Эньлая. От любого другого издателя категорически потребует четкого указания на источник. Однако, желая застраховаться от возможных неприятностей после публикации "завещания", Кант настаивал, что в заголовке его статьи должно быть подчеркнуто: он лично не ручается за подлинность этого документа. Из Москвы сообщили: "центр" скрепя сердце согласился на такой компромисс.

Статья Канта, без промедления перепечатанная в Советском Союзе, действительно вызвала замешательство среди китайских руководителей. Они лихорадочно начали предпринимать попытки установить происхождение этого документа и его подлинность. Прошло порядочно времени, прежде чем они, к своей великой радости, установили, что речь идет об искусной подделке. Поскольку это удалось им далеко не сразу, на положении Канта в газете такой финал этой истории никак не отразился.

Тем не менее, ввиду предостережения, полученного от контрразведки, а также в связи с участием в акте дезинформации и отрицательным отношением издателя ко всему советскому, Кант не мог себе позволить открытые и сколько-нибудь систематические свидания с русскими. Он мог лишь эпизодически, как бы случайно встречаться с каким-нибудь советским журналистом, притом даже такие встречи должны были быть короткими, чтобы не вызвать подозрений. Вот почему резидентура решила связать с Кантом Левченко.

Весной 1978 года Левченко сообщил ему о приказе, полученном резидентурой из "центра" и адресованном всем агентам, завербованным в Токио. КГБ отчаянно требовалась любая информация, касающаяся позиции Японии на предстоящих переговорах между премьер-министром Фукудой и президентом Картером.

На этой ежегодной американо-японской встрече на уровне глав государств, которую на сей раз было намечено провести в Вашингтоне, предполагалось согласовать внешнеполитический курс обоих партнеров. КГБ отдавал себе отчет в том, что добыть конфиденциальную информацию об этих переговорах — значит показать высший класс мастерства, какой только доступен разведке.

Кант сомневался, что он сможет оказаться полезен в таком сложном деле, но сказал, что, как бы там ни было, они с Левченко увидятся не раньше чем 9 мая. В этот день в СССР ежегодно отмечался День победы над нацистской Германией, и Левченко понадобилось специальное разрешение резидента, чтобы отправиться из посольства на встречу с Кантом в кафе "Дин-Дон", рядом с редакцией "Санкэй".

Кант торопливо шмыгнул в полупустое помещение кафе и прошептал, что должен срочно вернуться назад в редакцию,

где сейчас в самом разгаре совещание "мозгового треста" его газеты. Бросив на стол большую пачку из-под сигар, он добавил:

— Вот кое-какой материал о переговорах Фукуды. Не вздумайте печатать это в вашем журнале!

Кант почти никогда не опускался до кражи засекреченных документов — это вообще не подобало "проводникам влияния", и Левченко решил, что "кое-какой материал" означает нечто вроде схоластического набора предположений и догадок, о чем, собственно, может пойти речь на совещании в Вашингтоне. Желая избавиться от возможной слежки, он затратил шесть часов, чтобы добраться от посольства до этого кафе, и был огорчен, что половина выходного дня пропала впустую.

На обратном пути, в машине, затормозив на красный свет, Левченко открыл свободной рукой конверт и потянул из него за край первый попавшийся документ. Ему сразу же бросились в глаза гриф "Совершенно секретно" и заголовок: "Проект положений, формулируемых премьер-министром Фукудой на предстоящих переговорах с президентом Картером".

Не ожидая получить столь важные бумаги, Станислав на сей раз не взял с собой специальное приспособление для мгновенного уничтожения документов в случае автомобильной катастрофы или задержания полицией. Вне себя от волнения, он вел теперь машину так осторожно, словно она была начинена опасной взрывчаткой. Он решил ехать как можно медленнее, и проделал весь путь до посольства под непрерывный аккомпанемент автомобильных гудков: его беспрестанно поторапливали нервничающие водители, напиравшие сзади.

Посольский комплекс был ярко освещен весенним солнцем, внутри царила праздничная атмосфера. Кто пил пиво, кто играл в волейбол или шахматы с гостями, прибывшими из других посольств советского блока.

В поисках резидента Левченко ворвался на теннисный корт, гордо прижимая к груди документ, который в ближайшие же часы покажет Кремлю, что замышляет японское правительство, что оно намерено делать в окружающем мире и какими внешнеполитическими проблемами обеспокоена администрация Картера.

— На этот раз я достал нечто необыкновенное, — сказал Левченко, завидев Гурьянова.

Махнув рукой своему партнеру по теннисной площадке, резидент извинился, и они вдвоем отошли в сторону.

— Что у вас? — отрывисто спросил резидент. Левченко показал ему совершенно секретный японский документ.

— Станислав, я не хотел вам говорить... — пробормотал Гурьянов. — Конечно, вы с Кантом молодцы, но позавчера мы получили этот же самый документ от Девея (кодовое имя редактора токийского издания газеты "Санкэй"). Он уже в Москве. Не расстраивайтесь, вы делали все как надо... Идите отдыхайте, развлекитесь чем-нибудь, выпейте...

Председатель КГБ Андропов лично выразил благодарность сотруднику токийской резидентуры, опекавшему Девея. Последний получил вознаграждение в размере трехсот тысяч иен. По настоянию Левченко, Гурьянов распорядился выплатить 150 тысяч Канту — это была максимальная сумма, которую он мог выдать своей властью.

Правило, согласно которому КГБ не считался с достижениями сотрудника только потому, что кто-то другой успел чуть раньше добыть ту же самую разведывательную информацию, было, конечно, несправедливым. Более того, с точки зрения оперативной работы его можно назвать вредным.

* * *

После каждого выступления Брежнева Гурьянов требовал от Левченко, чтобы тот непременно разыскал нескольких японских журналистов и подготовил подходящий доклад о их реакции на брежневские речи.

— А как быть, если реакция окажется негативной? — спрашивал Левченко, едва удерживая смех.

— Тогда пошлите их в задницу. Словом, сделайте так, чтобы комар носу не подточил.

Оба прекрасно знали, что речь, произнесенная в Москве всего несколько часов назад, еще не переведена и на нее еще не успела откликнуться японская пресса. Но даже когда она появится в газетах, ясно, что нудные рассуждения Брежнева японцам, что называется, до лампочки. Обычно японские редакторы откликались на просьбу Левченко такими фразами: "Ну, он, конечно, опять нас ругает, не так ли? Ни на что больше этот маразматик не способен, — вот уж, действительно, старый п...н!"

Левченко, согласно кивая, торопливо записывал в блокнот: "Из хорошо осведомленных источников, близких к Министерству иностранных дел Японии, нам доверительно сообщают, что решительная и твердая позиция товарища Леонида Ильича Брежнева произвела глубокое впечатление на токийскую общественность. Сообщается, что энергичный стиль выступления тов.Л.И.Брежнева и присущая ему безупречная логика продемонстрировали правящим кругам Японии, что он по-прежнему уверенно руководит советской внешней политикой. Как раз в эти часы выступление Л.И.Брежнева тщательно изучается японскими политическими лидерами и, как следует ожидать, окажет существенное влияние на их позицию. Наряду с этим те же источники дают понять, что основное направление японской внешней политики едва ли претерпит в ближайшем будущем какие бы то ни было изменения".

Последняя фраза была рассчитана на аналитиков из КГБ и давала им понять, что все изложенное выше не стоит принимать всерьез. В то же время она, как видим, была достаточно осторожной, — на случай, если "центр" направит это сообщение в Кремль в том виде, в каком оно поступило от заграничной резидентуры. Пусть убедятся, что Брежнев действительно замечательный руководитель, а КГБ тоже на высоте положения, раз так оперативно зафиксировал японские отклики. Левченко приучил себя думать, что такая ложь относительно безобидна и представляет собой "наименьшее зло". Тем более что его кагебешное окружение требовало на каждом шагу куда более серьезной лжи, и последняя расцвела в этом ведомстве пышным цветом.

Характерным примером такой лжи и лицемерия был случай с полковником Кошкиным, руководившим в резидентуре "американской группой". Он только что вернулся в Токио из Москвы, где рассматривался вопрос о возможности его оставления на работе в "органах". "Американская группа" длительное время пользовалась услугами некоего японского агента, работавшего в министерстве иностранных дел и впервые завербованного еще в Москве Вторым главным управлением.

Выйдя на пенсию, этот японец утратил доступ к секретным документам, его контакты с американцами тоже прекратились. Они с Кошкиным любовно договорились, что ему

больше нет смысла подвергать себя опасности, оставаясь, хотя бы номинально, советским агентом.

Пронников, продолжая придирается к деятельности токийской резидентуры, доложил по начальству, что агент потерял из-за нерасторопности Кошкина, который, дескать, одряхлел и не ловит мышей, страдая преждевременным старческим склерозом. Чтобы придать этому доносу большую убедительность, Пронников заручился служебной запиской, полученной от одного из офицеров Второго главного управления: в ней высказывалось мнение, что данный агент, несмотря на уход из министерства иностранных дел, все еще может быть полезен резидентуре.

Кошкину объявили, что его увольняют из органов "на заслуженный отдых". Взволнованный полковник дознался о существовании служебной записки, сыгравшей такую неблагоприятную роль, и разыскал во Втором главном управлении ее автора. Тот принес свои извинения и дал Кошкину письменное объяснение, где излагал всю историю: он написал эту бумажку по настоянию Пронникова, который заявил, что она требуется для оперативных нужд, не объясняя сути дела. После этого Кошкин бросился к парторгу Первого главного управления, и вмешательство парторга позволило отменить уже готовившийся приказ об увольнении полковника.

Что же касается Пронникова, то он и на этот раз вышел сухим из воды: руководству легче было примириться с его интригами и ложью, чем выступить против человека, явно злоупотреблявшего тем фактом, что "его знают в Политбюро".

Когда дело касалось кагебешного начальства в чинах выше Пронникова, оказывалось, что этим людям сходят с рук вещи еще почище. Например, такая история. Поскольку Сингапурская резидентура работала непродуктивно, "центр" решил ее реорганизовать и заодно переориентировать в первую очередь на Китай. Там сменили руководство, и новый резидент, на вербовав китайцев, принялся их руками восстанавливать и укреплять агентурную сеть, энергично отдавал распоряжения, обещая соответствующее вознаграждение. Реакция агентуры была неожиданной: одни из новых агентов отнеслись к сотрудничеству с недоверием, другие возмущались и просили оставить их в покое, третьи откровенно удивлялись, зачем это они понадобились иностранному резиденту.

По своей работе они, при всем желании, ничем не могли быть ему полезны. Выяснилось, что они никогда и не были советскими агентами, а оказались просто знакомыми сотрудниками резидентуры. Иногда вместе выпивали или обедали, или имели с ними какие-то вполне обычные, житейские контакты, никоим образом не связанные с нелегальной деятельностью.

Получалось, что вся агентурная сеть Сингапурской резидентуры существовала только на бумаге. В течение приблизительно двух лет резидентура аккуратно поставляла "центру" донесения, исходившие якобы от агентов, но в действительности фабриковавшиеся своими же сотрудниками. Хуже того, ответственные работники "центра", со своей стороны, санкционировали включение этих мнимых агентов в состав агентурной сети и вполне довольствовались приписываемой им информацией, поступающей от резидентуры. Следовательно, привлекая к ответственности фальсификаторов, работавших в этом сингапурском гнезде КГБ, одновременно надо было поставить вопрос и о служебных упущениях московского начальства. На это пойти не решились, скандал был замят, хотя слухи о таком конфузе стали достоянием всего Седьмого управления.

Ввиду особой важности токийской резидентуры начальникам разных отделов Первого главного управления ничего не стоило выдумать тот или иной благовидный предлог для командировки в Японию. Фактически эта публика приезжала, чтобы отдохнуть, развлечься и побродить по магазинам японской столицы; но, чтобы оправдать командировку, они, конечно, посещали резидентуру и беседовали с резидентом и отдельными офицерами. Одним из таких визитеров был вице-адмирал Усатов. С разрешения Гурьянова, Левченко сделал ему краткий доклад, обращая внимание адмирала на возмутительный служебный промах, случившийся в "центре" и граничащий с должностным преступлением.

Среди массы документов, полученных резидентурой от Ареса со Швейком и исходивших от японской контрразведки, были блестяще сработанные отчеты о различных группах международных террористов и методах их деятельности. Не получая от "центра" оценки этих материалов, переправленных в Москву, резидентура забеспокоилась и запросила, в чем дело. Выяснилось, что в "центре", якобы по причине нехватки

переводчиков, кто-то распорядился уничтожить эти документы, даже не читая. Докладывая Усатову об этом нелепом случае, Левченко процитировал публичное заявление тогдашнего шефа ЦРУ Вильяма Колби, который утверждал, что с КГБ никто не может сравниться в сборе информации, но сплошь и рядом это ведомство не способно эффективно оценить и использовать собранные сведения.

— Похоже, данное происшествие подтверждает, что господин Колби был близок к истине, — заключил Левченко.

— Да, боюсь, этот осел Колби прав, — важно заметил Усатов. — В любом случае, такое отношение к документам противоречит установкам партии. Ладно, я позабочусь, чтобы такое больше не повторилось. Денег у нас хватает, и ничего не стоит нанять еще пару-другую переводчиц.

Однако и после визита Усатова ничего не изменилось: "центр" продолжал игнорировать многие документы, поступающие из резидентуры, в том числе и ценные японские материалы, относящиеся к терроризму.

Левченко считал, что эти и многие другие беды проистекают оттого, что почти никто кругом не заинтересован в настоящей работе. Главное в этой системе для многих — борьба за существование и забота о продвижении по службе. Такие люди, как сам резидент или, скажем, водитель-оперативник, представляли собой исключение: Гурьянов — потому, что все еще верил в грядущее совершенство коммунистического общества, Жаворонков — потому, что, не задумываясь о высоких материях, отстаивал интересы своей родины — так, как он их понимал. Были и другие, старавшиеся во всем быть на высоте положения, — насколько позволяла система. Но они составляли явное меньшинство. А подавляющее большинство, далекое от всяких идеалов, понимало связь вещей упрощенно, руководствуясь формулой: что хорошо для КГБ, то хорошо и для меня. То есть — будет процветать это ведомство, — значит, и я не останусь в проигрыше. Поэтому они служили КГБ в общем старательно и умело, порой — инициативно, изобретательно, блестяще. Благодаря этому громоздкая машина КГБ функционировала в целом так, как хотелось бы ее хозяевам, — одновременно деформируя и калеча души своих бесчисленных сотрудников. Пусть неэффективная, пусть негуманная, она работала полным ходом, и в этом было главное.

Перед Левченко вновь и вновь вставал вопрос: зачем, во

имя чего все это нужно? В очередной раз он задал себе этот вопрос, когда после подписания Хельсинкского соглашения в Токио прибыл представитель ЦК, чтобы сделать в посольстве доклад об этом важном событии. Неприкрытый цинизм его выступления поразил даже закоренелых циников из резидентуры. Такие вещи, говорили они потом, обмениваясь впечатлениями, лучше бы не произносить вслух, не высказывать с такой прямоотой и откровенностью. Представитель ЦК заявил, что, убедив страны НАТО, в том числе Главного Противника, подписать Хельсинкское соглашение, Советский Союз одержал одну из самых крупных побед за всю послевоенную историю человечества. Советская стратегия была настолько искусна, что западные лидеры и в данном случае решили, что это — их триумф. Идиоты прямо-таки рвались поскорее подписать эту бумажку. До чего же они жалки — не понимают, что попались в сеть, как глупые пташки. Теперь они мечтают подорвать наше монолитное общество, используя хельсинкские соглашения о свободном обмене информацией, "обмене людьми и идеями", свободе эмиграции, о соблюдении прав человека и тому подобной буржуазной чепухе.

Истинное положение вещей дойдет до идиотов только через несколько лет, не раньше. Мы будем продавать их книги, журналы и газеты иностранцам в гостиницах, предназначенных для иностранцев, а остальную часть тиражей, купленных за границей для отвода глаз, будем просто сжигать. Запад надеется, что теперь организации диссидентов станут расти у нас по всей стране, как поганки после дождя. Ха-ха-ха! Пусть надеются! Наши славные чекисты свое дело знают. В ближайшие же годы мы избавимся от этих диссидентов раз и навсегда. Мы отправим их в тюрьмы и колонии, где труд превратит их в полезных членов общества. И в то же время мы будем использовать Хельсинкское соглашение, чтобы подорвать капитализм изнутри.

Применяя любые легальные и нелегальные средства, мы станем манипулировать общественным мнением западных стран, как только пожелаем. У нас имеется возможность создать на Западе десятки новых организаций и укрепить существующие прогрессивные организации. Наши доблестные разведывательные органы употребят вновь открывшиеся возможности, чтобы начать действовать на еще более высоком уровне, с еще большим размахом, пользуясь всеми преимуще-

ствами возникшего ныне дружелюбного отношения к СССР. Мы повернем общественное мнение Запада, в частности европейских стран, против США. Мы будем повсюду сеять недовольство и недоверие к нашему Главному Противнику. Хельсинкское соглашение предоставляет нам поистине исторические возможности для ослабления наших врагов, и мы не упустим ни единой из этих возможностей.

Левченко спрашивал себя: для чего я работаю по пятнадцать часов в сутки, ломаю человеческие судьбы, умножаю в мире ложь? Только для того, чтобы как можно эффективнее обмануть народы, поверившие в Хельсинкское соглашение?

Состояние душевного разброда и неудовлетворенности, в котором оказался Левченко, еще более усугублялось неблагополучием в его семье. После того как стукачка Лариса, стараясь выслужиться, оклеветала Наташу, будто та "разбалтывает секреты", Левченко пришлось искусно обрабатывать офицера службы безопасности посольства. Поскольку Наташа долго не получала работы в посольстве, он внушал партийной комиссии, прибывшей из Москвы, что этот офицер "окружил себя опасными врунами вместо добросовестных, честных осведомителей".

В результате Наташа была принята на работу в консульство и всего через несколько месяцев возглавила там группу канцелярских служащих. На службе она очень выматывалась, так как ей приходилось иметь дело с множеством японцев, желающих поехать в Советский Союз,* и по вечерам ей было необходимо общество, в котором можно было бы отдохнуть и развлечься.

Станислав едва ли подходил на роль компаньона для отдыха и развлечений. Даже когда он по вечерам оставался дома — а это случалось далеко не часто, — жена видела его апатичным, а в действительности — погруженным в еретические мысли, которыми он не мог поделиться с нею, так как это значило бы

* Некоторые японцы, введенные в заблуждение советской пропагандой, рисовавшей картины социалистического рая, обращались в консульство с просьбой о советском гражданстве. Персонал консульства смотрел на них как на ненормальных и соответственно обращался с ними.

сделать ее соучастницей в крамоле. Ей казалось, что раз он не желает сходить с ней в ресторан или в театр, стало быть, он разлюбил ее. Взаимное отчуждение росло, и вскоре они уже не находили даже общих тем для разговора.

В конце августа 1978 года, отправляясь в отпуск, Левченко мечтал в первую очередь отоспаться, забраться куда-нибудь в глушь, отдохнуть от вечного изматывающего напряжения. Ему хотелось найти на родине хоть какие-нибудь признаки, показывающие, что его соображения и выводы ошибочны, что советская система меняется к лучшему, что она способна, пусть не сразу, искупить собственные грехи.

Хмурым дождливым днем он вошел в проходную Первого главного управления с таким ощущением, точно он здесь подсудимый, ожидающий с минуты на минуту вынесения приговора. Собственно, он всегда ощущал нечто подобное, являясь в "центр" в начале каждого очередного отпуска. Резиден-тура всегда создавала у своих сотрудников впечатление, что с ними все обстоит благополучно, чтобы они, чего доброго, не сбежали. Истинное положение дел выяснялось только здесь, в Москве. Коль уж вы оказались тут, деваться вам некуда. Теперь вам могут просто объявить, что не все коту масленица, послать в какую-нибудь дыру, запретить вообще выезд за пределы страны, направить в распоряжение Второго главного управления, на периферию, а то и вовсе уволить из "органов". Не имеет значения, что до сих пор вы работали отлично. Достаточно, если, скажем, кто-то из ваших случайных знакомых сбежал за границу, или же сменилось руководство, и новому начальнику требуется пристроить на ваше место кого-то из своих. Или на вас поступил донос, сфабрикованный службой контрразведки. Никто не был застрахован от подобных случайностей; ну, а Левченко сверх того имел основания опасаться мести Пронникова и его нескончаемых интриг. Между тем ему предстояло явиться в первую очередь именно к Пронникову как к заместителю начальника Седьмого отдела.

Напрягшись, точно охотник — или, наоборот, его жертва, чувствующая близкое присутствие охотника, — Левченко вошел в кабинет Пронникова на шестом этаже. Пронников — теперь уже полковник — встретил его широкой снисходительной улыбкой. Он сидел за столом, но не предложил вошедшему сесть, делая вид, что не может позволить себе оторваться от лежащих перед ним деловых бумаг. Спустя минуту он

сказал: "Я опаздываю на собрание и поэтому не стану сегодня долго распространяться. Коротко — дело обстоит так. Я недооценил вас и вашу способность делать глупости. Вы меня огорчили, обратившись за моей спиной к генералу Попову в том случае с Томасом. За такие вещи можно и головы лишиться. Но я хочу думать, что это вы сглупили по молодости лет. Я человек по натуре великодушный, мое положение прочно, и это тоже позволяет мне быть великодушным. Идите! Отдыхайте, используйте как следует ваш отпуск. Но не забудьте зайти ко мне, перед тем как поедете обратно в Японию!"

Итак — передышка, приговор не состоялся, то ли он отменен, то ли просто отсрочен. Теперь можно было заняться второстепенными делами.

В финчасти Левченко получил зарплату, шедшую ему в Москве. Набралось тысячи три. Кроме того, они вдвоем с Наташей накопили 900 тысяч иен, главным образом за счет ее заработков, составлявших 60 тысяч иен в месяц, и Левченко внезапно решил купить машину. Новая "Волга" стоила примерно десять тысяч, к тому же тот, кто мог платить только советскими деньгами, должен был ждать очереди несколько лет. Левченко оплатил в твердой валюте "Волгу", и она обошлась ему в 860 тысяч иен — меньше чем в три тысячи рублей по официальному курсу, при этом ему было гарантировано, что он получит ее в течение двух недель.*

* Офицерам КГБ, в частности работающим за границей, зарплата начисляется по сложной формуле. Основная ставка, определяемая на основе звания, повышается с каждой "звездочкой" всего на 10 рублей в месяц. После пяти лет стажа эта ставка увеличивается на пять процентов, после десяти — на десять. Дополнительные двадцать процентов начисляются офицерам за знание двух европейских языков или одного восточного. Независимо от звания и стажа производятся добавочные начисления за должность. Поэтому, например, майор, работающий помощником или заместителем начальника отдела в "центре", вполне может получать больше полковника, занимающего менее высокую должность.

Офицеры, работающие за границей, получают половинную зарплату по своей "официальной" должности (например, Левченко получал половину зарплаты, положенной корреспонденту "Нового времени) и половину зарплаты, причитающейся офицеру КГБ в соответствующем звании. К тому же Левченко получал гонорары в советских рублях за каждую написанную им статью или корреспонденцию. Вторая половина

Через свой журнал Левченко получил путевку на две недели в дом отдыха газеты "Правда". Дом отдыха находился в живописном лесу, километрах в пятидесяти к востоку от Москвы. Наташе с сыном пришлось остаться на это время в Москве у ее матери. Дом отдыха, разумеется, был привилегированным. Кормили очень обильно, пища была по-русски тяжелой, и дня через три-четыре Левченко решил ограничить свой рацион главным образом хлебом, маслом, яйцами, вареньем и чаем.

Постоянные дожди мешали прогулкам по окрестным местам. Сезон отпусков в основном уже закончился, поэтому отдыхающие в большинстве своем оказались пожилыми людьми. В прошлом это были сотрудники редакции "Правды" и ее типографии, вышедшие теперь на пенсию. Их настроение было довольно мрачным, подстать погоде. Они мало разговаривали, а если и открывали рот, то главным образом для того, чтобы поплакаться друг другу в жилетку, как трудно жить на пенсию, как сложно достать в магазине хорошие и недорогие продукты и как возмутительно высоки цены на рынках.

Впрочем, в баре дома отдыха Станиславу удалось встретить родственную душу. Это был пятидесятилетний вдовец, ретушер "Правды". Он специализировался в газете на приукрашивании и прямой подделке фотографий Брежнева и других членов Политбюро, предназначенных для публикации в пе-

его зарплаты как офицера КГБ ежемесячно начислялась ему в Москве, и он мог получить ее, приезжая в ежегодный отпуск.

К 1978 году Левченко получал 247 тысяч иен в месяц. Поскольку "Новое время" оплачивало его квартиру, прочие коммунальные расходы и стоимость содержания автомашины, а КГБ безоговорочно брал на себя оплату того, что можно бы назвать развлечениями, материальный уровень семьи Левченко намного превосходил уровень, характерный для японских семей, принадлежащих к среднему классу общества. Кроме того, на счету Левченко в "центре" ежемесячно прибавлялось около 240 рублей.

Советский Союз произвольно приравнивал рубль к одному доллару сорока центам. Однако в 1982 году фактический обменный курс рубля составлял в США всего 23 цента. В Москве на черном рынке за доллар давали более шести рублей (из расчета 1 рубль равен 16-ти центам). Курс иены к доллару составлял в 1978 году 1:200. В 1982 году он дошел до 250 иен за доллар.

чати. "Если их хотя бы чуть-чуть не подлакировать, народ станет думать, что Политбюро — это дом престарелых, богадельня", — простодушно пояснял ретушер.

Однако его профессиональных навыков доставало и на большее. Чтобы продемонстрировать любовь советских лидеров к Леониду Ильичу, "Правда" частенько печатала фотографии членов Политбюро, собравшихся в аэропорту, чтобы встретить Брежнева по его возвращении из какого-нибудь дальнего вояжа или, наоборот, чтобы проводить его.

В действительности, как объяснил Станиславу его новый приятель, члены Политбюро редко утруждают себя поездками в аэропорт. Вот и приходилось брать их снимки, сделанные по какому-то другому случаю, и искусно размещать выкроенные оттуда фигуры на фоне здания аэропорта, как будто они там действительно собрались. Левченко соглашался со своим собеседником, что такую невинную подделку не приходится осуждать, ее даже надо считать полезной: ведь не что-нибудь, а важные государственные дела не дают возможности членам Политбюро тратить время на парадные церемонии.

Обходными путями Левченко старался разузнать у собеседника, как выглядит материальное положение рядовых советских людей. Он упомянул о брюзжании пенсионеров, собравшихся в доме отдыха. "Во многом они правы, — заметил ретушер. — Похоже, что жить на зарплату с каждым годом становится все труднее. К тому же все больше товаров становится "дефицитом".

Для редакционных работников "Правды" не составляли секрета и такие факты. Бросив все ресурсы на строительство стадионов, гостиниц, бассейнов и городка для спортсменов ("олимпийской деревни") в связи с предстоящей в 1980 году Олимпиадой, власти резко сократили жилищное строительство в Москве. Так что тысячи, а может быть, десятки тысяч семей лишились обещанных новых квартир. Да и олимпийские объекты строились кое-как — сказывались фантастическое расхищение материалов и недостаток рабочих рук.

Строителей нередко удаляли со стройплощадки, чтобы специальные команды КГБ могли установить в новых зданиях устройства для подслушивания. Во многих местах, где не хватало рабочих, трудились десятки тысяч лагерников. Режим был, видимо, не слишком жестким, и в окрестностях участились случаи грабежей, убийств и изнасилований. "Честно го-

вора, от этих строек хочется держаться подальше”, — заключил ретушер.

Он рассказывал также о бессмысленных убийствах, ”нагнавших страху”. Группы подростков убивают людей прямо на улице, притом без всякой причины, по-видимому, в поисках острых ощущений.

От таких убийств трудно защитить население. Единственное средство — это патрулировать определенные районы силами милиции и переодетых гебешников. В полной безопасности можно себя чувствовать лишь в самом центре Москвы, в радиусе примерно полутора-двух километров от Кремля. Левченко знал, что это действительно так: центр города всегда насыщен милицией и патрулями КГБ.

Новый приятель Станислава упомянул и еще об одном явлении: волне антисемитизма в связи с тем, что евреям разрешено теперь уезжать из СССР, в то время как все прочие были обречены влачить жалкое существование, оставаясь на месте и не видя для себя никакого выхода. ”По-моему, это несправедливо, — говорил ретушер. — Несправедливо и то, что теперь еврейские девушки получили преимущество перед всеми остальными: у них отбою нет от женихов, потому что, женившись на еврейке, каждый получает шанс уехать...”

На досуге Левченко пытался читать. В Токио его рабочий день начинался с просмотра газет, где легионы первоклассных журналистов освещали события с различных точек зрения. Сквозь призму японской прессы он волей-неволей видел общество, заряженное энергией, пульсирующее оптимизмом, общество, благосостояние которого непрерывно повышается, несмотря на явную скудость природных ресурсов.

Просматривая московские журналы, он пытался разглядеть и в советском обществе признаки подобного динамизма, пусть и не столь впечатляющие. Но все, что он находил в советской прессе, лишь разочаровывало его, если не угнетало, — ведь он уже давно научился расшифровывать эти бодрые репортажи, читать между строк. Когда он читал хвалебную статью о какой-то образцовой угольной шахте, в конце которой говорилось, что соседним шахтам надо подтянуться и брать с нее пример, — это означало, что угольная промышленность испытывает кризис. Если статья воспевала героические усилия какой-то железной дороги, сумевшей добиться образцового выполнения графика перевозок, это значило лишь, что

прочие дороги сильно хромают в этом отношении. Если журналист восторгался трудовым порывом среднеазиатских студентов, которые, как он писал, десятками тысяч добровольно отправлялись собирать урожай хлопка, — это значило, что хлопкоуборочные машины опять простаивали и, чего доброго, часть урожая сгниет на полях.

Находясь за границей, Левченко убедился, что, какими бы недостатками ни страдало американское общество, продовольствия в Америке всегда было достаточно. Читая теперь в "Правде", что жители Соединенных Штатов недоедают, а некоторые штаты находятся чуть ли не на грани голода, Левченко понимал, что населению СССР придется еще туже затянуть пояса. Ведь и американцы, судя по советской печати, находятся ничуть не в лучшем положении.

Призывы к экономии, которыми пестрели газеты и журналы, разоблачения злоупотреблений, заклинания о необходимости пойти на новые жертвы ввиду постоянных происков империализма, — все это говорило скорее об упадке и вырождении, нежели о прогрессе.

Во многих комментариях прессы Левченко находил явное сходство с теми нарочито утешительными новостями, которые он сам время от времени стряпал, находясь в Японии ради спокойствия членов Политбюро. Это была заведомая дезинформация, регулярно поставляемая советской стороной внешнему миру, чтобы сбить с толку иностранцев. Распространяя ту же дезинформацию в собственной стране, правительство явно ставило свой народ на одну доску с японцами или американцами, или китайцами. Но ведь это все были враждебные Советскому Союзу нации. Выходит, и собственный народ рассматривался как враждебный, раз его потчевали тем же пропагандистским варевом...

Вернувшись в Москву, Левченко получил свою новую "Волгу". Машина символизировала житейскую удачливость, карьеру, и хотя бы поэтому ею следовало гордиться. Многочисленные мелкие неполадки, выявившиеся тут же, его не слишком волновали: этого следовало ожидать, и он уже заранее наладил контакт с двумя механиками, взявшимися привести все в порядок в нерабочее время. Они работали на номерном заводе, выпускавшем системы управления для ракет. В конце недели они за одну ночь проверили "Волгу", наутро взяли для нее кое-какие запчасти на своем заводе и за

субботу и воскресенье устранили неисправности. Они трудились, не покладая рук, и Станислав исправно таскал им водку — бутылку за бутылкой.

Станиславу не терпелось поехать на своей машине по Москве, посмотреть на город. В первую же поездку он нарушил правило — сделал левый поворот из правого ряда — и был остановлен лейтенантом-автоинспектором. Увидев удостоверение личности, свидетельствующее, что Левченко — токийский корреспондент "Нового времени", инспектор дал понять, что подходящий японский сувенир мог бы избавить нарушителя от неприятностей.

— Как насчет открыток со стереоизображением?

— Шутишь! Этого барахла у меня навалом. Что-нибудь более дельное...

— Я живу тут рядом. Через двадцать минут вернусь, прихвати зажигалку.

— Это уже лучше. На вид ты парень честный, — ладно, езжай, поверю тебе.

Получив зажигалку, он обрадованно сказал:

— Я чувствовал, что не обманешь!

Друзья говорили Станиславу, что надо бы собраться, отметить приезд, но партия как раз начала очередную кампанию против пьянства, и начальник Первого главного управления категорически запретил офицерам устраивать "торжества с выпивкой". Только что ему пришлось уволить сразу четырех полковников: они, не подозревая, что в ресторанный столик вмонтирован микрофон, завели под воздействием выпитого не слишком сдержанный разговор.

Левченко с друзьями решил все же устроить ужин в "Национале". Кто-то из них через приятеля, работавшего во Втором главном управлении, получил заверения, что микрофон, которым был снабжен столик, будет в этот вечер отключен.

За столом Левченко рассказал о своем опыте общения с московской автоинспекцией. В ответ посыпались истории одна другой хлеще — подкуп и взяточничество в Москве прямо-таки процветали. Недавно у комиссионного магазина был задержан гражданин, спекулировавший японскими кассетами. "И что ж ты думаешь — оказался полковником КГБ". Шесть или семь офицеров пожаловались начальству, что в сауне при Первом главном управлении у них кто-то спер часы. Вмешалось управление "К", и его сотрудники накрыли вора, — это

был старший лейтенант, признавшийся, что таким путем он сколачивал деньги на покупку машины.

Нашелся случай с ГАИ и почище левченковского. Инспектор-лейтенант за какое-то нарушение остановил водителя-гебиста в гражданской одежде. Тот тут же спросил, что ему подарить; инспектор дал понять, что удовлетворится парой рюмок коньяку из ближайшего ресторана. Опрокинув в ресторане четыре порции, он отправился обратно на пост, а гебист, расплатившись за коньяк, бросился к телефону: "Такой-то пьянствует во время дежурства!" Патруль ГАИ, объезжавший улицы, забрал инспектора, но тот отчаянно протестовал и настаивал на проверке, которая подтвердила, что он в этот день не пил.

В ответ на упреки начальства гебист клялся и божился, что он лично ставил инспектору коньяк, и КГБ взял гаишника под наблюдение. Пришел день, когда инспектор заставил нарушителей сводить его в ресторан не то семь, не то восемь раз подряд. Было подсчитано, что он влил в себя не менее двадцати пяти порций коньяку, — без малейших последствий. Но КГБ оказался на высоте положения и быстро докопался до истины. Получая с задержанных водителей за дорогой коньяк, официант подавал инспектору холодный чай. В конце дня они делили доход на двоих.

Один из присутствующих за столом заметил, что взяточничество и спекуляция всегда процветали на Руси, да и вообще едва ли найдется общество, не пораженное коррупцией.

— Боюсь, дело хуже, — вмешался полковник, сотрудник "линии X". — Еще года три-четыре назад никто и представить не мог, что в ПГУ окажется офицер, крадущий у своих товарищей часы или промышляющий продажей контрабандных кассет прямо на улице, точно бродячий торговец коврами где-нибудь в Турции! Выходит, сейчас у нас все продается и покупается. Люди тоже продаются. Может, в ПГУ до этого и не дошло, но в министерстве иностранных дел и внешторге с этим уже "в порядке". Там агентов ЦРУ — что блох в одеяле. Сам Андропов очень этим обеспокоен.

...За два дня до возвращения в Токио Левченко снова явился в Первое главное управление. На сей раз Пронников удивил его своим показным радушием.

— У нас были в прошлом мелкие недоразумения. Пора о них забыть и не оглядываться на вчерашний день. Взглянем-

ка в будущее. Ваше будущее представляется блестящим, если, конечно, вы научитесь прислушиваться к дружеским советам. Я беспокоюсь о вас же. Они навалили на вас слишком много дел. Никто не в состоянии справиться с такой массой заданий. Хватит уже вам гореть на работе. Я бы хотел, чтобы вы докладывали мне лично, пользуясь спецпочтой, как идут ваши дела и как к вам относятся в резидентуре, чтобы я мог дать вам совет и прийти на помощь... И вообще — побольше думайте о своих собственных интересах.

— Конечно, я буду сообщать вам непосредственно... — солгал Левченко. — Спасибо!

”Вот опять проявление все того же беспредельного цинизма, — подумал он. — Им бы следовало водрузить над Кремлем, над ”центром”, над Комитетом солидарности с народами стран Азии и Африки огромные неоновые буквы, чтоб они непрерывно мигали — днем и ночью — и каждый мог бы прочесть: **БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ ЦИНИЗМ**. Все у них — сплошная ложь, и каждый, включая меня самого, — лжец. Пронников лжет мне, я лгу ему в ответ. Они провозглашают непрерывный прогресс — а всякий, у кого есть глаза, видит кругом прогрессирующее разложение. Материальный прогресс и благосостояние сами по себе ничего не значат, это лишь средство для достижения духовной свободы и морального совершенства. Так они твердили народу, это они обещали; вместо этого — их система только портит каждого человека. Вся страна — точно огромный концлагерь, где начальники охраны постоянно проводят ”боевые активные операции”, направленные против охраняемых”.

Левченко ехал домой, рассчитывая найти здесь какие-то сдвиги к лучшему. На усталых, тусклых лицах своих соотечественников он увидел одно — печать безнадежности.

Вечером накануне отбытия он зашел в церковь помолиться. На этот раз он шел туда открыто, почти вызывающе. Не хотелось унижаться до каких-то маскировочных приемов, уверток. Пусть его ”хозяева” сами решают, может ли вера считаться в этом обществе наказуемой.

Он взбунтовался из чисто моральных побуждений. Материально он был вполне обеспечен, занимал завидное положение в советской иерархии. Успешная деятельность в Японии открывала перед ним перспективу такой карьеры, что лучшего и желать нельзя.

Некоторые уступки Пронникову — и он сможет остаться в составе Седьмого отдела, и будет продолжать служить в Японии, в стране, которую он успел узнать и полюбить. Есть у него и такая возможность: перейти в Двенадцатый отдел, одна из обязанностей которого — опекать иностранцев в Москве и провожать их назад, на их родину. Принимая во внимание его солидный журналистский опыт и знание английского, можно рассчитывать, что в дальнейшем его будут посылать не только в Японию, но и в Англию, и в Соединенные Штаты. Лишь очень немногие из его соотечественников могут хотя бы мечтать о чем-либо подобном...

И тем не менее, когда ИЛ-62 оставил Подмоскowie позади и взял курс на Токио, Левченко, глядя вниз, на родную землю, знал, что видит ее в последний раз, и мысленно прощался с ней навсегда.

Вернувшись в Токио, он начал обдумывать, как будет выглядеть его побег. Решиться бежать было страшно. Он ненавидел КГБ как мерзкое учреждение, как символ и опору советского государства, считал его злом органическим, неизлечимым. Он презирал Пронникова и вообще публику этого сорта, презирал этих людей и самих по себе, и еще потому, что видел в них воплощение зла, сосредоточенного в КГБ. И в то же время он не хотел плохого России и своим соотечественникам, честным людям, которые, как и он, служили безотказными шестеренками этой бесчеловечной машины. Но что, кроме побега, мог он предпринять в этих условиях?

Смятенное состояние, в котором он находился, привело к частым и сильным приступам тахикардии — учащенного сердцебиения. Врач посольства прописал Станиславу транквилизатор, который вроде бы помог. Но, чтобы не привыкать к наркотическому средству, Левченко вскоре отказался от него. Он знал, что алкоголь тоже не приносит настоящего облегчения, и ему ничего не оставалось, как вновь забыться, погружившись в работу. Какие бы планы он ни вынашивал, пока что он исполнял свою обычную работу, встречался с агентами, развивал только что возникшие контакты и старался, когда представлялся случай, завербовать новых агентов.

Если бы он обнаружил признаки нелояльности или просто неуверенности в себе, его могли бы тут же отозвать в Москву и лишить всех шансов на побег. Он знал, как это происходит. Резидент или начальник линии ПР вызывают офицера и гово-

рят ему, что в нем безотлагательно нуждается "центр", это срочное задание, по выполнении которого он, разумеется, вернется назад. Офицеру вручают билет на самолет, и кто-либо из коллег везет его прямо в аэропорт. Через несколько дней вслед за ним отправляют семью. С имуществом же отбывших особенно не спешили: были случаи, когда изгнанные сотрудники дожидались своих вещей чуть ли не год, прежде чем посольство утруждало себя их отправкой.

Итак, Левченко продолжал оставаться для окружающих таким же энергичным и полным служебного рвения, каким его привыкли видеть. Благодаря своим служебным удачам и доверию, которым он пользовался у начальства, он оказался втянутым в операции, прямо его не касавшиеся, в том числе и такие, о которых в резидентуре знали считанные единицы. Одна из них была связана с шифровальщиком японского министерства иностранных дел, которому резидентура присвоила кличку "Назар".

Некий офицер из Шестнадцатого отдела ПГУ, занимавшийся специально и исключительно шифровальщиками, "засек" Назара в Токио и терпеливо его обхаживал, проявляя немалую щедрость и ничего не требуя взамен. Когда же шифровальщика перевели по службе в какую-то из восточноевропейских стран, — кажется, это была Чехословакия, — офицер тоже очутился там и завербовал японца, соблазнив его крупной суммой.

После возвращения Назара в Токио его опекали два майора — сначала Валерий Иванович Уманский, а в дальнейшем Валентин Николаевич Белов. "Центр" считал это дело настолько важным, что потребовал освободить их обоих от всех прочих заданий, чтобы снизить до минимума риск их провала.

Соблюдались и другие чрезвычайные меры предосторожности. Встречи с Назаром где-либо в ресторане считались нежелательными. Назар передавал своему "куратору" документы на ходу, прощмыгивая мимо него в уличной толпе, или оставляя их в хорошо укрытых тайниках. На время, пока осуществлялась передача этих документов, резидентура приостанавливала все внешние операции.

Место уличной встречи Назара с куратором или соответствующий тайник оцеплялись наблюдателями, поблизости крутились "подсадные утки", чтобы в случае чего отвлечь на себя внимание японских контрразведчиков. Вспомогатель-

ному персоналу было известно только то, что осуществляется какая-то чрезвычайно важная операция. В чем именно дело, им знать не полагалось.

Доступ к узлу связи министерства иностранных дел давал Назару возможность фотографировать каждую неделю десятки, а порой сотни сообщений, поступающих из японских посольств со всех концов мира, в том числе из Москвы и Вашингтона. Таким образом, японские посольства, сами того не подозревая, служили поставщиками информации для КГБ и тем самым для Кремля.

Назар был в высшей степени полезен еще и потому, что он давал криптографам из КГБ возможность быстро засекаать и разгадывать изменения в шифровке японских документов. Сравнивая полученные открытые тексты одних и тех же сообщений с зашифрованными, удавалось постичь сами принципы японской криптографии. Шифры часто меняются, принципы остаются неизменными.

Количество материалов, поступающих в резидентуру от Назара, было так велико, что одно время даже снизилась оперативность их перевода. Поэтому, когда Назар передавал что-нибудь особенно важное, в помощь переводчикам приходилось привлекать Станислава.

В начале 1979 года его как-то вызвал Гурьянов:

— Извини, тебе придется помочь нам в одном очень рискованном деле, не связанном с твоими агентами. Я к тому же не имею права посвящать тебя в суть дела. Ты просто осмотришь один дом и сообщишь мне, новый он или старый.

— А почему бы вам не послать туда Доктора? — спросил Левченко.

”Доктор” — скромный журналист, нигде постоянно не работавший, фанатичный приверженец марксизма, исключенный из японской компартии за свои просоветские взгляды, — был типичным агентом на побегушках. Он фотографировал учреждения, жилые дома, места предстоящих митингов, подсовывал пропагандистские материалы китайским учреждениям в Токио, рассылал письма, порочащие антикоммунистически настроенных японцев, и выполнял прочие скучные, но необходимые тайные поручения. Из года в год проверяемый и перепроверяемый, он считался надежным и опытным агентом.

— Нет! — отрезал Гурьянов. — Дело касается исключительно деликатной операции, проводимой под фальшивой вывес-

кой, и к ней может быть привлечен только один японец, не больше. Этот один у нас уже есть. Я наметил тебя. Думаю, что ты справишься, даже если возникнут непредвиденные обстоятельства. Тут вот какая сложность: дом находится не в самом Токио, а в отдаленном пригороде, где иностранцы никогда не бывают. Ты появишься, запомнишь, как выглядит дом и весь квартал, и отправишься назад, — но постарайся не погореть. Если погоришь — может провалиться очень важная операция, которую мы подготавливали годами.

Гурьянов добавил, что доставит Станислава на место майор Александр Бирюков, корреспондент "Комсомольской правды":

— Он отлично водит машину, не то что ты...

— Лучше бы всего отправиться в воскресенье утром, пока все собаки спят, — сказал Левченко.

В Европе или Соединенных Штатах это задание не считалось бы сложным. Но в Японии оно было связано с серьезными трудностями, и Левченко вполне отдавал себе отчет в их характере. Дело в том, что здесь любой рядовой полицейский знает каждого жителя своего участка и с каждым его связывают добросердечные, дружеские отношения. Люди считают полицейского защитником и покровителем и поэтому первым делом сообщают ему обо всех происшествиях, случившихся по соседству, даже самых незначительных. Так что если кто-либо в намеченном пригороде распознает в Станиславе и его спутнике русских, полиция будет уведомлена немедленно. Нет сомнения, что сразу подключится и контрразведка и будет проведено расследование, вкрадчивое и эффективное.

Это наверняка спугнет пташку, ради которой КГБ расставляет сети. Резидентура предпринимает операцию под ложной вывеской, очевидно, по такой простой причине: КГБ уже установил, что японец, которого предполагается завербовать, никогда не согласится сознательно сотрудничать с Советами. Он готов помочь, сам не ведая кому, только будучи уверенным, что услуги, которых от него ждут, по каким-то тайным причинам пойдут на пользу Японии. Стоит ему заподозрить, что тут замешаны Советы, — он наверняка даст задний ход да к тому же наверняка сам сообщит обо всем японским властям. Так или иначе, операция окажется сорванной. И хотя резидент прямо этого не высказал, репутация Левченко будет

запятнана. А уж там, в "центре", Пронников, надо полагать, постарается раздуть эту неудачу, чтобы ускорить отзыв Левченко из Японии.

Левченко и Бирюков встретились еще в предрассветной тьме, но дорога заняла у них около пяти часов. На часах было почти двенадцать, когда Бирюков свернул в узкую пригородную улочку. Он собирался медленно проехать мимо интересующего их дома, а затем дать газ и поскорее умчаться из этого района, но толпа ребятишек, игравших на улице, вынудила его остановиться. Внезапно они окружили машину и начали шлепать по ней ладошками и кричать: "Иностранцы! Иностранцы!"

Улыбаясь и помахивая им рукой, Левченко сквозь зубы сказал Бирюкову:

— Делай вид, что не понимаешь, что они кричат. Давай вперед потихоньку, чтоб нам тут не влипнуть!

Детишки расступились перед машиной, но впереди маячило новое препятствие — посреди мостовой стояла группа взрослых и подростков.

— Придется объясниться, — прошептал Левченко. — Пстой, я выйду. Что бы ни случилось — по-русски ни слова.

Он направился к японцам, которые глядели настороженно и, пожалуй, недружелюбно. Ему пришлось представиться по-английски: он американский корреспондент, заплутал здесь в предместье и требует (!) показать ему, как выехать на шоссе, ведущее в Токио. Пожилой японец выступил вперед и на ломаном английском объяснил, как проехать.

— Спасибо, папа-сан! — обрадованно воскликнул Левченко. Японец поклонился, Левченко помахал ему на прощанье и вернулся в машину.

В резидентуре он доложил о поездке и сообщил, что дом, интересующий Гурьянова, совершенно новый.

— Ты действовал правильно, — одобрил Гурьянов. — А теперь, Станислав, прошу тебя и предупреждаю: никому ни слова. Забудь о своей поездке. Помни только, что я тебе благодарен за нее.

Как разворачивалась дальше эта операция, Станиславу узнать не пришлось. Зато он имел полное представление о ряде других случаев, когда КГБ обольщал и околпачивал японцев, настроенных заведомо антисоветски. Ярким примером такого одураченного деятеля был агент, получивший кодовое

прозвище "Маслов". Крупный специалист по истории Китая, Маслов с благоговением относился к древней китайской культуре и ненавидел коммунистов за то, что те систематически искореняли это культурное наследие. Этот агент начал подбрасывать КГБ информацию, уверенный, что таким путем поможет Советам свергнуть злобный китайский коммунистический режим.

Продвигаясь по службе, Маслов сделался видным сотрудником Исследовательского бюро Совета министров. Под невинным названием "Исследовательское бюро" скрывался аналитический отдел японской разведслужбы. Маслов имел доступ к самой секретной разведывательной информации, а также к весьма деликатным политическим документам, выявляющим действительное отношение японского правительства к различным аспектам политики других государств, в том числе и СССР.

Майору Геннадию Дружинину удалось заверить Маслова, что Советы нуждаются в информации любого характера, но, так или иначе, вся она будет использована только для свержения власти китайских коммунистов, и японец делился с резидентурой всеми сведениями, какие только мог раздобыть. Кроме того, в аналитические обзоры, составляемые для премьер-министра и членов кабинета, он искусно вводил доводы против японо-китайского сближения, так пугающего СССР. Не вполне отдавая себе отчет, насколько важна для Советов такая работа, Маслов понемногу сделался одним из самых продуктивных агентов резидентуры, несмотря на то что советский коммунизм он жаловал почти так же, как китайский.

9 февраля 1979 года Левченко был поднят с постели телефонным звонком. Чей-то голос попросил по-японски господина Отсуги, что означало: Станислава срочно вызывают в резидентуру. Гурьянов снова нуждался в нем. Этой ночью через агента по кличке Камю, корреспондента "Токио Симбун", был получен документ, содержащий информацию, выкраденную в Южной Корее. В нем говорилось, что в середине февраля китайские войска атакуют Вьетнам, перейдя его границу сразу на трех участках. Указывались китайские силы, стянутые для участия в операции, и тактические цели атаки.

Пока Левченко изучал эту бумагу, Гурьянов с Севастьяновым обсуждали вопрос, стоит ли передавать полученную ин-

формацию в "центр". Если она достоверна, то важность ее невозможно переоценить. Китай уже публично угрожал "преподать Вьетнаму хороший урок", и вьетнамцы, безусловно, в принципе готовы отразить китайскую атаку. Но если они будут точно знать, когда и где она будет предпринята, — это позволит им подготовить более эффективный отпор, притом с меньшими потерями. Но беда состояла в том, что резидентура не была уверена в достоверности сообщения. Может случиться и так, что его анализ, выполненный в Москве, или какие-нибудь дополнительные данные покажут, что документ является фальшивкой. Тогда "центр" обвинит резидентуру в некомпетентности, опрометчивости суждений и прочих грехах. С другой стороны, если китайцы действительно намереваются напасть в феврале, возможно, в "центр" поступят сообщения об этом из других резидентур, и токийская резидентура опять же будет бледно выглядеть...

— Ну, что скажешь насчет этого? — спросил Гурьянов.

— А что я должен говорить? — вопросом на вопрос ответил Левченко.

— Я спрашиваю твое мнение об этой бумажке.

— Думаю, у нас нет выбора: надо передавать в "центр".

Гурьянов позвонил, чтобы пришел шифровальщик, и объявил:

— Мы пошлем это со своим примечанием: нам не удалось установить, подлинный это документ или фальшивка.

— Нам полагается знать такие вещи, — заметил Севастьянов. — За такое примечание Пронников нас убьет.

— Черт с ним. Пошлем, и пусть они сами решают.

Информация оказалась верной, и, когда 17 февраля, точно в указанный там день, китайцы действительно перешли вьетнамскую границу, вьетнамские войска были готовы к отражению атаки. Не избалованная похвалами токийская резидентура получила на этот раз телеграмму "центра", где говорилось, что она единственная из всех резидентур "получила эту ценнейшую информацию и своевременно довела ее до сведения руководства".

В начале мая Севастьянов окликнул Станислава в коридоре резидентуры:

— Майор Левченко! — Оказалось, что по случаю годовщины Дня победы Левченко произведен в майоры. — Вечером соберемся, отметим, — пообещал Севастьянов.

— Спасибо, но я едва ли освобожусь к вечеру, — уклонился Левченко. — К тому же ты знаешь, я соблюдаю диету...

Сколько бы ни было у КГБ агентов, он постоянно охотится за новыми. Резидентура все время настаивает, чтобы ее лучшие, проверенные агенты искали и рекомендовали новых, "перспективных" людей. В начале 1979 года такая рекомендация была получена Севастьяновым от "Рамзеса", члена японской социалистической партии. Севастьянов поручил Станиславу прощупать кандидатуру, предлагаемую Рамзесом, — это был журналист Акира Ямада, которому КГБ уже успел присвоить кодовое имя "Васин". Рамзес охарактеризовал Васина как идеологически выдержанного человека, бывшего коммуниста. По его словам, это был способный журналист. Он служил в газете под названием "Знаток", издаваемой на средства частных лиц, и числился там редактором иностранного отдела. Ценность Васина, как считал Рамзес, определялась его разносторонними контактами с министерством иностранных дел, приятельскими отношениями с рядом китайских и американских журналистов и с японскими бизнесменами, имеющими непосредственное отношение к торговле с Китаем. Кроме того, этот человек как бывший член компартии имел уже некоторый опыт конспирации. Его настоящее имя и фамилия оставались тайной для большинства друзей и знакомых: он пользовался журналистским псевдонимом Акео Ямакава.

Левченко позвонил ему, представился как корреспондент "Нового времени", сказал, что на него произвела большое впечатление газета "Знаток" и объявил, что хотел бы получить совет "по некоторым вопросам политического характера". Васин договорился встретиться с ним через три дня, во время ленча, в кафетерии Дома прессы.

Он оказался тощим, изможденным человеком в возрасте уже за пятьдесят. Просторная кожаная куртка висела на его фигуре, как на вешалке, с плеча свисала сумка, набитая газетами и вырезками. Левченко заметил, что, войдя в кафетерий, он приостановился и осмотрел помещение, вглядываясь в лица присутствующих.

Чтобы заставить Васина заговорить о себе, Левченко начал рассказывать о своем собственном профессиональном опыте, о работе в Комитете солидарности с народами Азии и Африки, в "Новом времени", о первых шагах на японском

поприще. Как обычно, он подчеркивал тесную связь "Нового времени" с советским руководством и рассказал о несуществующем "специальном бюллетене", якобы издаваемом "Новым временем" исключительно для руководящих деятелей СССР. Неожиданно переходя к интересующей его теме, Левченко заявил: "По вашей газете видно, что вы — настоящий профессор по части иностранных дел. Меня просто поражает, как здорово вы в них разбираетесь!"

Польщенный, Васин заговорил о своей газете, о том, как она расходуется, о круге читателей, о сложностях, возникающих из-за плагиаторов, попадающих среди журналистов, о финансовых трудностях... Упомянул он попутно и о личных проблемах, и Левченко отметил, что все, что он говорит, совпадает с информацией, заранее полученной от Рамзеса.

Пообещав познакомить Станислава с тенденциями, наметившимися в либерально-демократической партии, и отношениями, складывающимися у Японии с Соединенными Штатами, Советским Союзом и Китаем, Васин договорился пообедать вместе в следующий раз "через недельку".

У них состоялось еще три встречи, во время которых все шло гладко. Сообщения Васи́на не являлись для резидентуры чем-то новым, однако подтверждали, что он имеет доступ к ценным источникам информации. Параллельно резидентура проверяла его через уже существующую сеть и обнаружила, что несколько агентов, и в том числе Арес, знают Васина лично.

Итак, было установлено, что Васин хорошо информирован и имеет неплохую репутацию в журналистских кругах, хотя многие считают его "левым радикалом". Арес утверждал, что в погоне за труднодоступной информацией Васин обзавелся полезными знакомствами среди военнослужащих японских сил самообороны, преподавателей военной академии и руководителей полиции. Арес и еще один агент, знавший Васина, были уверены, что последний не связан с японской контрразведкой.

— Мы можем осуществить непосредственную вербовку этого человека без дальнейшего обхаживания, — докладывал Левченко Севастьянову. — Все трое наших лучших агентов характеризуют его положительно. Все, что они говорят, сходится с тем, что я узнал от него самого, и с моей личной оценкой. Васин действительно сведущ во многих областях;

он всюду вхож, и мы могли бы использовать его даже для "активных мероприятий". Я уверен, что мне удастся завербовать его как бы для "Нового времени" при ближайшей же встрече.

— Наверно, ты прав, — сказал Севастьянов. — Но "центру" мы никогда не сможем объяснить, как это нам удалось молниеносно завербовать такого ценного агента. Это будет ни на что не похоже. Давай вербуй его, если получается, но докладывать "центру" пока воздержимся. Будем им показывать, что дело движется, и ладно; через несколько месяцев они дозреют до понимания, что пора, и мы им преподнесем твоего Васина на блюдечке.

При следующей встрече Левченко заказал виски и для начала пустился рассказывать об анекдотических выходках посла Полянского. От Полянского он перешел к делу:

— Знаете ли, я бы хотел обсудить с вами один важный вопрос... Не только для "Нового времени", но и для отдела международной информации ЦК и даже для более высоких инстанций я нуждаюсь в регулярных аналитических обзорах многих аспектов японской политики. Я знаю, вы бы идеально подошли для этого дела, а у меня оно не очень-то получается, я недостаточно подкован... Вот я и подумал: что, если попрошу вас постоянно помогать мне в составлении таких аналитических обзоров? Естественно, "Новое время" имеет специальный фонд для оплаты таких услуг, и мне нетрудно будет настоять, чтобы вам соответственно платили...

Васин с минуту подумал.

— Я в принципе ничего не имею против сотрудничества с вами на подобной деловой основе, — медленно начал он. — Но, боюсь, не смогу составлять письменные аналитические обзоры, в которых вы нуждаетесь. Вы знаете, что я дьявольски загружен, у меня просто не бывает свободного времени. И потом... я страдаю хроническим воспалением нерва как раз правой ладони. Когда мне приходится подолгу писать, я начинаю испытывать боль.

— Но у вас, наверное, есть магнитофон?

— Конечно.

— Так ведь вы можете просто диктовать эти свои обзоры! На размер вознаграждения это, понятно, не повлияет. Перевод текста я возьму на себя...

— Ну, в таком случае мне ничего не остается, как принять

ваше предложение. Скажите только конкретно, какие вопросы вас интересуют.

— Разные, в зависимости от происходящих событий, от злобы дня. В принципе — меня может заинтересовать все, в чем вы достаточно осведомлены. При этом важно, чтобы ваши сообщения были короткими, насыщенными и чтобы в них указывались источники информации.

Васин поколебался.

— Мои источники... я их никогда не выдаю. И в данном случае тоже не смогу... Не потому, что не доверяю вам. Просто я дал слово их не разглашать.

Левченко полагал, что большинство информаторов Васина составляли скрытые коммунисты. С того времени, как компартия была запрещена, им удалось "просочиться вверх" — сделать карьеру на государственной службе или в промышленности.

— Я ценю вашу верность раз данному слову, — сказал Левченко. — Но мне-то как быть? Ведь я должен убедить советских руководителей, что довожу до их сведения не сплетни, собранные на токийских улицах, а серьезную информацию. Нельзя ли по крайней мере указывать официальное положение, — должность, что ли, — источника той или иной конкретной информации?

— Отчего ж, это можно.

— Ну, значит, договорились. Что, если мы начнем с анализа планов развития японских сил самообороны?

— Как раз по этому вопросу я мог бы представить кое-что интересное. Я постараюсь сделать это за пару недель.

Через две недели, сбегая по лестнице в подвальный ресторан в деловом районе Канда, Васин опустил Станиславу в карман пиджака кассету с микропленкой. После ленча, который занял совсем немного времени и на котором ни слова не было сказано об этой кассете, Левченко вышел и направился в посольство, по дороге заходя в мелкие лавочки, — так он привык проверять, нет ли за ним слежки. Никаких признаков наблюдения за собой он не обнаружил.

Севастьянов проявлял к Васину личный интерес, потому что Рамзес, рекомендовавший Васина первым, считался севастьяновским питомцем.

— Ну как? — спросил он, когда Станислав появился в резидентуре после этой встречи. Тот рассказал.

— Отлично! — воскликнул Севастьянов. — Сам способ, каким он передал тебе кассету, и все его поведение показывают, что он полностью отдает себе отчет: ваши отношения по этой линии должны сохраняться в тайне. А из того, что он ни разу не спросил, сколько мы ему должны, следует еще один немаловажный вывод: он, видимо, не из тех, корыстных... Поздравляю!

— Похоже, он уже полностью наш...

— Точно, — согласился Севастьянов. — Но ты доложи в Москву, что мы действуем очень осторожно. Сообщи им, что хотя мы проверили этот вариант и он выглядит многообещающим, нам все же представляется, что надо продолжать проверку. Иначе Пронников там опять разноется. Тебе не приходилось слышать, как он скрипит: "Токийская резидентура совсем ошалела, потеряла всякое представление о реальности. Они вербуют агентов с третьей не то четвертой встречи. Для Японии это неслыханно! Это безрассудная и опасная политика!.."

Поджидая Васина в антикварной лавке рядом с кафе, где была назначена ближайшая встреча, Станислав увидел, как его партнер, подойдя, внимательно осмотрелся кругом и только после этого юркнул в помещение. Выждав, чтобы убедиться, что за ним нет "хвоста", Станислав зашел следом в кафе и, усевшись за один столик с Васиным, сунул ему в ладонь конверт с шестьюдесятью тысячами иен.

— Запись была первоклассной, — объявил он, имея в виду содержание кассеты. — Я был бы не прочь услышать еще что-нибудь в этом роде.

Васин рассмеялся и закивал головой.

— Хочу попросить вас еще о таком личном одолжении, — продолжал Левченко. — Нам крайне нужен список телефонов министерства иностранных дел.

— Это нелегко достать, но я постараюсь...

Телефонная книга, о которой шла речь, не относилась к особо секретным материалам, принадлежа скорее к тому сорту документации, который принято обозначать грифом "для служебного пользования". Тем не менее, ее мог добыть или переснять только сотрудник данного ведомства. Резидентура уже располагала копией этой телефонной книги, но Левченко хотел убедиться, что у Васина действительно есть надежные связи в министерстве иностранных дел.

Через неделю Васин достал из своей объемистой сумки рулончик микропленки и вручил Станиславу, сказав, что это — фотокопия того самого телефонного справочника.

На протяжении весны 1979 года информация, получаемая через Васина, непрерывно росла как по количеству, так и по своему значению. Он сообщил, например, что Федерация японских промышленников рекомендовала, чтобы Япония к концу 80-х годов начала производить и продавать азиатским странам стрелковое вооружение и боеприпасы к нему. КГБ сделал отсюда вывод, что японская промышленность уже в достаточно большой степени перестроилась на производство оружия и, вероятно, в 90-х годах наряду с легким вооружением японцы будут производить и тяжелое в достаточных количествах, чтобы поставлять его другим странам.

Из еще одной васинской кассеты следовало, что Соединенные Штаты тайно дислоцировали отборные десантные части на Окинаве и держат аналогичные штурмовые группы на борту военных кораблей, крейсирующих в Индийском океане.

В конце апреля или начале мая Левченко принес от Васина кассету, с которой Гурьянов распорядился безотлагательно ознакомить "центр". Там утверждалось, что США по соглашению с Великобританией, Японией и, возможно, Францией делают попытки создать новое правительство Камбоджи под руководством принца Нородома Сианука. Американцы считали такое правительство единственной реальной альтернативой режиму "красных кхмеров" Пол Пота и марионеточному правительству, образованному из вьетнамских ставленников. Хотя китайцы покровительствовали Сиануку еще с тех пор, как он в 1970 году бежал в Пекин, они отказались участвовать в этом рискованном предприятии, считая, что поддерживаемые ими же "красные кхмеры", несмотря на одиозность Пол Пота, все еще представляют собой наиболее действенную противовьетнамскую силу.

В течение ближайших же суток "центр" обязал резидентуры в Вашингтоне, Нью-Йорке, Лондоне и Париже получить в соответствующих странах подтверждение этого сообщения либо попытаться его опровергнуть. В дальнейшем токийская резидентура получила телеграмму из "центра", что ее информация полностью подтвердилась.

Левченко и Васин продолжали встречаться почти каждую неделю; обычно их свидания происходили в маленьких кафе,

где слезка, если б она имела место, не могла бы остаться незамеченной. Было похоже на то, что Васину нравится его новое занятие. Хотя он был одаренным журналистом, на поприще журналистики ему не удалось завоевать ни славы, ни признания. А теперь он верил, что его сообщения читаются высшими руководителями Советского Союза, — кто еще из его коллег может похвастаться вниманием столь высоких сфер? Не в пример многим японцам, он не находил удовольствия в дружеских беседах, предпочитая полностью сосредоточиться на работе, на "настоящем деле".

— Что еще вас интересует? — прямо спрашивал он каждый раз.

— Допустим, Китай, — отвечал Левченко. — Как вы, в состоянии раздобыть какую-нибудь новую информацию о Китае?

— Наверное, да. У меня друг работает в Ассоциации японо-китайской торговли.

Левченко постарался не выдать своего восторга. В этой Ассоциации были собраны сливки японской промышленной иерархии, поддерживавшие интенсивный контакт с руководящими деятелями соседнего Китая. Подготовка детальных, авторитетных информационных обзоров для Ассоциации доверялась видным сотрудникам японской разведки. В свою очередь, Ассоциация делилась этой информацией с правительственными ведомствами.

— Постарайтесь, пожалуйста! Попытка — не пытка, как у нас говорится, — сказал Левченко и перевел разговор на другое.

Встретившись с ним недели через три, Васин запустил руку в свою выдавшую виды кожаную сумку и извлек оттуда туго набитый конверт. Его обычно хмурое лицо сияло: "Вот вам этот материал о Китае..."

— Мне не терпится ознакомиться с ним, — шепотом ответил Левченко. — Но, ради Бога, припрячьте его, пока мы не выйдем отсюда!

Станислава, как и всех других ветеранов резидентуры, трудно было поразить какой бы то ни было сенсацией, и самая ценная информация едва ли способна была тут кого-либо взволновать. Но, едва взглянув на документацию, полученную на этот раз от Васина, Севастьянов вдруг выпалил: "Боже ты мой!" и тут же вызвал офицера связи. Стостраничный документ, помеченный грифом "секретно", содержал бо-

евое расписание вооруженных сил Китая. В нем указывались численность войсковых единиц, их дислокация и наличное вооружение. В приложении была дана оценка боеспособности соединений и качеств их командного состава на основе опыта недавнего столкновения с Вьетнамом.

Офицер связи выразился так: "Мы годами собирали обрывки, клочки и никак не могли составить полную картину... А этот материал перекрывает сразу все!" Он разделил его на пять частей, по числу своих подчиненных, и поручил им перевести все части в течение ближайшей ночи. Наутро краткое содержание документа было передано в Москву." Центр" расценил полученные сведения как "представляющие совершенно исключительную ценность".

К лету Васин сделался одним из самых продуктивных агентов резидентуры, — несмотря на то, что официально он не числился в составе агентурной сети. Севастьянов решил вовлечь его в "активные мероприятия". Вот уже несколько недель резидентура пыталась распространить дезинформирующий материал, подготовленный в "центре" службой "А", но никому из агентов не удавалось всучить его японским средствам массовой информации, так он был неуклюже состряпан и таким разило от него неправдоподобием. Казалось совершенно невозможным выдать его за подлинное произведение. К тому же неясно было, как объяснить, по каким каналам он пришлыл в руки Советов.

Содержание этой фальшивки КГБ сводилось к следующему.

Авторитет президента Картера в Соединенных Штатах сходит на нет, американская общественность считает его слабым и нерешительным руководителем страны. Директор ЦРУ Стенсфилд Тернер — приятель Картера, подхалимничает перед ним. США хотят внушить арабским странам, чтобы те предоставили американцам возможность пользоваться военными базами на Ближнем и Среднем Востоке. В связи с этим Картер и Тернер разработали план, как повысить акции президента и повлиять на несговорчивых арабов.

ЦРУ силами своей агентуры в арабских странах обеспечит захват в ближневосточных водах нефтяного танкера. Естественно, к этому событию окажется приковано всеобщее внимание, и тут Картер отдаст специальным частям американской армии приказ во что бы то ни стало спасти танкер. Те с

вертолета высадятся на палубу танкера, перебьют всех до единого захватчиков — агентов своего же ЦРУ, чтобы спрятать концы в воду; арабские страны в результате поймут необходимость постоянного присутствия на их территории американских сил, способных столь эффективно бороться с терроризмом, а престиж Картера сильно поднимется, — словом, одним ударом будут убиты два зайца.

А поскольку большинство танкеров на ближне- и средневосточных морских путях — японские, вероятно, мишенью захватчиков окажется, скорее всего, именно японское судно.

Выслушав всю эту историю, Васин уставился на Левченко с явным недоверием.

— Вы уверены, что все тут правда?

— Абсолютно. Мы получили эту информацию из надежного источника.

— Что же это за источник?

— Как вам сказать, дорогой... он настолько засекречен, что мы ни под каким видом не можем подвергать его опасности. Но, впрочем, если вы не хотите участвовать в этом деле, ничего страшного. Мы найдем другие каналы. Просто мы считали вас самым надежным другом и полагаем, что у вас больше возможностей, чем у других. Вот почему я в первую очередь обратился к вам.

— Ну ладно, я только не смогу опубликовать это в своей газете. Я никогда не печатаю чего бы то ни было без указания на источник. Иначе, знаете ли, может пострадать репутация газеты... Может быть, мне удастся куда-нибудь это пристроить.

23 августа 1979 года изложение гебистской фальшивки со ссылкой на "слухи, циркулирующие в Вашингтоне" появилось в одном из самых распространенных японских еженедельников — "Сукан Гендай". Тут же приводилось мнение, высказанное "специалистом по международным отношениям" Акео Ямакавой (как читатель помнит, таков был журналистский псевдоним Васина). Специалист отзывался об этой утке так: "Упомянутые слухи представляются в высшей степени правдоподобными. Согласно опросам общественного мнения, сейчас Картера поддерживает менее двадцати шести процентов американцев. Ничего удивительного, что сторонники Картера, принимая во внимание будущие президентские выборы, делают отчаянные попытки опровергнуть сложившееся представление о нем как о слабом и нерешительном госу-

дарственном деятеле”. Еженедельник добавлял, что достоверность этой информации подтверждается еще и тем, что ее будто бы ”поместила на своих страницах одна газета, выходящая в Кувейте”.

После того как Васину удалось одурачить ”Сукан Гендаи”, Севастьянов объявил, что теперь ”по всем показателям” этого человека просто необходимо включить в агентурную сеть, и ”центр”, ”надо полагать, не откажет нам в санкции на его официальную вербовку”.

”Тем не менее, — добавил он, — мы проделаем над ним все проверочные манипуляции, чтобы комар носа не подточил”.

Левченко купил небольшой портфель, и офицер из отдела технических операций замаскировал в нем миниатюрный магнитофон с кассетой, покрытой слоем невидимого порошка. Этот слой позволял установить, не прикасались ли к кассете посторонние. Левченко специально опоздал на очередное свидание с Васиным и, изображая страшное замешательство, усиленно извинялся. У него, видите ли, только что закончилась серьезная деловая встреча, а теперь он спешит на прием в одно из посольств... в посольство одной из стран Запада. Его беспокоит, что уже нет времени заскочить к себе, и ему придется везти этот портфель в иностранное посольство. ”Между нами говоря, у меня тут крайне деликатные документы. А вдруг они там кого-нибудь заинтересуют?!” — взволнованно шептал Левченко. Нервно поглядывая на часы, он осведомился, не может ли Васин оказать ему услугу: подержать портфель до утра у себя и вернуть его завтра утром по дороге на службу. Васин охотно согласился. На другой день офицер отдела технических операций, разглядывая кассету в ультрафиолетовом свете, заверил Левченко, что к ней никто не прикасался.

В августе из ”центра” был получен ответ на предложение Гурьянова о формальной вербовке Васина. Ответ пришел в один из дождливых предосенних вечеров, около восьми часов по токийскому времени. Читая его, Гурьянов выругался сквозь зубы, Севастьянов откровенно рассмеялся, а Левченко промолчал. В телефонограмме значилось: ”Согласны с тем, что Васин является перспективным агентом. До сих пор тов. Кольцов действовал правильно. В то же время считаем целесообразной дальнейшую проверку этого контакта”.

— Как же его еще проверять, черт возьми? — возмутился

Севастьянов. — Пригласить врача, чтобы заглянул ему в задний проход? Заставить его подложить бомбу под императорский дворец?

— Я думаю, в октябре необходимость в дальнейшей проверке отпадет, — с горечью заметил Гурьянов. — Извини, Станислав. Говорил же я, что гнусность Пронникова не знает предела.

Все понимали, о чем речь. Левченко приступил к работе в Токио с февраля 1975 года и по действующему правилу его должны были через три с половиной года, в октябре 1979-го, перевести на какую-нибудь должность в "центр". Настаивая на продолжении проверки Васина, Пронников фактически отказывал Станиславу в доверии и лишал его права на очередное повышение.

Станислав вяло отозвался: "Да пусть его..." В самом деле, он уже не нуждался в новых доказательствах того, что давно уже стало для него аксиомой: и Пронников и КГБ в целом — все вокруг свидетельствовало о разложении общества. Не доверив Станиславу вербовку Швейка, Пронников уже один раз задержал его продвижение по службе. Ну что ж, пусть Пронникову удастся это и вторично. Фактически, чем выше Левченко будет подниматься по служебной лестнице в системе КГБ, тем глубже он погрязнет в этой скверне.

Той же осенью в "центре" распространился слух, пущенный, вероятно, Пронниковым, что Валерий Уманский, сотрудник Отдела активных операций токийской резидентуры, — хронический алкоголик, развлекающийся в обществе проституток, "а также подбирающийся к женам других офицеров". Гурьянов доложил в "центр", что этот слух ни на чем не основан, и собрал ряд показаний сотрудников резидентуры, подтверждающих добропорядочное поведение Уманского и его служебное соответствие. Несмотря на это, Уманский был вызван в Москву "на консультацию", и ему отказали в разрешении вернуться на работу в Токио.

Гурьянов вызвал Левченко, вручил ему оперативный журнал, куда заносились "активные мероприятия", и сказал: "С сегодняшнего дня ты — офицер отдела активных операций". Он напомнил, что служба Левченко в резидентуре закончится в октябре и попросил его начать сдачу всех числящихся за ним агентов и контактов, сворачивать работу в "Новом вре-

мени” и сосредоточиться в первую очередь на ”активных мероприятиях”.

Теперь Левченко каждый день получал приказы московского начальства, разъясняющие порядок проведения акций по дезинформации американцев, китайцев и японцев. Анализируя обширный материал, где давались характеристики почти сотне агентов, Станислав прикидывал, кто лучше подходит для того или иного конкретного задания. При этом он не мог не прийти в изумление, какие силы удалось КГБ привлечь из числа граждан по существу враждебно настроенной страны, особенно из членов Японской социалистической партии. Среди них фигурировали:

Гувер (настоящее имя — Хирохиде Исида) — бывший министр труда, член парламента от либерально-демократической партии, секретарь парламентской ассоциации японо-советской дружбы (руководство этой ассоциации полностью контролировалось КГБ), издатель информационного бюллетеня, также субсидируемого КГБ;

Грейс (Сигеру Ито) — член парламента и влиятельный член Центрального комитета социалистической партии, оказывающий значительное воздействие на политику партии в целом;

Тибр — влиятельный член социалистической партии;

Гавр (Сейици Кацуата) — ветеран центристского блока социалистической партии, объединяющего многих партийных лидеров; эта фигура представляла особый интерес с точки зрения обеспечения дальнейшего влияния КГБ на ядро Японской социалистической партии;

Кант (Такудзи Ямане) — помощник редактора ”Санкей” — консервативной газеты, выходящей тиражом 2,2 миллиона экземпляров, доверенное лицо и советник издателя, имеющий возможность оказывать на него постоянное воздействие, протаскивать в газету дезинформирующие общественность материалы, распространять дезинформацию в правительственных кругах;

Девей — редактор токийского издания газеты ”Санкей”, особенно ценен тем, что может работать в паре с Кантом, форсируя его усилия;

Атос (Томоцу Сато) — генеральный секретарь Марксистского общества — ядра Японской социалистической партии, еще один канал воздействия на руководство последней;

Рамзес — член социалистической партии, еще один рычаг,

посредством которого КГБ направлял и корректировал ее действия;

Фен-Фокинг — член либерально-демократической партии, способный оказывать влияние на руководство одной из ее фракций, полезен для распространения дезинформации в своей партии;

Краснов — активный деятель, подвизающийся в высших промышленно-финансовых сферах, пригодный для распространения дезинформации в деловых кругах;

Ямамото — профессор, возглавляющий группу агентов-интеллектуалов; проявляет активность в академических кругах, издает просоветскую литературу;

Уланов (Такуми Уэда) — член парламента и сотрудник Лиги освобождения буракумин; не осознает своей завербованности, находится под сильным влиянием Ямамото;

Зум — многообещающий секретарь Уланова, способный оказывать на него дополнительное воздействие, следуя указаниям Ямамото;

Васин (Акира Ямада) — журналист, издатель информационного бюллетеня, чрезвычайно перспективный "проводник влияния";

Камю — журналист, сотрудник "Токио Симбун", специалист по корейскому вопросу; может проталкивать дезинформирующие статьи;

Мухин (Канедзи Миура) — служащий, имеющий отношение к популярному телевизионному каналу "Асахи Тереби"; относится не к агентам, а к "дружественным контактам", способен проталкивать нужные материалы через телевидение и оказывать влияние на других служащих телецентра;

Цунами — чрезвычайно богатый и влиятельный бизнесмен; сам того не сознавая, служит проводником советского влияния на финансовые и промышленные круги;

Сандомир (Кодзи Сугимори) — генеральный секретарь Общества пропаганды японской культуры; сотрудничает с международным отделом ЦК КПСС и, не сознавая того, — с КГБ.

Мотивы сотрудничества с КГБ этих, как, впрочем, и многих других агентов, их степень ангажированности (т.е. вовлеченности в антигосударственную деятельность) и "сознательности" были весьма различными. Исида и Ямане, к примеру, работали на иностранное государство вполне сознательно.

Передавая Левченко секретный документ, характеризующий позиции премьер-министра Фукуды на предстоящих переговорах с Картером, Ямане прекрасно знал, что делает это по требованию КГБ. Получая деньги, он знал, кто ему платит.

Другие отдавали себе отчет в том, что они "сотрудничают с Советами", и те оплачивают это сотрудничество. Находились и такие, кто не понимал, что стал инструментом КГБ. Некоторые из них, скажем, промышленный магнат Цунами, никогда сознательно не приняли бы участия в действиях, наносящих ущерб их родине. Их просто искусно использовали, рассчитывая на их политическую наивность и неведение. В сущности, в качестве "проводников влияния" удавалось одинаково эффективно пользоваться как "сведущими", так и "несведущими". Для КГБ это была второстепенная деталь, которая не имела значения, важен был конечный результат.

По чисто личным и практическим соображениям Левченко, анализируя список агентов резидентуры, задался таким вопросом: удалось ли КГБ протянуть щупальцы к американской разведслужбе в Токио? Похоже, что нет.

В течение сентября и октября Левченко связал всех "своих" агентов с офицерами, которым предстояло в дальнейшем курировать эту публику. Впрочем, в середине октября, когда Юрий Дворянчиков, начальник линии КР, отправился в СССР, чтобы провести там отпуск, резидент временно поручил Станиславу "присмотреть за Аресом".

Обычно флегматичный Арес просиял, увидев Левченко, и радостно пожал ему руку:

— Надеюсь, мы снова будет работать вместе?

— Я был бы рад этому. Но я замещаю своего коллегу только на время, потому что вскоре поеду домой.

— Вскоре — это значит когда?

— Жду приказа со дня на день. Наверняка в этом месяце...

Арес снова протянул ему руку и пожал.

— Знаете, сначала вы мне не понравились. Мы, наверно, не поняли друг друга. Потом мы стали друзьями, настоящими друзьями, готовыми вместе встретить любую опасность. Мы неплохо поработали, правда? И вообще... мне будет не доставать вас.

— Такова служба разведчика. Едва узнаешь новых людей и подружишься с ними, как уже приходится прощаться.

— И мы никогда больше не увидимся?

Согласно инструкции, полагалось ответить, что они смогут поддерживать связь друг с другом через преемника Левченко. Но лгать не хотелось, и Левченко сказал:

— Нет. Не стану вас обманывать. Но ведь мы же расстаемся еще не сегодня. Нам предстоит еще две или три встречи.

— Может быть, я смогу сделать вам на прощанье подарок... подарю вещь, которую вы всегда хотели иметь!

— Что же это за вещь?

— Телефонный справочник.

Действительно, КГБ давно охотился за секретным телефонным справочником, в котором на семистах страницах перечислялись имена, фамилии, адреса и номера телефонов сотрудников японской госбезопасности.

При следующей встрече Арес сообщил, что он сможет достать этот справочник 24 октября, но всего на два часа — от часу до трех ночи. За столь короткое время ему не успеть переснять все страницы. Левченко понимал, что резидентура, если заранее подготовится, вполне справится с этой задачей.

— Хорошо, — сказал он. — Подходите к Японо-французскому культурному центру в час пятнадцать, я буду там. Мы встретимся перед зданием, и вы мне на ходу передадите эту вещь. Через полтора часа я вам точно так же ее верну.

— Если что-то сорвется, я заранее предупрежу по телефону...

— Боюсь, что наша встреча, когда я буду возвращать книгу, окажется последней. Там не будет возможности даже попрощаться по-человечески. Позвольте мне сделать это сейчас. До свиданья, всего вам доброго!

— И вам также, — вяло отозвался Арес.

Ночь выдалась тихой и лунной. Шаги двух мужчин, идущих навстречу друг другу, четко звучали на безлюдной улице. Они сблизились, толкнули один другого. "Простите", — сказал Арес. "Простите, это моя вина", — ответил Левченко, не замедляя шага. В конце квартала стояла машина с водителем-оперативником за рулем. Левченко передал ему пакет и вернулся в ресторан, чтобы провести там полтора часа до возврата книги.

В резидентуре на 11-ом этаже группа технических работников лихорадочно переснимала страницу за страницей. Без двадцати три тот же водитель вернул Станиславу книгу, и, спустя несколько минут, они с Аресом встретились и разош-

лись на том же месте, перед зданием культурного центра. Не успел Левченко сделать и нескольких шагов, как Арес его окликнул — неслыханное и опасное нарушение правил! Пришлось обернуться. Арес пожал ему руку:

— До свидания, русский друг!

— До свидания, дорогой Арес!

Приказа возвращаться в Москву все не было, но Левченко знал, что так или иначе Ареса он больше не увидит. Потому что сегодня он, Левченко, выходит из игры.

* * *

Добравшись до постели и заснув около четырех ночи, в половине девятого он проснулся и встал. Хотя посольский врач советовал ему продолжать принимать валиум, когда начинает бить нервная дрожь или наступает приступ тахикардии, Станислав избегал лишней раз прибегать к транквилизатору. Так и сейчас — как ни плохо ему было, он заставил себя проглотить завтрак, оставленный Наташей, которая уже ушла на работу. Было просто необходимо как следует подкрепиться — еще неизвестно, когда ему удастся поесть в следующий раз.

В этот день все его действия были совершенно обыденными — вплоть до последнего момента. Дело в том, что он, как правило, всегда оставался дома почти до полудня, читая свежие японские газеты. Сегодня ему не до газет. Взвешивая неопределенность своего положения и риск, ожидающий впереди, Станислав вновь и вновь задавался главным, критическим вопросом, от которого зависело, удастся ли его план спасения.

Этот вопрос выглядел очень просто: удалось ли КГБ обзавестись своим человеком в ЦРУ на таком уровне, чтобы он, Левченко, был выдан американцами Советам?

Такого оборота событий он боялся больше всего. Лучше смерть, чем зверские пытки и психическая деградация, ожидающие его в случае неудачи в московской Лефортовской тюрьме. Он вновь и вновь вспоминал виденную им однажды фотографию советского полковника, напичканного лекарствами и спеленутого, точно мумия, — этот полковник, засланный в Турцию, попытался перебежать к англичанам, но в Стамбуле его перехватили и втолкнули в советский самолет. Так могло случиться только потому, что Советы были своев-

ременно предупреждены своим давним агентом Гаролдом Филби, высокопоставленным сотрудником британской секретной службы. То же может случиться и со Станиславом, если какой-нибудь агент КГБ сидит на достаточно высоком посту в аппарате ЦРУ в Вашингтоне. Этот агент начнет настаивать — вполне резонно, — что ЦРУ понадобится по крайней мере часов десять, чтобы убедиться, что Левченко не провокатор или чтобы определить, не удастся ли его уговорить работать на американцев, оставаясь на своем прежнем месте. В последнем случае американское посольство в Токио получит предписание убедить его вернуться, и ему ничего другого не останется, как отдаться в лапы КГБ.

Изучение агентурной сети резидентуры, к спискам которой Левченко получил доступ в связи со своей работой в отделе активных операций, и беседы с резидентом позволили ему прийти к заключению, что среди персонала американских разведслужб в Токио у КГБ пока еще нет агентов. Однако нельзя было полностью поручиться в этом смысле за штаб ЦРУ, находящийся в штате Вирджиния.

За последние годы КГБ удалось запустить свои щупальцы в разведывательные органы Великобритании, ФРГ, Японии, а также в американское Агентство национальной безопасности. Во всем мире была только одна организация, куда КГБ отчаянно — и, кажется, пока безуспешно, — стремился проникнуть и которой он подсовывал чудовищный объем дезинформации. Этой организацией было ЦРУ. КГБ усиленно распространял инсинуации, будто ЦРУ уже "нашпиговано" советскими агентами, а некоторые американские журналисты в погоне за сенсацией легковерно подхватывали и раздували эти слухи. Левченко ни разу не довелось получить доступ к особо секретной информации, которая позволила бы ему с уверенностью судить, есть ли в этих слухах хоть какая-то доля истины.

Ему оставалось довольствоваться отрывочными сведениями, случайно дошедшими до него, сопоставлять их и делать из них выводы, руководствуясь логикой и профессиональным чутьем. Выводы, к которым он приходил таким образом, казались утешительными.

Так, во время последнего отпуска в Москве один полковник из "линии X" рассказал ему, как изумительно ловко ЦРУ внедрило своих агентов в Главное разведуправление совет-

ских вооруженных сил, министерство иностранных дел СССР и даже в высокие партийные сферы.

Посетив в начале 1979 года Токио, начальник управления "К", отвечающего за внедрение агентуры в иностранные разведслужбы, заявил, что коль скоро ЦРУ смогло внедриться в столь важные сферы советского государственного аппарата, это в значительной степени усложняет внедрение наших агентов в соответствующие органы противной стороны.

Ну, а если Станиславу повезет и он вырвется из лап КГБ, что он станет делать в Америке, в стане Главного Противника, в стране, которую его с детства приучали считать воплощением зла? Правда, Левченко не разделял эти предвзятые представления. Он не считал американское общество идеальным и, более того, полагал, что в рассказах об этой стране, которыми советская пропаганда пичкает население, есть какая-то доля истины. С другой стороны, Левченко считал, что в Японии он познакомился с самой сутью американского жизненного уклада. Американцы продиктовали Японии ее послевоенную конституцию, составленную по американскому образцу, и постарались укоренить в этой стране демократические порядки, давно существующие в Соединенных Штатах Америки.

В повседневной жизни молодая японская демократия выглядела очень привлекательно. Она освободила население от страха перед политическими репрессиями и от прозябания в бедности; даровала японцам свободу говорить, читать, расходиться во взглядах, исповедовать любую религию, искать и творить новое, свободу путешествовать по всему свету, свободно выбирать страну проживания. И Левченко верил, что Соединенным Штатам, при всем их несовершенстве, присущи те же черты по-настоящему свободного общества.

С другой стороны, он не представлял себе, что ему предстоит делать в Америке. Но надо всем довлело одно главное убеждение: вот придет ожидаемый со дня на день приказ "центра", и если он подчинится приказу, ему останется только покончить с собой или же открыто взбунтоваться. После этого его либо расстреляют, либо запрут в концлагерь или в психушку. Вот почему он готов был отдать все, что имел, в обмен на то зыбкое и неизвестное, что ждало его в Америке. В любом случае это будет дорогой к свободе. Он не примет никаких денег от ЦРУ. Достаточно, если американцы просто

предоставят его самому себе, и он попытается жить свободно и честно, как подобает христианину.

Еще он спрашивал себя, хватит ли у американцев в Токио духу немедленно и безоговорочно принять его, достаточно ли они искусны, чтобы отправить его из Японии, прежде чем Советы успеют вмешаться — непосредственно и через посредство японцев, — добиваясь его выдачи? И на этот вопрос у него пока не было точного ответа. Впрочем, ждать оставалось недолго — скоро ему станет этот ответ известен.

Чтобы сбить с толку всех знакомых, кому он может попасться на глаза, Левченко оделся нарочито небрежно — натянул светлые брюки, надел белую рубашку, расстегнул ворот, предпочитая обойтись без галстука, накинул коричневый твидовый пиджак. Было около одиннадцати, когда он отъехал от дома и медленно двинулся по запруженным транспортом улицам. Постоял немного у клуба журналистов, отсюда направился в потоке машин к зданию парламента, потом, увеличив скорость, промчался по бульварам и свернул в узкую боковую улочку. На протяжении всего пути он время от времени останавливался то у книжного магазина, то возле универмага, ненадолго выходил из машины, разглядывал витрины, вновь и вновь убеждался, что за ним не ведется наблюдение.

В конце концов он въехал на парковочную площадку и, подняв капот автомобиля, сделал вид, что копается в двигателе. Его все еще интересовало, не влетит ли сейчас сюда какая-нибудь машина, следовавшая за ним. Этого не произошло, и, демонстративно поглядывая на часы, словно боясь опоздать на деловое свидание, он направился к отелю Санно, рядом с американским посольством. Этот отель был для американцев чем-то вроде клуба. Здесь часто появлялись и другие иностранцы, приглашаемые на разные вечеринки или просто заглядывавшие на огонек. "Я по приглашению", — сказал Левченко, войдя, и портье повел его по коридору. Он очутился в дверях большой комнаты, где коктейль-парти была в самом разгаре. Оглядев присутствующих, он остановил свой выбор на флотском офицере. Еще со времен, когда Левченко плавал по Японскому морю на борту патрульного катера, он знал, что морские офицеры более, чем кто-либо другой, способны действовать быстро и решительно, не теряясь в критических ситуациях.

Нельзя было терять ни минуты, и Левченко обратился к работнику отеля, стоявшему у двери: "Передайте, пожалуйста, тому капитану, что я хотел бы сказать ему несколько слов".

Моряк немедленно вышел к Станиславу, вероятно, он решил, что его вызывают по делам службы.

— Меня зовут Станислав Левченко. Я токийский корреспондент советского журнала "Новое время". Мне необходимо сейчас же поговорить с кем-либо из здешних руководителей американской разведслужбы.

— Почему именно с руководителем разведслужбы? — спросил офицер.

— У меня очень деликатное дело, касающееся разведки...

Моряк на мгновение заколебался.

— Пойдемте со мной, — сказал он, провел Левченко в какое-то помещение и, уходя, добавил: "Я разыщу нужного вам человека, но на это потребуется примерно полчаса. Располагайтесь здесь."

Тут же появились два перетянутых ремнями юнца из американской военной полиции. Они закрыли дверь изнутри и расположились рядом с Левченко. Один из них спросил, не принести ли ему чего-нибудь поесть или выпить. Левченко ответил отрицательно. "Давайте, я схожу куплю вам пива", — предложил тот. "Ладно, самую большую банку, какую только найдете". Через несколько минут перед Левченко стояла ледяная литровая банка пива "Кирим".

Не прошло и получаса, как появился высокий сидящий американец аристократической внешности. Военные полицейские вышли из комнаты и заняли пост снаружи у двери.

— Меня зовут Роберт. Чем могу быть полезен?

— Надеюсь, дело не покажется вам особенно сложным. Но первым делом я хотел бы узнать, с кем говорю. Прошу прощения, но могу ли я быть уверен, что вы — сотрудник разведки?

Американец вынул бумажник и показал служебное удостоверение.

— Спасибо, — облегченно вздохнув, промолвил Левченко. — Дело в том, что я не только корреспондент "Нового времени". Я еще и майор КГБ, и я прошу политического убежища в Соединенных Штатах.

Роберт был ошарашен.

— Мне казалось, я знаю всех офицеров КГБ, работающих в Токио. Правда, ваше имя мне приходилось слышать, но я не знал, что вы тоже один из них. Чем вы можете подтвердить, что вы действительно офицер КГБ?

— Можете мне не верить, это ваше дело. Я не располагаю документами, да и временем тоже. Мне угрожает, как вы понимаете, серьезная опасность, и с каждой минутой она растет.

— Я вас понимаю. Но и вы постарайтесь меня понять. Такие вещи происходят не каждый день. Я должен доложить своему начальнику и самому послу, а тем придется запросить Вашингтон. Мы должны действовать наверняка. Так что попытайтесь облегчить мою задачу. Как фамилия резидента?

— Гурьянов.

— А начальника "линии ПР"?

— Севастьянов.

— Кто был резидентом до Гурьянова?

— Ерохин.

— А предыдущим начальником "линии ПР"?

— Пронников.

— Скажите, что за человек этот Пронников?

— Самый опасный, самый бесчестный во всей резидентуре. Сукин сын, короче говоря.

— Отлично, — объявил Роберт. — Теперь я должен бежать в посольство. Не беспокойтесь, мы вас не оставим.

Снова вошли военные полицейские и стали плечом к плечу, прикрывая собой дверь и расстегнув кобуры пистолетов.

Минут через двадцать Роберт вернулся в сопровождении еще одного американца.

— Соединенные Штаты предоставляют вам политическое убежище. Вы можете отбыть туда немедленно. Чем мы еще можем посодействовать вам?

— Большое спасибо, — сказал Левченко. — Меня очень беспокоит позиция японцев. Мы оба — профессионалы и прекрасно понимаем, что с японцами могут возникнуть сложности. Как только КГБ обнаружит мое отсутствие, на них будет оказано просто невероятное давление. Прямо нечеловеческое. Я не знаю, устоят ли они. Так что дайте мне возможность исчезнуть немедленно. Заберите меня в Ацуги* и отправьте са-

* Авиационная база.

молетом оттуда. Куда угодно, лишь бы подальше от Японии.

— Я с вами согласен. Именно это я и советовал начальству. Но решение этого вопроса зависит не от меня. А сейчас пойдём отсюда. Договорим по дороге.

Его спутник попросил ключи от левченковской машины, чтобы перегнать ее в другое место и спрятать от посторонних глаз. Роберт и Левченко вышли во двор отеля. Сев за руль своего лимузина, Роберт объехал квартал кругом, проско-чил на перекрестке на красный свет, развернулся, проехал назад и остановился, выжидая, не едет ли кто-нибудь сзади. И в дальнейшем через каждые несколько кварталов он вдруг сворачивал в боковые улицы, то вправо, то влево, иногда возвращался назад, описывая круги, — в общем, делал то же самое, что много раз приходилось проделывать на улицах Токио самому Левченко.

— Когда они, по-вашему, хватятся вас? — спросил Роберт.

— Трудно сказать. Думаю, не раньше, чем завтра утром. Я всегда возвращался домой очень поздно, так что моя жена до утра не поднимет тревоги. Правда, из резидентуры могут позвонить мне домой среди ночи, это случается.

— А когда ваша жена проснется и увидит, что вас нет, она тут же станет звонить в резидентуру?

— Едва ли.

— Когда вы обычно появляетесь в резидентуре?

— Между десятью и одиннадцатью утра, но не каждый день.

— В таком случае, мы успеваем.

Они вышли из машины в фешенебельном пригородном жилом районе и, пройдя четыре квартала, очутились перед большим зданием, отделенным от улицы широкой полосой зелени. Американка, о которой Роберт сказал только "это наш друг", угостила их коньяком и предложила пообедать. Прибыл и тот американец, что пригнал машину Станислава. Он забрал у него паспорт и заверил Роберта, что не заметил за ними на улицах никакой слежки.

Пока что американцы действовали вполне профессионально. Больше всего удивило Левченко, как быстро, почти мгновенно, они сумели заручиться согласием Вашингтона на предоставление ему политического убежища. Но пока он все еще не мог чувствовать себя в безопасности. Пытаясь заснуть, он погружался в какие-то кошмарные видения. То ему представлялся переполох, вспыхнувший в резидентуре; то каза-

лось, что Пронников мчится в Токио, чтобы поднять на ноги всю советскую агентуру в парламенте и прессе; мобилизован весь аппарат советской пропаганды, чтобы припугнуть как следует японцев и заставить их вырвать его из рук американцев; Брежнев звонит Картеру по "горячей линии", заявляя, что от возвращения Левченко зависит будущее американо-советских отношений; советский посол Добрынин является к государственному секретарю Вэнсу, чтобы заявить, что ситуация гораздо тревожнее, чем тому представляется; Громыко заявляет то же американскому послу в Москве; зашевелились проводники советского влияния в Вашингтоне, подключилась американская пресса, требуя обуздания ЦРУ, дабы впредь ему неповадно было похищать советских граждан и провоцировать таким путем международные скандалы, чреватые опасными последствиями.

Представлялись Станиславу этой ночью и другие ужасы. Знакомый полковник из "линии X" рассказывал ему о невидимом порошке. Идя на свидание с намеченной жертвой, порошок втирают в ладонь. Обменявшись рукопожатием с несчастным, надо тут же, как можно скорее, смыть порошок с ладони специальным нейтрализующим агентом. А ничего не подозревающая жертва рукопожатия через несколько дней умрет вследствие остановки сердца. Допустим, Левченко станет уклоняться от рукопожатий; но в арсенале КГБ наверняка имеются и другие, не менее смертоносные средства — какие-нибудь лучи, или ядовитые пары, или бактерии, выращенные искусственными медиками в закрытых лабораториях. Оставив попытки заснуть, Левченко сел на кровати. Тошнота подступала к горлу.

Роберт тоже не спал. Он то и дело поднимал телефонную трубку и разговаривал с кем-то в посольстве, бросая короткие условные фразы. Около трех часов ночи он объявил Левченко, что ему надо срочно ехать в посольство — возник один деликатный вопрос, который нельзя решить по телефону. Левченко взглянул на него вопрошающе. Заметив в его взгляде ужас, Роберт поспешил успокоить его: "Мы вас не отдадим. Спасем вас, действуя на собственный страх и риск, даже если поступит какой-нибудь иной приказ. Но я не думаю, что так случится, — меня вызывают наверняка в связи с каким-нибудь процедурным осложнением..."

Уже рассветало, когда Роберт вернулся и сообщил, что гос-

департамент или кто-то там еще в Вашингтоне вздумал переиграть: разрешение на вылет с авиабазы Ацуги аннулировано. Станиславу придется лететь обычным рейсовым самолетом. Роберт вернул ему паспорт, в котором уже стояла американская виза, и вручил билет первого класса на самолет компании Пан Америкен, отбывающий сегодня же из аэропорта Нарита.

— Я еду в аэропорт с вами, — сказал Роберт. — Для меня это вопрос чести — доставить вас в целости и сохранности.

— Учтите, в аэропорту могут возникнуть неприятности, — предостерег Левченко.

— Но ваш паспорт и виза в полном порядке, место на данный рейс забронировано, билет у вас в руках. Никто не в состоянии вас задержать.

— Вот увидите, они попытаются...

В аэропорту Левченко и его спутник беспрепятственно прошли регистрацию пассажиров на этот рейс, паспортный и таможенный контроль. До отправки самолета оставалось всего полчаса, и казалось уже, что Левченко зря так тревожился, как вдруг он увидел неподалеку двух сотрудников японской контрразведки. Те тоже, очевидно, в этот самый момент распознали его в толпе пассажиров.

— Сейчас они поднимут по тревоге все свои силы, — сказал он Роберту. — Кроме того, они известят министерство иностранных дел. Можете быть уверены: все, что становится известно министерству иностранных дел, тут же доходит до нашей резидентуры.

Вскоре в аэропортовском зале первого класса собралось не меньше десятка японцев из контрразведки. Подходили все новые и новые, и вот их уже стало не то пятнадцать, не то шестнадцать.

— Ну что ж, вот мы и столкнулись с проблемой, — заметил Роберт. — Будем держаться как ни в чем не бывало, и мы с ней справимся.

Старший в группе заговорил с Робертом по-английски:

— Мы хотели бы побеседовать с этим джентльменом.

— Этот джентльмен направляется в Соединенные Штаты. У него имеется американская виза, а самолет отбывает через каких-нибудь десять минут, — ответил Роберт.

— Очень сожалею, но пока что он находится на территории Японии. Мы намерены с ним потолковать, и, простите, не хо-

тели бы, чтобы вы слышали наш разговор или принимали в нем участие. Прошу вас пройти в другую часть зала и подождать там.

Группа японцев оттеснила Роберта и сопровождающего его американца в самый дальний угол зала. Офицер контрразведки усадил Левченко и принялся его допрашивать.

— Прежде чем отвечать на ваши вопросы, я хочу знать, кто вы такие, — прервал его Левченко.

— Некоторые из нас — сотрудники Национальной полиции, другие представляют полицию здешней префектуры. Есть среди нас и сотрудники службы безопасности, которым поручено охранять вас.

— Не понимаю, зачем я должен объясняться с полицией. Я не преступник, я ничего не украл и ни в чем не провинился. А о своей безопасности я позабочусь сам.

— Если вы хотите покинуть Японию, вам все же придется побеседовать с нами. Кто вы такой?

— Вам это известно.

— Я имею в виду — кто вы по профессии?

— Это вы тоже знаете. Я токийский корреспондент журнала "Новое время".

— Почему вы отправляетесь в Соединенные Штаты?

— Я попросил американское правительство о политическом убежище и получил его. Не считаю нужным обсуждать этот вопрос с третьей стороной.

— Вы — сотрудник КГБ?

— Я же вам сказал, что я корреспондент советского журнала. Я лечу в Соединенные Штаты с разрешения американского правительства. Вы же почему-то хотите воспрепятствовать моему отъезду. Мой самолет, наверное, уже ушел.

— Ничего страшного. Вы сидите на удобном диване, в комфортабельном помещении. Этот рейс сегодня далеко не последний...

В такой манере японец больше часа мучал Станислава, вновь и вновь задавая ему одни и те же вопросы и получая однотипные ответы. Видимо, ему во что бы то ни стало хотелось вытянуть из Левченко признание, что он имеет отношение к КГБ.

— Продолжать разговор не имеет смысла, — сказал наконец Левченко. — Мы повторяемся, притом уже не первый раз. Я пропустил уже и следующий рейс, а вы продолжаете меня на-

сильственно задерживать. Вы что, хотите сделать из меня заложника?

Попытка запугать его явно сорвалась, и японец попробовал взять доверительный тон:

— Нет, что вы! У вас тут есть влиятельные друзья. Но мы имеем с Советским Союзом консульское соглашение. Мы должны известить советского представителя и дать ему возможность встретиться с вами, прежде чем сможем позволить вам покинуть Японию.

— Меня удивляет, что сотрудник японской полиции так озабочен соблюдением советских интересов. Как я понимаю, проблемы такого рода обычно решает министерство иностранных дел.

— Представители министерства иностранных дел тоже предпринимают соответствующие меры...

Левченко попросил разрешения выйти в туалет, и его отпустили туда в сопровождении четырех японских охранников. Кордон японцев все время держал Роберта и его помощника на почтительном расстоянии; дважды, когда Роберт выходил из зала, чтобы позвонить по телефону, некий японец в гражданском костюме отправлялся вместе с ним и, вернувшись, докладывал, о чем шла речь. Но в туалете, нарушая порядок, Роберт оказался рядом со Станиславом.

— Как видите, дело затягивается, — тихо сказал тот. — Министерство иностранных дел уже уведомлено, и можно предвидеть, что сейчас сюда явится целая свора из резидентуры.

Роберт прошептал:

— Посольство сделало представление лично министру иностранных дел, и наши люди тоже сейчас будут здесь. Вы держитесь молодцом. Не поддавайтесь!

Среди четверых представителей министерства иностранных дел, тоже пытавшихся допрашивать Левченко, был, японец наблюдение за которым Станислав вел еще в Москве, будучи сотрудником Второго главного управления. Делая вид, что они незнакомы, этот человек произнес по-русски:

— Мы ничего против вас не имеем, но в соответствии с консульским соглашением советская сторона вправе настаивать на свидании с вами, прежде чем вы покинете Японию. В противном случае японское правительство ждет серьезные неприятности.

— Что же, выходит, Япония, второе по мощи государство

свободного мира, подчиняется Советам, боится их? Неужели японское правительство пугается даже из-за таких пустяков, как мое дело?

— Все проблемы можно будет уладить, если вы встретитесь с советскими представителями и объясните им мотивы своего решения...

— Эта встреча выльется в скандал, а мне она может причинить только вред. Я против.

Между тем аэропорт отправил уже третий рейс на Соединенные Штаты. Даже Роберт не мог больше скрыть озабоченности. И тут позвали к телефону старшего из представителей министерства иностранных дел. Сквозь стеклянную стену зала Левченко видел, как побагровело и напряглось его лицо. Вернувшись, он растерянно поклонился и лаконично объявил:

— Вам разрешается покинуть территорию Японии. Мы сейчас же проводим вас к самолету.

Станислав с Робертом в сопровождении двух десятков японцев дошли по бетонке до огромного "Боинга-747" компании Пан Америкен и поднялись по трапу. В последний момент, у самой двери самолета миниатюрный полицейский офицер потянул Станислава за рукав:

— Прошу вас, скажите нам только одну вещь. Кто сейчас возглавляет работу КГБ, направленную против Японии? Кого мы должны остерегаться больше всего?

Уже готовясь шагнуть в салон самолета, Левченко приостановился и с видом заговорщика шепнул:

— Пронников!

К замешательству и к изумлению пассажиров, уже занявших места в самолете, просиявший офицер порывисто чмокнул Станислава в щеку.

Когда Левченко уже сидел в кресле, офицер, стоя в дверном проеме, переспросил еще раз:

— Пронников, точно?

— Точно. Пронников. Владимир Пронников.

В этот самый момент советские высыпали из трех подъехавших машин и разбрелись по зданию аэропорта, прочесывая помещение. Группа молодцов сомнительного вида, по-видимому изображавшая компанию американских деловых людей и последние два часа слонявшаяся возле выхода к самолетам международных рейсов, распалась и исчезла, должно

быть, закончив свои дела. Сотрудники резидентуры опоздали всего на несколько минут. Левченко уже летел по маршруту, конечная точка которого была на другом берегу океана — в Лос-Анджелесе.

* * *

Левченко увозил с собой только одежду, что была на нем, и очень небольшую сумму денег — несколько тысяч иен, что составляло примерно 30 долларов, и стодолларовую бумажку, которую кто-то из американцев сунул ему в руку в последнюю минуту перед отлетом из Токио, так сказать, на карманные расходы. Но прибыв в штаб-квартиру ЦРУ в Вирджинии, он в первый же день объявил, что не возьмет ни цента ни от ЦРУ, ни от какой бы то ни было другой американской правительственной организации.

Он понимал, что в обмен за предоставление убежища и за помощь в осуществлении бегства ему следует правдиво ответить на все вопросы, касающиеся его жизни, продвижения по службе и причин побега. Не подлежало сомнению, что при этом окажутся разоблачены некоторые тайны КГБ. Кроме того, он готов был рассказать все, что знал, о такой мерзкой личности, как Пронников. В то же время он не собирался ничего говорить о тех офицерах КГБ, которых считал личными людьми.

Левченко настоял также, чтобы ему позволили советоваться с русским православным священником и исповедоваться у него. Если бы ЦРУ не согласилось принять эти условия, Левченко рассчитывал апеллировать к ООН, объяснить там свое положение и попросить посодействовать переезду в какую-нибудь другую некоммунистическую страну.

Сотрудники ЦРУ, беседовавшие с Левченко в эти первые дни в Вирджинии, посчитали его позицию наивной и не вполне логичной, принимая во внимание его ненависть к КГБ и советской системе в целом. Но им пришлось признать ее искренней. Эксперты ЦРУ увидели в его лице человека высокоморального, исключительно честного, с выдающимися интеллектуальными данными — и в то же время глубоко несчастного.

”Расскажите нам все, что, как вы считаете, вам позволяет совесть, — сказали сотрудники, занимавшиеся его делом. — Больше мы от вас не вправе требовать”.

Между тем дал себя знать ряд чисто практических проблем. Левченко попросил убрать охрану, приставленную к его квартире в Вирджинии, чтобы ему не чувствовать себя пленником. Охрану убрали, но тут же дала себя знать другая, более серьезная проблема. Она была связана с деньгами. ЦРУ снабжало квартиру Левченко всем необходимым, включая книги и газеты. Но, не имея денег, он был фактически прикован к этой квартире, оставался по-прежнему на положении пленника, что болезненно задевало его самолюбие. Ему было сказано, что американское правительство платит приглашаемыми со стороны консультантам от 50 до 200 долларов за день работы. Поскольку Левченко фактически уже работает как консультант правительства, почему бы ему не получать эту плату? Застигнутый таким предложением врасплох, Левченко согласился, чтобы ему начисляли 50 долларов за каждый день работы с сотрудниками ЦРУ. Получив первый чек на 250 долларов, он попросил вычесть из этой суммы сотню и перевести ее в Токио, тому американцу, что выручил его неожиданным займом.

На первых порах Левченко отклонял домогательства советских, добивавшихся встречи с ним в Вашингтоне, и ЦРУ заверило его, что он вправе отказываться от такой встречи. Однако советский посол в Соединенных Штатах Добрынин вновь и вновь требовал от государственного секретаря Вэнса свидания с Левченко и заявил даже, что если госдепартамент не хочет положительно решить этот вопрос, то советское руководство обратится непосредственно к президенту Картеру. Левченко был вынужден скрепя сердце согласиться на встречу.

Вместо солдафона-оперативника из "линии КР", как можно было бы ожидать, КГБ выделил для встречи с ним учтивого полковника с мягкими манерами. Это был Александр Бессмертных, первый советник советского посольства в Вашингтоне. Прибегая к разного рода иносказаниям, он просил Левченко, чтобы тот в такой же закодированной форме сообщил, оказалось ли ЦРУ посвященным в секреты, касающиеся деятельности токийской резидентуры, и если да, то в какие именно. КГБ пребывал в это время в состоянии явной растерянности и вынужден был на время свернуть работу в Японии, выжидая, какие последствия будет иметь побег Левченко и его сотрудничество с ЦРУ.

Левченко заявил представителю КГБ, что он бежал по причинам личного порядка и его решение остаться на Западе является окончательным, но что он не собирается включаться в активную антисоветскую деятельность. Из этого разговора в КГБ сделали утешительный вывод, что Левченко "выдал сравнительно немного".

К середине декабря 1979 года Станислав посвятил ЦРУ во все, что считал нужным, и начал готовиться к самостоятельной жизни в Штатах. Ему предстояло подыскать работу, соответствующую его образованию и квалификации. На этом история майора Станислава Александровича Левченко могла бы и завершиться, если бы КГБ не продолжал действовать в присущем ему духе.

Левченко считал, что если его расстреляют или сгноят в советских лагерях, это фатальным образом отразится и на его семье. С другой стороны, скрывая от Наташи свое намерение бежать на Запад, он втайне надеялся, что избавил ее от участи, которая могла бы грозить ей как его сообщнице. Разумеется, после его бегства ее будут подвергать изнурительным допросам, но она со всей искренностью заявит, что даже не догадывалась о его преступных намерениях, и ее должны будут оставить в покое. Мрачные сталинские времена давно миновали. Теперь в СССР существуют законы, запрещающие карать ни в чем не повинных людей только за то, что кто-то из их родственников совершил, по советским понятиям, то или иное преступление, о котором они даже не знали.

В начале 1980 года Левченко сумел дозвониться до Наташи. Он позвонил ей в два часа ночи по московскому времени — в то время суток, когда гебистский контроль за международными телефонными разговорами в какой-то мере ослабевает. И убедился, что сталинские порядки еще живы в советском обществе.

— Алло, Наташа, это ты?

— Да, да! Стас, ты ли это?!

— Я.

— О, привет! Неужели ты?!

Вспышка радости была непродолжительной: Наташа плакала, рассказывая, как ей плохо пришлось после его бегства. Власти конфисковали все ее сбережения и машину. Ее нигде не принимают на работу, ей приходится работать учительницей на полставки, она получает всего 73 рубля в месяц. Сына

выгнали из школы. Когда его удалось пристроить в другую школу, там его по чьей-то подсказке начали подвергать такой травле, что он теперь постоянно болеет. От них отвернулись все родственники, кроме ее престарелой матери.

Наташа говорила, что пыталась заработать немного денег как машинистка, но у нее разбились очки, на новые нету денег, а без них она плохо видит и не может печатать на машинке. Ни одного его письма она не получила, ни одна из его посылок не дошла.

— Они говорят, что мы все виноваты... Мы живем в такой нищете, такой нищете!.. Нас никто знать не хочет. Я больше не могу так жить!..

Левченко кричал в трубку, что пусть она публично его осудит, пусть откажется от него, пусть всячески его поносит, если это поможет.

— Не могу я так лицемерить, — отвечала она, плача. — На что ты меня толкаешь!..

После этого разговора Левченко опустил в почтовый ящик письмо, адресованное советскому посольству в Вашингтоне. В письме содержалось завуалированное предупреждение, которое КГБ, разумеется, нетрудно было расшифровать. Как известно, в распоряжении Левченко остается значительное количество секретной информации, пока что не переданной американцам. Если там, в СССР, не прекратят преследовать его жену и сына, эта информация станет достоянием ЦРУ. Он лично объявит КГБ беспощадную войну и будет вести ее, пока жив.

Нарушая строгие правила, установленные в ЦРУ, один из сотрудников этого ведомства помог Станиславу встретиться с Виктором Беленко — тем самым летчиком, что перелетел в Японию на своем истребителе МИГ-25. Смелый, энергичный, неутомимый Беленко отлично вписался в американское общество. Похоже, он чувствовал себя здесь куда лучше многих коренных американцев. На своей машине Беленко успел объездить всю огромную страну. Теперь он знакомил Станислава с небольшими городами, огромными равнинами, уютными местечками Среднего Запада, скотоводческими фермами Айдахо и Монтаны, садами и виноградниками Калифорнии. Благодаря ему Станислав побывал в чудесном Сан-Франциско.

Спустя некоторое время он снова позвонил в Москву На-

таше. Там положение ухудшалось со дня на день. Наташа буквально голодала, страшно потеряла в весе. Их сын убегает из дому, чтобы только не ходить в школу, не в силах выносить издевательств, которым он там подвергается. Самого Станислава будут заочно судить, а Наташе сказали, что ей придется присутствовать на заседании трибунала, причем еще неизвестно, то ли в качестве свидетельницы, то ли в качестве со-общницы подсудимого.

— Мне не на что надеяться... Они нас раздавят... мы для них все равно что песчинки под сапогом...

Больше ему ни разу не удалось дозвониться до нее. Рассказывая Беленко об этом разговоре, Станислав заплакал.

— А чему ты удивляешься? — сказал Беленко. — Ты ведь знаком с их повадками куда лучше моего. Как же ты рассчитывал с ними договориться? С ними можно только драться. Другого языка они не понимают.

Так началось настоящее сотрудничество Левченко с ЦРУ. Не щадя себя, он работал по двенадцать часов в сутки, не признавая выходных. Он раскрыл всю токийскую агентурную сеть КГБ, создававшуюся десятилетиями, вывел ЦРУ на след ряда агентов КГБ за пределами Японии. Он подробно разъяснил и документировал советскую доктрину секретных операций, методику "активных мероприятий" и дезинформации, изложил и наглядно проиллюстрировал распределение функций в пределах Политбюро, международного отдела ЦК и КГБ, перечислил известных ему сотрудников КГБ, ненавидящих свое ведомство, и, с другой стороны, тех, кто работал на КГБ особенно активно и рьяно.

Он составил ряд аналитических обзоров; некоторые из них оказались настолько неожиданными по содержанию и в то же время важными, что с ними было решено ознакомить президента Соединенных Штатов.

В штаб-квартире и местных отделениях Федерального бюро расследований, на закрытых совещаниях ЦРУ, на базах военно-воздушных сил, в госдепартаменте и военной академии, в Конгрессе и Белом Доме — повсюду Левченко выступал с лекциями о деятельности КГБ, рассказывал о собственной жизни, о народе покинутой им страны, говорил о тирании и о свободе. Его блестящие лекторские данные и неподдельная искренность порой заставляли людей, чья профессиональная сдержанность, казалось бы, исключала бурное проявление

ние чувств, восторженно аплодировать этому человеку. Выступая перед американцами, он неизменно подчеркивал, что народы, населяющие Советский Союз, вовсе не враждебны Америке, что это советский режим и КГБ — враг всего и вся.

Мало найдется людей, кто бы так хорошо знал и понимал сущность КГБ, как Станислав Александрович Левченко. Мало кому удалось нанести этому ведомству столь чувствительные раны. Он сознает, что именно по этой причине оно никогда не перестанет охотиться за ним. "Может быть, им когда-нибудь удастся со мной расправиться. Но пока я жив, я буду бороться с ними. Если мы их не одолеем, они низведут все человечество, миллиарды человеческих существ до положения жалких песчинок. Песчинок под сапогом".

Глава пятая

В СТАНЕ ГЛАВНОГО ПРОТИВНИКА

Все, что Станислав Левченко проделывал в Японии, все, что происходило на его глазах в токийской резидентуре, КГБ практиковал изо дня в день и в Соединенных Штатах — только с несравненно большим размахом. В Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско постоянно находится не менее 400 сотрудников КГБ и его военной разновидности — ГРУ. Все они заняты шпионажем и проведением "активных мероприятий". Их труд дополняется трудом сотен сотрудников разведслужб стран-сателлитов: Кубы, Болгарии, Восточной Германии, Польши, Чехословакии и Венгрии. Примерно шесть тысяч советских граждан ежегодно посещают Соединенные Штаты в качестве гостей и туристов, и большинству этих визитеров КГБ также поручает специальные задания. Кроме того, советский блок содержит в США более двадцати легально функционирующих компаний и фирм, служащих прикрытием и базой для шпионажа и подрывной деятельности.

В Соединенных Штатах, как и в Японии, главной целью активных мероприятий и шпионажа, проводимых КГБ, является приобретение передовой технологии, насущно необходимой для поддержания советской военной и индустриальной мощи. Левченко приходилось слышать в "центре", что стоимость информации, выкрадываемой в течение года научно-техническим управлением КГБ ("управлением Т"), намного превышает суммарные затраты на деятельность всего Комитета госбезопасности.

Левченко, разумеется, был лишен возможности проверить подобные утверждения, и ему не раз приходило в голову, что, быть может, это всего лишь бюрократическая "туфта", приз-

ванная оправдать рост расходов на содержание КГБ. Но на самом деле никакого преувеличения здесь нет, — наблюдается скорее недооценка действительного размаха деятельности КГБ в данной области.

Известно, что СССР — главным образом благодаря КГБ — успешно преобразует результаты американской научно-исследовательской деятельности и конкретных разработок в свой научно-технический потенциал. Поэтому от американских налогоплательщиков в ближайшие годы потребуются миллиарды и миллиарды долларов, чтобы США смогли и впредь успешно противостоять новым видам советского оружия, создание которых стало возможным благодаря краденной американской технологии.

Многочисленные признания самих агентов и протоколы судебных процессов позволяют выяснить, сколь разнообразны средства, применяемые КГБ, для решения этой сложной задачи.

Вот характерная история Уильяма Холдена Белла. Ему долгие годы везло — пока, уже в середине жизненного пути, на него не начали сваливаться несчастья. Белл родился в Сиэтле 14 мая 1920 года. В восемнадцать лет поступил на службу в военно-морские силы и в декабре 1941-го, как раз во время японского нападения на Пирл-Харбор, очутился в этой гавани на борту минного тральщика. В дальнейшем он доблестно воевал, был ранен при штурме острова Иводзима, занятого японцами, удостоен боевых наград, а после того, как война кончилась, вернулся на родину, женился, получил ученую степень по физике и в 1950 году начал работать в авиационной корпорации "Хьюз" в Лос-Анджелесе. У него к тому времени было трое детей — два сына и дочь.

Фирма "Хьюз" выполняла в основном заказы военного ведомства, будучи одним из ведущих разработчиков самой передовой техники. Работая здесь, Белл стал специалистом по радиолокаторам военного назначения. С 1962 по 1965 год он был занят осуществлением важных проектов, разработанных фирмой для стран Западной Европы. В 1974 году Белл вернулся к этой работе, получив от своей фирмы весьма значительные полномочия.

В тот период покупательная способность доллара по сравнению с европейскими денежными единицами существенно снизилась, и стоимость жизни в Европе возросла так стреми-

тельно, что у Белла за короткое время растаяли все сбережения. В довершение всего дала трещину и семейная жизнь. Ему пришлось разойтись с женой. В результате развода он лишился почти всего нажитого за долгие годы имущества, и вдобавок был вынужден платить алименты — 800 долларов в месяц.

Вернувшись в начале 1976 года в Лос-Анджелес, Белл почувствовал, что более молодые специалисты в его корпорации постепенно оттесняют его на второстепенные роли. Надежды на дальнейшее продвижение по службе рухнули. К тому же у него начались неприятности с налоговым ведомством: выяснилось, что, находясь за границей, он недоплачивал налоги, и теперь с него взыскивали эту задолженность. Ему пришлось залезть в долги.

В это же время погиб от ожогов при пожаре его восемнадцатилетний сын, к которому Белл был очень привязан.

Надеясь как-то поправить дела и пытаясь начать жизнь заново, Белл женился на молоденькой стюардессе бельгийских авиалиний. С ней и ее ребенком от предыдущего брака он поселился в Калифорнии, в Плайя дель Рио.

Здесь осенью 1977 года Белл познакомился с соседом по дому Марьяном Захарским, называвшим себя представителем "Поламко" на западном побережье США. Белл знал, что название "Поламко" носит чикагская компания, занимающаяся экспортом и импортом промышленного оборудования, и был уверен, что это — чисто американская фирма. В действительности она принадлежала Польской народной республике, а Захарский был сотрудником польской разведки.

Этот человек по возрасту годился Беллу в сыновья. Ему было 26 лет, он был обаятелен и хорошо воспитан. Узнав, что Белл занимается "у Хьюза" радиолокационными системами управления артиллерийским огнем, он проникся к нему особой симпатией.

Захарский ежедневно приглашал Белла поиграть в теннис и, будучи первоклассным игроком, постоянно "мазал", лишь бы доставить удовольствие партнеру. Время от времени он делал ему недорогие, но приятные подарки, поясняя при этом, что ему выделяется приличная сумма денег на "представительские расходы".

Естественно, они беседовали о делах, о работе. По просьбе Захарского Белл начал охотно снабжать его несекретными, по большей части рекламными материалами, издаваемыми фир-

мой "Хьюз". Захарский заикнулся о том, что хотел бы наладить побольше полезных знакомств в тех отраслях промышленности, которые могли бы заинтересоваться покупкой оборудования через "Поламко", и Белл дал ему несколько адресов и телефонов.

Через несколько дней, вечером, Захарский неожиданно явился к нему домой, поблагодарил за помощь в установлении этих полезных связей и "в порядке компенсации" вручил 4 тысячи долларов наличными. Белл стеснялся брать деньги, тем более такую большую сумму, но Захарский настоял. Поскольку Белл постоянно нуждался в деньгах, он, поколебавшись, написал расписку и отдал ее своему новому приятелю.

Осенью 1978 года Захарский предложил Беллу после выхода на пенсию занять должность технического консультанта компании "Поламко". Это предложение очень воодушевило Белла: оно заключало в себе блистательную возможность заново начать продвигаться по служебной линии и покончить с денежными затруднениями. Как раз в это время он закончил секретную разработку для фирмы "Хьюз", носившую название "Всепогодная система управления артиллерийским огнем, не поддающаяся обнаружению электронными средствами разведки".

Желая произвести впечатление на Захарского как вероятного работодателя, Белл показал ему разработанный им проект. Тот, видя гриф "секретно", попросил разрешения взять эти материалы домой, чтобы на досуге ознакомиться с ними, не опасаясь посторонних глаз. Беллу прекрасно было известно, что это не разрешается. Но он рассудил, что в конце концов нет ничего необычного в том, что инженер по просьбе будущего работодателя делится с ним конфиденциальной информацией, составляющей, скажем, коммерческую тайну. А так ли уж велика разница между коммерческой тайной и всякой другой?

Жилой комплекс в Плайя дель Рио, где Белл снимал квартиру, было решено превратить в кооператив, и Захарский спросил, собирается ли Белл приобрести здесь квартиру или, наоборот, намерен съехать. Белл ответил, что покупка квартиры в этих домах ему не по средствам. Ну, возразил Захарский, "Поламко", быть может, постарается ему помочь как своему будущему работнику.

Начался 1979 год. Как-то январским вечером в квартиру Белла кто-то позвонил, и, открыв дверь, хозяин увидел перед собой улыбающегося Захарского, который молча протягивал туго набитый конверт. В этот раз Захарский принес 7 тысяч долларов. Спустя неделю — еще 5 тысяч.

Такая неожиданная щедрость освободила Белла от мучительных забот о деньгах, он смог рассчитаться с долгами и внести часть денег за кооператив.

В апреле Захарский явился к нему с новым неожиданным подарком. На сей раз это была японская фотокамера "Канон", снабженная объективом с переменным фокусным расстоянием и позволяющая переснимать разного рода документацию. Вслед за тем Захарский попросил о таком одолжении: его компания хотела бы иметь кое-какую документацию фирмы "Хьюз". Не сможет ли Белл перефотографировать ее? Желая как-то отблагодарить своего друга и благодетеля и рассчитывая вдобавок продолжать получать деньги, Белл утешал себя тем, что в данном случае речь идет скорее о промышленном, а не о военном шпионаже. На протяжении нескольких последующих месяцев Белл каждый вечер уносил домой со службы кипы документов и чертежей и, пересняв, возвращал их утром обратно.

В сентябре 1979 года Захарский объявил, что Беллу надо бы съездить в Европу для 'переговоров'. Следуя его инструкциям, Белл полетел в Швейцарию, оттуда направился в Австрию, в Иннсбрук и поселился там в гостинице "Серый медведь". Наутро, едва он вышел из гостиничного подъезда, к нему приблизился незнакомый человек, представился как "Пауль" и спросил: "Вы друг Марьяна?" Английский язык незнакомца был почти безупречен.*

Отъехав в сопровождении Пауля и еще какого-то молодого поляка подальше от гостиницы, Белл передал им три катушки микропленки с чертежами усовершенствованной всепогодной радарной системы. В торговом центре Иннсбрука они передали микропленку дальше, сунув ее продавцу в каком-то мага-

* "Пауля" звали в действительности Анатолий Иновольский. Он был сотрудником польской разведки и числился служащим польского торгового представительства в Нью-Йорке. В тот раз он прилетел в Австрию из США недели за две до Белла.

зинчике, выехали за город и там довольно долго бродили по уединенным тропинкам. Новые знакомые при этом усиленно расспрашивали Белла об особенностях его работы и возможностях доступа к техническим секретам "Хьюза".

Внезапно Пауль остановился и вытащил из кармана фотокарточку. Приглядевшись, пораженный Белл увидел на ней собственную жену и ее маленького сына, снятых возле своего дома в Калифорнии.

— У вас чудесная семья, — зловеще проговорил Пауль. — О наших с вами делах знают очень немногие, и в смысле нашей безопасности все мы зависим друг от друга. — Пряча фотокарточку, он добавил: — Если кто-нибудь из нас погорит, вашей семьей займусь я лично.

Эта недвусмысленная угроза не только напугала Белла, но и мгновенно рассеяла все иллюзии, какие еще оставались у него относительно сотрудничества с поляками.

В тот же день, ближе к вечеру, они встретились еще раз, и Пауль спросил, в какую сумму Белл готов оценить свои дальнейшие услуги "нашей фирме". Подумав, Белл ответил:

— Пятьдесят тысяч в год плюс две-три тысячи каждый месяц.

Пауль дал ему пять тысяч сто долларовыми банкнотами и еще две тысячи — в возмещение расходов на путешествие из Америки в Европу и обратно. Одновременно Белл получил указания о следующей встрече, которая должна была состояться опять же в Иннсбруке на будущий год, 7 мая, и перечень секретных материалов, интересующих польскую сторону. Всеми этими материалами, по данным поляков, безусловно располагала фирма "Хьюз". Их интересовала документация, относящаяся к ракетным системам ПВО, инструкция по эксплуатации американского армейского вертолета, проекты мощного лазера, предназначенного для систем противоракетной обороны, и радиолокационной следящей системы. Больше всего Белла поразило тот факт, что полякам известны даже шифры и номера документов по этой тематике, разработанных его фирмой.

Вернувшись домой, Белл начал старательно выполнять полученное задание. Как и прежде, он передавал микроплёнку Захарскому, который в начале 1980 года выплатил ему дополнительно десять тысяч долларов.

В первых числах мая Белл, захватив с собой плёнку, со-

державшую информацию о ряде новейших радиолокационных и ракетных систем ПВО, снова появился в Иннсбруке. Утром 7 мая он зашел на станцию канатной дороги, доставляющей туристов из города высоко в горы. Здесь его приветствовал молодой партнер Пауля. Они сели в вагончик канатной дороги, и там, высоко над городом, Белл передал пленку своему спутнику.

Сошли на горной площадке, где их уже поджидал Пауль. Оставив своего помощника проследить, не ведется ли за ними наблюдение, он увлек Белла за собой на горную тропинку и объявил, что поляки (то есть, конечно, КГБ) нашли, что материалы, получаемые от Белла, по своей ценности намного превосходят сумму, которую тот запросил.

— Принято решение платить вам шестьдесят тысяч в год и сверх того три тысячи каждый месяц. При этом мы будем расплачиваться с вами, по крайней мере первое время, золотыми монетами.

Пауль настаивал, чтобы Белл постарался получить работу в Агентстве по проектированию современных средств обороны, где разрабатываются наиболее передовые системы вооружения. При этом он не преминул снова напомнить о репрессиях, ждущих Белла и его семью, если тот будет "недостаточно осторожен".

Летом 1980 года, появившись по делам фирмы в восточных штатах, Белл позвонил своему хорошему знакомому, работавшему в агентстве, которое так интересовало Пауля. Он решил, собравшись с духом, признаться этому человеку, что его втянули в шпионскую деятельность, и попросить совета, как ему выпутаться, а скорее всего и помощи. Но того не оказалось на месте. Белл пришел к выводу, что ему ничего не остается, как продолжать служить своим новым хозяевам.

Каждый месяц Захарский аккуратно выдавал ему пять тысяч, обычно золотыми монетами, как было сказано. Впрочем, однажды он просто сунул банкноты в сумку Белла, оставленную рядом с теннисным кортом.

В середине лета он озабоченно заметил: за ним, без всякого сомнения, следят, то ли ФБР, то ли ЦРУ. Отсюда можно сделать вывод, продолжал Захарский, что и Белл тоже попал под наблюдение. Необходимо прекратить всякие разговоры, пусть даже иносказательные, которые они до сих пор нередко вели по телефону или встречаясь в квартире Захарского. А ут-

ром 30 августа, начав партию в теннис, Захарский вдруг остановился и кивнул в сторону парковочной площадки:

— Смотрите, они уже тут как тут!

На площадке стояло всего две машины, и в каждой виднелась одинокая фигура водителя. Белл тут же подошел к машинам, чтобы спросить: кто такие, что они здесь делают. Те с удивлением поглядели на него и не удостоили ответа. Тогда Белл поднялся в свою квартиру и сфотографировал эти машины из окна. Оставив фотокамеру на подоконнике, он вернулся на корт. За время его отсутствия камера исчезла.

Это было грозным предостережением: Захарский, по-видимому, не ошибся. Но Белл подумал, что ему уже ничего не остается, как только продолжать в прежнем духе.

Готовясь к следующей встрече в Европе, Белл переснял ряд чрезвычайно важных документов — материалы проекта видеокоррелятора для крылатых ракет, документацию по усовершенствованной системе наведения противотанковых ракетных снарядов, по электронному прицелу для самолетов, по управлению огнем всепогодной системы класса "земля—воздух".

В конце года, октябрьским утром, несмотря на жуткую погоду, Белл, как ему было назначено, встретился с партнером Пауля в той же Австрии, в Линце, примерно в часе езды от чехословацкой границы. Сперва они сидели и пили кофе в дешевой рабочей столовой. Зал был совершенно пуст, только в дальнем углу сидел какой-то мрачного вида субъект, одетый как чернорабочий. Поляк схватил рулончик пленки и исчез с ним в кухне. Выйдя, он предложил пойти побродить.

В полусвете ненастного дня они зашагали по узкой пригородной дороге, направляясь к лесным зарослям, чтобы поговорить, не опасаясь посторонних ушей. Они зашли довольно далеко, остановились, и Белл с ужасом увидел над придорожной изгородью угрюмую физиономию того рабочего из столовой. Ему пришло в голову, что сейчас его убьют. Увидев его помертвевшее лицо, поляк рассмеялся:

— Этот человек нас охраняет, ведь у меня при себе уйма денег. В том числе и ваши семь тысяч...

Поляк вручил Беллу названную сумму, проинструктировал насчет дальнейшей документации, которую надлежит переснять, и, достав план Женевы, показал на нем место их следующей встречи.

В начале 1981 года Захарский перебрался в Чикаго, чтобы занять там пост президента компании "Поламко", и Белл на какое-то время остался без непосредственного руководителя. Как было запланировано, утром 22 апреля он появился в Женеве и в одном из тамошних музеев, как раз напротив советского представительства, обменялся условными фразами с новым связным. На этот раз у него была с собой пленка с небывало ценной информацией, включавшей характеристику новейшего "бесшумного" радара, не поддающегося обнаружению противником. Этот радар предназначался для бомбардировщика "Б-1" и еще более секретного и совершенного боевого самолета, получившего условное название "Неуловимый". Кроме того, пленка содержала информацию, касающуюся радиолокационного устройства для истребителей "Ф-15", которое позволяет обнаруживать низколетящие самолеты и другие объекты и сбивать их сверху.

Белл увлек своего связного в расположенное неподалеку административное здание ООН и там, поднимаясь с ним по эскалатору, незаметно передал ему пленку. Затем эта пара удалилась на берег Женевского озера. Белл получил очередные семь тысяч и инструкции, касающиеся следующей встречи, которая должна состояться на американском континенте, в Музее антропологии города Мехико.

На этот раз, расставаясь с партнером, он чувствовал себя очень беспокойно. Ему казалось, что повсюду в Женеве, куда бы он ни направился, за ним ведется наблюдение. Он был близок к истине. Дело в том, что КГБ, извещенный Захарским об особой важности материала, доставляемого на этот раз Беллом, стянул в Женеву несколько опытных агентов, чтобы проследить, гладко ли пройдет свидание Белла со связным, и в любом случае тут же заполучить драгоценную пленку. Так что КГБ неотступно опекал Белла во все время пребывания в Женеве. В свою очередь, ЦРУ наблюдало и за Беллом, и за его опекунами.

По собственным каналам, о которых здесь не стоит распространяться, ФБР установило, что посторонние лица получили доступ к секретной документации фирмы "Хьюз". Расследование, проведенное при участии руководства фирмы, выявило ряд сотрудников "Хьюза", которые могли быть причастны к этой утечке информации. Среди них был и Уильям Холден Белл. Прямых улик, которые позволили бы прив-

лечь его к судебной ответственности, в распоряжении ФБР пока еще не было. Но с весны 1981 года подозрения усилились настолько, что было решено взять его под наблюдение и попросить ЦРУ проследить за его перемещениями и связями в Европе.

23 июня, едва Белл появился на службе, его вызвали к начальству.

— Белл, — сказал ему шеф, — эти джентльмены из ФБР хотели бы с вами побеседовать.

Он опустился в кресло и, закрыв лицо руками, несколько мгновений сидел не шевелясь, собираясь с силами. В течение последующих шести часов он подробно рассказал обо всем и согласился помочь ФБР собрать дополнительный материал, уличающий Захарского.

28 июня, снабженный потайным микрофоном, Белл встретился с Захарским и записал конфиденциальный разговор, достаточный для предъявления тому формальных обвинений.

14 декабря того же года Уильям Холден Белл предстал перед федеральным судом в Лос-Анджелесе. С учетом его сотрудничества с ФБР на последнем этапе расследования он был приговорен всего к восьми годам заключения. Впрочем, для человека, которому исполнился уже 61 год, восемь лет — далеко не малый срок.

Захарский, которому было всего 30 лет, получил пожизненное заключение. Все инстанции, куда он обжаловал приговор, оставили его в силе. Советский Союз употребил все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы выручить своего шпиона, оказавшего столь важные услуги, — в частности, неоднократно предлагал обменять Захарского на разных лиц, находящихся в заключении в СССР.

В сводке для Сената Соединенных Штатов, характеризующей ущерб, нанесенный Захарским и Беллом, ЦРУ констатирует:

”Была похищена и передана противной стороне следующая секретная информация, имеющая первостепенное значение для обороны Запада: радиолокационное устройство для истребителей ”Ф-15”, позволяющее эффективно обнаруживать и уничтожать низколетящие цели; не поддающаяся обнаружению противником (”бесшумная”) радарная система для бомбардировщиков ”Б-1” и ”Неуловимый”; всепогодная радарная система для танков; экспериментальная радарная система

для военно-морского флота США; снаряды "Феникс" класса "воздух—воздух"; снаряды "Патриот" класса "земля—воздух"; буксируемый сонарный локатор для подводных лодок; усовершенствованный снаряд "Хоук" класса "земля—воздух"; система ПВО, совместно разрабатываемая странами НАТО. Раскрытие информации, относящейся к этой военной технике и содержащейся в похищенной документации, наносит непоправимый ущерб секретности существующих видов вооружений и перспективных систем, разрабатываемых США и их союзниками. Получение этой информации СССР и Польшей позволит им сэкономить сотни миллионов долларов на исследовательской и проектно-конструкторской работе по созданию аналогичных видов вооружения, поскольку этим странам оказались предоставлены разработки, созданные в США и доказавшие свою эффективность в ходе испытаний. Кроме того, предоставление СССР этой информации позволит ему не только с меньшими затратами, но и значительно быстрее разработать соответствующие средства противодействия новейшим видам американской боевой техники".

Арест Белла страшно удивил всех его соседей по Плайя дель Рио, многие из которых также были заняты в аэрокосмической промышленности. Все знали его как образцового мужа и отца, а также приятного соседа. Многие просто не могли поверить, что он обвиняется в шпионаже, — до тех пор, пока он сам не признал этого на открытом заседании суда.

Следует все же отметить, что соседи Белла, хоть вначале и отнеслись к ужасному известию с недоверием, все же не решились полностью исключить возможность того, что их уважаемый коллега действительно окажется советским или польским (что в этой ситуации означало одно и то же) шпионом. Совсем иначе реагировали все окружающие на подобное несчастье, случившееся с другим жителем Калифорнии. Они горячо отстаивали его полную невиновность, были донельзя возмущены, как им казалось, произволом властей.

Это случилось в каких-нибудь пятидесяти милях от Плайя дель Рио, в небольшом городке Корона, где жил некто Уолтер Спор. Местная газета "Нью Вест" характеризовала его как "стойкого республиканца, одного из столпов здешней церкви, отца троих детей".

Спора можно было назвать олицетворением таких чисто американских качеств, как изобретательность, инициатива,

уверенность в себе и предприимчивость. Эти черты органически сочетались в нем с пренебрежительным отношением к современной бюрократии, к формалистике, при столкновении с которыми гибнет всякое живое дело.

Спору было всего 30 лет, когда он, работая в одиночку, в собственной мастерской, оборудованной им в гараже, нашел способ изготовления такой важной вещи, которую во всем мире никто делать не умел и в которой в этот момент Соединенные Штаты Америки (да и не только они) — остро нуждались. Этой вещью был лазерный отражатель.

Энергия, генерируемая лазером, выходит наружу в виде узкого светового пучка, который используется при особо деликатных хирургических операциях, а также в других мирных отраслях науки и промышленности, например, в управлении промышленными роботами.

В военной промышленности лазерный луч служит для наведения ракет на цель с исключительной точностью, а в будущем он позволит уничтожать в полете ракеты противника. Так что с точки зрения безопасности государства едва ли найдется более важная отрасль техники, чем лазерная технология.

Но лазерные устройства большой мощности сложны и громоздки. Спор рассуждал примерно так: чтобы изменить направление испускаемого ими пучка энергии, нужно воспользоваться зеркалом (отражателем), которое позволило бы легко и эффективно манипулировать этим пучком. Но чтобы он не рассеивался при отражении и не снижалась степень концентрации энергии, поверхность зеркала, естественно, должна быть идеально гладкой. Металлическое зеркало, удовлетворяющее этим требованиям, становится важнейшим элементом лазерного оружия: от него зависят его мощь и эффективность.

Скопив несколько тысяч долларов для совершенствования разработанной им технологии, и заручившись для начала помощью жены, Спор приступил к изготовлению таких великолепных отражателей, что их стали охотно покупать Лос-Аламосская национальная лаборатория, занимающаяся исследованиями в области ядерной энергии, Лаборатория военно-морского вооружения и другие солидные учреждения.

Через некоего Вольфганга Вебера, западногерманского посредника по торговле лабораторным оборудованием, Спор

продал несколько отражателей медицинским и промышленным научно-исследовательским центрам в Европе.

В 1975 году Спор получил письмо, приглашающее его продемонстрировать свои отражатели в Москве, на научно-технической выставке, организуемой Торговой палатой СССР. В связи с этим Вебер заявил, что возможность охватить обширный советский рынок как нельзя более благоприятно отразится на делах Спора. К осени того же года Спор отправил Веберу несколько отражателей разного размера, и тот доставил их на московскую выставку.

В самом СССР для его внутренних потребностей никогда бы не возникло нужды в таком учреждении, как Торговая палата, если бы не советская монополия внешней торговли и необходимость устанавливать разного рода внешние связи. Это учреждение с самого начала было задумано как чисто внешнеторговое ведомство, и за его фасадом по сей день обделывает свои дела КГБ.

Первым заместителем председателя правления Торговой палаты в 70-е годы не случайно был назначен кагебешник, генерал Евгений Петрович Питовранов, который еще в 50-х годах был известен как вдохновитель похищений и покушений на "нежелательных лиц" в Западной Европе.

Научно-технические и промышленные выставки, организуемые в СССР, планируются и контролируются Государственным комитетом по науке и технике (ГНТК), тесно взаимодействующим с КГБ. Эти выставки позволяют советским ведомствам ближе познакомиться с оборудованием и технологическими процессами, которые они наметили купить или попросту украсть. Иногда их нетерпение столь велико, что экспонаты исчезают прямо с выставочных стендов.

Бывший советский инженер, попавший на Запад и представленный соответствующему комитету Сената США под именем Иосиф Арков, показал: "Я знаком с человеком, который в Москве был принят на должность охранника на время международной выставки. Это определило весь его дальнейший жизненный путь. Сотрудничая с КГБ, он использовал свое положение охранника, чтобы украсть несколько узлов самого современного оборудования, — и был за это щедро вознагражден. Человек малоинтеллигентный, он получил возможность защитить диссертацию, и ему была присуждена ученая степень, после чего его сделали заведующим отделом

в научно-исследовательском институте, хотя объективно — по своим способностям, знаниям и опыту, — он никак не подходил для такой должности.”

Пораженные сенаторы, не веря своим ушам, несколько раз переспросили, не ослышались ли они, действительно ли ученая степень и завидная должность могут быть предоставлены в СССР в качестве вознаграждения за кражу. Арков подтвердил: да, это так.

В случае со Спором Советы предпочли не красть его отражатели, а приобрести их у Вебера и попытаться воспроизвести их отменные качества в собственных лабораториях. Однако советским специалистам не удалось раскрыть технологию полировки споровских отражателей. Ясно было только, что это — совершенно новое слово в лазерной технике, достигнутое благодаря принципиально новой технологии обработки.

В январе 1976 года из СССР через Вебера поступил заказ на новую партию отражателей. Между тем отражатели Спора уже были занесены в перечень стратегических товаров, которые запрещается отправлять за пределы США без специального разрешения Министерства торговли. Но поскольку в качестве заказчика фигурировал в данном случае не Советский Союз, а промежуточная инстанция — западногерманская фирма Вебера, — Спор решил, что он не нуждается в экспортной лицензии, и не стал ходатайствовать о ее получении.

Тем временем, всего через три месяца Советы, предвкушая немалые преимущества от использования споровских отражателей в своих лазерных системах, заказали еще 29 штук. Все эти отражатели должны были быть снабжены водяным охлаждением. Примерно половину заказа составляли изделия необычно крупного размера — вплоть до 16 дюймов в диаметре. Если до сих пор еще могли быть какие-то сомнения в назначении таких отражателей, то теперь они отпали. Сам характер заказа говорил об этом.

Дело в том, что пучок лазерного излучения, достаточно мощный, чтобы разрушать боевые цели, должен приводить к сильному разогреву и вспучиванию даже металлическое зеркало, — вот почему последнее должно непрерывно охлаждаться водой, циркулирующей по каналам внутри него.

Такие отражатели предназначены, несомненно, для разработки в СССР лазерного оружия. И Спор призадумал-

ся, не следует ли ему, действительно, заручиться официальной экспортной лицензией. В мае он обратился за разрешением на продажу Советскому Союзу сорока четырех отражателей небольшого размера, не упоминая о пятнадцати крупных, тоже заказанных ему. Летом была готова первая партия; Спор и его жена Фрэнсис отослали ее Веберу в сопровождении накладной, где, дабы не возбуждать подозрений, была указана невероятно заниженная стоимость изделий — менее 500 долларов. Вебер немедленно переправил полученный товар в Москву.

В октябре Министерство торговли, основываясь на "соображениях национальной безопасности", категорически отказало Спору в выдаче экспортной лицензии по его майскому заявлению. Крайне недовольный таким правительственным вмешательством в его частный бизнес, Спор договорился с Вебером об отправке Советам очередных 29 отражателей через промежуточного получателя, находящегося в Швейцарии. На этот раз он вновь указал в накладной смехотворную сумму порядка пятисот долларов.

В действительности стоимость отправляемых им изделий составляла около 40 тысяч, да и это была ничтожно малая цена, если учитывать выгоды, получаемые Советами в результате такой сделки. Они дали понять Веберу, что отражатели представляют для них большой интерес. Но для массового производства лазерного оружия и проведения широкой научно-исследовательской работы в этой области они нуждались в тысячах таких отражателей, их уже не устраивали те крохи, что они могли получать по тайному каналу Калифорния—Западная Европа—Москва. Насколько известно, Советы предложили Спору полтора миллиона за раскрытие разработанной им технологии и передачу необходимого полировального оборудования.

Как раз в это время один из бывших помощников Споры, приглашенный им в связи с выполнением крупного советского заказа, поставил ФБР в известность о незаконной отправке отражателей за границу. 9 марта 1978 года Министерство торговли и таможенные власти сообщили супругам Спор, что начато расследование их деятельности с целью привлечь их к судебной ответственности. Федеральное Большое жюри предъявило им обвинения в антигосударственном сговоре, представлении правительству ложных сведений и незаконной

поставке лазерных отражателей Советскому Союзу. Спор защищался находчиво и убедительно. Он говорил о себе как об упорно работающем мелком предпринимателе, который достиг успеха благодаря собственным незаурядным способностям, но стал жертвой бездушной, давящей все живое бюрократии, которая даже не в состоянии проанализировать существо дела. Зеркала представляют собой абсолютно невинный товар, не имеющий военного значения, да Спор к тому же и не знал, что они предназначаются для Советов.

Ввиду сугубо технического характера деятельности супругов Спор им, вероятно, удалось бы избежать ответственности, если бы в судебном разбирательстве не участвовал помощник прокурора США Теодор Вай Ву. По происхождению китаец, Вай Ву прибыл в США девятилетним мальчиком вместе с матерью и сестрой. Дом семьи Ву на родине был конфискован японцами. Семья высадилась на американском берегу без всякого имущества и без гроша в кармане. Но в Соединенных Штатах молодой Ву пошел учиться в школу, в дальнейшем пробил себе дорогу в военно-морскую академию, шесть лет служил после этого офицером флота и, наконец, закончил еще юридический факультет. Через несколько лет после выпуска он оставил многообещающую частную практику, чтобы перейти на государственную службу. Горячий патриот Америки, он объяснял свое решение так: "Мы приехали сюда нищими. Эта страна дала мне свободу и открыла передо мной широкие возможности. Я в неоплатном долгу перед Америкой!"

Как бывший офицер флота, Ву отлично разбирался в технических тонкостях изобретения Спора и его деятельности. В противовес любому доводу подсудимого он выдвигал опровергающий документ или соответствующего свидетеля. По инициативе Ву свидетелем обвинения выступил на суде Вольфганг Вебер, которому в обмен за его помощь было гарантировано освобождение от судебного преследования.

12 декабря 1980 года Федеральное жюри признало Уолтера Спора виновным по пяти пунктам обвинения, а Фрэнсис Спор — по одиннадцати. В конечном счете Уолтер получил шесть месяцев тюрьмы, а его жена была приговорена к пяти годам условно. Оба должны были сверх того отработать 500 часов на общественных работах. На их фирму был наложен штраф в размере ста тысяч долларов.

Теодор Вай Ву одновременно принял участие в распутыва-

нии еще одного дела, где оказался непосредственно замешан КГБ. По своим масштабам и важности оно, безусловно, превосходило дело супругов Спор.

В 70-х годах Советы столкнулись с серьезными трудностями при налаживании производства интегральных схем и микрокомпьютеров. Используя полупроводниковые приборы и иную технологию, купленную или выкраденную в Соединенных Штатах, они ухитрились скопировать две современные модели компьютеров фирмы Ай-би-эм. Но для создания технической базы, позволяющей производить перспективные виды вооружения, начиненные микроэлектроникой, СССР должен был наладить массовое изготовление собственных полупроводниковых устройств, надежных и эффективных. Перед КГБ была поставлена грандиозная задача: заполучить все виды новейшего американского оборудования и технологии, необходимые для создания на советской территории современного завода по производству интегральных схем и микрокомпьютеров — копии соответствующего передового американского предприятия.

20 июня 1977 года Соединенные Штаты получили первое предостережение относительно такой операции, начатой Советами. Это было анонимное письмо на немецком языке, адресованное американскому консульству в Дюссельдорфе. Автор письма утверждал, что ряд американских компаний, образующих группу под условным коммерческим названием "Калифорнийская технологическая корпорация" (КТК), фальсифицирует экспортную документацию и нелегально отправляет промышленное оборудование (подпадающее под действие официального эмбарго), в страны, куда поставка этого оборудования категорически запрещена. В письме говорилось, что таким образом уже удалось незаконно переправить за границу подводный локатор (сонар) и запчасти к нему. Однако, подчеркивал автор письма, главная цель состоит в нелегальном снабжении советского блока "полным комплектом оборудования для производства полупроводников, интегральных микросхем и проч., т.е. таким комплектом, какой можно заполучить только в США".

Анонимный автор письма полагал, что руководителем группы КТК, ответственным за осуществление всего предприятия, является немец из Западной Германии, живущий в США, в местности, название которой звучит как "Маринабэй".

Следующее анонимное письмо было получено тем же консульством 11 февраля 1978 года. В нем перечислялись шесть американских и европейских фирм, входящих в группу КТК, которым уже удалось переправить значительную часть стратегически важного оборудования в страны Восточного блока по нелегальным каналам, ведущим через Западную Германию и Швейцарию. Это оборудование изготовлено американскими фирмами Ай-би-эм, "Рэйдио-Корпорейшн оф Америка", "Хьюлетт-Паккард", "Тектроник" и "Вариан" (заводом последней фирмы, находящимся в Пало Альто). Приводились в письме и другие факты, которые сравнительно легко было проверить.

Письмо было переведено на английский и переслано в отдел экспортных лицензий Министерства торговли. Статут этого отдела позволял ему пользоваться услугами ФБР, таможенной службы и Министерства обороны. Но именно он отвечал в конечном счете за соблюдение законов и экспортных правил, и расследование всех сомнительных случаев предпринималось только по его инициативе: если он не считал нужным вмешиваться, ничего вообще не предпринималось.

Хотя в 70-х годах утечка американской технологии за рубеж достигла масштабов, невиданных в истории, еще в 1978 году в отделе насчитывалось менее десятка инспекторов, а весь его штат не достигал тридцати пяти человек. Лишь немногие из них имели достаточный опыт работы, — например, в области борьбы с контрабандой, или в области научно-технического шпионажа, либо контрразведки.

Вплоть до весны 1979 года Министерство торговли стремилось скорее всеми силами способствовать "разрядке", чем пресекать утечку секретной технологии в страны советского блока, что могло быть расценено как "опасные редидивы холодной войны".

Между тем элементарное, но компетентное расследование сразу вскрыло бы такие факты: Калифорнийская технологическая корпорация и прочие фирмы, входящие в эту группу и перечисленные в анонимном письме, объединены общим руководством. Их руководителем является Вернер Юрген Брухгаузен, гражданин ФРГ, проживающий не в "Маринабэй", а в Марина дель Рей, в штате Калифорния. Все эти фирмы существуют лишь на бумаге, ни одна из них не располагает каким бы то ни было видимым имуществом, ни одна не за-

нимается деятельностью, отвечающей ее названию. В Лос-Анджелесе главой тамошнего "филиала" КТК является Анатолий Малюта (он же — Тони Метц), родившийся 25 января 1920 года в Харькове, а единственной служащей "филиала" — Сабина Дорн Титтель, молодая немка, числящаяся сотрудницей сразу нескольких фирм, входящих в эту мифическую группу.

Еще больше странностей обнаружилось бы при сколько-нибудь серьезном исследовании данного вопроса. Дело в том, что Брухгаузен считался главой или основателем шестнадцати различных компаний в Европе и Америке. Эти компании часто имели дело с Советами. К Малюте и Титтель то и дело поступали неизвестно откуда крупные суммы денег. Это следовало хотя бы из того, что в 1979 году Малюта семнадцать раз приобретал у фирмы "Джонатонс Койн, Инк." в Инглвуде (Калифорния) золотые и серебряные монеты и истратил в общей сложности свыше 190 тысяч долларов. В 1978-79 годах Титтель приобрела три дома и кооперативную квартиру, внося значительную часть их стоимости наличными, и потратила на эти цели около 180 тысяч. Кроме того, она купила себе шикарный "мерседес", выложив за него 40 с лишним тысяч.

Если бы эти факты стали известны Отделу экспортных лицензий, он бы, конечно, понял: что-то не в порядке с этой "группой КТК", Брухгаузенем, Малютой и Титтель. Такое убеждение, несомненно, заставило бы Отдел экспортных лицензий более серьезно отнестись к письму, полученному им в апреле 1979 года, — тем более что это было уже второе по счету письмо.

Одному из служащих правления фирмы "Перкин-Элмер" в Коннектикуте, Роберту Маркину, стало известно, что КТК заказала сложное оборудование для производства полупроводниковых элементов, стоимостью более 150 тысяч. Экспорт этого оборудования (технологической линии, известной под фирменным названием "Майкрелайн") в страны советского блока был запрещен, и вообще оно не могло вывозиться без санкции Министерства торговли. Маркин сообщил в это министерство, что, насколько ему известно, Советы так остро нуждаются в "Майкрелайне", что предлагали за него несколько миллионов. В связи с этим фирма "Перкин-Элмер" была вынуждена присмотреться к КТК поближе и пришла к выво-

ду, что под этой маркой скрывается группа дельцов, намеревающихся перепродать важное оборудование советскому блоку.

Неделю спустя представитель Отдела экспортных лицензий попросил у Малюты соответствующих разъяснений. Забавно, что КТК как раз в это время сменила название. Малюта прикинулся простаком, не разбирающимся во всех этих сложных экспортных правилах, и заявил, что вообще-то ему и не требуется в них разбираться, потому что его компания — очень скромная и маленькая и сама ничего не экспортирует. Он скорее играет роль брокера и подбирает поставщиков оборудования по просьбам иностранных заказчиков. Один из них, находящийся в Дюссельдорфе, захотел получить "Майкрелайн" для продажи какой-то западногерманской фирме. Нет, Малюта не располагает никаким документом на этот счет, заказ поступил по телефону. Но поскольку правительство США так обеспокоено этим делом, он, конечно, тоже начинает сомневаться, следует ли браться за него. Он, Анатолий Малюта, не желает принимать участие в каких бы то ни было сомнительных предприятиях. Похоже, ему придется аннулировать заказ на "Майкрелайн".

В мае фирма "Перкин-Элмер" сообщила Отделу экспортных лицензий, что этот заказ аннулирован, и было решено не предпринимать дальнейших действий с целью расследования.

Однако в январе 1980 года калифорнийская фирма "Ферчайлд" обратилась в Министерство торговли с таким запросом: что представляет собой Малюта и стоит ли заключать с ним договор на поставку полупроводникового оборудования стоимостью 740 тысяч долларов? Не прошло и месяца, как поступил запрос от Филипа Гора, руководителя службы безопасности компании "Уоткинс-Джонсон", тоже калифорнийской: "Объединение КТК часто меняет название, и нам кажется, что существуют какие-то особые причины, заставляющие их так поступать. Не можете ли вы установить их настоящее название, равно как и все предыдущие, и посоветовать, стоит ли иметь дело с этим странным клиентом?" В то же время Гор сообщал, что в коммерческом справочнике, изданном в январе 1980 года, КТК фигурирует как "поставщик разведывательной аппаратуры, обслуживающий армию, ВВС и Комиссию по использованию атомной энергии".

Отделу экспортных лицензий пришлось начать расследова-

ние этой истории, поручив его одному из опытнейших сотрудников — Роберту Райсу. Гор сообщил Райсу, что "Уоткинс-Джонсон" имеет невыполненных заказов Малюты на общую сумму почти в миллион долларов. Самый крупный из них — микроволновое приемное оборудование и антенна к нему, стоимостью 700 тысяч. Малюта заказал также микроволновый приемник стоимостью в 258 тысяч, заявив при этом, что он будет эксплуатироваться в составе системы оповещения на армейской базе Форт-Хуачука в Аризоне. Однако Гор сомневается, чтобы в таком медвежьем углу целесообразно было устанавливать столь сложное и совершенное оборудование. Да и вообще Гора не могло не беспокоить то обстоятельство, что такая несолидная фирма, уже не впервые меняющая название, ворочает столь крупными капиталами и, главное, все время стремится закупать ультрасовременное оборудование, не считаясь с ценой.

От Гора, работавшего в Пало Альто, Райс помчался в расположенный неподалеку Саннивейл и там узнал нечто такое, что его еще больше встревожило. Он встретился с Робертом Чемберленом из "Эплайд Материалз". Эта организация являлась торговым представителем фирмы "Газоникс", одной из немногих в мире, занятых производством окислительных установок высокого давления. Такие установки (известные под фирменным обозначением "Гипокс") обеспечивают контроль за составом атмосферы и температурный контроль в процессе превращения пластинки кремния в "вафлю" или "чип" — основу для нанесения интегральных схем. Без "Гипокса" производство таких элементов невозможно, и весь цех, предназначенный для изготовления микросхем, будет обречен на простой. Чемберлен сообщил, что Малюта заказал два "Гипокса" и, когда от него потребовали указать конечное их назначение, заявил, что обе установки будут использоваться исключительно его компанией, — здесь же, в Калифорнии.

В тот же день Райсу удалось побеседовать с Монте Тулом, президентом фирмы "Газоникс". Тот сообщил, что Малюта отказался сообщить, на каком предприятии он намерен использовать "Гипоксы", и сказал только, что они предназначены для сугубо секретного производства в Форт-Хуачуке, в штате Аризона.

На запрос Райса офицер контрразведки с армейской базы

Форт-Хуачука ответил, что там никто ничего не заказывал Малюте, никогда не имел с ним дела и даже это имя он впервые слышит.

Прибыв в Лос-Анджелес, Райс кратко доложил о результатах своих розысков помощнику прокурора США — Теодору Вай Ву. Оба понимали, что Министерство торговли не в состоянии взять на себя всестороннее расследование этого дела, которое к тому же требовалось начать безотлагательно.

Махнув рукой на ведомственные барьеры и бюрократические правила, Ву связался с Кеннетом Инглби, калифорнийским уполномоченным таможенной службы, и заручился его согласием подключить к делу 15 специалистов-таможенников. Четверых опытных ревизоров обещало предоставить Управление государственных доходов. Все эти люди были специалистами по расследованию самых сложных злоупотреблений. Кроме того, они были уполномочены в необходимых случаях производить аресты и даже пускать в ход огнестрельное оружие.

Чтобы собрать неопровержимые улики, Ву решил, что он даст Малюте возможность некоторое время продолжать отправку оборудования за границу и с помощью западногерманских властей проследит за путями его следования.

25 марта 1980 года "Газоникс" уведомил, что две установки "Гипокс", заказанные Малютой, отгружены, но Малюта сообщил, что его завод, для которого они предназначались, как на грех пострадал от пожара, и ему придется какое-то время подержать их на складах транспортной конторы "Камино Интернейшнл Транспорт" в Инглвуде. Туда они и были доставлены.

Компания "Камино" охотно согласилась сотрудничать со следователями. От нее стало известно, что по требованию Малюты 5 мая она доставила ящики с "Гипоксами" в Лос-Анджелесский международный аэропорт. В сопроводительных документах значилось, что груз представляет собой "печи" стоимостью 3445 долларов, предназначенные для западногерманской фирмы. Место назначения — Бад Рейхенхаль.

Малюта, безусловно, нарушил действующие законы, прибегнув к фальсификации и занижив стоимость отправляемого за границу оборудования более чем в 70 раз. Так что Ву уже имел формальные основания возбудить против него судебное дело. Однако вместо этого Ву уведомил Отдел экс-

портных лицензий, что намерен вытащить "Гипоксы" из ящиков и вместо них засыпать туда песок, чтобы вес сошелся. Отдел экспортных лицензий заявил, что не станет оплачивать перевозку песка по воздуху да еще на такое большое расстояние. Таможенной службе пришлось принять этот расход на себя.

Самолет "Люфтганзы" доставил мнимые "Гипоксы" в Мюнхен. Отсюда ящики были переброшены в Вену — промежуточному получателю, представителем которого был назван некий Дитмар Ульрихсгофер. По его требованию "Гипоксы" должны были отсюда лететь в Амстердам. Голландская авиакомпания КЛМ бралась отправить их из Вены 6 июня, рейсом 940. В Амстердаме их предполагалось перебросить на борт советского авиалайнера, который летит в Москву 7 июня, рейсом 702; в Москве груз примет внешнеторговое объединение "Машприборинторг".

Однако в ночь с третьего на четвертое Ульрихсгофер проник в Вене на погрузочную площадку, где мирно стояли ящики, и вскрыл один из них, чтобы вложить туда инструкцию по эксплуатации "Гипоксов", только что полученную от Малюты. Ящик оказался набит песком. Утром 4 июня Ульрихсгофер распорядился не отправлять груз в Амстердам.

Между тем, подняв массу документов и изучив телетайпные сообщения, американские и западногерманские таможенники установили, что все оборудование, нелегально отправленное Малютой из США, теми ли иными путями доставалось в конечном счете советскому блоку. Было окончательно установлено, что Малюта почти триста раз производил отправку запрещенного к вывозу оборудования, главным образом электронной техники и оснащения для заводов полупроводникового производства, на общую сумму более десяти с половиной миллионов долларов.

Малюта и Титтель, взятые под наблюдение, были арестованы 19 августа 1981 года — в тот момент, когда они садились в Палм Десерте в машину, собираясь отъехать. В машине было обнаружено три пистолета.

Суд приговорил Малюту к пяти годам тюрьмы и 60 тысячам долларов штрафа. Титтель получила два года и была оштрафована на 25 тысяч. Брухгаузен и его австрийский сообщник Ульрихсгофер предстали перед судом в своих странах.

Так была пресечена операция КГБ, проводившаяся с небы-

валым даже для этого ведомства размахом. Правда, пресечь ее удалось лишь в тот момент, когда уже вполне обозначился беспрецедентный успех Советов.

По мнению д-ра Лары Бейкер из Лос-Аламосской национальной лаборатории, Советы успели заполучить все, что им было нужно для создания собственного производства современных полупроводниковых систем. Достаточно сказать, что им удалось завезти к себе даже оборудование для герметичной упаковки готовых микросхем. Завод, который они, по-видимому, оснастили всем этим оборудованием, конечно, не очень велик, зато он способен выдавать первоклассную продукцию.

Д-р Бейкер добавляет, что благодаря такой тщательно спланированной операции СССР предусмотрительно обеспечил себя всеми видами оборудования не в одном экземпляре, а в четырех. Следовательно, некоторое время он сможет не беспокоиться о запчастях, и на случай, если какой-нибудь технологический участок вдруг выйдет из строя, найдется чем его заменить. Вот таков их завод полупроводниковой техники: "сделан в Америке, доставлен КГБ, смонтирован в СССР".

Занимаясь таким "технологическим грабежом", КГБ нередко действует под ложной вывеской — та же практика, какую Станислав Левченко применял в Японии.

Одну из наиболее успешных операций такого рода на протяжении нескольких лет осуществлял в США Яков Кельмер, гражданин Израиля. Получив степень магистра после окончания Ренселского политехнического института, где он специализировался по электронике, Кельмер вернулся в Хайфу и основал там компанию "ДЕК Электроникс", якобы для того, чтобы представлять в Израиле ряд американских фирм.

Министерство торговли Соединенных Штатов разрешило ему приобретать высокочастотные осциллографы американского производства, которые могут использоваться при испытании ядерного и лазерного оружия и другого военного снаряжения. Кельмеру удалось убедить Министерство, что осциллографы заказываются израильскими потребителями. В действительности они переправлялись из Хайфы в Вену, где исчезали бесследно — по всей видимости, уходили в страны советского блока. Поскольку Кельмер отказался дать сведения об их конечном назначении, в 1972 году Министерство

торговли аннулировало выданное ему разрешение на вывоз приборов.

Прошло несколько месяцев. К Питеру Вирагу, по происхождению венгерскому еврею, который когда-то эмигрировал в Канаду и теперь имел в Монреале юридическую контору, явился один из приятелей, приехавший из США. Приятель рассказал, что его кузен, служащий израильской армии, хотел бы без особой огласки приобрести кое-какое электронное оборудование. Не возьмется ли Вираг посодействовать ему в этом? Вираг согласился повидаться с "кузеном". Им оказался Кельмер. "Готовы ли вы помочь Израилю?" Вираг ответил, что, безусловно, готов.

Как юристу, Вирагу без труда удалось основать новую компанию — "Де Вими Тест Лаб". Считалось, что она будет заниматься изготовлением и испытаниями интегральных схем.

Вираг объяснял всем и каждому, что компания основана на деньги его европейских партнеров, являющихся совладельцами нового бизнеса, а также на ссуду, полученную от Нью-Йоркского банка, и что под Монреалем уже арендован участок земли для строительства будущего завода компании.

Для этого завода Вираг начал закупать в США оборудование, руководствуясь указаниями Кельмера, а поскольку американские фирмы имеют право поставлять заказчикам в Канаде даже стратегические товары, не испрашивая экспортной лицензии, он без труда получал все, что заказывал. Для оплаты покупок Советы снабжали его деньгами, происхождение которых было трудно установить, даже если бы кто-то заинтересовался им: деньги поступали от двух швейцарских банков.

Вирагу первому удалось приобрести у калифорнийской фирмы-изготовителя установку для получения арсенида галлия, который используется в микроволновых приемопередающих устройствах. Эта установка была без промедления отправлена в Амстердам, откуда ее перебросили в Восточный Берлин. Когда представитель калифорнийской фирмы прибыл в Монреаль, чтобы помочь в монтаже установки, Вираг ему заявил, что по причинам финансового порядка завод решено строить не в Канаде, а в Нидерландах.

Следуя указаниям Кельмера, Вираг продолжал закупать оборудование, необходимое СССР для производства полупроводниковой техники. У фирмы "Джи-си-эй" в Бедфорде

он приобрел, выложив несколько сот тысяч долларов, одну из самых совершенных в мире фотокопировальных установок для получения микросхем на полупроводниковых кристалликах.

Обычно "Джи-си-эй" направляет своих специалистов, чтобы помочь покупателям в наладке фотокопировальной установки, однако Вираг отказался от этих услуг. Он объяснил, что приобретенное им оборудование будет храниться на складе, пока не завершится строительство завода. На следующий день после того, как фотокопировальная установка была доставлена автофургоном в Монреаль, Вираг и "майор" Кельмер (как он представился своему канадскому партнеру) отправили ее в Амстердам. Отсюда ее предполагалось переправить в Прагу.

За сорок тысяч Вирагу удалось купить автомат для проверки контактных точек на полупроводниковых пластинках и через тот же Амстердам перебросить его в Варшаву.

Трудно сказать, было ли известно Вирагу, что все его покупки попадают через Западную Европу не в Израиль, а в СССР. Но, так или иначе, на протяжении 1973-77 годов они с Кельмером поставили Советам основное оборудование для полупроводникового производства, притом лучшее из того, что можно было найти в Соединенных Штатах. Их деятельность могла бы продолжаться еще долго, если бы их не подвели несуразные советские аппетиты.

Фотокопировальная установка фирмы "Джи-си-эй" произвела в СССР такое впечатление, что Советы потребовали второй экземпляр. Пришлось вторично обращаться к той же фирме, однако той вздумалось задавать нескромные вопросы. Что случилось с первой установкой? Почему Вираг не просил обычной помощи завода-изготовителя в ее наладке? Вираг ответил, что завод еще не пущен. В таком случае, зачем ему вторая точно такая же установка? Не удовлетворившись его разъяснениями, "Джи-си-эй" в начале 1977 года сообщила о возникших у нее подозрениях Министерству торговли. Начатое расследование быстро навело на след Кельмера.

Правда, Советы не были особенно обескуражены тем, что канадский канал оказался перекрыт. Они просто организовали другую цепочку — через Брухгаузена и Малюту. Несомненно, нашлись у них и иные запасные варианты. Масштаб ущерба, понесенного при этом Соединенными Штатами, можно

охарактеризовать следующей цитатой из аналитического отчета, выполненного ЦРУ и представленного постоянной контрольной комиссии Сената:

”Западное оборудование и технология сыграли очень важную, если не решающую роль в прогрессе советской микроэлектронной промышленности. Иными словами, этот прогресс можно рассматривать как результат более чем десятилетней успешной деятельности по приобретению в странах Запада сотен единиц оборудования, общей стоимостью в несколько сот миллионов долларов, для оснащения советских заводов, ориентированных на военные нужды. Приобретение оборудования осуществлялось незаконными методами, в том числе тайно.

Указанная деятельность позволяла Советам систематически развивать производство микроэлектронной техники, которая представляет собой необходимую основу для удержания всей советской военной техники на передовом уровне в течение ближайших десятилетий. Приобретенное оборудование и технологические секреты в общей сложности достаточны для того, чтобы полностью покрыть советские потребности в высококачественной микроэлектронике военного назначения и на 50 процентов в микроэлектронике вообще”.

Соединенные Штаты далеко опередили весь остальной мир и в искусстве разработки программ для компьютерной техники (по мнению ряда экспертов, даже Япония отстает от них в этой области на несколько лет). Между тем дальнейшее развитие компьютеров в значительной мере зависит именно от эффективных методов программирования. Ликвидация отставания СССР и в этой области также стала неотложной заботой КГБ.

Компания ”Софтвэр” в Рестоне (штат Вирджиния) разработала систему программирования ”АДАБЕЙС”, содержащую двести тысяч детальных приемов для программистов. По утверждению президента компании Джона Магайра, ”АДАБЕЙС” повышает эффективность компьютерных систем хранения и выдачи информации чуть ли не вдесятеро. ”АДАБЕЙС” может быть приобретена у компании за 160 тысяч долларов.

Однако покупатель, выложив эту сумму, получает только возможность освоить и с выгодой для себя использовать ”АДАБЕЙС”, но не в состоянии воспроизвести исходные

принципы кодирования и машинной логики, положенные в основу этой системы. Таким образом, она, подобно ряду других систем программирования, не поддается раскрытию на основании приемов ее использования. Магайр для наглядности сравнил ее с "кока-колой": никто из тех, кто ежедневно пьет этот популярнейший напиток, тем не менее не в состоянии расшифровать его формулу, которая составляет секрет фирмы, и, следовательно, не может сам начать производить кока-колу. С другой стороны, владелец формулы может при необходимости изготавливать этот напиток в любых количествах.

Советы понимали, что, только овладев этим ключом к "АДАБЕЙСУ", они одним махом обеспечат своей компьютерной промышленности первенство на многие годы. В 1979 году Марк Дегейтер, бельгиец, специализировавшийся на промышленном шпионаже, пытался обхаживать Джеймса Эддиса, одного из директоров "Софтвэра", наряду с Магайром имевшего доступ к хитроумной засекреченной основе "АДАБЕЙСА". Эддису была предложена взятка в размере 150 тысяч долларов. Узнав об этом, ФБР попросило Магайра лично продолжить контакты с Дегейтером, чтобы не спугнуть того прежде времени.

Переговоры, действительно, затянулись, и через несколько месяцев Дегейтер, видимо, решил, что настала пора действовать "с обезоруживающей прямоотой". Он заявил, что Советы уполномочили его приобрести множество единиц современного оборудования, вернее, заполучить их у Соединенных Штатов любыми средствами. Среди объектов, значащихся в его перечне, вот уже три года фигурирует ключ к "АДАБЕЙСУ", но только сейчас его хозяева сообщили ему, что нужда в этом ключе сделалась совершенно неотложной.

Дегейтер настойчиво пытался уговорить Магайра совершить поездку в Брюссель, там поделиться с ним принципами кодирования и там же получить соответствующее вознаграждение. Магайр, напротив, настаивал, чтобы сделка состоялась в США, — поскольку в этом случае ФБР могло бы тут же арестовать Дегейтера. Ввиду упорства Магайра бельгиец повысил размер предлагаемого вознаграждения до двухсот тысяч долларов ("плюс некоторая недвижимость в Калифорнии") и заявил, что не исключает возможности выплаты даже четырехсот пятидесяти тысяч. Однако переговоры при-

шлось прервать, так как Магайр наотрез отказался ехать в Европу.

Вскоре после этого Дегейтер установил контакт с Чарлзом Матени, владельцем компьютерной фирмы в том же здании, где размещалась компания "Софтвэр", и попросил его помочь в приобретении заветного кода. Тот уведомил об этой просьбе ФБР, и сотрудники последнего под видом лиц, готовых совершить такую сделку, взяли на себя дальнейшие переговоры с Дегейтером. Советам так хотелось получить код, что Дегейтер в конце концов согласился приобрести его за наличный расчет на территории Соединенных Штатов.

В Нью-Йорке, в аэропорту Кеннеди, сотрудник ФБР вручил ему некое подобие этого кода и получил сумку с полумиллионом долларов. Тут же на Дегейтера были надеты наручники. Его доставили в тюрьму в Вирджинии, где в ходе допросов он признал себя виновным в нарушении экспортных законов и попытке вручить взятку.

Но Советы на этом не успокоились.

На двух промышленных выставках, проходивших летом 1981 года под Вашингтоном, офицер КГБ Георгий Веремей увивался у стендов компании "Софтвэр", усиленно расспрашивая ее сотрудников о системе "АДАБЕЙС", о логических и математических принципах ее построения. 25 сентября того же года Веремей неожиданно явился в управление "Софтвэра" в Рестоне. Представившись как работник советского посольства в Вашингтоне, он без обиняков заявил ответственному сотруднику компании Санди Льюису, что хотел бы получить перечень всей продукции, выпускаемой "Софтвэром", и документацию, имеющую отношение к этой продукции. Его спросили, с какой целью он запрашивает эти документы. Веремей сказал, что он "просто так интересуется" данной тематикой. На вопрос, каковы его функции в посольстве, он тоже не дал вразумительного ответа. Льюис вручил ему перечень изделий, — из тех, что рассылались всем клиентам компании, и бланк заказа, после чего Веремей удалился.

Через неделю он снова навестил "Софтвэр" и, ожидая Льюиса, ушедшего на ленч, расхаживал по помещениям, хотя клерк попросил его подождать, сидя в приемной. Вернулся Льюис, и Веремей предъявил ему заказ на всю документацию, прилагаемую компанией к своей продукции, — видимо, не вполне представляя себе, насколько велик объем этой

документации. Как пояснил Магайр, "речь шла, собственно, об инструкциях по эксплуатации различного оборудования, производимого нами. Такие инструкции получают клиенты, приобретающие или собирающиеся приобрести оборудование. Но, конечно, они могут интересовать и тех, кто собирается разрабатывать свои собственные устройства подобного назначения, пользуясь нашими техническими решениями".

Магайр предупредил Льюиса и других сотрудников, что компания "Софтвэр" не должна иметь никаких дел с Советами и не собирается им ничего передавать или продавать. Поэтому Льюис просто-напросто выпроводил Веремея, заявив, что, пока тот не представит лицензию на экспорт интересующего его оборудования, выданную правительством Соединенных Штатов, никакой документации он не получит.

По оценке Магайра, американские фирмы потратили на разработку системы "АДАБЕЙС" несколько лет и израсходовали на это в общей сложности не менее миллиарда долларов. Таким образом, выкладывая за то, что он считал вождельным ключом к "АДАБЕЙСУ", 500 тысяч, КГБ мог бы считать, что секрет программирования достался ему практически даром.

Но Советы нуждаются не только в оборудовании и системах программирования. Не менее важны для них и технологические секреты, которые они могут добыть, лишь насаждая своих агентов в американские лаборатории и промышленные центры. Поэтому большинство студентов из стран советского блока, прибывающих в США в порядке обмена, должно, по идее, попадать в университеты, тесно сотрудничающие с научно-исследовательскими учреждениям и промышленными компаниями и поэтому "идушие в ногу" с научно-техническим прогрессом. Одновременно КГБ все в большем масштабе засылает в США в целях промышленного шпионажа своих агентов под видом беженцев из коммунистических стран.

В феврале 1980 года ведущей американской электронной корпорации предложил свои услуги эмигрант из СССР Геннадий Попов.* Документы Попова свидетельствовали о солид-

* Поскольку расследование этого дела еще не закончено, нам приходится употреблять этот псевдоним вместо его настоящих имени и фамилии. Однако все детали данного советского предприятия, изложенные здесь, основаны на фактах и документах.

ной научно-технической подготовке, полученной им в СССР. Впечатление он производил самое благоприятное. Этот двадцатисемилетний молодой человек явно обладал незаурядными математическими способностями, имел степень доктора физико-математических наук и до эмиграции, работая в Институте прикладной механики, принимал непосредственное участие в разработке самой современной электронно-вычислительной техники, ведущейся Академией наук СССР. У него было около тридцати печатных научных работ и за свои научные заслуги Попов был представлен к государственной премии.

Более того, Попов специализировался по компьютерному проектированию, то есть именно в той области, где упомянутая американская корпорация является общепризнанным мировым лидером. Несмотря на отставание СССР в этой области, Попов, как выяснилось, обладал специальными теоретическими знаниями, не уступавшими уровню американских научных сотрудников, беседовавших с ним в связи с предполагаемым приемом на работу. Вдобавок он свободно владел англо-американским профессиональным техническим жаргоном. Это позволяло сторонам легко понимать друг друга, беседуя на узкоспециальные темы.

Но как бы эта корпорация ни хотела заполучить столь квалифицированного специалиста, у нее не могли не возникнуть к нему весьма каверзные вопросы и нешуточные сомнения. Обычно Советы не разрешают эмигрировать своим гражданам, проявившим такие способности к науке и получившим такое образование, как Попов. Между тем ему удалось получить разрешение на выезд без всяких осложнений и всего через три месяца после подачи заявления. И это несмотря на то, что его родители, брат, дедушка да и родственники жены оставались в Советском Союзе: Что, если КГБ попытается шантажировать его уже здесь, в Америке, оказывая соответствующее давление на его родных в СССР? "Они не станут этого делать", — туманно отвечал Попов.

Подвергнутый опросу с использованием детектора лжи, Попов не прошел это последнее испытание, и ему было отказано в приеме на работу, так как его близкие родственники проживают в коммунистической стране (Советском Союзе). Однако не обескураженный отказом Попов устроился в дру-

гую фирму, тоже передовую и тоже связанную с выполнением военных заказов. Но поскольку он до сих пор не совершил никаких порочащих его поступков, КГБ прекрасно понимал, что ФБР не имеет оснований для вмешательства.

Конечно, только самим Советам доподлинно известно, сколько научно-технических секретов и какие именно удалось им выкрасть в Соединенных Штатах. Но перечень их легальных заказов и закупок новейшей технологии позволяет судить о том, какими областями техники они особенно интересуются и, следовательно, в каких наиболее болезненно ощущают свое отставание. Это — компьютерная и лазерная техника и технология, оборудование и секреты производства электронной техники, авиационных турбореактивных двигателей, вплоть до турбинных лопаток и прецизионных зубчатых передач, ракетной техники, навигационных устройств, включая миниатюрные и лазерные гироскопы, оборудование для производства шарикоподшипников специального назначения, специальное сварочное оборудование, технология получения титановых сплавов, подводные акустические системы (сонары), радиолокационное оборудование ПВО, системы слежения за искусственными спутниками.

КГБ удалось выкрасть чертежи гигантского военно-транспортного самолета фирмы "Локхид" еще до начала его серийного выпуска в Соединенных Штатах, документацию, относящуюся к конструкции пусковых шахт ракет "Минитмен", по образцу которых в СССР были построены пусковые шахты для первых советских межконтинентальных ракет на твердом топливе ("СС-13").

Советские ракетные снаряды "САМ-7", сбившие немало американских боевых самолетов во Вьетнаме, были сконструированы явно по образцу американских ракет "Редай" того же назначения. Кража американских технических секретов позволила Советам решить проблему катапультирования самолетов с борта кораблей военно-морского флота, над которой безуспешно бились советские конструкторы.

Советы дополняли эту деятельность широкой легальной покупкой оборудования и технологии. С начала 70-х годов они заставили свою систему "активных мероприятий" неустанно внушать Западу, что Советский Союз представляет собой настоящее Эльдorado для любого коммерсанта и промышленника. Никсоновская администрация, опьяненная перс-

пективами якобы наступившей "разрядки", легко позволяла в ту пору советским научным работникам и инженерам посещать и детально осматривать американские секретные лаборатории и заводы, которые по сути должны были бы оставаться скрытыми от посторонних глаз.

Советские делегации регулярно посещали гигантские авиазаводы фирмы "Боинг" в Сиэттле, авиационный завод "Локхид" под Бербанком, рисуя местной администрации лучезарные перспективы миллиардных контрактов на поставку Советскому Союзу современных пассажирских самолетов. Чтобы решить, самолеты каких типов следует закупать, Советы, естественно, должны были ознакомиться со всевозможной технической документацией, характеризующей эту авиационную технику. И они получали такую документацию.

Как-то вечером, после конца рабочего дня, советский инженер проскользнул в гостиничный номер, занимаемый американским служащим, который был назначен сопровождать делегацию будущих покупателей. Инженер был нетрезв и сразу же выложил опешившему американцу, бегло говорившему по-русски: "Не будьте такими идиотами! Мы никогда не купим ваши самолеты, у нас на это нет денег. И потом — как же мы заставим всю Восточную Европу летать на наших самолетах, если сами будем покупать ваши? Мы здесь только для того, чтобы выведать ваши секреты!"

Действительно, Советы так никогда и не сделали попытки приобрести какой бы то ни было пассажирский самолет американской конструкции. Но десять лет спустя они начали наконец серийное производство своего первого широкофюзеляжного реактивного лайнера — "Ил-86", изрядно напоминающего наш "Боинг-747". Их новый транспортный самолет "Ил-76" сильно смахивает на "С-141" того же назначения, строящийся фирмой "Локхид".

С одобрения американского правительства ряд фирм поставил Советам оборудование для новых заводов, в том числе для КАМАЗа, сооружение которого обошлось в полтора миллиарда долларов.

"РИАД" — основная модель крупного современного компьютера, производимая странами советского блока, представляет собой копию американских ИБМ-360 и ИБМ-370. Кроме того, эти страны легально приобрели в общей сложности бо-

лее трех тысяч миникомпьютеров и используют их для военных целей.

Получая от Запада новейшее оборудование и технологию, Советы имеют возможность кое-как подравнивать под современный уровень свою неэффективную в целом, отсталую промышленную экономику, а это позволяет советской олигархии сохранять в неприкосновенности свою тоталитарную систему.

Занимаясь кражей американской технологии, гебисты действуют преимущественно с территории трех главных заповедников, отведенных для них в Соединенных Штатах. Это — советская миссия при ООН в Нью-Йорке, советское посольство в Вашингтоне, в пяти кварталах от Белого Дома, и консульство в Сан-Франциско. Резидентуры КГБ в этих трех пунктах представляют собой мощные шпионские гнезда, напоминающие по структуре резидентуру в Токио. Как и там, верхний этаж соответствующего здания набит электронной аппаратурой, а на крышах возвышается лес антенн.

Эта аппаратура служит КГБ для перехвата и записи тысяч частных американских телефонных разговоров. В настоящее время более половины всех телефонных контактов осуществляются с помощью микроволновых каналов связи. Записи разговоров (среди которых, разумеется, много случайных и представляющих интерес только для собеседников) поступают в компьютерные устройства, запрограммированные на отбор по заранее определенным телефонным номерам, принадлежащим фирмам, которые выполняют военные заказы, исследовательским лабораториям, учреждениям военного ведомства. Таким образом КГБ накапливает массу "производительной" информации. Последняя обобщается, сортируется и анализируется на досуге московским "центром". Если КГБ вдруг заинтересуется тем или иным конкретным американским гражданином, имеется полная возможность приглядеться к его личной жизни, введя в компьютерную систему целевого отбора информации номер его телефона.

Проблема такого телефонного шпионажа особенно актуальна для Калифорнии. Здесь в пределах досягаемости советского консульства в Сан-Франциско (для которого специально выбрано место на холмах высоко над городом) оказываются телефонные разговоры, ведущиеся далеко к югу, в "Силиконовой долине", где сосредоточено множество важ-

нейших исследовательских центров электронной и компьютерной промышленности.

Та же проблема возникнет и в Вашингтоне, когда Советы закончат здесь строительство нового здания своего посольства. Дело в том, что Госдепартамент близоруко согласился разрешить это строительство на Маунт Алто, то есть в самой высокой точке американской столицы. Отсюда КГБ сможет контролировать линии микроволновой связи между многими жизненно важными правительственными учреждениями США и перехватывать разговоры по этим линиям.

Перехват телефонных разговоров и все остальное, чем занимается КГБ в Соединенных Штатах, направлено в первую очередь на проникновение в американские спецслужбы, для того чтобы ослабить их, — в частности, путем вербовки их сотрудников. ЦРУ и ФБР представляют собой систему, оберегающую страну от происков КГБ, и ослабление этих ведомств — для Советов не менее важная задача, чем добывание всеми правдами и неправдами новейшей технологии.

Насколько мне известно, до сих пор не наблюдалось — или почти не наблюдалось — случаев, когда бы кто-то из сотрудников американских секретных служб стал работать на КГБ из побуждений идейного порядка.

В 1960 году в Советский Союз бежали два сотрудника Агентства национальной безопасности — Бернон Мичелл и Уильям Мартин. Оба испытывали в США "трудности материального характера" и еще некоторые специфические "неудобства", связанные с тем, что оба были гомосексуалистами, а в США этот грех тогда очень еще порицался.

Некоторые сотрудники ФБР в начале 60-х годов имели основание подозревать, что КГБ завербовал одного из их коллег, работавшего в Нью-Йорке, однако доказать это с полной несомненностью не удалось. Подозреваемый отрицал все предположения о его связи с КГБ, и к моменту его выхода в отставку так ничего и не прояснилось.

В 1966 году, находясь в служебной командировке по заданию Агентства национальной безопасности, установил контакты с КГБ сержант американской армии Рой Родс. Обнаружив, что за ним ведется наблюдение, Родс покончил с собой и таким образом избежал ареста и следствия. ФБР установило, что КГБ выплатил ему приблизительно 30 тысяч долларов наличными.

В 1968 году руководство ЦРУ заставило подать в отставку сотрудника этого ведомства Филипа Эджи. Причин для этого было достаточно: Эджи любил выпить, поволочиться за женщинами — сотрудницами посольства, где он бывал, к тому же он погряз в долгах. После ухода со службы он ожесточился и начал предлагать свои услуги сначала кубинской разведке, а затем и КГБ. Кажется, он объявил себя коммунистом. Во всяком случае, он сделался убежденным идеологическим противником Соединенных Штатов и открытым союзником КГБ, — но, к счастью, это превращение произошло — а быть может, и началось, — уже после того, как он ушел из ЦРУ.

Наибольший урон ЦРУ понесло не от действий КГБ, а в результате неожиданного, мягко говоря, поведения своих же бывших сотрудников. Одним из таких оригиналов оказался Уильям Кампилес.

Кампилес рос сиротой. Отец его рано умер, и мать, служащая кафетерия, выбивалась из сил, лишь бы удовлетворить все желания и прихоти своего единственного сына. Поступив в университет штата Индиана, Кампилес учился очень неплохо. Показательно, однако, что однокурсники считали его ловкачом или, как выражались некоторые, "хитрожопым". Находясь на последнем курсе, он предложил свои услуги ЦРУ: его обуревало желание "стать настоящим шпионом".

Процесс его оформления и необходимой проверки занял более года, и Кампилесу пришлось ждать до марта 1977 года, пока наконец не началась его работа в ЦРУ. Он надеялся, что его направят в Отдел секретных операций, занимающийся сбором разведывательной информации по всему миру и борющийся с происками КГБ. Вместо этого после непродолжительной стажировки он был направлен в Контрольный центр при штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния.

Работая круглосуточно и без выходных дней, Контрольный центр принимает текущие рапорты и сообщения от ячеек ЦРУ, рассеянных по всему земному шару. Дежурная смена Контрольного центра обязана оценить каждое из этих сообщений по степени важности и определить, куда и кому его следует передать, кто должен быть с ним ознакомлен. Таким образом, это учреждение представляет собой звено, посредством которого в чрезвычайных случаях осуществляется деловой контакт между разведывательной сетью Соединенных Штатов, Белым Домом, Госдепартаментом и Пентагоном.

Возможно, работа здесь и была бы способна кого-то воодушевлять, — но только не Кампилеса, который находил ее редкостью нудной. Он мечтал о карьере Джеймса Бонда, а тут приходилось, что называется, перебирать бумажки. Начальство тоже было не в восторге от сотрудника, едва соответствующего предъявляемым требованиям и работавшего с прохладцей. Также и на другом, сугубо личном, фронте его постигали неудачи: хотя он воображал себя чуть ли не Казановой, девушки из числа его коллег почему-то отвергали его ухаживания.

Поскольку служебные качества Кампилеса оценивались начальством очень сдержанно, его попытки перевестись в Отдел секретных операций ни к чему не привели. И в начале 1978 года, не пробыв в ЦРУ и года, Кампилес решил, что с него достаточно, и уволился.

Любой работник Контрольного центра имеет доступ к небольшой подручной библиотеке — набору совершенно секретных справочников, помогающих ориентироваться в потоке донесений, поступающих со всего света. Возможно, эти справочники следовало бы считать сверхсекретными и не держать на полках, доступных любому сотруднику и в любое время суток. Но, с другой стороны, весь персонал Контрольного центра в силу своих служебных обязанностей должен иметь доступ к совершенно секретным материалам...

На протяжении нескольких месяцев, предшествовавших его уходу из Контрольного центра, Кампилес ежедневно изымал из разъемной папки, содержащей один такой справочник, несколько листов, прятал их и уносил домой.

Потеряв работу и потерпев фиаско в намеченной для себя карьере шпиона, Кампилес в конце февраля 1978 года отправился в рискованную экспедицию, вполне достойную настоящего шпиона. Он прибыл в Афины, зашел в советское посольство и предложил сделку. Ему удалось раздобыть совершенно секретные материалы, используемые ЦРУ, и он готов их продать.

Принявший его работник посольства отнесся к этому предложению скептически. Кагебистам уже осточертели подобные "коммивояжеры", тем более что многие из них оказывались агентами иностранных контрразведывательных служб. Кампилесу было сказано, что так сразу невозможно составить представление о ценности его документации, поэтому желательно,

чтобы он оставил принесенный материал в посольстве, а через два дня в городском парке встретился с тем же работником посольства для окончательного разговора.

По-видимому, офицерам "линии X" афинской резидентуры не достало опыта, чтобы оценить документы, предлагаемые Кампилесом. Может быть, они не вполне четко охарактеризовали их в донесении, которое, безусловно, было отправлено по этому случаю в "центр". Нельзя исключить и того, что Советы усомнились в их подлинности. Но, так или иначе, они не оценили сразу всей важности доставшегося им материала. Потому что явившийся в парк работник посольства вручил Кампилесу всего три тысячи долларов и упирал в беседе главным образом на то, как важно, чтобы Кампилес попытался снова поступить на службу в ЦРУ.

Впрочем, аналитики в московском "центре" быстро извлекли из полученных документов информацию, позволившую раскрыть сразу два американских секрета, до того ускользавших от внимания Советов. Кампилесом были похищены страницы того справочника, из которого можно было узнать подробности функционирования американского разведывательного спутника КГ-11.

Раньше советские специалисты считали, что американские спутники такого назначения, подобно их собственным, периодически сбрасывают кассеты с фотоснимками, которые либо подхватываются специальными самолетами в воздухе, либо отыскиваются после падения на землю и поспешно доставляются в лабораторию для проявления и анализа. Теперь, к немалому удивлению этих специалистов, выяснилось, что КГ-11 постоянно передает изображение того участка земной поверхности, над которым в данный момент проходит, непосредственно в американский разведцентр. Все, что "видят" его камеры, сразу же могут увидеть и аналитики в Вашингтоне.

Второй секрет оказался столь же невероятным. Снимки, сделанные спутниками, Соединенные Штаты годами не допускали к опубликованию без основательной ретуши, которая должна была скрыть поразительно высокую разрешающую способность американской фотоаппаратуры и тем самым ввести в заблуждение советских специалистов. Советы камуфлировали свои межконтинентальные ракеты под дымовые трубы химических и прочих предприятий. С этой целью они раскрашивали носовые конусы этих ракет так, чтобы

сверху они выглядели как отверстия труб. Теперь КГБ узнал, что фотокамеры, установленные на КГ-11, не удавалось обмануть столь жалкой уловкой: они фиксировали даже отставшие чешуйки краски на этих носовых конусах.

Прошел какой-нибудь месяц, и американские специалисты, занятые оценкой разведывательной информации, получаемой от спутников, заметили признаки какой-то новой, необычной и весьма подозрительной советской активности. Над каким бы участком советской территории ни появлялся КГ-11, повсюду он обнаруживал энергично проводимые мероприятия по маскировке определенных объектов: самолеты поспешно заводились в ангары, над пусковыми шахтами ракет лихорадочно натягивались маскировочные сети. Стало ясно, что, по-видимому, в руки КГБ попал справочник, относящийся к космической разведке. Предстояло выяснить, как это могло случиться, и ФБР немедленно начало расследование.

Между тем Кампилес, вернувшись в родную Индиану, положил три тысячи, полученные от Советов, в банк на счет, принадлежащий его матери. Будучи ловким шпионом, он не мог позволить себе даже пустячного промаха. Вдруг деньги окажутся фальшивыми? Глупо было бы погореть из-за подобной мелочи.

Кампилес был также достаточно проницательным, чтобы предположить, что в случае приема его обратно в ЦРУ ему придется первым делом пройти проверку на детекторе лжи, и уж, конечно, он не избежит стандартного вопроса: "Не было ли у вас контактов с Советами?" Предвидя это, он заранее сообщил сотруднику ЦРУ Джорджу Джоаннидесу, что встретился с советскими в Афинах, чтобы их одурачить, всучить им некую ложную информацию, и ему удалось провести их и получить три тысячи долларов. Теперь, пояснил он, налицо все необходимые условия, чтобы провести соответствующую операцию (так называемую "разведигру") с его участием и окончательно надуть Советов.

Одним из ограничений, наложенных Конгрессом Соединенных Штатов на деятельность ЦРУ в 70-е годы, был запрет вести следствие по делу какого бы то ни было американского гражданина на территории США, если этот гражданин не является сотрудником самого ЦРУ. Поэтому, чтобы получить компрометирующий Кампилеса материал, который можно

было бы передать ЦРУ как основание для просьбы о начале расследования, Джоаннидес потребовал у Кампилеса письменное изложение его действий в Афинах. ФБР подключило к расследованию одного из опытейших контрразведчиков, и тому удалось получить от Кампилеса признание того, как все происходило на самом деле. Хотя в дальнейшем Кампилес спохватился и начал все отрицать, суд признал его виновным в шпионской деятельности и приговорил к длительному тюремному заключению, которое он ныне отбывает.

Кампилеса толкнули на преступление его эгоцентризм и самовлюбленность. Совсем иные чувства — отчаяние в сочетании с жадностью — оказались причиной падения другого бывшего сотрудника ЦРУ, Дэйвида Генри Барнетта. Организуя собственное предприятие, он залез в такие долги, что, как ему представилось, у него остался один-единственный выход. В октябре 1976 года, воскресным днем, он нанес визит советскому атташе по вопросам культуры в Джакарте и вручил ему напечатанную на машинке записку, где говорилось, что он готов сообщить КГБ все, что знает о ЦРУ, но это будет стоить 70 тысяч долларов.

Барнетт мог поведать КГБ, в сущности, немало интересного. Он был внештатным сотрудником ЦРУ на Дальнем Востоке с 1958 по 1963 год, после чего его приняли в штат. Два года он работал в Корее в качестве тайного агента, еще два года пробыл в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли и, наконец, был назначен в Сурабайю, в Индонезию. Так как ЦРУ не проводило там никаких операций, которые были бы направлены против дружественной Индонезии, то работа в этой стране была совсем необременительной и сводилась главным образом к оценке советских действий и попыткам проникнуть в планы Советов. Соответственно и шансы на продвижение по службе оказывались незначительными, и Барнетт решил, что заработает куда больше денег, выйдя в отставку и организовав собственное дело. В 1970 году он так и поступил, но ни рыбоконсервный завод, основанный им, ни дальнейшие подобные начинания не приносили ничего, кроме убытков, и вскоре он оказался на грани разорения.

Хотя атташе по вопросам культуры не был работником КГБ, Барнетт полагал, что он, не предавая дело огласке, передаст его предложение кому следует. В следующее воскресенье Барнетт снова появился в доме атташе, за ним заехал

офицер КГБ, представившийся просто как Дмитрий, и в машине они заговорили о деле. Дмитрий внимательно выслушал, какие финансовые затруднения испытывает его собеседник и что примерно он может рассказать об операциях ЦРУ, и предложил встретиться через две недели. Во время этой встречи Барнетт начал называть известных ему сотрудников и агентов ЦРУ и получил от Дмитрия 25 тысяч долларов наличными.

25 февраля 1977 года он вылетел в Европу, получив подробные наставления и три тысячи на дорожные расходы. В Вене он встретился с сотрудником КГБ, который повез его за город, в безопасное место. В уединенном доме, за плотно зашторенными окнами, их уже ждали трое офицеров из "центра" — Павел, Михаил и Алексей. На столе посередине комнаты стоял какой-то прибор, выглядевший как большая металлическая коробка прямоугольной формы. Усевшись по обе стороны прибора, Барнетт и Павел надели маски с вмонтированными в них микрофонами и повели разговор друг с другом "через коробку", таким образом, что их слов не мог уловить никто из присутствующих.

На протяжении нескольких часов Барнетт рассказывал об известных ему операциях ЦРУ и, в частности, объяснил, почему советские реактивные снаряды САМ-2 оказались так неэффективны против американских самолетов Б-52, бомбивших Северный Вьетнам.

Пока индонезийская армия, совершив государственный переворот, не расправилась в своей стране с коммунистическим движением (последнее было очень мощным), Советский Союз возлагал на него большие надежды и наводнял эту страну оружием и военным снаряжением, рассчитывая окончательно втянуть стратегически важный Индонезийский архипелаг в орбиту своего влияния. Среди советского вооружения, поставляемого Индонезии, были и ракеты САМ-2.

Однажды ночью агенты ЦРУ проникли на склад, где они хранились, сняли с одной из ракет прицельное устройство и в маленьком автофургоне отвезли его на пустынный участок побережья. Здесь они перегрузили добычу на моторную лодку. В открытом море лодку поджидало судно, чтобы доставить ценный трофей в Соединенные Штаты. Располагая этим устройством, специалисты американских военно-воздушных сил смогли снабдить бомбардировщики Б-52 средствами, парализующими действие системы наведения советских ракет, и

тем самым сберечь сотни и сотни жизней американских летчиков.

Та же сеть ЦРУ позволила американским специалистам ознакомиться с устройством и особенностями действия нескольких других видов советского вооружения, в том числе с одной из ракет класса "земля-земля", патрульными катерами "Комар", снабженными самонаводящимися ракетами, подводной лодкой класса "В", эсминцами класса "Рига" и пр.

За три дня слушаний при посредстве таинственного прибора Барнетт передал КГБ данные о приблизительно ста сотрудниках и агентах ЦРУ, с которыми ему приходилось иметь дело на Дальнем Востоке и в Вашингтоне. Он назвал также нескольких сотрудников КГБ, намеченных ЦРУ для вербовки в качестве агентов.

Все это было ценной информацией, и гебисты тут же уплатили ему еще 15 тысяч в счет тех семидесяти, которые он запросил с самого начала. Правда, на протяжении последних семи лет Барнетт не имел доступа к каким бы то ни было секретам ЦРУ, и значительная часть его информации, пожалуй, устарела. Для КГБ ценность Барнетта заключалась скорее не в его прошлом, а в его потенциальном будущем, — и притом не в Индонезии, а в Вашингтоне. Поэтому КГБ настаивал, чтобы он попробовал устроиться обратно в ЦРУ. Или в Бюро разведки и исследований Госдепартамента, или в аналогичное учреждение, имеющее доступ к государственным секретам.

Заверив своих партнеров, что ему наверняка удастся вновь пробраться в систему американской разведки, Барнетт вылетел домой, в Джакарту. В марте Дмитрий передал ему 30 тысяч долларов, — таким образом, он получил от КГБ запрошенную сумму полностью.

Летом того же 1977 года он дважды летал в Вашингтон в поисках работы, причем КГБ покрывал его дорожные расходы, выплачивая каждый раз три тысячи долларов. В Вашингтоне Барнетту удалось побеседовать с Дэйвидом Кенни из Госдепартамента, Джозефом Деннином из Бюро контроля разведки при Белом Доме и Уильямом Миллером, начальником отдела кадров сенатского Комитета по делам разведки.

По его возвращении в Джакарту Дмитрий вновь напомнил, что от Барнетта ожидают, что он устроится в ЦРУ на постоянную работу, и вручил ему 3600 долларов на переезд в Вашингтон.

В ноябре Владимир Попов из Вашингтона вылетел в Москву специально через Джакарту, чтобы проинструктировать Барнетта относительно постоянной связи с резидентурой, когда тот сможет обосноваться в США.

В последнюю субботу каждого месяца, в 3 часа дня, Барнетт должен будет заходить в одну из двух телефонных будок, стоящих возле бензозаправочной станции фирмы "Эксон" на Литтл Ривер Турпайке в Эннендейле, в штате Вирджиния, и ждать здесь звонка Попова, который при этом будет называть себя Игорем. Если звонка не последует, Барнетт должен будет прийти к полудню следующего дня в парк того же Эннендейла и там дожидаться Попова на определенной лужайке.

Когда ему потребуется передать какие-нибудь документы или пленку, он должен оставлять их в тайнике под камнем вблизи такого-то канала в штате Мэриленд, сигнализируя об этом кусочком красной клейкой ленты, наклепленной на телефонную будку поблизости от этого места. Оба — Попов и Барнетт — будучи профессионалами, понимали друг друга с полуслова, и им нетрудно было договориться.

21 апреля 1978 года, ликвидировав свои дела в Индонезии, Барнетт с женой и двенадцатилетним сыном прибыли в город Бетесда, штат Мэриленд, чтобы там поселиться. Барнетт возобновил поиск путей, ведущих в святая святых американской разведки. Ему пришлось встречаться и беседовать со многими правительственными служащими, в том числе с Ричардом Андерсоном-младшим из Постоянного комитета по делам разведки, организованного Палатой представителей. Выполняя надзорные функции, такие комитеты Сената и Палаты представителей неизбежно должны были иметь постоянный доступ к важнейшим государственным секретам. Причем закон требовал, чтобы их информировали обо всех тайных операциях, намечаемых ЦРУ. Работая в любом из этих комитетов, опытный агент противника мог систематически ставить палки в колеса Центральному разведывательному управлению.

Послужной список Барнетта свидетельствовал, что он вполне подготовлен для такой работы. Барнетт подчеркивал, что, оставив государственную службу, он завел собственное дело, в средствах не нуждается и деньги, которые ему будут платить на работе, — это не главное. Он заинтересован

прежде всего в том, чтобы принести родине пользу своими знаниями и опытом. Прослужив длительное время в ЦРУ, он, конечно, сумеет распознать любой вид деятельности этого ведомства, который может вызвать у Конгресса сомнения с точки зрения своей законности. Но, с другой стороны, он не хотел бы злоупотреблять этим. В принципе он, естественно, с уважением относится к ЦРУ, даже, если угодно, привязан к нему и убежден в необходимости предпринимаемых им тайных операций.

При таком послужном списке, как у него, и таких несомненных достоинствах Барнетт, по-видимому, находил странным, что ему никак не предоставляют работу, на которую он претендует. Наконец, в январе 1979 года ЦРУ подписало с ним контракт как с временным сотрудником, в обязанности которого входило обучение агентов, отправляемых за границу, искусству поведения на допросах. Его ученики приходили по двое или по трое, чтобы выслушать лекцию ветерана разведки, неизменно почему-то заканчивавшуюся таким обескураживающим советом: "...Если же все эти приемы не сработают, — ну что ж, тогда во всем сознавайтесь!"

Согласно составленному заранее расписанию, Барнетт регулярно связывался с Поповым, используя указанные ему телефонные будки, и время от времени летал в Джакарту на личные свидания с гебистами. Те продолжали настаивать, чтобы он поскорее внедрился в штат ЦРУ в качестве постоянного сотрудника.

Барнетт провел в Индонезии несколько лет и, как он утверждал, по-прежнему имел там деловые интересы, так что эти частые поездки вряд ли могли показаться кому-то подозрительными.

Тем не менее, 18 марта 1980 года, явившись читать очередную лекцию, Барнетт не нашел на месте никого из своих слушателей. Вместо них его ожидали здесь два агента ФБР. "Мы хотели бы поговорить о ваших связях с КГБ", — прямо заявил один из них. Когда они упомянули Попова, Барнетт понял, что все пропало.

Вынося приговор — 18 лет тюремного заключения, суд принял во внимание полное признание Барнетта и выраженную им готовность раскрыть все ставшие ему известными секреты КГБ, а также то обстоятельство, что по выходе из тюрьмы ему будет уже 65 лет. Министерство юстиции разрешило ему

после приговора побыть еще неделю на свободе для приведения в порядок личных дел, подчеркнув, что делает это в интересах его семьи.

Действительно, если что-то продолжало еще волновать Барнетта, так это судьба сына, которого он безумно любил.

Случилось так, что агенты ФБР по истечении недельной отсрочки явились за Барнеттом, когда его сын выходил из дому, отправляясь в школу. Уже в наручниках, сидя в машине, Барнетт оглянулся и увидел, что мальчик потерянно стоит возле дома и плачет.

Критики ЦРУ не преминули выставить это ведомство в смешном свете: оно настолько тупо и некомпетентно, что смогло поручить агенту КГБ обучать собственную агентуру. Но при обсуждении этого вопроса в сенатской комиссии справедливо подчеркивалось: Барнетту именно потому и поручили такую работу, что на ней он не мог причинить сколько-нибудь значительного вреда. ФБР в это время уже знало о ненадежности Барнетта, раскрыв его связи с КГБ.

Если бы Барнетт не был разоблачен на столь ранней стадии, КГБ почти наверняка заполучил бы на долгие годы опытного сотрудника внутри американских разведывательных органов.

В то время как "линия КР" неустанно пытается пробраться в центры американской разведки, а "линия Х" организует кражу американской технологии, офицеры "линии ПР" из вашингтонской и нью-йоркской резидентур непрерывно проводят "активные мероприятия", прибегая к тем же приемам, какие Левченко столь эффективно практиковал в Токио. Они тоже постоянно внушают конгрессменам, правительственным чиновникам и журналистам, что имеют прямой доступ к кремлевской верхушке. При этом нарочито создается впечатление, будто все, что скажут эти американцы, будет принято во внимание советским руководством, а то, что говорит их советский партнер (сотрудник КГБ) — отражает личное мнение руководителей в Кремле.

Офицер КГБ Сергей Четвериков, обхаживавший в начале 80-х годов американских парламентариев и правительственных чиновников, приглашавший их в самые фешенебельные вашингтонские рестораны, уверял, что его задача — наладить "непосредственную связь" между Конгрессом Соединенных Штатов и Политбюро. Обходительный и любезный Четвериков пытался воздействовать на точку зрения отдельных конгрес-

сменов в отношении переговоров об ограничении вооружений. Он доверительно сообщал им, какие условия межгосударственного соглашения на этот счет были бы приемлемы для Кремля, а какие — неприемлемы. Четвериков совершенно серьезно уверял своих собеседников, что лично передаст их соображения советским руководителям во время ближайшего своего посещения Москвы.

Точно так же действовал и сотрудник КГБ Борис Давыдов, выдававший себя за секретного эмиссара кремлевского руководства. Он пытался убедить конгрессменов, их помощников и журналистов, что Соединенным Штатам не стоит поднимать шум из-за советского вторжения в Афганистан. Одному из своих собеседников из Конгресса он конфиденциально объяснил, что, привлекая всеобщее внимание к этому вторжению, США лишают Советский Союз возможности тихо убраться из Афганистана без урона для своего престижа. Другим американцам Давыдов, напротив, внушал: что бы ни предпринимали Соединенные Штаты, СССР не уйдет из Афганистана, так стоит ли прибегать к бойкоту, эмбарго и прочим подобным мерам в отношении Советского Союза, коль скоро они все равно не достигнут цели, и их так или иначе придется вскоре отменить?

Неизменно пускался в ход и такой заезженный конек советской дезинформации, вновь и вновь распространяемый и в Штатах, и в Европе: советское руководство, дескать, делится на "ястребов" и "голубей". Чтобы укрепить позиции умеренных в этом руководстве, то есть "голубей", США должны периодически делать Советскому Союзу те или иные уступки; это позволит "голубям" утверждать, что только умеренная линия способна дать положительные результаты. В противном случае верх возьмут "ястребы", приверженцы жесткой внешней политики, и "разрядка международной напряженности" окажется под угрозой. Несмотря на свои воинственные высказывания, да и действия, Брежнев по секрету квалифицировался как "голубь", а уж Андропов и вовсе был "тайным либералом".

Сотрудники "линии ПР" пытались порой сформировать специальные лобби для проведения агитации в интересах Советов. Когда в 1980 году президент Картер распорядился, чтобы США бойкотировали московскую Олимпиаду, офицер

КГБ Виктор Тютин добился свидания с неким влиятельным американцем, который, как считалось, находится в оппозиции к Картеру. Тютин предложил американцу следующее: он берет на себя оплату организации им комитета, состоящего из политических деятелей и спортсменов, с тем, чтобы этот комитет направил Конгрессу шестьдесят тысяч писем, настаивая на отмене бойкота Олимпиады. Хорошо было бы, кроме того, если бы этот комитет издал пресс-релиз, где будет сказано, что комитет не одобряет бойкота и что его члены из числа спортсменов вопреки бойкоту, объявленному президентом, все же поедут в Москву на олимпийские игры. Разумеется, Советы оплатят всю эту кампанию, но их участие в этом деле никоим образом не должно разглашаться.

Все мероприятие сорвалось из-за того, что об этом предложении узнало ФБР.

Сотрудники вашингтонской резидентуры слоняются по коридорам и заглядывают в рабочие помещения комиссий Конгресса; они регулярно присутствуют на заседаниях тех комиссий, которые, по их мнению, представляют интерес с разведывательной точки зрения.

Когда представители ФБР дают показания комиссиям Конгресса на открытых слушаниях, КГБ, по-видимому, тоже присутствует здесь. Выступая 4 февраля 1982 г. перед сенатской подкомиссией по безопасности и вопросам терроризма, руководитель ФБР Уильям Вебстер предупредил, что в зале находится сотрудник советского посольства с магнитофоном.

При всей важности вашингтонской резидентуры КГБ придает еще большее значение своей базе в Нью-Йорке. Здесь удалось создать более мощную резидентуру — в первую очередь благодаря тому, что в Нью-Йорке находится Организация Объединенных Наций. По состоянию на январь 1983 года в Секретариате ООН работало 330 советских представителей, делегация СССР в ООН насчитывала 310 членов. Сверх того множество советских действовали в Нью-Йорке под видом журналистов или торговых представителей. От 30 до 40 процентов всей этой публики — офицеры КГБ или ГРУ. Кроме того, при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке находятся сотни дипломатов и служащих из стран Восточной Европы и Кубы. Многие из них — также профессиональные сотрудники разведки, способные выполнять тайные задания Москвы.

Сотрудники КГБ, состоящие при ООН, пользуются в Сое-

диненных Штатах уникальной свободой действий. Так, советские дипломаты не могут отъезжать от Нью-Йорка дальше чем на 25 миль без официального разрешения правительства США. И в то же время служащие ООН имеют право беспрепятственно ездить по всей стране. Кроме того, любой советский сотрудник ООН может сколь угодно долго отсутствовать на службе — требуется только, чтобы по возвращении он представил свидетельство о болезни, выданное врачом советского представительства. Трудовая дисциплина в ООН — понятие очень зыбкое, так что проникшие сюда сотрудники КГБ, в любую минуту могут оставить свое рабочее место, чтобы отвезти в резидентуру на 67-ую стрит какое-нибудь донесение и там же получить дальнейшие инструкции. Поскольку многие гебисты не обладают знаниями и навыками, необходимыми для работы в аппарате ООН, их отсутствие воспринимается безболезненно: они и в самом деле не наносят Организации Объединенных Наций никакого урона. Разве что непосредственное начальство иногда пожурит того или иного сотрудника за нерадивость, да и то с предельной осторожностью, потому что каждый такой выговор влечет за собой гневный протест советского представительства.

К тому же получилось так, что операции, ведущиеся нью-йоркской резидентурой КГБ, в значительной степени прямо субсидируются американскими налогоплательщиками.

США оплачивают четверть официально утвержденного бюджета ООН и, кроме того, добровольно субсидируют деятельность многих специализированных учреждений Объединенных Наций (СССР вносит всего 12 процентов официального бюджета ООН и почти ничего не ассигнует сверх этого). Вот и получается, что не менее четверти фонда заработной платы коммунистических шпионов в ООН поступает из американской казны. Вопреки Уставу ООН Советы требуют от своих здешних служащих отдавать часть зарплаты правительству. Эти доллары, несомненно, образуют оперативный фонд нью-йоркской резидентуры.

Сама нью-йоркская резидентура, так же как токийская, представляет собой клубок непрекращающихся интриг. Нынешний резидент, Владимир Михайлович Казаков, — специалист по американским делам, "отбывающий" в США уже третий срок. Казаков — человек способный, но с трудным характером. Очень чувствительный к тому, что подумают и скажут

о нем в "центре", он склонен видеть в самых невинных поступках нижестоящих и даже в случайных совпадениях обстоятельств чью-то злую волю, попытки "подсизживания" и нередко без всяких причин напускается на подчиненных. Подобные вещи, естественно не способствуют нормальной обстановке. Сотрудники резидентуры разделились на ревнивые и подсизживающие друг друга фракции.

Итак, ООН представляет собой весьма редкий в современном мире дипломатический заповедник, облегчающий разного рода подрывную деятельность. И, естественно, КГБ комплектует эту резидентуру опытными кадрами сотрудников. Некоторые из них обладают более высоким дипломатическим рангом или воинским званием, чем сам резидент, и это тоже не способствует улучшению внутренних взаимоотношений.

Закрывая глаза на трения, возникающие в резидентуре, КГБ упорно наращивает слой "своих" в верхах ООН.

Специальным помощником генерального секретаря ООН назначен Геннадий Евстафьев — тот самый офицер КГБ, которого токийский резидент Ерохин пытался в 1976 году отправить из резидентуры прямо в психиатрическую лечебницу. Его предшественниками были видный сотрудник КГБ, приятель бывшего генерального секретаря ООН У Тана Виктор Лесиовский (умер в феврале 1984 г.) и генерал КГБ Михаил Крепкогорский.

После того как в 1978 году Аркадий Шевченко оставил важный пост помощника генерального секретаря и получил политическое убежище в США, Советский Союз настоял на своем праве заменить перебежчика его соотечественником. Преемником Шевченко стал генерал КГБ Михаил Сытенко.

Руководя служащими штаб-квартиры ООН, представляющими разные страны, сотрудник КГБ Гелий Днепровский распределяет технические должности так, как это выгодно Советам, и оказывает покровительство тем, кто готов подчиняться его указаниям. Эту фигуру убедительно обрисовали несколько перебежчиков из советского лагеря. Да и собственное начальство считает его "зажравшимся бюрократором". Тем не менее в 1978 году руководство ООН назначило "полковника" Днепровского, как все его называют за глаза, шефом над кадрами штаб-квартиры в Женеве, и теперь он насыщает это ведомство гебистами.

Юрий Павлович Честной, ранее работавший в резидентурах

в Гаване и Буэнос-Айресе, подвизается в Европейской экономической комиссии ООН в Женеве. Это толковый пропагандист и опытный "запечных дел мастер". Несмотря на добродушную внешность Честного, коллеги его побаиваются: всем известно, что, отпустив шутку антисоветского толка, он затем доносит начальству, кто и как реагирует, кто позволил себе рассмеяться.

Сотрудник КГБ Александр Сергеевич Брынцев занят составлением для ООН обзоров и отчетов общего характера, освещающих проблемы, естественно, в угодном Советам духе. Брынцев и его жена Евгения имеют хобби — они увлекаются собиранием антиквариата.

Валерий Павлович Евстигнеев прибыл в Женеву в качестве переводчика, однако КГБ пристроил его в помощники Брынцеву. Старший переводчик Владимир Иванович Лемеш специализировался на активных действиях, осуществляемых "линией ПР" женевской резидентуры. Игорь Гурьев, первый секретарь советской миссии, сосредоточил свои усилия на краже технологических секретов. Простовавший на вид Гурьев, вдобавок запойный пьяница, считается энергичным и опытным специалистом в области научно-технического шпионажа.

Владимир Николаевич Орлов с 1979 года занимает должность директора библиотеки ООН. Пользуясь своим служебным положением, он заказывает за счет ООН микрофильмы правительственных публикаций и архивных документов со всего света, а затем — опять-таки за счет ООН — снимает копии этой документации для КГБ.

СССР вкладывает ничтожную долю — всего 0,7 процента — в ООНовский бюджет Программы развития, предназначенной для оказания финансовой и технической помощи странам Третьего мира. Но зато он предоставил в распоряжение Программы развития офицера КГБ Николая Богатого. В качестве координатора региональных проектов этой Программы Богатый, сидя в Нью-Йорке, пытается добиться, чтобы миллионы, выделяемые США на нужды Третьего мира, в конечном счете приносили ту или иную выгоду Советскому Союзу.

Эти и другие гебисты делают очень многое, чтобы превратить ООН в инструмент советской политики, протащить через ООН выгодные Союзу решения. Например, 14 октября

1982 года Объединенный комитет по вопросам информации Организации Объединенных Наций выпустил двенадцатистраничный «отчет», осуждающий прессу Запада за то, что она порочит Организацию Объединенных Наций. Эта пресса, видите ли, изображает ООН «неэффективным, раздутым бюрократическим учреждением, несоответствующим поставленным перед ним задачам».

В отчете подчеркивалось, что, в противоположность «грубо тенденциозным» сообщениям западных журналистов, советские и вообще корреспонденты социалистических стран дают правдивую информацию о деятельности ООН, что обеспечивает последней «растущую поддержку в странах социалистического лагеря». На основе этого отчета Объединенный комитет по вопросам информации постановил принять меры для «исправления положения»: выделить дополнительные средства и привлечь публицистов для «создания у общественности правильного представления об Организации Объединенных Наций».

Сотрудники нью-йоркской резидентуры пользуются любой оказией, чтобы «приручить» влиятельных американцев и направить их усилия в нужном Советам направлении. Проследим это на примере деятельности Сергея Парамонова, ловкого, обаятельного человека, первого секретаря советской миссии.

Парамонов интересуется проблемами защиты мира. Для развития «взаимопонимания между народами» он охотно помогает организовывать экскурсии в СССР некоторых влиятельных американских граждан. К их числу была отнесена Кэрол Пенделл, энергичная и жизнерадостная калифорнийка, также интересующаяся защитой мира и дружбой народов. Пенделл одновременно председательствует в двух организациях — в Международной лиге женщин, выступающих за мир и свободу, и в Комитете за диалог граждан США и СССР. Стремясь содействовать делу мира, она периодически бывает в СССР. Естественно, общая забота о мире свела Парамонова и г-жу Пенделл — им ведь приходилось часто советоваться, совещаться друг с другом.

Госпоже Пенделл, конечно, невдомек, что Парамонов — сотрудник КГБ, приставленный к организациям наподобие тех, где она состоит председателем. Она с негодованием отвергла бы всякое предположение, что ее организации по-

дыгрывают советским интересам в ущерб Соединенным Штатам. Однако факт остается фактом: позиции Советского Союза и Международной лиги женщин часто совпадают.

Лига выступает, например, за ликвидацию американских военных баз за рубежом, расторжение военных союзов, прекращение производства ядерного оружия и уничтожение накопленных запасов такого оружия. Она защищает идею "общественной собственности на средства производства". Американская секция Лиги установила "прочные и дружеские" отношения с Комитетом советских женщин — организацией, занимающейся подрывной деятельностью и коммунистической пропагандой. В 1982 году Государственный департамент определил Лигу как одну из "формально независимых организаций, контролируемых Советами".

Но при этом г-жа Пенделл как американка, не нарушающая законов, не получающая денег из подозрительных источников и не выдающая государственных секретов, не может быть привлечена к судебной или иной ответственности. Никто не подвергает сомнению ее неотъемлемое право отстаивать свои убеждения и встречаться и беседовать с кем ей угодно. "Парамонов не делает попыток оказать на нас какое бы то ни было давление, — утверждает она. — Этот человек — просто посредник, в котором я нуждаюсь, чтобы установить связи с нашими советскими единомышленниками. И он уже во многом нам помог". Пенделл объясняет, что Парамонов также содействует ей в получении советской визы, когда у нее возникает желание поехать в Советский Союз.

Разумеется, содействует — хотя, будучи первым секретарем советской миссии при ООН, сотрудник КГБ Парамонов обычно не занимается делами, связанными с выдачей виз, и, казалось бы, вообще не должен иметь к этим делам никакого отношения.

Под прикрытием своей деятельности в ООН Советы — собственно, офицеры КГБ — активизировали свои тайные связи с компартией Соединенных Штатов, передавая ей денежные средства и инструкции, исходящие от Международного отдела ЦК КПСС. Компартия США существует почти исключительно за счет советских субсидий, составляющих около двух миллионов долларов в год. Деньги передаются наличными функ-

ционерам партии, как правило, тайно, где-нибудь в Нью-Йорке или его окрестностях.

Хотя американская компартия ничтожно мала и часто не принимается всерьез, следует признать, что она образует сплоченный отряд дисциплинированных активистов, готовых всемерно помогать Советскому Союзу. В числе акций, проведенных при деятельной поддержке компартии, можно назвать хотя бы раздувание движения протеста против вмешательства Америки в дела Сальвадора и других стран Центральной Америки, где идет партизанская война за установление марксистских режимов.

В следующей главе мы еще встретимся с деятельностью коммунистической партии Соединенных Штатов Америки.

Глава шестая

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ВЫВЕРНУТАЯ НАИЗНАНКУ

Многие из наиболее способных и одаренных богатым воображением сотрудников КГБ сосредоточены на работе в "службе А", которая осуществляет так называемые "активные мероприятия". Численность таких сотрудников за последнее десятилетие удвоилась.

Основное различие между службами, осуществлявшими "активные мероприятия" в прошлом, в коминтерновские времена, и сегодня заключается в том, что сейчас каждый посторонний может заглянуть внутрь этой организации и познакомиться с ее кухней. С нее совлечен покров тайны. Дело в том, что за последние годы несколько видных сотрудников "службы А" бежало на Запад. Они исчерпывающим образом обрисовали ее структуру, и теперь нам нетрудно проследить взаимосвязи КГБ, Политбюро и Международного отдела ЦК, совместно задумывающих и разрабатывающих "активные мероприятия" — пропагандистские маневры, назначение которых — представлять черное белым (и наоборот), сеять сомнения, бросать тень, исказить действительность.

КГБ принимает участие практически во всех "активных мероприятиях" и несет главную ответственность за те из них, от которых Советы официально отреклись, например за террористические акты. Взрывы бомб, поджоги и убийства, совершаемые террористами, призваны подкреплять кампании по осуществлению "активных мероприятий", приводя людей в замешательство и создавая впечатление, что западное общество разлагается и движется к хаосу.

КГБ регулярно занимается изготовлением фальшивок, ко-

торые затем начинают цитировать советская печать и проводники советского влияния на Западе. И все это для доказательства излюбленного коммунистического тезиса, будто США с их изощренным коварством ответственны за все плохое, что происходит в мире. За последние годы КГБ — иногда с помощью своих восточноевропейских партнеров — сострепал более 150 подделок документов и писем, исходящих якобы от официальных американских учреждений и должностных лиц.

В качестве образцов для изготовления фальшивок "служба А" использует выкраденные в США подлинные документы. И все же воспроизвести в точности каждую деталь шифра, терминологии, формата в таких фальшивках обычно не удается, и фабрикуемая таким образом бумага не выдерживает компетентной экспертизы. Но каждый раз для доказательства того, что перед нами фальшивка, требуется какой-то срок, а тем временем оказывается, что сфабрикованный документ уже сделал свое черное дело.

В последние годы правления Анвара Садата КГБ усиленно распространял порочащие его фальшивки, стремясь изолировать от остального арабского мира и заодно показать, что Соединенные Штаты "презирают" его и готовят его свержение или даже убийство.

В 1976 году, например, был пущен в оборот фальсифицированный "текст выступления" Эдвина Ео, казначея Детройтского экономического клуба. Ео якобы "ни во что не ставил" египтян как нацию, изображал Каир "кошмарной дырой", считал египетскую экономику "безнадежно больной". Самого Садата он охарактеризовал как совершенно некомпетентного государственного деятеля и намекал, что он, Ео, приветствовал бы любое американское вмешательство, направленное на его "устранение". Один из египетских журналов получил текст этой фальшивки по почте от анонимного отправителя, но в фирменном конверте Информационного агентства США, и в декабре 1976 года опубликовал ее. "Выступление Ео" вызвало в Египте такое замешательство, что египетскому правительству пришлось официально попросить у правительства Соединенных Штатов объяснений.

Другая фальшивка в виде письма была отправлена от имени американского посла в Египте Германа Айлтса его коллеге, послу Саудовской Аравии. В письме сообщалось, что Садат

при американской поддержке готовится свергнуть правительство Судана. Фальшивку подбросили суданскому посольству в Бейруте. Она, разумеется, вызвала тревогу как в Судане, так и в Египте.

Еще одна фальшивка, представляющая собой фотокопию "выдержек из конфиденциального обзора ситуации на Ближнем Востоке", представленного государственным секретарем Сайрусом Вэнсом президенту Картеру, предостерегала президента: "Садат не заслуживает доверия. Его представления о том, что США должны были бы сделать для Египта, совершенно нереалистичны, более того, абсурдны".

Излагая содержание будто бы состоявшейся беседы с саудовским принцем Фахдом, составитель документа заключал: "Фахд предупредил нас, чтобы мы не слишком доверяли Садату. Кроме того, он не думает, что падение Садата могло бы привести к каким-либо осложнениям. Саудовская Аравия, возможно, предпримет кое-что в этом отношении, не ставя нас заранее в известность". Эта фальшивка была подброшена египетскому посольству в Риме. И на этот раз возмущенные египтяне потребовали объяснений у американского правительства.

В июне 1977 года сразу десять каирских газет и журналов получили фотокопию некоего "Меморандума об особо секретных операциях", отпечатанного на подлинных бланках Госдепартамента и скрепленного тщательно подделанной подписью посла Айлтса. Меморандум утверждал: "Садатовский стиль руководства оставляет желать много лучшего. Он может воспрепятствовать нашему плану укрепления американского влияния на Ближнем Востоке. Ближайшие помощники Садата с недоумением отмечают, что в последнее время он даже не проявляет желания знакомиться с отчетами, аналитическими сводками и предложениями, относящимися к положению дел в стране, и не уделяет внимания проблемам, стоящим перед государством".

Почти одновременно египетским посольством в Белграде было получено письмо, содержащее "копию донесения посольства США в Тегеране". В донесении указывалось, что Иран и Саудовская Аравия "заручились молчаливым согласием США на отстранение или убийство Садата".

В июле 1978 года появились копии фальшивки, выдаваемой за пресс-релиз американского посольства в Париже и

содержавшей высказывание вице-президента США Мондейла, который будто бы заявил в одном из интервью: "Для нас не представляют ценности ни Садат, ни премьер-министр Израиля Менахем Бегин; первый не в состоянии управлять государством, а второй — вообще не жилец на этом свете".

Еще одна фальшивка представляла собой якобы письмо американского посла в Египте Германа Айлтса директору ЦРУ Тернеру. В письме содержалась такая фраза: "Соединенные Штаты должны, не колеблясь, избавиться от Садата".

В 1979 году каирский журнал "Аль-Дава", издаваемый влиятельной организацией "Мусульманские братья", опубликовал фальшивку, которая, возможно, способствовала трагической гибели Садата, последовавшей два года спустя. Это был "доклад" некоего американского профессора, предназначенный для ЦРУ и излагавший план подкупа или сознательного обмана "Мусульманских братьев" и дискредитации их религиозных убеждений. В "докладе" утверждалось, будто "Мусульманские братья" и другие исламские организации противятся мирной политике Садата по отношению к Израилю. Формулировки эти были явно рассчитаны на то, чтобы вызвать взрыв негодования среди мусульманского населения, особенно в рядах фанатичных "Мусульманских братьев". Отметим, что именно их последователи в конце концов убили Садата. Таким образом, эта провокация сделала свое дело.

Еще одной примечательной фальшивкой, подготовленной КГБ, оказалась "особо секретная" "Тактическая инструкция ФМ 30-31 Б", будто бы предназначенная для американских воинских частей, расквартированных за рубежом. "Тактические инструкции ФМ 30-31 и ФМ 30-31 А" действительно существовали и эта, написанная в КГБ, выглядела как дополнение к ним. Она излагала оперативные правила, обязательные для военных служб безопасности США в зарубежных странах. Подписана инструкция была генералом Уильямом Уэстморлендом, чей автограф КГБ воспроизвел с факсимильной точностью.

Наиболее коварными следует считать два правила, содержащихся в ней. Во-первых, где бы ни оказались американские воинские части или советники, повсюду им вменялось в обязанность вмешиваться в сугубо внутренние дела принявшей их страны, всячески стимулируя там антикоммунистические акции и подавление вообще всех левых сил. Это так или иначе должно пойти на пользу Соединенным Штатам. Во-вторых, "в

исключительных случаях” американская агентура должна провоцировать ультралевые группы на активные и жестокие антигосударственные действия. Цель — опять же в том, чтобы вовлечь правительство соответствующей страны в полицейские и военные акции, направленные против коммунистов.

О существовании инструкции ”ФМ 30-31 Б” впервые еще в 1975 году упомянула одна незначительная турецкая газетка, но это сообщение прошло незамеченным. КГБ попытался придать своей фальшивке большой резонанс, направив ее в адрес филиппинского посольства в Бангкоке.

Американские специалисты, ознакомившись с этим документом, сразу же указали на бросающиеся в глаза несуразицы и погрешности оформления, не оставлявшие сомнений, что это — фальшивка. Тогда КГБ поручил своей токийской резидентуре направить копии документа двум консервативным японским газетам, снабдив их припиской: ”Инструкции Уэстморленда представляют собой угрозу для Японии”. Обе газеты сочли за благо игнорировать подозрительный документ, и КГБ до поры до времени отложил его распространение. В дальнейшем ему было суждено сыграть очень важную роль.

16 марта 1978 года террористы, принадлежащие к леворадикальным ”Красным бригадам”, застрелили пятерых телохранителей Альдо Моро, председателя итальянской Христианско-демократической партии, увезли Моро в свое логово и в дальнейшем убили его.

Моро, популярный политический деятель, придерживавшийся умеренных прозападных взглядов, внес немалый вклад в политическую стабилизацию Италии. Он добился, в частности, практического взаимопонимания между собственной правящей партией и компартией. Смерть Моро была большой потерей для США и всего западного мира.

Тем не менее, уже в день похищения Моро Советский Союз развязал пропагандистскую кампанию, которая должна была убедить мир, что за эту акцию несут ответственность Соединенные Штаты. Московское радио объявило: похищение Моро — всего лишь ”одна из многих попыток правых сил накалить обстановку в Италии”.

В радиопередаче на Италию 18 марта Москва настаивала на том, что это преступление ”было подготовлено силами внутренней и внешней реакции”. В тот же день московское радио, сославшись на газету французских коммунистов ”Юманите”,

заявило, что похищение Моро — ”дело рук секретных служб, действующих в контакте с персоналом военной базы НАТО в Неаполе”.

Спустя еще четыре дня московское радио пошло дальше: ”Ни для кого не секрет, что на Апеннинском полуострове активно действует ЦРУ”. В последующих передачах на Италию, подкрепляемых кампанией слухов, развязанной агентурой КГБ в этой стране, фигурировали все более прозрачные намеки, что это именно ЦРУ похитило Моро.

Наконец, 2 апреля комментатор московского международного радиовещания Анатолий Овсянников прямо заявил: ”Ну что ж, пора назвать вещи их собственными именами: эта организация (похитившая Моро) именуется ЦРУ. Это — чуждая Италии сила, принадлежащая Соединенным Штатам Америки”. Начиная со 2 апреля Советы открыто повторяли выдвинутое ими обвинение, а сотрудники КГБ и советские дипломаты, аккредитованные в Западной Европе, конфиденциально заверяли всех, кто желал их слушать, что это так и есть, что это чистая правда.

Однако подобные утверждения не могли казаться убедительными. Они были совершенно голословными и вдобавок никак не объясняли, почему Соединенные Штаты могли быть заинтересованы в устранении такого верного союзника, каким являлся Моро. И тут, летом 1978 года, кто-то в КГБ, очевидно, вспомнил о фальшивке под названием ”Тактическая инструкция ФМ 30-31 Б”. Кому-то пришла в голову мысль переправить ее для дальнейшего распространения кубинской службе безопасности.

Сотрудник кубинских спецслужб Луис Гонсалес Вердекья предложил этот документ испанской прессе. К нему был приложен ”анализ”, выполненный испанским коммунистом Фернандо Гонсалесом, сотрудничающим с КГБ. В своей ”аналитической статье” Гонсалес цитировал отдельные фразы ”Тактической инструкции” в подтверждение отстаиваемого им мнения, будто США замешаны в деятельности различных террористических групп, включая и ”Красные бригады”.

23 сентября статья Гонсалеса, сопровождаемая несколькими разделами ”Тактических инструкций”, появилась в левом испанском журнале ”Эль Триунфо”. Эти материалы были сразу же перепечатаны рядом итальянских и других европейских газет, что дало советским пропагандистам возможность начать

новую кампанию вокруг как нельзя более кстати обнаружившихся "фактов". Они особо подчеркивали, что ссылаются на некоммунистические газеты и что появление упомянутых материалов даже в этих газетах неопровержимо доказывает: именно ЦРУ погубило Моро, именно ЦРУ опекает крайне левых террористов по всему миру.

Вскоре подобные домыслы появились в газетах по меньшей мере двадцати стран. КГБ вновь — в который уже раз! — удалось вывернуть действительность наизнанку, посеяв сомнения в умах миллионов людей.

Ленин и его последователи считали и продолжают считать: истиной является то, что в данный момент наиболее эффективно служит советским интересам. Следовательно, нет ничего аморального в распространении "дезинформации", которая обычно представляет собой сочетание реальных фактов, искаженной действительности и прямой выдумки, а нередко содержит и просто откровенную ложь, и ничего более.

Для распространения дезинформации в СССР и за рубежом в распоряжении КГБ имеется множество журналистов, ученых и научных работников всех рангов. Из пятисот советских корреспондентов, работающих за границей, большинство — штатные сотрудники КГБ, да и все остальные не уклоняются от выполнения его разовых заданий.

Независимо от того, какое периодическое издание формально представляет тот или иной журналист, вся эта публика без исключения состоит на службе у советского государства. От него она получает деньги, им контролируется, только по его милости попадает на работу за границу. При этом советские журналисты стараются выглядеть в глазах иностранцев независимыми — такими, как их коллеги из Ассошиэйтед Пресс, агентства Рейтер или Франс Пресс. Подобно Станиславу Левченко, они становятся членами пресс-клубов, получают свободный доступ к политическим деятелям и другим влиятельным лицам и сплошь и рядом искусно пользуются этими знакомствами для распространения дезинформации.

Эти люди наряду с другими сотрудниками КГБ, выдающими себя за торговых и прочих представителей, подкупают и вербуют иностранных журналистов, в одних случаях вынуждая их самих публиковать дезинформирующие материалы, в других — способствовать их публикации в иностранной прессе.

Самой искусной разновидностью "активных мероприятий" надо считать вербовку проводников советского влияния за границей, которым поручается не только распространять дезинформацию, но и постоянно формировать общественное мнение, воздействовать на политику своих стран всеми возможными способами. Именно этим занимался, например, разоблаченный в 1979 году Пьер-Шарль Пате, французский журналист аристократического происхождения. Сотрудник КГБ, работавший в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, завербовал Пате еще в 1960 году. Вначале он поставлял Москве разведывательную информацию. В дальнейшем было решено использовать его исключительно как проводника советского влияния.

Год за годом КГБ регулярно снабжал его информацией. На ее основе Пате писал свои статьи, а нередко просто распространял полученные сведения и комментарии среди коллег, выдавая их за плоды собственных исследований и размышлений. За девятнадцать лет ему удалось опубликовать — под собственным именем или через других лиц — более сотни статей, посвященных Латинской Америке, Китаю, НАТО, ЦРУ и другим важным темам, актуальным для его советских хозяев.

При финансовой поддержке КГБ Пате, кроме того, издавал информационный бюллетень, распространяемый в близких к правительству политических, финансовых и промышленных кругах. Чтобы его статьи выглядели более убедительно, Пате снабжал их осторожной критикой в адрес СССР.

В 1979 году он был арестован и приговорен к пятилетнему тюремному заключению за подрывную деятельность. Через два года его помиловали, по-видимому, учитывая его преклонный возраст.

КГБ участвует в "активных мероприятиях" также и косвенно, помогая Международному отделу ЦК партии создавать и контролировать сеть своих заграничных форпостов ("Клубы невинных", как называл их еще в 30-е годы немецкий коммунист Вилли Мюнценберг).

Сейчас, полвека спустя, они воплощают старую идею андроповского учителя Отто Куусинена, образуя целую "солнечную систему" различных организаций и комитетов, группирующихся вокруг коммунистической партии. Основные из них, орудующие во всемирном масштабе, — это Всемирный совет мира, возглавляемый индийским коммунистом и со-

ветским агентом Ромешем Чандрой, Комитет солидарности с народами стран Азии и Африки, Институт США и Канады. О двух первых учреждениях мы уже упоминали, и не раз. Присмотримся теперь поближе к третьему.

Этот институт дает возможность сотрудникам КГБ под видом научных работников внедриться в более влиятельные слои американского общества, чем это удавалось функционерам из Всемирного совета мира.

Институт США и Канады считается сугубо научным учреждением советской Академии наук, но фактически является форпостом КГБ и Международного отдела ЦК. Возглавляет институт Георгий Арбатов, давний приятель Андропова — низенький толстяк с меланхолическим выражением лица и набрякшими мешками под грустными собачьими глазами. Внешняя непрезентабельность сочетается в Арбатове с живым умом. За последние годы он неоднократно бывал в США, встречался с видными политическими деятелями и разъяснял советскую позицию по ряду вопросов, выступая по американскому телевидению.

Добрая треть руководящего состава Института США и Канады — сотрудники КГБ, и заместитель директора, полковник Радомир Богданов, не случайно прозван „ученым в погонах”. Защитив докторскую диссертацию, написанную за него кем-то из подчиненных, полковник Богданов превратился в „доктора Богданова”. Чтобы закрепить за ним репутацию ученого, его сделали соавтором двух книг, написанных без его участия.

Бывшая сотрудница института Галина Орионова, бежавшая в 1979 году на Запад во время пребывания в Англии, характеризует „доктора Богданова” по-своему: „Это пьяница, бабник и хвостун”. И добавляет: „Как только он появился в институте, на нас начали давить еще больше прежнего, требуя, чтобы мы доносили буквально о каждом слове посетителей, приезжающих из-за границы”.

Но, сколь бы ни был он отвратителен в глазах собственных подчиненных, Богданов — опытный и ловкий профессионал. Он часто бывает на Западе, участвует в научных конференциях, отстаивая там советскую линию и охотясь за американцами, которых рассчитывает соблазнить и завербовать.

КГБ помогает Международному отделу ЦК поддерживать коммунистические партии во всем мире. Многие из них суще-

ствуют только благодаря тайным советским субсидиям. Причем обязанность доставлять им денежные средства возложена на КГБ.

Службам безопасности соответствующих стран не раз удавалось наблюдать (а в ряде случаев — также и сфотографировать), как сотрудники КГБ вручают крупные суммы наличных денег функционерам компартий Эквадора, Венесуэлы, Мексики, Бразилии, Филиппин... В течение некоторого времени западногерманские коммунисты получали субсидии, регулярно выезжая для этого на тайные встречи с гебистами в Копенгаген.

Советский Союз расходует миллионы на эти мелкие партии прежде всего потому, что они помогают ему проводить "активные мероприятия" в своих странах, куда включаются даже надписи на стенах, имеющие политическое звучание. Демонстрации людей, часто далеких от коммунистических взглядов, в поддержку выгодных Советам лозунгов или мероприятий (либо, наоборот, против лиц и событий, неугодных СССР) — тоже дело их рук.

Подобные манипуляции общественным мнением тщательно координируются КГБ и Международным отделом ЦК. Одним из ярких примеров может служить шумная кампания за запрещение нейтронного оружия, в которой, кстати, активно участвовали и Всемирный совет мира во главе с Чандрой, и полковник Богданов. Достаточно сказать, что в Бонне в марше протеста против новых видов ракетно-ядерного оружия приняло участие приблизительно 250 тысяч человек, в Амстердаме — 350, в Мадриде — 400, в Афинах — 200 тысяч!

В апреле 1981 года голландские власти вынуждены были выслать из страны офицера КГБ Вадима Леонова, действовавшего здесь под маской корреспондента ТАСС и разоблачившего себя тесными связями с организаторами воинственного голландского "движения в защиту мира". При этом он совершил ряд недопустимых для профессионала промахов. Так, в пьяном виде он публично хвастался:

— Если в Москве решат, что на улицы в Амстердаме должны выйти 50 тысяч демонстрантов, — они выйдут на улицы! Вы знаете, как собрать за неделю по всей стране 50 тысяч и заставить их прибыть в указанное место? Проще простого: достаточно, чтобы я дал сигнал к сбору!

В октябре того же года в Дании был арестован писатель

Арне Петерсен — агент КГБ, действовавший здесь на протяжении десяти с лишним лет. Он помогал организовывать "пропагандистское наступление" в пользу безъядерной зоны в Скандинавии, то есть в пользу разоружения северного фланга НАТО. Именно для этого он составил воззвание, которое было подписано ста пятьюдесятью датскими деятелями культуры, и поместил его в газетах в качестве платного объявления, платя за него деньгами КГБ. Летом 1981 года он же организовал "марш мира", начавшийся в Осло и докатившийся до Парижа.

Датская контрразведка засекла 23 тайных свидания Петерсена с майором Владимиром Меркуловым из копенгагенской резидентуры. Когда Петерсен был арестован, Меркулову пришлось по настоянию властей покинуть страну.

На подготовку внушительной демонстрации "за замораживание ядерных арсеналов" в Нью-Йорке были брошены многие явные и тайные агенты КГБ, функционеры, Всемирного совета мира, Американского совета мира, компартии США, Национального совета американо-советской дружбы. Демонстрация состоялась 12 июня 1982 года, и участвовало в ней более полумиллиона американцев.

Ближайшую за этим неделю Советский Союз ознаменовал репетицией внезапной ракетно-ядерной атаки на Соединенные Штаты и Западную Европу. За несколько часов с суши и воды был произведен пуск ракет, предназначенных для уничтожения американских разведывательных спутников раннего оповещения, разрушения американских и европейских городов и пусковых сооружений баллистических ракет ответного удара. Все эти советские залпы, хотя и ограничивались территорией СССР и советскими территориальными водами, по дистанциям обстрела и траекториям в точности соответствовали планам ракетно-ядерной войны с Соединенными Штатами и Западной Европой и очень встревожили наблюдателей в Вашингтоне. Никогда прежде Советы не проводили столь близкой к реальности и такой внушительной по размаху репетиции ракетно-ядерной войны.

Характерно, что ни одна группа "защитников мира" никак не реагировала на эту недвусмысленную акцию Советов. Впрочем, и до того не было случая, чтобы "сторонники мира" подняли свой голос против безудержного наращивания Советами наступательных ядерных вооружений.

В Европе демонстранты не протестовали против многих сотен советских ракет, уже стоящих наготове, уже нацеленных на их города и способных испепелить эти города за каких-нибудь двадцать минут. Вместо этого раздавались бурные протесты против **п л а н о в** НАТО разместить в Западной Европе ракеты, которые бы защищали этот материк.

В Соединенных Штатах демонстранты отнюдь не выступали против установки 1400 межконтинентальных советских ракет, которые нацелены на Америку и многие из которых предназначены для уничтожения американских ракет единым превентивным ударом. Нет, демонстрантов возмущало совсем иное: еще только **п л а н и р у е м ы е** американские ракеты, бомбардировщики и подводные лодки — единственная гарантия того, что Советы все-таки не решатся на внезапное нападение, которое они репетировали сразу после нью-йоркского "парада мира".

Выходит, КГБ вновь повезло по части злостного искажения действительности...

Глава седьмая БЕСПРЕДЕЛЬНО ПРЕДАННЫЙ

Советское руководство, конечно, сознает, что другие страны не станут вечно терпеть шпионские гнезда на своих территориях, не будут бесконечно мириться с подрывной деятельностью, прикрываемой статусом неприкосновенности, которым пользуются посольства. Приходится считаться и с возможностью массовой высылки дипломатов, уличенных в шпионаже, и даже с разрывом дипломатических отношений, что резко сузит базу для подрывной деятельности.

Ну что ж, Советам к этому не привыкать. СССР далеко не сразу был признан своими соседями и долгие годы был лишен возможности заслать к ним свои "полпредства" и "торгпредства". В таких странах советская агентура могла существовать только на сугубо нелегальном положении. В силу необходимости приходилось совершенствовать выучку агентов до такой степени, чтобы они могли сойти за коренных жителей соответствующей страны. Они именовались в те времена (как, впрочем, именуются и сейчас) н е л е г а л а м и.

Нелегал может специализироваться на диверсиях или покушениях, однако чаще всего его предназначают для руководства агентурной сетью, которой, как мы видели, вообще-то руководят "легальные" резидентуры, укрывающиеся за стенами посольства или консульства. Впрочем, во всех значительных государствах, с которыми СССР поддерживает дипломатические отношения, КГБ сохранил нелегального резидента. Главным образом он нужен для того, чтобы было кому сразу же установить контроль над агентурой и поддерживать связь между нею и "центром", если резидентуру при посольстве придется прикрыть.

КГБ готов ждать десятилетиями и тратить деньги без счета, лишь бы внедрить своих людей в американское общество, причем так глубоко, чтобы они имели возможность проникнуть в наиболее засекреченные сферы правительственной деятельности. Никакое тайное предприятие не может сравниться с этим по сложности и степени риска. Тем не менее, такие попытки со стороны КГБ не прекращаются: одна удача способна с избытком вознаградить за множество провалов. К тому же бывают времена, когда агент-одиночка или один-единственный клочок информации губит — либо, наоборот, спасает — целый народ и целую страну.

В затяжной операции "глубокого внедрения" все этапы рискованны, но наиболее критичен самый первый — выбор агента, которому предстоит проникнуть туда, откуда он будет в состоянии воздействовать на жизненно важные центры управления США. Ему постоянно будут нужны такие качества, как незаурядная смелость и незаурядная сообразительность, — значит, с самого начала должен быть выбран человек незаурядный.

Подумайте: ему придется приехать в Соединенные Штаты и жить здесь, выдавая себя за совсем иное лицо, вечно обманывать окружающих, вечно скрывать свои мысли, завязывать дружеские отношения — но лишь с намерением манипулировать вновь обретенными друзьями, эксплуатировать их, а если потребует для дела, то и предавать.

Такой человек должен самостоятельно подыскать себе обычное занятие и трудиться не покладая рук, как трудился бы на его месте любой американец, стремящийся поскорее "выбиться в люди". Параллельно ему придется столь же самоотверженно добиваться успеха своего тайного предприятия. Он должен незаметно для окружающих решать задачи, которые, как правило, крайне обременительны, требуют полной отдачи сил, а нередко и опасны.

Оторванный от привычной с детства культуры и родного языка, от родственников и вообще от друзей и близких, такой человек должен воспринять как совершенно естественный для него американский образ жизни, но не раствориться в американском "плавильном котле", подобно прочим иммигрантам. Напротив, он должен остаться непримиримым врагом этой страны, этого окружения, этого образа жизни. Оглядываясь назад, на годы, прожитые в Америке, он будет вынуж-

ден признать, что, собственно, не достиг за это время ничего существенного — разве что "продержался", и к этому сводятся все его достижения. И еще: каким бы безупречным ни было его собственное поведение, он никогда не может быть уверен, что его не "заложит" кто-либо из его же агентов, или что где-то в многослойных недрах КГБ не произойдет пустячная накладка, которая может стоить ему жизни.

Находясь в постоянном напряжении, этот человек должен одновременно испытывать чувство эмоциональной и моральной стабильности, более того — приподнятости, а это дается очень и очень нелегко.

Такой человек должен обладать личными качествами, которые крайне редко встречаются в сочетании — это должен быть интеллеktуал, но чрезвычайно "толстокожий" и выносливый физически; смелый и упорный, обладающий инициативой и живым воображением, умеющий ладить с людьми из всех слоев общества. Но и это не все. Его должны отличать непоколебимая преданность советской стране, готовность посвятить служению ей всю свою жизнь, а то и незаметно и безвестно умереть за нее.

В 1955 году КГБ посчастливилось найти молодого человека, обладавшего всеми этими качествами. Причем КГБ нашел его там, где и не ожидал — за пределами СССР.

...Когда осенью 1938 года в Германии, Франции и Англии началась мобилизация в связи с военной угрозой, из уст британского премьера Невилля Чемберлена прозвучал пламенный призыв к миру. "Как это ужасно, фантастично и невероятно, что нам приходится копать траншеи для защиты от бомб и примерять противогазы из-за ссоры, вспыхнувшей в далекой от нас стране, между людьми, о которых мы, в сущности, ничего не знаем", — заявил премьер. 29 сентября 1939 года ему пришлось лететь в Мюнхен — поклониться рейхсканцлеру Гитлеру и умолять его о мире. К населению "далекой страны", к людям, о которых Чемберлен ничего не знал и поэтому не хотел защищать их от Гитлера, относились и 1600 крестьянских душ, составлявших чехословацкую деревню Здоунки. Деревня была зажиточной, дома были построены из прочного камня, а жители были убежденными католиками.

Вплоть до образования независимой Чехословакии, то есть почти до конца первой четверти нашего века, эта область — Моравия — всегда находилась под властью чужеземцев. Теперь

ее жители с гордостью чувствовали себя независимыми и были горячими патриотами молодого чешского государства. Вечером 29 сентября жители деревни столпились у дома Иозефа Земенека — владельца единственного в этих местах коротковолнового приемника — и с трепетом ждали известий из Мюнхена.

Земенек был низеньким человечком, ростом всего 140 с небольшим сантиметров, к тому же он вечно горбился и был скрючен хроническим ревматизмом, полученным в сырых траншеях в первую мировую войну. Он воевал в австро-венгерской армии, но когда в 1919 году венгерские коммунисты попытались отбить у только что родившейся Чехословакии часть ее территории, Земенек пошел добровольцем в чешские вооруженные силы, чтобы отразить эту агрессию.

Боевые действия закончились, Земенек выбрал себе мирную профессию фотографа и со своим аппаратом и громоздким деревянным штативом неизменно присутствовал на всех свадьбах, крестинах и конфирмациях. Работал добросовестно, а деньги со своих односельчан брал очень небольшие.

Когда в 1930 году до Моравии докатился мировой кризис, Земенек обнаружил, что его доходы сократились вдвое. Чтобы не продавать дома и хозяйства, фотограф поступил довольно логично: он распространил свою деятельность на соседние деревни, а обслуживание односельчан поручил жене, наскоро обучив ее своему искусству.

Характерно, что ему и в голову не пришло подумать, нравится ли жене это занятие и как вообще она сможет вести дело, одновременно управляясь по хозяйству и нянча малыша, родившегося 22 декабря 1929 года. Но надо сказать, что и жена Земенека подобными вопросами не задавалась. А по мере того, как маленький Людек подрастал, он становился помощником родителей: разносил заказы клиентам, помогал возить уголь, топил печь и делал разную домашнюю работу.

И если бы не Мюнхенское соглашение 1938 года и не события той ночи, эхом докатившиеся до глухой чешской деревни, мир никогда не услышал бы о шпионе международного класса по имени Рудольф Герман.

Совещание в Мюнхене началось в полдень 29 сентября, затянулось на всю вторую половину дня и захватило часть ночи. Людеку шел десятый год, и он вместе с родителями и односельчанами ожидал этой ночью известий из Мюнхена. Дик-

тор сообщил, что на свидание с Гитлером прибыли "дуче" — Бенито Муссолини, вождь итальянского народа, французский премьер Пьер Даладье и г-н Чемберлен. Чехословацкие делегаты тоже были здесь — но лишь для того, чтобы по окончании совещания узнать, как решили судьбу их страны четыре великие державы.

"Они нас предали, — тихо произнес Земенек. — Надеяться не на что". Действительно, вскоре после двух часов ночи по радио было объявлено, что "в интересах сохранения мира" Чехословакии придется уступить Германии целиком Судетскую область.

В доме Земенека многие плакали; другие проклинали эти выродившиеся, продажные и лживые западные демократии, которые сначала позволили Чехословакии обрести самостоятельность, а теперь, спустя всего двадцать лет, трусливо обрекли молодое государство на смерть.

— Наци скоро захотят забрать себе и всю Моравию, — говорил Земенек сыну. — Нам придется сражаться с ними, чтобы выжить. Но самое главное: никогда не забывай, как нас предали.

15 марта 1939 года немецкая армия двинулась со своих новых судетских плацдармов и без сопротивления заняла Прагу — столицу Чехословакии. Германия присоединила к своей территории Моравию и Богемию, клочок Словакии отдала Венгрии, а то, что осталось от Чехословацкой республики, сделала крошечным марионеточным государством. Робкие протесты, раздавшиеся на Западе, Людек с презрением расценил как свидетельство бессилия английского и французского правительств.

При содействии отца, ловившего каждую ночь передачи западных радиостанций и комментировавшего новости, Людек приобщался к истории, творящейся у него на глазах. Ход второй мировой войны окончательно убедил его в правоте отцовских суждений — каждый новый эпизод свидетельствовал о хилости и никчемности коварных западных демократий.

Хотя Земенек-старший с недоверием относился и к социализму, с самого начала войны его симпатии были на стороне русских. Ночи напролет он просиживал в кухне и, приложив ухо к приемнику, слушал передачи немецких и советских станций. Советы повсюду отступали, и если даже наполовину верить немецким военным сводкам, напрашивался вывод,

что Россия несет чудовищные потери. Но постепенно СССР как-то оправился от поражений. Он не желал сдаваться на милость Гитлера, как все остальные. Когда его армия выстояла под Ленинградом, остановила немецкие армии под Москвой, разбила немцев под Сталинградом и начала теснить их на запад, — восхищение Земенека русскими стало безграничным.

Он ничего не знал о марксизме-ленинизме и о том, как Советы строят у себя коммунизм. Для него это все была китайская грамота. Но после того как советские войска освободили Чехословакию, он объявил — сначала собственной семье, а затем и всей деревне: "Я — коммунист!"

Людек тоже был всей душой за коммунизм, но в отличие от отца он ревностно взялся за изучение его принципов. Со страстью новообращенного он штудировал труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Не чета другим, он с легкостью разбирался в самых сложных и противоречивых теоретических построениях марксизма. Ничего удивительного, что спустя несколько лет Людек, выдержав самый сложный экзамен, показал, что его способности намного превышают средний уровень, если не близки к блестящим.

В 1945 году Людеку исполнилось шестнадцать лет. Он решил посвятить великому делу коммунизма всю свою жизнь. Маркс, Ленин и Сталин сделались для него божествами, на которых он смотрел, как верующий смотрит на иконы. Их учение было чем-то вроде религии, партию он считал ее храмом. В гимназии он организовал и успешно вел первый марксистский кружок. Подобно пламенным проповедникам Евангелия, он совершал поездки по стране как доверенное лицо Партии, пропагандист, обращающий молодежь в новую веру. На протяжении лета 1946 года ему пришлось распространять листовки, выполнять массу других партийных поручений и выступать на митингах и собраниях в поддержку коммунистических кандидатов, которые в конце концов набрали на общенациональных выборах 38 процентов голосов. Хотя Людеку было всего 17 лет, его приняли в партию, куда могли вообще-то вступать только совершеннолетние, достигшие восемнадцатилетнего возраста.

После коммунистического переворота 1948 года в Чехословакии начались жестокие 'чистки', и, как это случалось и в СССР, страной овладело какое-то безумие. Людека это не

смущало: ведь Ленин учил, что революция требует самопожертвования, страданий, не обходится без отдельных несправедливостей. Судьбе было угодно, чтобы эти несправедливости коснулись и Земенека-старшего.

Из-за преклонения перед коммунизмом, к которому многие в Здоунках относились неприязненно, отец Людека рассорился с большинством друзей. Как только коммунисты начали национализировать мелкие предприятия, он добровольно отдал государству свое фотоателье, хотя его вряд ли можно было назвать предприятием, пусть даже мелким. Земенек продолжал работать фотографом, как всю эту четверть века, но теперь ему приходилось отдавать государству весь доход. Взамен ему платили жалованье — 1200 крон в месяц, несравненно меньше, чем он имел до национализации. Как предприниматель и домовладелец (он сдавал жильцам две небольшие квартирки в собственном доме) Земенек по определению являлся классово чуждым элементом и должен был выплачивать высокий налог. Он принял это спокойно, и у Людека было теперь еще больше оснований восхищаться отцом.

В 1949 году Людек был принят на элитарный факультет международных отношений старинного Карлова университета.

Студентам полагалась ежемесячная стипендия — две тысячи крон. Получив стипендию впервые, Людек насчитал всего 600 крон и обратился в деканат, чтобы выяснить недоразумение. Ему ответили: "Вы не принадлежите к рабочему классу. Ваш отец до сих пор извлекает нетрудовые доходы, сдавая квартиры. Вам и так повезло, что вас сюда приняли".

Чувство долга — а вовсе не страх — заставило Людека промолчать. Это Партия требовала от него жертв, это Партия выразила свое мнение, и его моральным долгом было повиноваться.

Чтобы заработать на жизнь, Людек устроился ночным корректором в партийную газету "Руде Право". По выходным он подрабатывал разгрузкой вагонов на товарной станции и вообще брался за любую работу, которая могла принести ему хотя бы несколько крон.

Преодолевая чудовищную усталость и вечное желание спать, он умудрялся также помогать в учебе другим студентам. К нему часто обращались за содействием — он постоянно шел в числе первой тройки или четверки на курсе. Сверх того, Людек вел партийную работу, выступал с докла-

дами. Не подвергая сомнению правоту партийных принципов, он был на стороне справедливости всякий раз, когда видел, что администрация поступает неправильно. Так, он добился, чтобы студенту, больному туберкулезом, выделили в общежитии отдельную комнату. Студентам запомнились и другие подобные случаи.

Время было тяжелое, кругом продолжались репрессии, и прямота и искренность Людека сделали его очень популярным в университете. При первой возможности однокашники выдвинули его кандидатуру в секретари парторганизации факультета. Партия отвела его кандидатуру — Людеку хотелось думать, что за чрезмерную прямоту и строптивость, но в дальнейшем он вынужден был признать, что причины были иные.

На протяжении последующих трех лет его как одного из лучших студентов собирались направить учиться в Советский Союз, хотели назначить администратором выставки, посвященной тридцатилетию чешской компартии, а затем представителем Чехословакии в составе международной комиссии по наблюдению за перемирием в Корее. Но каждый раз неведомый партийный руководитель накладывал вето: и все потому, что Людек "происходил не из рабочей среды".

Университет он окончил летом 1953 года, оказавшись среди четверки на факультете, получившей диплом с отличием. Большинство выпускников устроилось отлично. Людек — опять-таки из-за своего мелкобуржуазного происхождения — был направлен (притом не в качестве офицера, а вольнонаемным) на службу в бригаду погранвойск, дислоцированную на границе с Германией, в сельской местности. Там в свободные часы он занялся историей этой области, вел политкружок для солдат и вызвался писать тексты выступлений на политсобраниях для офицеров своей части. Ее командир представил Людека русским советникам, прикомандированным к чехословацким пограничным частям, отзываясь о нем как о высокосознательном и политически зрелом юноше. Возможно, кто-то из этих советников запомнил Людека и в дальнейшем, когда подвернулся случай, замолвил за него словечко.

В марте 1955 года, неожиданно даже для командования бригады, пришел приказ вернуть Людека в Прагу: он должен был явиться в министерство внутренних дел. Там восемь человек в штатском беседовали с ним на протяжении двух ча-

сов. Никто из них не считал нужным ему представиться, но Людек понял, что большинство здесь — русские. Это его не удивило: в те дни русские встречались в Чехословакии повсюду, они считались одновременно учителями и братьями, и учиться у них было большой честью.

Беседа началась с выяснения политической подкованности Людека и его отношения к марксизму. Здесь ему нечего было опасаться: он наверняка знал больше любого из присутствующих и отвечал на вопросы не задумываясь, цитируя на память Маркса, Ленина и Сталина. Его непосредственность и эрудиция вызвали одобрение.

Эти люди вежливо выпрашивали, каковы его взгляды и настроения, но после первых же вопросов он понял, что им известные все детали его биографии.

— Должно быть, в университете вам пришлось пережить ряд огорчений, — заметил один из русских. — Ну вот, например, вас несколько раз выдвигали на видные должности, но партия — или кто-то в партии, — каждый раз не давали вам занять эту должность и показать, на что вы способны...

Людек сослался, как обычно, на ленинскую формулировку о необходимости жертвовать собственными интересами во имя революции. К тому же партия дала ему возможность получить высшее образование, и он ей благодарен.

— Назначение, которое вы получили после окончания университета, явно не соответствовало вашим способностям и достижениям в учебе. Это вас не обижало?

— Вначале я посчитал, что партия поступает очень уж расточительно, направляя людей туда, где они не могут применить на деле полученные знания. Но потом решил, что партии видней, кого куда поставить.

— Вы и сегодня так считаете? Готовы послужить родине и партии на том участке, где она признает это наиболее целесообразным?

— А как же иначе, товарищ!

В следующий раз Людека вызвали в Прагу в начале мая. Ему было сказано: "Партия выбрала вас для работы в разведывательных органах. Это очень почетное назначение. Вам оказывается огромное доверие. Вам предстоит много лет прожить за границей, и, не станем скрывать, быть может, рисковать жизнью. Но выбор зависит от вас, дело это абсолютно добровольное. Если вы откажетесь, это никак не отразится

на вашем будущем. Конечно, мы сможем как следует устроить вас и здесь, поручить вам тот или иной важный участок работы. Подумайте несколько дней над этим предложением и сообщите нам свое решение”.

— Мне нечего думать, — отвечал Людек. — Я согласен.

В своей бригаде Людек объявил, что его переводят в Прагу, а родителям сказал, что поедет на политрабоду в Китай, пока неизвестно на какой срок.

Когда он вернулся в Прагу, офицер-чех, называвший себя Ендой, отвел его в какую-то квартиру в уютном старинном доме, дал ключи и деньги и сказал, что первое задание совсем простое. Необходимо, чтобы Людек привык жить в полном одиночестве. Прошло несколько недель; Енда объявил, что теперь Людеку придется пожить в Восточной Германии, усовершенствоваться в немецком языке, а затем его, возможно, направят в Западную Германию для ”борьбы с неонацистами”.

— Надолго? — спросил Людек.

— Года на три. Или на пять. Или на десять. Кто, собственно, это может знать?

Спустя еще несколько недель, звездной ночью, они с Ендой пересекли на машине восточногерманскую границу. Людек был доставлен в старинный университетский городок Галле. Здесь, в квартале, отведенном советским, майор КГБ, представившийся как Александр Афанасьевич, угостил его кофе, что тогда считалось в Восточной Европе невероятной роскошью. Майор был широкоплечим брюнетом с гладким смуглым лицом. Он происходил из семьи потомственных украинских хлеборобов, с юных лет работал в разведке, главным образом за границей. Работе этой он отдал чуть ли не двадцать пять лет жизни, пережил чистки конца 30-х годов и передрыги, постигшие КГБ после смерти Сталина и казни Берия. Его уверенная, немного снисходительная манера разговора сразу понравилась Людеку.

— У вас голова, наверное, пухнет от разных дел, — заявил он. — Давайте я попробую вам помочь — конечно, в пределах моей эрудиции.

Чтобы облегчить Людеку изучение немецкого языка и здешних обычаев, КГБ договорился, что он сможет ходить на занятия в местном университете и пользоваться университетской библиотекой. К тому же ему полагается индивидуальный преподаватель. Поскольку он формально не зачислен

в студенты университета, ему можно будет время от времени отлучаться для получения инструкций от офицеров КГБ в советской военной комендатуре в Карлсхорсте, под Берлином.

Согласно легенде, разработанной для него КГБ, Людек был служащим советского торгового представительства, родившимся в Закарпатье. До 1945 года эта область принадлежала Чехословакии, а затем вошла в состав Советского Союза. Вот почему у Людека такой сильный чешский акцент, а по-русски он говорит с трудом. Как работнику торгового представительства, ему, конечно, необходимо знать немецкий. Словом, все выглядело убедительно и просто.

— Но до того, как вы возьметесь за работу, мы приготовили для вас сюрприз, — заключил Александр Афанасьевич. — Съездите-ка в Москву! Многие наши друзья горят желанием познакомиться с вами.

Переживания Людека, летевшего из Восточного Берлина в Москву на советском военно-транспортном самолете, были, вероятно, близки к тому, что испытывает правоверный мусульманин, направляясь в Мекку.

Два учтивых сотрудника госбезопасности отвезли его в гостиницу "Пекин", вручили ему пакет с деньгами и билеты на несколько спектаклей, снабдили номером телефона для связи на всякий пожарный случай и посоветовали использовать все свободное время для знакомства с Москвой.

Правда, в Москве Людеку понравились только музеи, театры и безупречно действующее метро. Все остальное выглядело ужасно: огромные очереди перед дверьми магазинов, вдобавок полупустых, люди в однообразной, удручающе темной одежде, дома с облезлыми фасадами, пациенты, которые, выйдя из больниц, брели по улицам с забинтованными руками или ногами, причем сквозь бинты нередко проступали пятна крови, — все это не могло не ужасать иностранца и невольно отождествлялось в его представлении со средневековьем. Но Людек не пошатнулся в своей вере. Он говорил себе: все это убожество свидетельствует не о провале коммунистической утопии, а только о благородной жертве, принесенной Советским Союзом на алтарь свободы человечества. Все это — символ беспредельного героизма советского народа.

Людек ежедневно приходил в назначенную ему квартиру и встречался там с сотрудниками госбезопасности — всего их

было более десятка. Двое из них, очевидно, являлись врачами-психиатрами, судя по вопросам, иногда очень странным и отвлеченным, которые они ему задавали. Другие вовлекали его в дискуссии по проблемам марксистско-ленинской теории, иногда — в споры на научные темы или в беседы о международных делах. О разведывательной работе никто и не заикался. Эти русские относились к Людеку с каждым днем все дружелюбнее, а в последний вечер устроили прощальный ужин, на котором было поднято множество тостов с пожеланием ему успехов и блестящего будущего.

По возвращении в Галле Енда сообщил, что отныне Людек поступает полностью в распоряжение КГБ и будет "работать на Александра Афанасьевича".

— Мы присвоили вам имя "Дуглас", - объявил Александр Афанасьевич. — Все сообщения, предназначенные для вас, будут отныне адресоваться Дугласу, все свои донесения вы должны будете подписывать тоже этим именем. Я и звать вас стану Дугласом. Поскольку нам теперь долго придется работать вместе, вы зовите меня Алексом.

"Но ведь меня готовят для постоянной работы в Германии, — с недоумением подумал Людек. — Казалось бы, мне должны дать немецкое имя. А Дуглас — это ведь английское или американское?"

Однажды вечером в университетской библиотеке появилась незнакомая Людеку девушка — стройная, цветущая, с льняными волосами и кокетливыми голубыми глазами. Ее носик был чуть-чуть вздернут, а губы то и дело раскрывались в задорной улыбке. Вскочив со стула, Людек представился и тут же пригласил прекрасную незнакомку в кафе. Она охотно согласилась — представлялся случай поговорить с "русским", а она как раз изучала русскую литературу и славянские языки. И чем дольше они разговаривали, тем больше общего находили друг у друга.

Инга Юрген родилась в Судетской области. Ее родители — немцы, но из антипатии к Гитлеру сделались убежденными коммунистами. После того как Германия проиграла войну, Судетская область была возвращена Чехословакии, а большинство ее жителей немецкого происхождения было выдворено, независимо от их политических взглядов. Изгнанная из собственного дома, семья Инги, подобно сотням тысяч других, нашла прибежище в Восточной Германии. Но, как и

отец Людека, эта семья сохранила верность коммунистическим убеждениям. Едва достигнув совершеннолетия, Инга вступила в партию и посвятила себя делу коммунизма.

Девушка согласилась преподавать Людеку немецкий, и оба взялись за дело так энергично, что Алекс не мог нарадоваться на успехи своего подчиненного.

В феврале 1956 года Алекс попросил, чтобы Людек побывал на специальном приеме в советской комендатуре в Карлсхорсте. Там он был представлен симпатичной двадцатилетней аргентинке по имени Розмари.

— Тебе понравилась эта девушка? — спросил наутро Алекс.
— Что, если вы, так сказать, объедините свои судьбы?

Людек похолодел. Алекс заметил, что от одной этой мысли его подчиненному почему-то сделалось не по себе.

— Подумайте, как много даст вам такой шаг, — начал настаивать присутствующий при разговоре полковник КГБ. — Рядом с вами день и ночь будет верный товарищ, о вас всегда будет кому позаботиться — при всех обстоятельствах. Вам не придется терять время, ухаживая за девушками, вы избавляетесь от риска оказаться в постели с какой-нибудь потаскушкой. А представьте, если вам вдруг понадобится уехать из дому на ночь, на неделю, а возможно, и на более продолжительный срок, — как вы объясните это посторонней женщине, не причастной к вашей работе? Нет-нет, вашей партнершей может быть только наш человек, способный помочь во всем — коснется ли дело фотосъемки, тайников, связи, — одним словом, абсолютно во всем! Вы не должны чувствовать себя одиночкой, заброшенной во вражеский тыл. Рука друга, который всегда рядом, — это ведь неоценимо! Поверьте, у нас большой опыт на этот счет, и мы вам рекомендуем оптимальный вариант.

— Конечно, на такой вопрос трудно ответить сразу, — вмешался Алекс, видя, как поражен Людек таким оборотом дела, и пытаясь смягчить нажим. — Но в целом товарищ полковник абсолютно прав. Тут надо принять во внимание и следующее: то, что вы будете мужем и женой, очень облегчит вам безопасное проникновение на Запад, мы на этом можем выиграть годы и годы. Женясь на аргентинке, ты сможешь приобрести аргентинское гражданство. А мы знаем, что гитлеровцы, проиграв войну, массами хлынули в Аргентину. Ты окажешься среди них, сможешь выдать себя за человека пра-

вых взглядов... Нет, аргентинский паспорт для тебя — это такая находка, что нельзя ее недооценивать. С ним ты сможешь разъезжать по всему свету, как это делают многие немцы, окопавшиеся в Южной Америке...

На некоторое время Людека оставили в покое. Но все эти дни он мучился, не находя себе места, и впервые в его душу закралось сомнение. Если придется выбирать между партийным долгом и Ингой, он не уверен, что перевесит этот тяжкий партийный долг.

Прошло три недели, и судьба пришла ему на помощь.

— Эта аргентинская девочка оказалась абсолютной дурочкой, — неожиданно объявил Алекс. — В Париже она разоткровенничалась в ЦК французской компартии, хвасталась, что ей доверяет КГБ. Нам, должно быть, придется отказаться от такой хорошей идеи. Ее нельзя принимать всерьез.

— Ну и ладно, — откликнулся Людек. — Тем более что у меня уже есть девушка.

— Кто такая?

— Моя репетиторша, Инга. Я вам, кажется, говорил: она член партии, человек абсолютно надежный.

— А что, ты собираешься на ней жениться?

— Собираюсь.

— Ты полагаешь, она захочет работать с тобой... то есть, работать на нас?

— Я уверен.

— Ну если так, нам придется ее основательно проверить.

Той же ночью, нарушая все правила конспирации, Людек признался Инге, кто он такой, и передал свой разговор с Алексом.

Через несколько дней в университет явился какой-то восточногерманский чиновник, — или, может быть, русский, прекрасно владеющий немецким, — и уведомил Ингу, что ей предполагается предоставить ответственную должность, как только летом 1956 года она закончит университет. Он подробно расспросил ее о родителях, о друзьях и задал сверх того множество нетрадиционных вопросов. За ним зачастили визитеры, которых интересовали политические взгляды Инги, уровень интеллекта, личные вкусы и пристрастия. Были исследованы биографии ее родителей, поинтересовались мнением друзей и подруг. Похоже, Инга была такой же подходящей кандидатурой для работы в разведке, как и сам Людек.

Ее спросили, хочет ли она выполнить секретное и опасное задание партии, ради которого ей придется отправиться в Западную Германию. Она ответила утвердительно, ничуть не колеблясь.

Между тем Людек успешно готовился к шпионской деятельности. Каждую субботу он представлял Алексу письменный отчет за прошедшую неделю, содержащий характеристики всех, с кем он встречался. Он овладел искусством составления сжатых донесений, насыщенных фактами, научился различать в своих знакомых и собеседниках такие черты характера, которые могли бы представлять интерес для КГБ. Бродя по улицам Галле, он учился выбирать подходящие места для тайников, руководствуясь критериями, с которыми его познакомил один из карлсхорстских инструкторов. Не слишком ли труднодоступен тайник? Позволит ли его расположение агенту оставлять там или забирать оттуда материал без риска быть замеченным? Не привлечет ли он внимания любопытных и вездесущих ребятишек? Не намечаются ли в этом месте какие-нибудь строительные или дорожные работы, переоборудование, ремонт, реставрация? Можно ли считать данный тайник пригодным только для однократного использования, или же он годится на длительное время?

Так же педантично Людек исследовал и свое временное жилище в Галле, отмечая про себя каждый укромный уголок и всякую щелку, которые можно использовать для хранения шифровального блокнота и кусочка пленки с расписанием радиопередач. Все эти навыки пригодятся ему, когда он будет жить во враждебной коммунизму стране. Выходя на улицу, он каждый раз играл сам с собой в ставшую уже привычной игру: брал под наблюдение какого-нибудь прохожего, "уходил из-под наблюдения" сам, — хотя, конечно, в Галле никто за ним не следил.

Чтобы проверить способности Инги, КГБ поручил ей несколько практических заданий в Западной Германии. Среди них было, например, такое: вложить в тайник на окраине Бонна карандаш, якобы содержащий внутри рулончик микропленки. Задания она выполнила без всяких осложнений, и в конце августа Алекс объявил Людеку: "Инга прошла проверку. Ты, выбрав ее, кажется, не ошибся, и я уверен, что ваш брак будет одобрен. Но сначала на нее хотят поглядеть в Москве".

Там она подверглась той же идеологической и психологической проверке, какую проходил годом раньше Людек. По ее возвращении обоих забрали в Карлсхорст, где им пришлось вызубрить легенду, превращавшую каждого из них как бы в другого человека.

— Отныне ты будешь Рудольфом Германом, — сказал Алекс. — Ты теперь не Людек, а Руди. Ру-ди! Затверди про себя: Герман, Герман, Герман!

Из советских архивных хранилищ КГБ извлек дух подлинного Рудольфа Германа, солдата вспомогательного батальона германской армии, который пропал без вести на территории СССР в 1943 году. За истекшие годы КГБ провел необходимый розыск и убедился, что у Рудольфа Германа не осталось близких родственников. Это обстоятельство и дало основание "воскресить" его через много лет.

После ряда репетиций и уточнений Людек предстал перед следователями из КГБ и доложил им, ни в чем не сбиваясь:

— Меня зовут Рудольф Герман, для своих знакомых я просто Руди. Я родился в Судетской области 22 апреля 1925 года. Мои родители — немцы. Мой отец был стекольщиком. Так как он болел туберкулезом в открытой форме, я перешел жить к бабушке. Она отдала меня в чешскую школу, где приходилось все время говорить по-чешски. Потом меня из-за этого не приняли в гимназию: я недостаточно чисто говорил по-немецки. Мне пришлось посещать специальную школу для исправления произношения. Но тут началась война, и я начал работать как подручный слесаря на заводе, который ремонтировал военную технику. Когда мне исполнилось семнадцать лет, я добровольно записался в строительную организацию Тодта и был направлен в Прагу, где работал шофером — возил разные грузы, обычно между Прагой, Бреслау и Веной.

13 февраля 1945 года — этот день запомнился мне на всю жизнь — один инженер организации Тодта поручил мне доставить в Берлин какую-то проектную документацию. Я выехал из Дрездена как раз перед страшной американской бомбежкой, но мой грузовик был накрыт прямым попаданием бомбы на автостраде примерно в 75-ти километрах к югу от Берлина. Меня ранило в ногу (у Людека были шрамы на левой ноге, оставшиеся с детства, когда он пытался перелезть через забор с колючей проволокой), и получилось так, что я

оказался в госпитале германских военно-воздушных сил. Когда пришли русские, раненые из госпиталя частично были эвакуированы, частично распущены, а я вышел на шоссе и голосовал, чтобы добраться на попутной машине к себе домой, в Богемию. Меня довезли до Дрездена, а там опять поместили в госпиталь, так как я потерял много крови.

Мои мама и бабушка умерли во время войны. Когда война кончилась, я пытался найти своих родственников, оставшихся в живых, — дядю и тетю, но из этого ничего не вышло. Поэтому я остался в Дрездене. Я получил там место на консервной фабрике.

Но я всегда любил читать, и поэтому, узнав, что государственному книжному магазину в Магдебурге требуются продавцы, поехал туда и предложил свои услуги. Там я работал продавцом с конца ноября или начала декабря 1951 года до конца 1957-го. Ушел оттуда потому, что хотел жить вместе со своей девушкой, а она как раз тогда получила очень хорошую работу — устроилась секретаршей во Франкфурте-на-Одере.

На этом легенда временно обрывалась. КГБ считал, что теперь Рудольфу Герману следует попытаться самому подыскать себе работу во Франкфурте или его окрестностях, и таким образом его вымышленная биография получит естественное продолжение.

Легенда, разработанная в "центре" специалистами по нелегальной работе, в техническом отношении была безупречной и выдержала бы любую проверку. Если где-либо все еще сохранились метрические записи, делавшиеся в 20-е годы на территории Судетской области, они подтвердят дату и место рождения Рудольфа Германа. Личные дела рабочих организации Тодта, по всей вероятности, пропали или были уничтожены в дни краха гитлеровской Германии либо за годы последовавшей за этим оккупации. Но если они, паче чаяния, уцелели, там тоже найдется свидетельство, что юный Рудольф Герман добровольно вступил в ряды организации Тодта в 1942 году. Среди личных дел рабочих и служащих консервной фабрики в Дрездене и государственного книжного магазина в Магдебурге хранились и документы, отражавшие тамощнюю трудовую деятельность Германа — об этом позаботился КГБ, ибо настоящий Герман, как известно посвященным, не вернулся с войны. Вдобавок если кто-либо захочет

навести там справки об этом работнике, КГБ сразу будет извещен, что также немаловажно. Книжный магазин был выбран для Руди не случайно — ведь, согласно легенде, ему не удалось получить сколько-нибудь приличного образования, а вместе с тем он производит впечатление вполне интеллигентного человека, — надо понимать, что он нахватался знаний, да и книжных оборотов речи, потому что с детства любил читать, а вдобавок проработал несколько лет в книжном магазине.

К тому же главная сила легенды была в ее заурядности. Из биографии Руди вырисовывалась фигура мелкого служащего с плебейским прошлым, едва ли способная вызвать интерес у посторонних, — а тем более возбудить какое-либо подозрение. Такая легенда делала его совершенно безликим, неразличимым среди миллионов беженцев и перемещенных лиц, столь характерных для послевоенной Европы.

Естественно, Руди пришлось побывать на консервной фабрике и в магдебургском книжном магазине и познакомиться с обоими городами, проведя в каждом по несколько дней. Он даже купил там гравюры, изображающие исторические достопримечательности каждого города, и собирался захватить их с собой на Запад как осязаемое свидетельство своей привязанности к этим местам. КГБ раздобыл где-то старый немецкий грузовик, нашел опытного механика, и тот познакомил Рудольфа с особенностями конструкции этой развалины. Целыми днями Рудольф изучал фотографии бывших сослуживцев и запоминал основные детали их биографий.

Как-то в ноябре, придя на еженедельное деловое свидание с Алексом, Руди увидел, что Алекс стоит на тротуаре перед домом, вместо того чтобы ждать, как обычно, внутри.

— Печальная новость, — промолвил Алекс, обняв Руди за плечи. — Сегодня утром скончался твой отец. У нас тут есть машина с водителем-чехом, он подбросит тебя домой в Здоунки. Вот твои старые документы и чешские деньги. Свой советский паспорт верни мне, я его пока подержу у себя.

Приехав с похорон отца, Руди узнал, что Инга сделалась Ингалоре Мерке. Настоящая фрейлейн Мерке родилась в Штеттине 10 февраля 1931 года и погибла вместе со всей семьей в 1944 году во время воздушного налета на этот город. Ее подлинное свидетельство о рождении по сей день хранилось в магистрате Западного Берлина.

КГБ пристроил Ингу на секретарскую должность в госу-

дарственном проектном бюро. Алекс продолжал настаивать, чтобы Руди сам подыскал себе работу там же, во Франкфурте-на-Одере, или где-нибудь поблизости, по возможности на одном из мелких частных предприятий. Таких оставалось в Восточной Германии уже совсем немного, но с точки зрения успешного завершения легенды, разработанной для Руди, было важно, что их персонал не подбирается государственными отделами кадров, а нанимается самими владельцами.

В январе Руди начал обходить одну за другой лавки и мастерские в Фюрстенвальде, неподалеку от Франкфурта, но оттого ли, что погода была отвратительной и он съежился от холода и выглядел недостаточно презентабельно, то ли из-за своего не вполне чистого немецкого выговора, везде он получал отказ. Пришлось приезжать сюда день за днем. На четвертый день он зашел в небольшой магазинчик автодеталей, принадлежавший семидесятилетнему седому немцу с суровой внешностью. Весь персонал магазина составляли престарелая жена хозяина, дочь — старая дева и нерасторопный делопроизводитель. Старик страдал глухотой и то и дело повышал голос до крика.

— Что? Что? — закричал он на Руди. — Почему вам нужна работа именно здесь?

— Потому что я не желаю работать с этими проклятыми коммунистами! — заорал Руди в ответ.

— Ну ладно, я вас возьму!

Сам КГБ не мог бы подобрать более благоприятного варианта. Руди попал к закоренелому, непримиримому нацисту, вернее, даже в нацистское гнездо. С точки зрения этих людей, вина Гитлера состояла только в том, что он не смог выиграть войну. Сын старика после войны пытался взорвать какой-то советский штаб и теперь сидел в тюрьме. Его отец, хозяин магазина, разумеется, не был таким безумцем, чтобы пытаться совершать подобные диверсии. Он просто был матерым нацистом, сверхнацистом, точно так же, как Руди, живя в Чехословакии, слыл там сверхкоммунистом.

При Гитлере старик занимал должность старшего налогового инспектора. Он все еще сохранял свою профессиональную хватку. Теперь он обучал Руди бухгалтерии, учил вообще, как вести дела и как обходить налоговые правила. Заодно Руди впитывал нацистскую мифологию, невольно запоминал слова и мелодии нацистских песен. Заучил он и бук-

важно все доводы, какие только можно было выдвинуть против этого варварского, безбожного коммунизма. Эти доводы неоспоримо доказывали, что коммунизм — проклятие человечества.

16 января 1957 года, в девять утра, Руди сошел со своего велосипеда у здания франкфуртского магистрата, где они с Ингой собирались зарегистрировать свой брак. Служащая магистрата отказалась приступить к церемонии, поскольку жених позволил себе явиться без букета цветов. Руди объяснил, что все цветочные магазины еще закрыты, а ему и его невесте через час с небольшим надо уже возвращаться на службу. Служащая со вздохом водрузила на свой стол горшок с каким-то тусклым растением, и обряд был совершен. Брачную ночь молодые провели в неотопливаемой чердачной комнатке, которую Инга снимала в доме какой-то вдовы. Открыв бутылку вина, купленную ради торжественного случая, Руди обнаружил, что вино замерзло.

КГБ задержал отправку Руди в Западную Германию, пока у молодой четы не появится ребенок. В октябре Инга родила сына, который получил имя Петер. 26 ноября Руди сел на поезд в Западном Берлине, чтобы добраться до Штуттгарта и попытаться найти работу где-нибудь в окрестностях этого большого промышленного города.

Закрывшись в тесной комнатке недорогой гостиницы, Руди вырвал листок из специального блокнота, положил его на лист обычной бумаги и написал несколько невидимых строчек, сообщая начальству о благополучном прибытии на место. Сняв этот листок, он на той же странице набросал бессодержательное обычное письмо и отослал его на условленный адрес в Западном Берлине. Прошло несколько дней. Открыв полую ручку щетки для волос, Руди извлек оттуда шифровальную табличку и программу восточногерманских радиопередач. В семь вечера, настроив обычный приемник, оказавшийся в гостинице, на волну, указанную в программе, он различил в передаче несколько групп коротких и более длинных сигналов, записал их и, расшифровав с помощью таблички, прочел: "Поздравляем с благополучным прибытием. Продолжайте обследовать свое окружение и докладывайте. Жена и ребенок чувствуют себя хорошо".

Как-то раз, обследуя Фрайбург — живописный старинный городок, Руди заметил, что к нему приближается элегантно

одетый старик. Незнакомец представился: Отто Зеефельдер. Не может ли Руди рекомендовать ему какой-нибудь приличный ресторан поблизости? С детства Руди внушали, что к чужим людям, особенно пожилым, надо относиться внимательно и с уважением. Он сказал, что знает здесь только одно место, где можно перекусить, — студенческий кафетерий. Оба отправились туда и остались вполне довольны тем, как их накормили. Зеефельдер начал расспрашивать о гостинице. Руди с похвалой отозвался о пансионе, где он остановился: там очень чисто, очень тихо... И Зеефельдер тоже снял там комнату.

На следующий день, гуляя с Руди по городу, новый знакомый рассказал ему о себе. В 30-е годы у него было текстильное предприятие в Аргентине, сделавшее его состоятельным человеком. Когда Гитлер обратился к немцам во всем мире с призывом вернуться на родину, продав свое имущество за рубежом, Зеефельдер приехал в Баварию и открыл ткацкую фабрику в Ихенгаузене. Он и сейчас богат, но, к его великому сожалению, у них с женой нет детей.

Прошел еще день. Около шести утра Зеефельдер постучался в комнату Руди: "Господин Герман, я уезжаю! Нельзя ли попросить вас встать и проводить меня до вокзала? Мне надо сказать вам кое-что важное..."

Зеефельдер выразил желание, чтобы Руди поступил работать к нему на фабрику. Возможно, он даже предоставит ему должность управляющего. Руди с семьей сможет поселиться на верхнем этаже большой виллы Зеефельдера. Как же так, заметил Руди, он ведь совсем ничего не понимает в тканях и в текстильном производстве. "Молодой человек, — возразил Зеефельдер, — зато вы хорошо соображаете и умеете ладить с людьми. Этого достаточно".

Перед самым Рождеством Руди выскользнул в Восточную Германию, и КГБ распорядился, чтобы он немедленно принял предложение Зеефельдера. С видом учителя, гордого своим учеником, Алекс сообщил ему, что постановлением Совета министров СССР Руди присвоено звание старшего лейтенанта. "Вы — мой самый многообещающий ученик. Самый способный. Жду от вас новых блестящих успехов!"

Зеефельдер и его жена приняли Руди и Ингу радушно, как близких людей, и привязались к Петеру как к родному внуку. Зеефельдер настоял, чтобы Руди позволил купить для

него дорогой темный костюм, какой подобает носить управляющему фирмой. Сбросив свою куртку из заменителя кожи, поношенный свитер и заношенную беженскую рубашку и облачившись в новый костюм, Руди внезапно преобразился в важную персону, смахивающую то ли на банкира, то ли на дипломата.

Зеефельдер уже представлял его клиентам и другим деловым людям как своего "будущего управляющего". В своем обширном винном погребе, заставленном бочками и рядами бутылок, он учил Руди разбираться в винах, утверждая, что это не только полезно, но является общественной необходимостью в той среде, где предстоит вращаться его управляющему. Повсюду сопровождая Зеефельдера, Руди жадно постигал нравы, манеры и обычаи финансово-промышленной элиты. Он быстро приобретал лоск, респектабельность, свойственные этой публике, и умение себя вести в высших слоях западного общества, — хотя КГБ предполагал, что на усвоение этих навыков его питомцу понадобятся годы и годы.

Однажды вечером, задержавшись с ним вдвоем в конструкторском бюро, Зеефельдер объявил, что намерен завещать Руди свое предприятие. Тому, конечно, и в голову не пришло, что, быть может, именно сейчас имеет смысл порвать с КГБ, принять на себя управление фабрикой и начать жить обеспеченной, независимой жизнью. Напротив, Руди был всерьез обеспокоен. Став управляющим, он полностью привяжет себя к Ихенгаузену и уж наверняка не сможет разъезжать, выполняя поручения КГБ. Когда же потребуется — а это может случиться в любой момент, — чтобы он вообще переехал, его отъезд нанесет старику тяжкий удар.

Прошло несколько дней, и Руди угрюмо признался Зеефельдеру: нет, он не годится на роль управляющего. Будущее фабрики зависит от того, удастся ли Зеефельдеру нанять человека с опытом; а он, Руди, едва ли скоро приобретет такой опыт. Фабрикант, скрывая разочарование, сказал, что он это понимает и постарается подыскать для Руди какую-нибудь другую работу.

По совету Зеефельдера, Руди вложил 5 тысяч марок, полученных от курьера КГБ, в покупку небольшого снабженческого бюро, обслуживавшего главным образом школы. Приобретая — тоже на средства КГБ — подержанный "Фольксваген", он начал объезжать потенциальных клиентов; дело

понемногу пошло, он приобретал сразу опыт коммерсанта и администратора.

В июле 1958 года на имя г-на Германа пришло официальное письмо из Управления по охране конституции. Руди и Инга знали, что так называется служба безопасности ФРГ, и почувствовали себя так, точно их вдруг обдало ледяным душем. В письме сообщалось, что на следующей неделе, в 10 часов утра, представитель Управления явится для беседы с г-ном Германом "по вопросу, носящему служебный характер". Нельзя было исключить, что за этим последует арест.

Служащий Управления по охране конституции, г-н Гофман, оказался импозантным мужчиной высокого роста. По спокойным, полным достоинства манерам его можно было принять за какого-нибудь заслуженного профессора. Извинившись, что отрывает Руди от деловых занятий, он заверил, что его визит не должен давать повода для какого-либо беспокойства. Закон требует, чтобы все беженцы с Востока были опрошены для выяснения всех деталей их биографии, и он пришел просто для того, чтобы выполнить это требование закона. Руди и Инга бойко повторили ему каждый свою легенду.

— Могу ли я узнать, г-н Герман, что заставило вас решиться на бегство в Федеративную республику?

Руди встал, прошелся по комнате и спокойно начал перечислять все язвы коммунистического режима. Рабочие и крестьяне подвергаются зверской эксплуатации. Партийные бюрократы жиреют, паразитируя на теле собственного народа. Коммунисты — это настоящие империалисты, убийцы, готовые убивать всех и каждого по прихоти своих безумных диктаторов. Нацисты, и те были лучше, — они, по крайней мере, убивали строго отобранных, а не случайных людей.

— Я разделяю ваши чувства, господин Герман. Но я, как видите, намного старше вас и поэтому знаю чуть больше о нацизме. Немецкий народ, как и советский, сам по себе не плох. Оба народа — и каждый их представитель в отдельности — тяжко пострадали из-за гнусных политических режимов, установившихся в Германии и в России. Но мы здесь, в Федеративной республике, создаем здоровое демократическое государство, и хорошо было бы, если б вы тоже смогли внести посильный вклад в строительство и укрепление такого государства. А пока мне остается поблагодарить вас за то, что вы так любезно ответили на все мои вопросы.

Благополучный исход этой встречи с представителями властей Руди и Инга отметили, распив бутылку шампанского.

Однако они радовались преждевременно: спустя несколько дней господин Гофман без всякого предупреждения снова наведася к ним, чтобы сделать Руди "почетное предложение, свидетельствующее о величайшем доверии". А именно: политические убеждения и персональные данные Руди произвели на господина Гофмана и его начальников такое сильное впечатление, что они пожелали после специальной подготовки направить его в Чехословакию в качестве агента западногерманской разведки. Конечно, это трудная работа, более того, опасная, и она означает, что ему придется надолго расстаться с женой и сыном. Но это — благородное дело, ибо таким образом Руди будет способствовать искоренению того самого зла, которым он так возмущался от имени всего человечества.

— Я понимаю, мое предложение требует, чтобы вы над ним как следует поразмыслили. Мы даем вам время подумать. Только, пожалуйста, ни с кем не делитесь тем, что я вам сказал... даже с собственной женой. Ее спокойствие и благополучие будет зависеть от вашего молчания.

— Боже мой! — горестно воскликнула Инга. — Что же нам теперь делать?

Интуиция подсказывала Руди, что ему не следует консультироваться с КГБ, как поступить: могло случиться, что невидимый и анонимный чиновник в "центре" просто не поверит, что ему, Руди, вдруг ни с того ни с сего удалось завоевать доверие западногерманских секретных служб. Но как же ему отклонить такое серьезное предложение, апеллирующее к его патриотическому долгу? Отклонить его — значит выказать себя пустым фразером и трусом, а может быть, и навлечь на себя подозрение, которое даст основания властям оказывать на него дальнейшее давление или даже начать тщательное расследование деталей его биографии.

Неделю спустя, все еще не зная, на что решиться, и мучительно раздумывая, как ему поступить, Руди шел в Ульме по улице, где находился пользующийся скандальной известностью публичный дом, посещаемый в основном американскими военными служащими из числа сержантского состава. И здесь его ждало неожиданное избавление от тревог последних дней. Из публичного дома вывалился на нетвердых ногах не кто иной, как господин Гофман. Справа и слева за него цепля-

лись две грубо покрашенные, нелепо разодетые и пьяно хихикающие проститутки.

Руди бросился к нему для рукопожатия. "Господин Гофман! — радостно окликал он смутившегося чиновника. — Вы меня узнаете? Я — Герман из Ихенгаузена! Какая неожиданная встреча! И надо же, что именно здесь... Мы с женой ждали вас, ждали... А вы вот, оказывается, где!.." Смятение, выразившееся на лице Гофмана, было гарантией тому, что Руди никогда больше не увидит его у себя дома и ничего о нем не услышит. Вероятно, его коллеги теперь тоже оставят Руди в покое. Что называется — пронесло.

Пока все шло более или менее нормально, Руди обменивался сообщениями с "центром" едва ли чаще, чем раз в месяц. Иногда "центр" требовал от него анализа политических событий, например, в таком роде: "Дайте оценку шансов прогрессивных кандидатов на предстоящих выборах. Дайте оценку отношения беженцев из Восточной Европы, осевших в ФРГ, к идеям социализма". Руди отвечал предельно честно: "В обозримом будущем я не вижу ни в одной из германских земель никаких шансов у действительно прогрессивных кандидатов или у таких, которые пользуются репутацией прогрессивных". "Беженцы всецело на стороне империалистической идеологии и еще долгое время будут подогревать всякого рода реваншистские настроения в ФРГ". "Центр" каждый раз бесстрастно отвечал: "Ваше сообщение учтено..."

Как-то, заглянув в фотомагазин, Руди купил себе камеру японской марки. В те времена многие немцы все еще смотрели на японскую продукцию свысока, считая, что японцы копируют западноевропейские технические достижения, это и дает им возможность продавать изделия по дешевой цене. Но Руди знал толк в фотоаппаратуре и сразу понял, что камера первоклассная, несмотря на относительно низкую цену. У него возникла мысль открыть представительство какой-либо японской оптической фирмы, чтобы самому продавать импортную аппаратуру и оптику. Заручившись согласием одной из японских фирм, он ликвидировал свою контору и открыл магазин фотопринадлежностей в Хейльбронне, к северу от Штуттгарта. Спустя некоторое время этот магазин смело можно было отнести к числу процветающих.

"Центр" одобрял его действия. Руди вполне закрепил свои позиции в ФРГ как образцовый германский гражданин и биз-

несмен с безупречной репутацией. Его реальная биография, начавшаяся в Западной Германии, по мере того, как шло время, все больше отодвигала в тень ту выдуманную, с которой он начал работать на КГБ. Это тоже повышало его неуязвимость. 31 декабря 1960 года "центр" поздравил его с присвоением звания капитана.

В конце февраля следующего года Руди получил сообщение с пометкой "срочное". Его текст гласил: "В самое ближайшее время, при первой возможности, посетите Канаду и Соединенные Штаты в качестве туриста. Установите, сможете ли жить и эффективно работать в этих странах".

В апреле на борту туристского теплохода "Севен Сиз" Руди отправился из западногерманского порта Бремерхафен в Монреаль. Проведя несколько дней в Монреале, он посетил затем Оттаву, Торонто, Виндзор и Детройт, задержался на пару дней в штате Мичиган, оттуда проследовал поездом в Нью-Йорк и спустя неделю вылетел домой.

Америка произвела на него благоприятное впечатление. Вернувшись в первых числах июня в Хейльбронн, он закончил свой отчет о поездке такими словами: "Я готов перебраться в любую из этих стран (т.е. США или Канаду) и уверен, что вполне смогу там работать".

"Центр" быстро откликнулся: "Немедленно обратитесь в канадское консульство с просьбой о въездной визе. Начните интенсивное изучение английского. Готовьтесь ликвидировать свой магазин. Желательно прибытие Герды (кодовое имя Инги) в августе на совещание в "центр". Указания касательно ее поездки последуют дополнительно".

Инга отправилась в Восточный Берлин — это было как раз в те дни, когда сооружалась, но еще не была закончена пресловутая Берлинская стена. Там она поручила маленького Петера заботам своих родителей (те полагали, что их дочь замужем за советским дипломатом, работающим в какой-то из стран Азии) и в сопровождении офицера КГБ вылетела в Москву.

В сентябре она вернулась, доставив новые шифровальные блокноты, несколько усложненное расписание сеансов радиосвязи, портативную приставку к приемнику, которая должна была облегчить прием в Канаде коротковолновых советских станций, пять тысяч американских долларов и комплект инструкций. По получении виз супругам Герман предла-

галось отбыть в Канаду, поселиться там в Торонто, открыть собственное небольшое дело, желательно тоже магазин фотопринадлежностей, и сделаться надежными, лояльными канадцами, точно так же, как они сделались надежными, лояльными гражданами здесь, в Западной Германии.

Кроме всех этих важных, но прозаических вещей, Инга привезла с собой из Москвы нечто иное: она выглядела небывало воодушевленной. До Москвы она без всякого энтузиазма относилась к идее переселения в Канаду, так далеко от родителей, остающихся в Восточной Германии. Теперь, напротив, она как одержимая торопила Руди, то и дело напоминая ему о партийном долге, о том, насколько важно поскорее пустить корни в новой для них стране.

— Знаешь ли, не учи меня! — взорвался в конце концов Руди. — Когда дело касается моих обязанностей и моего долга, я не нуждаюсь в твоих поучениях, да и в назиданиях Москвы тоже, если они исходят даже от самого Хрущева! Ты подчинена по работе мне, а не им, запомни это!

— Но они почему-то так рассчитывают на нас... — настаивала она.

— Чего же они от нас хотят, в конце концов?

— Не знаю. Они говорят, что скажут нам потом, когда мы укрепим там свое положение...

16 февраля 1962 года супруги вылетели в Канаду. Монреаль встретил их жутким холодом. За две недели они присмотрели приличный домик в одном из пригородов Торонто и купили его, уплатив в качестве первого взноса семь с половиной тысяч долларов.

Консультант по продаже недвижимости заявил Руди, что в Торонто слишком много фотомагазинов, так что едва ли имеет смысл открывать еще один, и посоветовал приобрести магазинчик по продаже деликатесов, который как раз продается. Он, правда, требует ремонта, но расположен в удачном месте и, при умелом ведении дела, будет приносить порядочный доход. Руди подумал — и приобрел этот магазинчик — "Гаролдс Деликатессен" на Йондж стрит, — заметив про себя, что он расположен совсем неподалеку от здания КРК — Канадской радиовещательной корпорации.

Переступив в первый раз порог магазина, Инга не могла удержаться от слез: помещение оказалось настолько запущенным и захлавленным, что ее немецкая душа не выдержала

этой картины разорения и упадка. Засучив рукава, супруги принялись наводить порядок, чистили, мыли, скребли, ведрами выносили мусор, израсходовали уйму дезинфицирующих средств, инсектицидов, краски, эмали, оклеили стены обоями, установили новое оборудование, новую стойку и расставили в крохотном помещении миниатюрные столики.

Когда кругом распространился слух об отличном картофельном салате, который Инга готовит по немецким рецептам, о вкусном хлебе, выпекаемом ею тут же при магазинчике, и об особенно вежливом обслуживании, "Гаролдс Деликатессен" начал привлекать все больше и больше клиентов. Среди них были, конечно, операторы телевидения, техники и прочие служащие Канадской радиовещательной корпорации. Некоторые из них оказались иммигрантами из Германии. Порой они задерживались в магазине после закрытия, чтобы пропустить стаканчик вина и послушать нацистские песни военного времени, записи которых Руди привез с собой. Эти песни и явно правые убеждения хозяина привели к тому, что кое-кто стал называть его "Руди-нацист". Впрочем, это не вредило популярности заведения. К тому же Руди завоевал симпатии операторов телевидения КРК, охотно одалживая им свою великолепную кинокамеру "Аррифлекс", купленную в Германии. Она так нравилась телевизионщикам, что КРК начала официально брать ее напрокат, выплачивая за нее Руди по 25 долларов в день.

Ежемесячно Руди отправлял письма с обычным и невидимым текстом на условленный адрес в Берлине. Больше никакими тайными делами он пока не занимался, если не считать приема и расшифровки передач "центра", предназначенных специально для него. Нередко эти сообщения, расшифровка которых занимала по двенадцать часов и более, оказывались попросту поздравлениями с первомайским праздником, с Днем освобождения Чехословакии, годовщиной образования ГДР, а то и поздравлением ко дню рождения самого Руди, или Инги, или даже Петера. Кончилось тем, что Руди попросил "центр" прекратить все сообщения, кроме чисто оперативных и кроме срочных случаев, касающихся, допустим, родителей, оставленных в Восточной Европе.

Время от времени оценивая свое положение, как полагается осмотнительному человеку, Руди пришел к выводу, что его компрометирует наличие в доме слишком мощного и гро-

моздкого приемника, снабженного к тому же приставкой советского изготовления. Он поделился своими сомнениями с "центром". Тот отреагировал несколько необычно: Руди было приказано поехать в глухую местность в 80-ти милях к северу от Оттавы и там извлечь из земли запрятанный в лесу портативный приемник. Все ориентиры и приметы, позволяющие его найти, были расписаны настолько скрупулезно, что Руди без труда обнаружил указанную ему березу, начал копать, отступив от ее ствола точно полтора метра к западу, и, углубившись на метр с небольшим, вытащил коробку в оболочке из литой резины. Неважно, кто и когда закопал здесь эту вещь, но, судя по упаковке, она при необходимости могла лежать в земле долгие годы.

Сняв наружную оболочку и пластиковую обертку, оказавшуюся под ней, Руди вскрыл влагонепроницаемый металлический ящик, снял еще один слой резины, — и его глазам предстала голубовато-серая коробка приемника длиной четверть метра, с наушниками и вытяжной двухметровой антенной. Ему никогда еще не приходилось видеть таких приемников, и немудрено — это был классический предмет шпионского снаряжения. Он прямо-таки кричал о своем истинном назначении и о том, что сделан в СССР.

— Боже мой! — ужаснулась Инга, едва увидев эту вещь. — На нем только серпа и молота недостает.

Руди пользовался этим приемником шесть месяцев. Каждый раз, когда он садился к приемнику и надевал наушники, у него возникало ощущение, точно он сует голову в петлю. И наконец он решился: распилить злое изделие на части ножовкой, разбросал эти куски по ближним и дальним лесам и болотам и купил себе приемник фирмы "Браун", который работал не хуже этой шпионской диковины.

Рождение второго ребенка, которого назвали Майклом, заставило Ингу отойти от дел. С декабря 1963 года Руди остался в "Гаролдс Деликатессен" в одиночестве и, видя, что ему одному не управиться, решил ликвидировать магазин. Быстро нашелся покупатель, сговорились на десяти тысячах.

В апреле следующего года Руди был вызван на две недели в Москву. Прилетев в Париж, он пересел там в венский экспресс. В Вене на заранее обусловленном перекрестке, в заранее оговоренное время — 6 часов 5 минут вечера — к нему обратился мужчина с желтым путеводителем в руках: "Прос-

тите, не скажете ли, где тут антикварный магазин Брауна?" Незнакомец спрашивал по-немецки с явным русским акцентом; Руди тут же ответил: "Извините, не могу сказать. Я иностранец, только что приехал..."

— Ну, в таком случае, с приездом, товарищ! Надеюсь, доехали хорошо?

Руди отдал гебисту конверт с документами на имя канадского гражданина Рудольфа Германа. Взамен он получил западногерманский паспорт и билет на самолет, вылетающий завтра в Москву через Софию.

В Москве его ожидала на редкость радушная и теплая встреча. Серьезность, с какой хозяева Германа отнеслись к его достижениям по части вращивания в канадскую почву, заставляла думать, что, по-видимому, сам он еще далеко не полностью посвящен в дела, которые ему там предстоят.

"Макс" — офицер, по-видимому, непосредственно курировавший деятельность Германа, усадил его за стол, снабдил пачкой бумаги и оставил одного, предложив изложить всю историю его пребывания за границей: "Опишите все, что происходило с вами и вокруг вас с того самого дня, когда вы в последний раз были здесь. Все, что можете припомнить, не упускайте никакой мелочи. Иногда то, что кажется нам несущественным, пока мы находимся за границей, приобретает неожиданно большое значение с точки зрения "центра". Не затрудняйте себя обдумыванием фраз, выбором наиболее подходящих слов: пишите подряд все, что приходит на память".

В промежутках между писанием с Германом встречалось множество разного рода специалистов. Офицеры службы безопасности изучали особенности расположения его дома, обсуждали, где лучше хранить шифровальный блокнот, расписание сеансов радиосвязи и специальную бумагу для тайнописи. Специалист по вопросам связи подробно знакомил Германа с новыми условными сигналами, которые будут посылаться ему в случае возникновения той или иной критической ситуации, и помечал на карте места расположения тайников в районе Оттавы, где Герман сможет оставлять срочные сообщения. Офицер из Технического управления инструктировал Германа по части использования нового сорта бумаги для невидимых письменных сообщений, а бухгалтер высчитывал, какую сумму "центр" задолжал Герману, исходя из того, что ему полагалось 800 долларов в месяц на

текущие расходы. Наконец, специалист по международным отношениям расспрашивал Германа о внешней политике Канады, о том, насколько сильны организации сепаратистов, выступающие за отделение франкоязычной провинции Квебек от остальной части страны, насколько существенны трения между Канадой и Соединенными Штатами и каковы перспективы китайско-канадского сближения.

В конце своего письменного отчета Руди набросал план действий на ближайшее будущее. Он намеревался серьезно заняться фотографией и постепенно организовать фирму по производству рекламных роликов для кино и телевидения. Тут ему помогут знакомства, завязанные среди служащих Канадской радиовещательной корпорации. Собственная фирма позволит ему более свободно распределять время, в отличие от магазина или от службы на чьем-то чужом предприятии, где пришлось бы неукоснительно отбывать установленные часы. Под видом съемки рекламных фильмов он сможет ездить, куда пожелает. Кроме того, такая деятельность будет способствовать расширению круга полезных знакомств.

— Отлично, — сказал Макс. — Но во всех случаях вы должны думать о своей настоящей работе. С этого времени ваша главная задача — подготовиться к тому, чтобы на случай войны или разрыва дипломатических отношений принять на себя ответственность за всю нашу агентурную сеть, созданную в Канаде. Мы готовим вас на роль резидента. Поэтому укрепляйте свое положение в экономическом плане и, так сказать, в глазах вашего окружения. Но это еще не все, что от вас требуется. Нам нужно, чтобы вы повсюду разыскивали людей, прогрессивно настроенных. Повсюду — это значит, прежде всего среди профессиональных политиков и журналистов. И еще мы хотим, чтобы вы сообщали нам вообще о любом интересном человеке, с которым вам доведется познакомиться, — независимо от того, окажется он прогрессивным или нет.

Макс внушал Руди, что эти кадровые донесения должны содержать сведения об имени, фамилии, занимаемом положении и возрасте каждого конкретного лица, оценку его влияния и предполагаемой полезности; дату и обстоятельства знакомства с ним; оценку его политических взглядов и вообще мировоззрения; причины, по которым данное лицо симпатизирует Советскому Союзу или настроено враждебно по

отношению к Соединенным Штатам; оценку характера и особенностей данной личности, с особым упором на выраженные пороки и отклонения; возможные средства манипулирования этой личностью, вытекающие из индивидуальных интересов или пристрастий (скажем, коллекционирует ли это лицо марки или монеты? интересуется ли изучением какого-то определенного периода истории той или иной страны, творчества того или иного писателя? увлекается ли гольфом или теннисом? проявляет ли какие-нибудь чудачества в обыденной жизни? не выказывает ли гомосексуальных склонностей? не испытывает ли острой нужды в деньгах?).

Возвратившись через Прагу в Вену, Руди получил обратно от того же самого гебиста и на том же венском перекрестке свои канадские документы. Побывав после этого в Западной Германии, он израсходовал 10 тысяч долларов, выплаченные задолжавшим ему КГБ, на приобретение новейшей киносъемочной аппаратуры и микрофонов.

В Торонто с помощью фотографа с КРК, часто посещавшего "Гаролдс Деликатессен", Руди договорился, что его возьмут в КРК звукооператором на полставки. Это должно было дать ему некоторую практику по производству рекламных фильмов. Немного позже одно из рекламных агентств пригласило его участвовать в съемках фильма, предназначенного для предвыборной кампании либеральной партии. В течение какого-нибудь года за ним утвердилась репутация умелого и дельного кинооператора, скрупулезно аккуратного, готового работать сверхурочно, даже без дополнительного вознаграждения, никогда не пропускающего рабочие дни по болезни и вдобавок непьющего. За 1966 год Руди заработал чистыми почти 30 тысяч долларов. Большую часть этих денег пришлось вложить в собственное дело: он продолжал приобретать оборудование для съемки и озвучивания рекламных фильмов и часть его давал напрокат Канадской радиовещательной корпорации.

Одновременно он усердно заполнял десятки досье на знакомых канадцев, которые, как он считал, могут заинтересовать КГБ.

А между тем "центр" все чаще внушал ему, что следует поменьше заниматься бизнесом и уделять основное внимание "перспективным задачам". Эти напоминания и упреки сначала озадачивали Руди, но чем дальше, тем больше стали его воз-

мущать. В конце концов, чтобы приобрести возможность контролировать, когда придет время, агентурную сеть, он должен прежде всего окончательно сделаться независимым предпринимателем. Но "центр" решительно не давал ему такой возможности. Инструкция Москвы, пришедшая в начале 1966 года, прямо требовала: "...Старайтесь посещать ночные клубы и пивные бары по крайней мере два-три раза в неделю, чтобы расширить таким образом круг своих знакомств и получить более полное представление о том, что говорят кругом люди и как они настроены".

— Ну, не идиоты ли! — сказал Руди Инге. — Солидные люди не станут встречаться друг с другом в ночных клубах, чтобы поболтать там о своих делах. У них на такую чепуху просто нет времени. Как, впрочем, и у меня тоже.

Летом 1966 года КГБ потребовал, чтобы Инга прибыла в Москву через Вену и получила деньги, новое расписание сеансов радиосвязи и новые шифры. Перед ее отъездом Руди, пользуясь средствами тайнописи, направил "центру" длинное послание, вежливое и аргументированное, но весьма многозначительное. Он обращал внимание начальства на бессмысленность идеи завязывания в барах полезных знакомств и сбора там сведений о проблемах, волнующих общественное мнение. При этом он подчеркивал, что если поставленная перед ним перспективная цель остается в силе, он никак не должен пренебрегать предпринимательской деятельностью. По мере расширения своего предприятия он естественным образом будет вступать в контакт со все более широким кругом действительно интересных и полезных людей. К тому же его нынешнее положение в обществе, строго говоря, все еще не позволяет ему рассчитывать на проникновение в относительно высокие сферы. Поэтому с точки зрения задач, которые "центр" ставит перед ним на будущее, было бы целесообразно рассмотреть вопрос о возможном поступлении Руди в университет; это открыло бы перед ним более широкие социальные перспективы.

Вернувшись из Москвы, Инга не привезла с собой прямого ответа "центра" на это послание. Напротив, ее там так настропалили, что она обрушилась на мужа с упреками: он слишком уж сосредоточился на своем бизнесе, в то время как следовало бы более усердно разыскивать прогрессивных канадцев, согласно имеющейся установке "центра". Руди был взбе-

шен. Ладно, Инге-то он сумеет вправить мозги. Но его возмущала неисправимая близорукость тех, в "центре", и их попытка использовать Ингу в роли какого-то наставника и погоняльщика непутевого мужа. Он и так работает не за страх, а за совесть и в кнуте не нуждается!

В начале весны 1967 года, расшифровав очередное послание "центра", Руди с изумлением прочел: "Проведите все необходимые формальности для получения визы Соединенных Штатов и приготовьтесь к переезду в США".

Как! Он был уверен, что его закрепили за Канадой, и строил весь свой жизненный распорядок, исходя из этой перспективы. Петер отлично учился в канадской школе, был в восторге от этой страны и считал себя канадцем. Инга не могла нарадоваться на их уютный домик, у них появились здесь настоящие друзья, их вполне устраивало многонациональное канадское общество. Руди создал своими руками процветающее предприятие, которое должно было принести в этом году тысяч пятьдесят чистого дохода. Впрочем, его не так интересовали эти деньги сами по себе, как достигаемые с их помощью независимость и относительная безопасность — вещи, без которых никакая тайная деятельность просто невозможна. Более того, работа над рекламными фильмами прокладывала Руди дорогу к весьма высокопоставленным особам. Ему уже удалось встретиться с некоторыми из канадских государственных деятелей и начать собирать о них сведения, требующиеся "центру". С такими, как бывший премьер Джон Дифенбейкер, нынешний премьер Лестер Пирсон. С политическими деятелями — Джозефом Смолвудом, Рене Левеком, Вальтером Гордоном... Конечно, Руди мог доложить о них "центру" покамест лишь то, что появлялось в прессе. К тому же трудно было рассчитывать, что эти деятели окажутся "прогрессивными" в советском понимании или что КГБ удастся их подкупить. Но для "центра" важно было уже то, что Руди получает к ним непосредственный доступ и имеет возможность наблюдать их в более или менее неофициальной обстановке.

А теперь предстояло бросить все, что с таким трудом было достигнуто в Канаде, и вновь начинать все с нуля в новой и незнакомой стране. Как тут было не возмущаться!

Руди оставалось утешаться тем, что, наверное, КГБ не стал бы требовать, чтобы он оставил свою надежную и прочную

канадскую позицию, если бы в Соединенных Штатах ему не предстояло какое-то гораздо более важное задание. И, вероятно, намного более опасное.

Ни в том, ни в другом он не ошибся. Единственно, чего ему пока не дано было знать: его с самого начала предназначали для работы в "стане главного врага" — в Соединенных Штатах. Именно таким было конечное назначение этого блестящего агента. Конечно, если бы обстоятельства того потребовали, "центр" превратил бы его в нелегального резидента, отвечающего за всю агентурную сеть в Канаде. Но при отсутствии таких чрезвычайных обстоятельств Канада должна была стать для Руди только промежуточным этапом, — и то ее выбрали в качестве такового лишь потому, что из нее было легче всего переехать, вполне легально, на постоянное жительство в Соединенные Штаты.

Педантичный Руди засел за изучение американских иммиграционных законов и процедурных правил и сделал такой вывод: ему легче будет получить визу, если его профессия покажется иммиграционному ведомству США более нужной для этой страны. Дальнейшее исследование вопроса показало, что в Штатах более чем достаточно фотографов и кинооператоров, зато ощущается определенный недостаток специалистов по электронике. Чтобы иметь возможность заявить, что у него имеется опыт и в этой области, Руди вступил в канадское Общество телекиноинженеров. Запрашивая визу, он указал, что имеет опыт работы по техническому обслуживанию телевизионного оборудования.

Необходимость срочной ликвидации только что созданного предприятия поглощала все его мысли. Поэтому, вероятно, Руди не обратил особого внимания на внешне заурядное требование, поступившее из "центра" осенью 1967 года: "Уточните адрес профессора Хью Гэмблтона из Лавалевского университета в Квебек-сити". Слишком занятый, чтобы тратить день на поездку в Квебек, Руди поручил это Инге. Та без труда установила, что профессор Гэмблтон действительно проживает по адресу, известному КГБ.

Вскоре "центр" дал знать Руди, что профессор Гэмблтон — "агент, заслуживающий всяческого доверия". Он действует под кодовым именем "Роман". Руди предлагалось немедленно отправиться в Квебек-сити, найти там профессора и, представившись условной фразой "Я привез вам привет от

друзей”, передать ему кое-какие указания, исходящие из ”центра”.

Решение КГБ свести вместе Руди и Гэмблтона было необычным отклонением от общепринятой практики. Оно означало, что оба эти агента пользуются исключительным доверием начальства. После этой встречи они начинали полностью зависеть друг от друга. Руди объяснил себе это поручение так: ”центр” считает профессора настолько ценным агентом, что не желает подвергать его опасности, сводя с кем-либо из оттавских резидентов при посольстве СССР. Последние могут находиться под наблюдением канадской контрразведки — в отличие от глубоко законспирированного Руди.

Встреча с профессором произошла в коридоре административного здания университета. Навстречу Руди шел человек, внешность которого в точности соответствовала описанию ”центра” — высокий, сероглазый, с холеным лицом и седоватой волнистой шевелюрой, в чуть мешковатом твидовом костюме.

— Профессор Гэмблтон?

— Он самый.

— Меня зовут Дуглас. Я привез вам привет от друзей...

— Очень любезно с вашей стороны, — отвечал Гэмблтон.

— Я как раз собирался выпить пива. Вы не составите мне компанию?

Гэмблтон держался очень непринужденно, что даже несколько удивило Руди, представлявшего себе главного советского шпиона совсем иным, — пожалуй, с более заговорщицкими манерами. Разговаривая с представителем ”центра”, профессор вел себя так, точно он находится в университетском клубе в обществе коллег, занятых досужей болтовней. Чем больше Руди к нему приглядывался, тем больше нравился ему новый знакомый. Тем не менее долголетняя тренировка, а может быть врожденная крестьянская осмотрительность удерживали Руди от каких бы то ни было изъявлений симпатии.

— Вы издалека? — спросил Гэмблтон.

— И да, и нет, — уклончиво ответил Руди. — Я, собственно, прибыл из Финляндии... Но в настоящее время я работаю в Нью-Йорке. Наши друзья просили меня передать вам кое-какие пожелания, которые они считают важными. Вы, наверное, захотите их записать?

— Полагаю, мне удастся их запомнить.

В первую очередь Руди попросил Гэмблтона подготовить аналитический обзор состояния канадской экономики. После этого от профессора потребуется анализ перспектив сепаратистского движения в Квебеке и канадско-китайских отношений. Кроме того, постоянной задачей остается сбор информации общего характера, касающейся Соединенных Штатов и Китая.

Гэмблтон согласился вторично встретиться с Руди через две недели. К этому времени он подготовит и сможет передать ему заказанный экономический обзор. Местом встречи пусть будет площадь Виль-Мари в Монреале.

Выезжая из Торонто на это повторное свидание с Гэмблтоном, Руди, как истый конспиратор, помнил правило, что "два человека всегда вызывают меньше подозрений, чем одиночка". Исходя из этого, он взял с собой Петера. Выехали затемно, так что мальчика пришлось поднять с постели в три часа ночи. Добравшись до Монреаля, они подъехали к монументу на горе Маунт Ройял. Это была самая высокая точка города. Несмотря на мороз и пронизывающий ветер, они вышли там из машины и некоторое время стояли на краю обрыва, глаза на расстилающийся перед ними город, точно восторженные туристы. Руди сказал сыну, что должен ненадолго отлучиться по делу, и велел подождать его здесь, а сам помчался на свидание с Гэмблтоном.

Профессор подготовил пространный аналитический обзор, который Руди, прочитав по возвращении домой, признал своего рода шедевром. Он вручил своему партнеру адрес в Восточном Берлине, на который следовало направлять дальнейшие материалы, и передал два новых распоряжения "центра": установить личный контакт с Полом Лином, профессором университета Мак-Гилл, имеющим, по сведениям Москвы, доступ к Мао Цзэ-дуну, и попытаться встретиться с кем-либо из руководства канадского министерства иностранных дел. Все это заняло чуть больше минуты. Когда они расходились, Руди громко произнес, как будто его остановили только для того, чтобы спросить дорогу: "Совершенно верно! Пройдете еще два квартала, потом сверните налево..."

На всякий случай, чтобы оправдать свое появление в этом районе, Руди заглянул в фотомагазин, поговорил с его

владельцем о том, о сем и спросил, нет ли у него экспонометра какой-то редкой марки. Тот с сожалением ответил, что нет, и рекомендовал обратиться в такой-то магазин, где, вероятно, этот экспонометр найдется. Руди побывал там и даже сделал несколько мелких покупок.

Делая вид, что разглядывает товары, выставленные в витринах, он еще с полчаса побродил по улицам, проверяя, нет ли за ним наблюдения, и, продрогнув, укрылся от холода в каком-то кафе. Вдруг его обожгла мысль: Боже мой! а как же там Петер?

Он погнал свою новенькую машину в гору и через несколько минут очутился у памятника. Его десятилетний сын послушно стоял на площадке, открытой ветру. Лицо Петера посинело, и он весь дрожал. Он провел здесь больше четырех часов. Теперь он смог только выговорить: "Я совсем замерз..."

Глава восьмая НАСЛЕДНИК

Вскоре, после того как Руди получил разрешение на въезд в Соединенные Штаты, — это было в начале 1968 года — ”центр” порекомендовал ему выбрать в качестве постоянной базы Нью-Йорк и приобрести дом на Лонг-Айленде или в Вестчестерском округе. КГБ явно хотел, чтобы Руди поселился вне пределов собственно Нью-Йорка, видимо, потому, что в загородной местности были более благоприятные условия для радиоприема. Но дело было не только в этом: КГБ хотелось, чтобы это было уединенное и безопасное место, а городские районы Нью-Йорка были средоточием преступности. Руди полагал, что у начальства есть и еще одна тайная причина, чтобы держать его вне большого города. В случае ядерной войны требовалось, чтобы он не стал жертвой первой же атаки, продержался хотя бы несколько дней, а в черте города это было едва ли осуществимо.

”Центр” последовательно перечислил ему по радио те факторы, которые следовало учитывать при покупке дома. Дом не должен располагаться вблизи магистральных автодорог и высоковольтных линий электропередачи; местность должна быть открытой к востоку, что облегчит прием радиосообщений из Москвы. Лучше всего, если дом будет стоять на холме и в то же время не будет непосредственно просматриваться из окон окрестных строений.

Прилетая из Торонто на выходные дни, Руди подобрал дом в Хартсдейле, в пятнадцати милях к северу от Нью-Йорка. Он удовлетворял всем основным условиям, поставленным ”центром”, — стоял на вершине холма среди высоких деревьев, к нему открывался свободный доступ с восточной сторо-

ны. Ниже располагался еще один дом, полностью прикрывавший его со стороны дороги; других домов поблизости не было. Из Хартсдейла можно было легко совершать ежедневные поездки в Нью-Йорк или в многочисленные учреждения его северного пригорода Уайт Плейнса. Внеся для начала 12 тысяч, Руди приобрел этот дом, полная стоимость которого составляла 32 тысячи долларов.

Он известил "центр", что семья его переберется сюда в июне, когда у Петера кончатся школьные занятия. В своем ответе Москва похвалила его за удачный выбор места жительства, из чего можно было сделать вывод, что нью-йоркская резиденция уже скрытно осмотрела и обнюхала его дом. Одновременно Руди было сообщено, что ему присвоено звание майора и что в мае он приглашается в Париж для инструктажа, касающегося его предстоящей деятельности в США.

Дивным воскресным утром, когда все кругом золотилось под лучами щедрого летнего солнца, со скамьи на набережной Сены навстречу Руди поднялся Павел Павлович Лукьянов. Этот сорокавосемилетний человек был способным и опытным агентом, хорошо знавшим Соединенные Штаты, где ему пришлось работать как в Нью-Йорке, так и в Вашингтоне. Прогуливаясь с Руди в толпе парижан, Лукьянов подтвердил, что в Штатах, как до этого в Канаде, Руди должен будет готовиться к роли нелегального резидента. Здесь он тоже должен завоевать прочные позиции в обществе, чтобы уверенно взять под контроль всю советскую агентурную сеть, если почему-либо придется прикрыть легальные резидентуры. И здесь необходимо постоянно охотиться за "прогрессивными". Кроме того, появятся, естественно, разного рода дополнительные задания. Одно из них можно назвать уже сейчас: проникновение в знаменитый Гудзоновский институт, который КГБ считает одним из самых серьезных научно-исследовательских центров Соединенных Штатов.

Директива о необходимости внедрения в институт, само название которого ассоциировалось с высокоинтеллектуальной деятельностью, заставила Руди вновь заговорить о целесообразности получения им университетского образования. Он уже не впервые чувствовал явную ущербность своей легенды, не позволявшей ему выдавать себя за представителя какой-либо интеллигентной, престижной профессии и, таким образом, вырваться в верхние слои общества.

Лукиянов не был готов к обсуждению такого вопроса, да и не имел полномочий его обсуждать, не говоря уж — решать. Он просто перевел разговор на другую тему, повторяя, что на первых порах Руди должен позаботиться об упрочении своего положения в Соединенных Штатах "вообще", неважно на каком уровне.

Проще всего было восстановить в Нью-Йорке бизнес, который Руди только что ликвидировал в Торонто. Поэтому он зарегистрировал здесь скромное предприятие под названием "Документик Филмс". Канадские друзья порекомендовали эту новую фирму нескольким американским клиентам, и вскоре Руди получил предложение принять участие в съемке рекламной ленты, живописующей биографию сенатора Эдмунда Маски, который готовился к избирательной кампании, выдвинув свою кандидатуру на пост вице-президента. Надеюсь, что таким образом Руди сможет установить личные контакты с человеком, который, возможно, со временем станет президентом США, и с его окружением, "центр" настаивал: "Всеми средствами добивайтесь непосредственного участия в съемках фильма, посвященного Маски. Расходуйте суммы, какие сочтете нужным. Вам будут возмещены все расходы". Увы, руководители предвыборной кампании Маски отклонили заявку Руди и его компаньонов, — надо полагать, из-за того, что несостоявшийся партнер Руди заломил чрезмерную цену.

Руди установил деловые отношения со служащими фирмы электронно-вычислительных машин Ай-би-эм под предлогом, что хочет брать напрокат сложное оборудование этой фирмы, предназначенное для автоматизации процессов копирования фильмов. Вскоре Ай-би-эм предложила ему участвовать в производстве инструктажных и рекламных лент. Однако уже с начала 1969 года КГБ то и дело отрывал его от легального бизнеса на выполнение различных деликатных заданий, которые почему-либо нельзя было поручить офицерам резидентур в Нью-Йорке или Вашингтоне.

В марте 1969 года "центр" потребовал, чтобы он отпечатал на машинке и отправил непременно из города Атланты анонимное письмо, адресованное Космическому центру на мысе Кеннеди. Письмо должно было содержать предупреждение, что в Космическом центре готовится диверсия, цель которой — сорвать ближайший запуск космического корабля

с экипажем. "Сделайте это не откладывая, — не позже, чем завтра", — настаивала поступившая из Москвы директива.

Забросив свои фотокинодела, Руди купил пишущую машинку, напечатал текст, продиктованный "центром", распилил машинку на части и зашвырнул их в колодцы ливневой канализации. На завтра он выехал в Шарлотт, в штате Северная Каролина, оставил автомобиль на круглосуточной стоянке, сел в автобус, идущий в Атланту, и по прибытии туда опустил в ящик письмо, подписанное "Патриот". В письме говорилось, что "патриот" узнал о готовящейся диверсии из разговора, случайно подслушанного им в самолете.

Эта попытка КГБ отсрочить очередной запуск американского космического корабля и тем самым ввести НАСА (организацию, занимающуюся исследованиями космоса) в нештучные расходы успеха не имела: специалисты НАСА не придали значения письму "патриота".

Несколько месяцев спустя "центр" потребовал, чтобы Руди съездил в Квебек, разыскал Гэмблтона и установил, почему тот не явился на свидание, назначенное ему в пустынной местности под Оттавой. Гэмблтон был рад снова повидать Руди. Но по существу вопроса он хладнокровно пояснил: "Нужно было быть идиотом, чтобы явиться на эту встречу. Они назначили ее рядом с заводом по производству взрывчатых веществ. Как я должен был бы объяснить охране завода, зачем понадобилось профессору экономики шататься среди ночи возле этого предприятия?"

Осенью 1969 года поступило новое распоряжение: пусть Руди попытается выследить бежавшего советского сотрудника, который, по-видимому, живет в большом многоквартирном доме в Арлингтоне, штат Вирджиния. Желательно было установить распорядок дня беглеца: когда он отправляется из дому на службу, в каком направлении едет, когда возвращается домой, как выглядит его машина, где он обычно оставляет ее на ночь. При этом КГБ предупреждал, чтобы Руди был осторожен, так как в этом доме несколько квартир занимает ЦРУ, которое, надо полагать, опекает перебежчика.

Руди трижды выезжал из Нью-Йорка в час ночи, чтобы начать дежурить возле арлингтонского объекта еще затемно. Но здание, где жил беглец, имело несколько подъездов, и какую бы позицию Руди ни занял, он никак не мог наблюдать сразу за всеми. В общем, он так и не видел этого челове-

ка, не узнал его настоящего имени и не понял, почему КГБ так интересуется им. Подробное описание его примет, полученное Руди от "центра", позволяет считать, что речь шла о бывшем сотруднике КГБ Юрии Ивановиче Носенко.

Время от времени Руди приходилось выезжать в отдаленные части страны для выполнения заданий, казавшихся и вовсе бессмысленными, однако "центр" каждый раз подчеркивал, что они не только важные, но и "срочные". К примеру, в январе 1970 года Руди слетал в Калифорнию, чтобы там съездить в городок Таузенд Окс под Лос-Анджелесом и уточнить адрес некоей "женщины, внешне напоминающей итальянку, матери двоих детей". Зачем это понадобилось Москве, для него так и осталось тайной. В другой раз он летал в Даллас, чтобы там, в точном соответствии с полученной инструкцией, набрать телефонный номер и, когда трубку подняли, произнести две фразы: "Друг, ожидаемый вами, не придет, как намечалось. Что делать дальше, вам сообщат". Руди повесил трубку, не дожидаясь ответа, и улетел обратно в свой Нью-Йорк.

Более понятным было постоянное задание, заключающееся в подборе тайников вблизи научно-исследовательских центров и военных баз. Профессиональная выучка подсказывала ему, что эти тайники в любой момент могут пригодиться, потому что в научно-исследовательских учреждениях и на базах наверняка служат агенты, которые могут без чрезмерного риска для себя работать на иностранное государство, лишь пользуясь тайниками для передачи информации.

Сотрудникам резидентур КГБ по понятным причинам удавалось уходить от наблюдения со стороны ФБР, пока они действовали в пределах больших городов — Вашингтона и Нью-Йорка. Несравненно сложнее было проскользнуть незамеченными в отдаленные районы Соединенных Штатов. Тайно наблюдая за сотрудником резидентуры вплоть до того момента, как он доберется до тайника, ФБР старалось его не вспугнуть, и терпеливо дожидалось, когда к этому тайнику приблизится агент, сотрудничающий с Советами.

Руди как фотограф, коммерсант и предприниматель мог иметь массу причин для поездок в любой уголок Соединенных Штатов. Для ФБР он в этом качестве не представлял никакого интереса и, следовательно, мог не опасаться наблюдения. Поэтому он не считал возможным возражать, когда в

поисках удобных и надежных тайников его посылали блуждать по лесам и болотам, гоняли в глубь раскаленной пустыни, заставляли шлепать ночью по безлюдным дорогам или забираться под проливным дождем на какое-нибудь кладбище. Он понимал, что эти злосчастные тайники могут когда-нибудь сослужить великую службу делу Партии, делу социализма, человечеству. В один прекрасный день неведомые ему товарищи вложат туда, быть может, сообщение, которое приблизит торжество коммунизма на всей планете.

В конце 1970 года Руди было присвоено звание подполковника. Он продолжал устраиваться в Штатах, чтобы в любой момент быть готовым принять на себя руководство сетью тайных советских агентов по всей стране. Инга безотказно помогала ему, нередко записывая и расшифровывая радиосообщения или посылая на листках почтовой бумаги невидимые донесения.

Они скучали по Канаде, по оставшимся там друзьям, но отдавали должное радушию и раскованности, присущим, как они быстро убедились, американцам. Однако они не позволяли ввести себя в заблуждение чисто внешним отрадным приметам этой страны. Супруги Герман твердо знали, что под этой радужной оболочкой скрываются неизлечимые пороки разлагающегося капиталистического общества. Какой бы прекрасной и гостеприимной ни была эта страна, для Руди с Ингой она оставалась вражеской территорией, полем боя, на котором они неподкупно сражались. В редкие минуты досуга они мечтали о том, как по завершении всех трудов, которым посвящена их жизнь, они отойдут с передовой линии борьбы и спокойно отдохнут у себя дома, в коммунистической Чехословакии.

Правда, их беспокоил Петер. Они видели, что он растет американцем. Не станет ли он здесь противником коммунизма? Главная беда была в том, что, когда в доме появлялись гости, Петер постоянно слышал: его отец рассуждает как убежденный антикоммунист, для которого Советский Союз — государство отсталое, угрюмое, с палаческим режимом. А потом, в кругу семьи, даже оставаясь с сыном наедине, Руди не мог позволить себе опровергнуть свои же рассуждения или начать внушать Петеру марксистские идеи в качестве противоядия убеждениям, которые сын усваивал в школе и от своих приятелей. Было решено, что Инга каждое лето будет увозить Пе-

тера в Европу месяца на два. Пусть он там впитывает европейскую культуру и знакомится с европейскими формами социализма.

Между тем проникновение в Гудзоновский институт все никак не удавалось осуществить, и это становилось постоянным источником раздражения.

Руди расспрашивал об этом институте техников из Ай-би-эм, прочел ряд посвященных ему статей, заводил о нем разговоры на окрестных бензозаправочных станциях, кружил вокруг него на машине — и все без толку.

Узнав, что сотрудники института часто ходят обедать на Санисайд Лейн, он тоже обедал здесь несколько раз в надежде подслушать какой-нибудь важный разговор и втереться в доверие кому-либо из ученых и специалистов института. Но такой случай все не подворачивался.

Руди мог бы заинтересовать кого-нибудь из "гудзонщиков", будь он доктором Людеком Земенеком из всемирно известного Карлова университета или профессором Рудольфом Германом из Гейдельберга. Но он был всего лишь Руди Германом, улыбчивым, симпатичным, старательным, скромным фотографом. О чем бы он мог заговорить с ними? С таким же успехом можно было подсылать сюда швейцара или дворника в надежде заинтересовать его особой высоколобых мужей из Гудзоновского института.

Он попытался разъяснить эту сложность "центру"; тот лаконично ответил: "Возобновите попытки проникнуть в Гудзоновский институт". Он попросил совета — как все-таки это сделать. Ответ гласил: "Не прекращайте попыток". Поскольку "центр" явно предпочитал игнорировать его объяснения и отказывался помочь хотя бы советом, Руди тоже решил не обращать внимания на дальнейшие призывы проникнуть в этот проклятый институт.

В апреле 1972 года "центр" без всяких объяснений потребовал, чтобы Руди отправился на деловую встречу в Кито, столицу Эквадора. Руди решил взять с собой Петера — с одной стороны, в какой-то степени отведет этим возможные подозрения, с другой — покажет мальчику новую для него часть света. В назначенный вечер Руди стоял в Кито перед зданием театра, и, как и следовало ожидать, вскоре рядом с ним остановился незнакомый мужчина — высокий, худой, сильно лысеющий. На хорошем английском он обратился к Руди:

— Добрый вечер. Вам не приходилось в последнее время перечитывать Эли Визела?

— Нет, я все это время читал Хемингуэя.

— Очень рад встретиться с вами, Дуглас. Меня зовут Юрий. К сожалению, мне сейчас придется заняться одним неотложным делом. Перенесем наше свидание на завтрашнее утро. Ждите меня в десять часов у Экваториального обелиска.

— Я приехал вдвоем с сыном. Можно прийти вместе с ним?

— А, вы здесь с Петером? Ну, конечно. Буду рад познакомиться с ним. При нем мы сможем говорить по-немецки.

Назавтра Юрий буквально закидал Руди вопросами, — по большей части личного характера. В этих вопросах сквозил дружеский интерес, товарищеская забота: "Как вы, не жалуетесь на здоровье?" "Всем ли довольна Герда (Инга)?" "Нравится ли вам в Нью-Йорке?" "Хотели б вы остаться подольше там, где сейчас живете?" У Руди появилось сильное искушение упомянуть о маниакальном упорстве, с каким "центр" требует его проникновения в Гудзоновский институт и о его настойчивых требованиях проводить побольше времени в барах для оценки "состояния американского общественного мнения". Но ему не хотелось выглядеть в глазах Юрия мелочным и брюзгливым, тем более что в последнее время "центр" вроде бы перестал нажимать на эти два пункта, и можно было надеяться, что они там в Москве и вовсе забудут о своих нелепых требованиях. Поэтому Руди сказал только: "Я готов делать все, что требует от меня партия. Хотелось бы только знать, долго ли мы еще пробудем в Америке".

— Мне едва ли требуется напоминать вам, насколько важно положение нелегального резидента, — ответил Юрий. — Чем дольше вы находитесь в Соединенных Штатах, тем вы ценнее для нас; чем успешнее работаете, тем труднее нам решиться вытащить вас отсюда. А вы работаете на редкость успешно. Если хотите знать правду, я думаю, что вам придется пробыть в Штатах еще много лет.

Чувствуя, что разговор идет к концу, Руди поспешил спросить:

— Вы, наверное, поручите мне какие-то новые задания?

— Нет. Я встретился с вами только для того, чтобы сказать, что мы одобряем все ваши действия, и дать вам знать, что мы заинтересованы в вашем благополучии. Мы хорошо знаем, что, находясь такое долгое время вдали от дома, лю-

бой человек испытывает чувство одиночества, покинутости, как бы он ни был занят.

Юрий произвел на Руди впечатление симпатичного человека и толкового профессионала. Нередко, видя в распоряжениях "центра" некомпетентность и непонимание реальной ситуации, он теперь радовался при мысли, что все же руководство находится в руках таких, как Юрий, и расставался с ним не просто довольный свиданием, но прямо-таки окрыленный.

Чувства Руди были оправданы. Ибо человек, представившийся просто как Юрий, был генералом Юрием Ивановичем Дроздовым, которому предстояло сделаться резидентом КГБ в Нью-Йорке. Он специально совершил поездку в Кито, чтобы посмотреть, что собой представляет Руди, и как-то воодушевить его, потому что КГБ предназначил Руди роль активного участника операций, которыми должен будет руководить Дроздов.

Возвращаясь самолетом в Нью-Йорк, Руди с гордостью думал, что Петер показал себя в этой дальней поездке отличным компаньоном — нетребовательным, послушным и в то же время любознательным и восприимчивым ко всему новому. Пытаясь оценить сына с той же точки зрения, с какой "центр" оценивает его самого, Руди спрашивал себя: подойдет ли Петер для работы в разведке? И отвечал сам себе: несомненно.

КГБ обязался оплачивать университетское образование как Петера, так и — в дальнейшем — Майкла. Но, зная, как дорого обходится обучение в лучших американских университетах, Руди содрогался при мысли, что стране социализма будет причинен такой финансовый урон. Его близкое знакомство с фирмой Ай-би-эм позволяло сделать вывод, что акции этой фирмы приносят отличные дивиденды. Он рассчитывал, что если КГБ вложит в эти акции — разумеется, негласно, через посредство Руди, — 10 тысяч долларов, этой суммы и доходов с нее почти хватит на высшее образование для Майкла. Результатами своих расчетов Руди поделился с "центром", рекомендуя последнему приобрести акции Ай-би-эм.

"Ваше предложение о капиталовложениях в уолл-стритовскую фирму представляется неприемлемым и противоречит принципам марксизма-ленинизма, — выговаривал ему спустя несколько дней "центр" по радио. — Прекратите думать о

деньгах и сладкой жизни . Перестаньте рассуждать и действовать, как капиталист”.

Этот идиотский выговор взбесил Руди. По происхождению моравский крестьянин, он был буквально помешан на бережливости. Еще во время первой ознакомительной поездки в Соединенные Штаты он пришел к выводу, что американцы недопустимо расточительны. Сам он научился здесь, как за несколько долларов можно купить дорогие костюмы и галстуки — из числа тех, что богачи жертвуют Армии спасения.

В магазинах подержанных вещей Руди отыскивал поломанную мебель, которая в прошлом была первоклассной, и своими руками реставрировал ее. Купив за гроши какой-то старый отопительный котел с комплектом труб, Руди привел его в такое состояние, что он работал, как новый. Совершая деловые поездки, Руди принципиально не брал такси, если была возможность добраться пешком или воспользоваться автобусом. Свою семью он никогда не водил обедать в ресторан.

В то же время он не скупился, принимая гостей. Его дом даже стал своего рода центром притяжения местной публики. Его посещали десятки клиентов и сослуживцы, живущие в Вестчестерском округе.

Инга отлично готовила немецкие блюда, Руди выставлял на стол отборные вина и дорогие сорта ликеров. Однако супруги хлопотали для пользы дела, а вовсе не во имя ”сладкой жизни”, как позволили себе выразиться в ”центре”. ”Какая тут, в задницу, ”сладкая жизнь”! — негодовал Руди. — Я работаю на них по четырнадцать часов в сутки, стараюсь экономить — для них же! — каждый доллар, а они думают, что раз у меня есть собственный дом и машина, значит, я живу, как миллионер!”

После антикоммунистического переворота в Чили и убийства Сальвадора Альенде у КГБ резко сократилась возможность сбора информации через посредство советских и кубинских учреждений в этой стране. Поэтому весной 1974 года Руди получил приказ найти какой-нибудь предлог для поездки в Чили, чтобы оценить ”изнутри” создавшуюся там политическую обстановку. Взяв с собой Петера, он прибыл в Сантьяго под видом продюсера, желающего заручиться поддержкой чилийского правительства для производства нескольких фильмов. Это позволило ему встретиться с несколь-

кими высокопоставленными чиновниками и поехать по стране, не возбуждая подозрений, какие неминуемо вызвал бы любой советский представитель в этой роли. Петер, хорошо говорящий по-испански, часто служил ему переводчиком.

Из Чили они отправились самолетом в Лиму, где Руди должен был написать отчет о поездке, который на обратном пути, в Мексико-сити, следовало передать связному КГБ. Именно в Лиме у Руди созрело решение, которому суждено было стать вторым по важности решением его жизни. Подсознательно он шел к нему уже давно, но реальный анализ ситуации, вплотную приблизивший этот шаг, начал складываться в его голове, когда они с Петером вернулись домой из Кито.

Он знал — и КГБ тоже в общем-то признавал это, — что его основная миссия в Соединенных Штатах может считаться завершенной: он хоть сейчас в состоянии взять на себя руководство агентурной сетью. Любые его поездки по стране оправдываются деловыми интересами и не могут вызвать подозрений. Он так естественно вписался в американское общество, что если даже ФБР начнет расследование его прошлого, агенты ФБР смогут узнать от друзей, соседей, сослуживцев, клиентов только одно: Руди — человек уважаемый, идеальный гражданин и примерный патриот, хотя, пожалуй, придерживающийся чрезмерно правых взглядов. Руди выполнил все реально исполнимые задания, которые ему поручались. Правда, ему по-прежнему не удастся проникнуть в Гудзоновский институт, но он может завербовать агента из числа сотрудников этого института, — и вообще практически любого агента, даже такого, который будет иметь доступ, скажем, в Белый Дом.

Легенда Руди и его возраст никогда не позволят ему стать своим человеком в каком бы то ни было из закрытых учреждений и ведомств Соединенных Штатов, но на это вполне мог бы претендовать Петер.

Успехи Петра в учебе не оставляют желать лучшего; на экзаменах он показал феноменальные результаты. Он уже теперь говорит по-испански и изучает французский и японский, проявляя исключительные способности к языкам. Алкоголь и наркотики он презирает. В разговорах со взрослыми людьми Петер высказывает суждения, серьезные и не по возрасту зрелые.

Если КГБ начнет готовить и тренировать Петера уже сейчас, то к моменту окончания университета он станет полноценным офицером разведывательной службы. Закончив, допустим, Гарвардский, или Йельский, или Стэнфордский университет, или Массачусеттский технологический институт, он благодаря своим способностям сможет получить доступ буквально в любую сферу американского государственного управления, — в ту, какую предпочтет КГБ. Перед ним откроются неоценимые перспективы работы на благо СССР.

Руди посвятил партии собственную жизнь и жизнь своей жены. Теперь он принял решение отдать партии самое дорогое, что у него было, — своего сына.

Сидя с ним на скамейке в сквере, разбитом в центре Лимы, он говорил:

— Петер, я должен сказать тебе одну очень серьезную вещь. Может быть, она покажется тебе невероятной. Но, поразмыслив, ты поймешь меня и даже станешь мной гордиться.

Видишь ли, меня зовут вовсе не Руди Герман. Я никогда не был немцем. — я чех. Кроме того, я офицер советской разведки, подполковник, как это называется в КГБ. Я начал работать на КГБ еще до твоего рождения. Только ради этой работы мы переехали в Германию, оттуда в Канаду и вот теперь в Соединенные Штаты. В Чили меня тоже посылали с разведывательным заданием. Все, что я делаю, — это часть моей работы как офицера разведки.

Иногда, ты слышал, мне приходилось высказываться так, точно я — убежденный нацист. Но каждый раз потом мне было стыдно перед тобой. Я принадлежу к лагерю противников нацизма. Я — марксист и всегда был марксистом. Надеюсь, ты тоже когда-нибудь придешь к выводу, что учение Маркса и Ленина позволяет научно разрешить проблему несправедливости и бедности, от которых страдает человечество.

Петер слушал его спокойно и молча, и по его лицу Руди не мог понять, как он относится ко всему услышанному.

— А как твое настоящее имя, папа?

— Людек Земенек.

— У нас есть родные?

— Да. Одна из твоих бабушек живет в Чехословакии, другая — в Восточной Германии.

— А мама знает?

— Она тоже работает на КГБ.

Петер почти сразу сказал:

— Папа, я рад, что ты мне открыл правду. Мне кажется, я буду гордиться тобой. И это очень хорошо, что у меня есть две бабушки в Европе. Я смогу повидаться с ними?

— Это вообще-то не исключено... А ты сам не хотел бы стать офицером разведки, таким, как твой отец?

— Если ты считаешь, что так надо, — тогда, конечно...

— Я не могу решать за тебя, но мне это было бы очень приятно.

Руди торжествовал. Зная скрытную и сдержанную натуру сына, большего он и не ожидал.

В Мехико-сити, в парке Чапультепек, Руди попросил связного КГБ сообщить в "центр", что он рассказал о себе сыну и что Петер проявил желание тоже работать на КГБ. Руди предложил, чтобы "центр" организовал вызов их обоих, а может быть, одновременно также и Инги в Москву.

В первом же сообщении, полученном Руди по возвращении в Нью-Йорк, было сказано: "Одобрям идею посещения Москвы всей семьей. Готовы приветствовать здесь вашего сына". Тут же предлагался сложный маршрут для всех троих, и как только в июне у Петера и Майкла кончились школьные занятия, семья пустилась в дорогу.

Инга оставила Майкла в Испании в летнем лагере, а сама добралась до Вены, получила там подложные документы, проследовала в Будапешт и оттуда на самолете "Аэрофлота" вылетела в Москву.

Петер полетел в Париж, Руди — в Лондон, чтобы в одну из ближайших ночей встретиться с ним в Копенгагене на портовой набережной и проскользнуть на борт стоящего там советского теплохода. Их провели в каюту и предупредили, чтобы они не покидали ее до прибытия судна в Ленинград. Кюта была тесной и неудобной, без иллюминатора, вдобавок ко всему сюда проникал кухонный чад из камбуза. Сюда же им доставляли еду, ненадолго приоткрывая для этого дверь. В этой тесноте они провели три дня и три ночи. Петер не жаловался, но Руди про себя негодовал: неужели КГБ не мог начать знакомить Петера с Советским Союзом и социализмом более достойным образом?

Инга прибыла в Москву на два дня раньше. Первым долгом путешественников накормили стандартным "праздничным обедом". Обед давал Павел — офицер, с которым Руди

шестью годами ранее встречался в Париже. Петер явно произвел на него самое благоприятное впечатление.

Оставшись с мужем вдвоем, Инга сказала, что она за эти два дня обсуждала их проблемы с Андреем — одним из офицеров, отвечавших за деятельность разведки в США.

— Знаешь, он говорит, что тебе пора уже сворачивать свой бизнес. Чтобы начать работать как все нормальные люди — восемь часов в день, а потом отдыхать, гулять, встречаться с интересными людьми. И потом: ты должен, наконец, сдвинуться с мертвой точки с этим Гудзоновским институтом...

— Хватит об этом, Инга! — возмущенно воскликнул Руди. — Неужели ты не понимаешь, что из тебя тут делают пешку, подговаривая вот так выступать передо мной? Запомни: ты прежде всего моя жена, а потом уже их агент! Иди спать, я не желаю больше слушать, я сыт по горло этими советами.

Однако наутро Андрей явился собственной персоной и снова завел тот же разговор:

— Ну, как у вас там получается с Гудзоновским институтом? Впрочем, я сам скажу: ничего у вас почему-то не выходит, так ведь? Чего вообще вы добились за последние четырнадцать месяцев? Будем откровенны: ничего. Если, конечно, не считать ваших успехов по части повышения своего жизненного уровня. Вы там, кажется, пристроили к своему дому еще одну комнату?

Андрей замолк, чтобы посмотреть, какое впечатление произвела его осведомленность.

— Вот видите, мы знаем и об этой комнате. Получается, вы тратили время на то, чтобы иметь возможность больше наслаждаться жизнью. — Придвинувшись ближе, Андрей повел плечами, на которых красовались полковничьи погоны. — Теперь, если хотите заработать звание полковника, пора вам кончать с этой сладкой жизнью и по-настоящему приниматься за дело.

Руди всегда старался сдерживаться в любых ситуациях, каких бы усилий ему это ни стоило. Но на сей раз, перейдя на русский, чтобы не понял Петер, он закричал в ответ:

— Какого черта! Вы позорите своим поведением партию и КГБ! Вы унижаете меня на глазах моего собственного сына! И как только язык поворачивается спрашивать, что я для вас сделал! Я отдаю вам своего сына — вот самое главное, что я сделал для вас. Он будет выдающимся разведчиком, если кретины вроде вас его не испортят.

Андрей не нашел ничего лучшего, как раскритиковать "слишком пессимистический" доклад, недавно полученный от Руди.

— Кто вы такой, чтобы утверждать, что на ближайшее десятилетие прогрессивные силы в Чили не имеют перспектив? Вы что, гадалка? Видимо, вы не уяснили себе, что законы исторического развития — на нашей стороне.

— Я уяснил себе самое главное. На свой страх и риск я беспрекословно отправился в Чили, чтобы объективно оценить существующее там положение. Моя оценка является вполне честной. Если вас больше устраивают приятные выдумки, сочиняйте их сами.

— Кстати, ваш доклад о разрядке тоже очень уж негативный.* Придется его переработать.

— Долг разведчика — докладывать то, что есть...

— Но доклад получился слишком прямолинейным. Вам придется кое-что смягчить.

— Я не изменю ни буквы!

Все усилия и денежные затраты, все, что КГБ на протяжении девятнадцати лет вкладывал в Руди и Ингу, все возможности, которые сулило подключение к разведывательной работе Петера, — все могло пойти прахом, если бы не вмешались Павел и другие. Они удалили Андрея, который с этого дня вообще не появлялся на горизонте, и всячески пытались умаслить Руди, давая понять, что все его претензии будут учтены.

В отношении Петера Руди поставил своим коллегам ряд категорических условий. Во-первых, Петер должен стать штатным сотрудником КГБ, а не агентом. Во-вторых, он должен проникнуться идеями марксизма-ленинизма, чтобы сознательно выбрать тот образ жизни, который придется ему вести.

— Все это возможно, — ответил Павел, — но при условии,

* Руди было поручено дать оценку отношения американской общественности к "разрядке". Он написал: "Идея разрядки поддерживается главным образом президентом, его ближайшим окружением и некоторыми кругами интеллигенции. Большинству американцев принципы разрядки чужды, непонятны или неинтересны. Из тех, кто понимает суть политики разрядки, большинство относится к ней отрицательно".

что Петер сам этого хочет. Кроме того, если он откажется от варианта, который вы для него наметили, его уже нельзя будет отпустить в Соединенные Штаты — слишком много он знает о вас и о нас. В этом случае ему придется остаться здесь и стать гражданином СССР.

Инга была в состоянии, близком к истерике. Одна мысль о том, что сына могут надолго разлучить с ней, бросала ее в дрожь. Но Руди заранее отвергал такую перспективу, будучи уверен, что Петер не напрасно обещал ему стать офицером советской разведки, раз отец так этого хочет. И действительно, в разговоре с Павлом Петер подтвердил свое твердое намерение работать на КГБ.

Ну что ж, сказали ему, в таком случае перед ним действительно открываются блестящие перспективы. Предварительно было решено, что он получит специальность юриста. Это откроет ему в дальнейшем доступ к политическим деятелям Соединенных Штатов и даст возможность проникнуть на службу в правительственные сферы.

Поскольку он уже успел подать заявление в университет в Монреале, было сказано, что в дальнейшем ему придется перевестись в какой-либо из ведущих американских университетов. Стоимость обучения не имеет значения — все прямые и косвенные расходы на образование Петера будет оплачивать КГБ. В Монреале Петер должен уделять главное внимание учебе, но в то же время стараться выявлять студентов и преподавателей, с симпатией относящихся к Советскому Союзу. Ни при каких обстоятельствах ему самому нельзя выказывать подобных симпатий. Летом 1975 года ему предстоит вернуться в Москву, чтобы пройти специальный курс обучения и идеологической подготовки.

Договоренность была окончательно закреплена на прощальном обеде, устроенном в честь отъезжающей семьи Герман. Петеру объявили, что ему присваивается постоянное кодовое имя — или, вернее, фамилия — Эрбе, что по-немецки означает "наследник".

Инга снова полетела в Испанию, чтобы забрать Майкла, а Руди с Петером возвратились в Европу на том же неопрятном теплоходе, в той же душной каюте. Наверняка находившийся на борту офицер или агент КГБ был предупрежден, где они должны сойти на берег.

В Копенгагене они оказались в группе английских турис-

тов, прибывших тем же теплоходом. С набережной радостно помахал соотечественникам еще один англичанин с кинокамерой в руке. Он тут же принялся снимать прибывших. Уклониться было невозможно — Руди и Петеру оставалось шагать в этой группе туристов, прямо навстречу объективу кинокамеры. "Нет, это прямо-таки невероятно!" — подумал Руди.

Как-то в октябре Руди объявил Инге с Майклом: "Мы, пожалуй, заслужили того, чтобы провести уикенд в каких-нибудь солнечных краях. Давайте, слетаем на пару дней на Гавайи!"

Здесь ему предстояло повидать профессора Гэмблтона, который проводил на Гавайях свой отпуск. Встреча с Гэмблтоном произошла на улице: он ехал по Порт-о-Пренсу на джипе, когда Руди выскочил наперерез из боковой улочки, махая сразу обеими руками. Гэмблтон притормозил и усмехнулся: "Прыгайте сюда. Обожаю подвозить бродяг, с которыми мне по дороге!"

Машина поднялась к великолепной вилле, стоящей на вершине холма. Их встретила молодая гаитянка с шоколадной кожей, изумительно сложенная, — Руди, пожалуй, впервые в жизни видел столь совершенную женскую фигуру. Наблюдая за тем, как оторопел гость, профессор рассмеялся.

— Моя экономка, — лаконично пояснил он.

— Наши друзья беспокоятся, все ли у вас в порядке, — объявил Руди, желая дать понять Гэмблтону, чем вызван его визит. — Они давно уже ничего не слышали о вас.

— Передайте нашим друзьям, что я тоже не знаю, что и думать. Они, видите ли, дали мне для переписки такой адрес: Восточный Берлин, Карл-Маркс-Аллее. Стоит мне опустить здесь хоть одно письмо с таким адресом, как гаитяне перевернут вверх дном весь свой остров, чтобы дознаться, кто же это переписывается с коммунистами.

— Может быть, наши друзья уже поняли свою ошибку, а может, это простое совпадение, — но так или иначе я вам привез новый адрес, а также новый шифровальный блокнот и расписание сеансов радиосвязи. Я думаю, они там совсем не представляют себе, что делается на Гаити, и были бы рады получить от вас обстоятельное сообщение на сей счет.

Подошло Рождество, Петер приехал домой на каникулы, и Руди энергично принялся знакомить его с основами марк-

сизма-ленинизма. Он понял, как в сущности много нового предстоит усвоить юноше. Каким бы пытливым и любознательным он ни был, ему все еще трудно было представить, какой кошмар скрывается за обманчивым фасадом американского и европейского образа жизни. Ему нелегко было освоиться даже с той простой истиной, что хваленая американская свобода — всего лишь иллюзия, что внешние атрибуты этой свободы — выборы, пресса, профсоюзы, суды — не более чем искусная имитация того, что действительно должно быть в свободной стране. Что кажущееся изобилие жизненных благ — в действительности не более чем наркотик, призванный усыплять чувства и притуплять действительные потребности человека. Что существующие богатства награблены в результате войн и эксплуатации стран Третьего мира. Что все тут контролируется крохотной кучкой капиталистов и милитаристов, что западное общество представляет собой лишь промежуточный этап на историческом пути человечества, движущегося к истинной свободе, справедливости, равенству и изобилию, которые может обеспечить только социализм.

Трудно было внушить все это сыну, и Руди с благодарностью вспоминал обещание, полученное от КГБ: ближайшим летом в Москве искусные преподаватели начнут по-настоящему просвещать Петера и открывать ему непреложные истины, касающиеся всех сторон окружающего его мира.

В мае отец с сыном отправились в Тоуэко — поселок, лежащий в 25-ти милях к западу от Нью-Йорка. В определенном месте Руди свернул на обочину пустынной дороги, и Петер положил к подножию росшего здесь огромного дуба кусок автомобильного шланга. В шланг были заложены полоска бумаги с перечислением дат и номеров авиарейсов, которыми Петер прибудет сначала в Париж, а оттуда в Вену, маленькие фотографии Петера, которые будут нужны КГБ для подложных паспортов, и очередное донесение, исходящее от Руди. Проехав еще с милю, они остановились у другого заметного дерева. Петер оставил здесь жестянку из-под кока-колы — сигнал, что тайник под дубом загружен.

Потом они пили кофе в придорожной лавчонке, где трое юнцов задумчиво потягивали консервированные соки. Отсюда, не спеша, направились к третьему условному месту на той же дороге и убедились, что там валяется кусок апельсиновой кожуры — знак, что кто-то из агентов КГБ уже опорожнил тайник под дубом.

”Центр” сообщил по радио маршрут поездки Петера: Нью-Йорк—Париж—Вена—Будапешт—Москва. В Вене, в одном из мест встречи, которыми пользовались его родители, Петер получит паспорт на имя некоего туриста из Германии, со всеми необходимыми визами.

В той же московской квартире, где прошлым летом разместили семью Герман, сотрудники КГБ посвятили Петера в основные детали его будущей карьеры. Своими успехами Петер должен был так выделиться, чтобы любое американское правительственное учреждение по окончании университета стремилось заполучить его к себе. Когда дойдет до этого, КГБ определит, какое место работы он должен выбрать. Выбор этот будет зависеть от актуальных потребностей в тот момент, но, вероятнее всего, Петеру придется работать в Госдепартаменте, Министерстве обороны, либо Министерстве юстиции.

Петер должен основательно изучить иностранные языки, прежде всего японский и китайский. Знание языков повысит его шансы очутиться там, где формируется внешняя политика Соединенных Штатов, равно как и возможности общения с иностранцами.

В дополнение к ежегодному летнему курсу обучения в Москве он должен проходить практическую тренировку. Этим займется сам Руди. Таким образом, каждый раз, когда Руди оправится на выполнение того или иного секретного задания, Петер должен по возможности прерывать свои университетские занятия и сопровождать отца.

В период обучения в университете Петер обязан раз в три месяца передавать в ”центр” через Руди сводку, отражающую его ”деловую активность” и перечисляющую все его контакты.

Петеру была предоставлена возможность совершить трехнедельное путешествие по СССР. К нему был приставлен молодой офицер по имени Виктор. Они побывали во множестве мест, куда обычно возят иностранных туристов, — огромные гидроэлектростанции, образцовые колхозы, больницы, блестящие чистотой, детские ясли с жизнерадостными детишками и самоотверженно-заботливым персоналом, новые, в значительной мере автоматизированные заводы по производству холодильников... Идиллию нарушал разве что сам Виктор, большой хвостун и любитель выпить. Когда Петер

простодушно предложил "подискутировать о марксизме", Виктор поднял его на смех: "Мне всю жизнь морочили голову этой чушью, да и ты еще вдоволь нахлебаешься этого дерьма. А сейчас давай-ка лучше отдыхать и развлекаться".

На Байкале, напившись пьяным, Виктор неожиданно вытащил пистолет и обстрелял моторку с местными рыбаками, потешаясь над их испугом.

Руди, услышав об этой истории, сказал:

— Конечно, этот соплик только по недоразумению попал в КГБ. Вообще-то таким там не место.

— Я тоже так думаю, — согласился Петер.

Куда сильнее огорчило Руди то, что идеологическая подготовка его сына в Москве свелась к двум чисто формальным пунктам: "они дали мне рекомендательный список литературы, которую я должен прочесть", и "сказали, что ты сам подготовишь меня по идеологической линии".

В тот же вечер Руди составил сообщение для "центра", в котором подчеркнул: "Ваш отказ дать Эрбе основательную идеологическую закалку и политическую подготовку означает нарушение нашей принципиальной договоренности. Ни Эрбе, ни кто бы то ни было другой не сможет долго и успешно работать за границей в составе секретной службы, не будучи полностью убежденным в преимуществах нашей идеологии. Прошу "центр" сообщить, как он предполагает исправить это непростительное упущение".

"Центр" ничего на это не ответил. Вместо ожидаемого ответа Руди получил распоряжение отправиться в Эль Пасо, штат Техас, и подобрать под этим городом два надежных тайника. "Надежных" — означало, что тайники предназначаются для многократного использования и при необходимости — для длительного хранения помещаемых туда материалов.

Глядя на карту, Руди понял, зачем "центру" понадобились тайники в этих местах: невдалеке от Эль Пасо располагался полигон Уайт Сандс ("Белые Пески"), где проводятся испытания ракетных снарядов и других новейших видов вооружения. Очевидно, Советы завели здесь своего агента.

Руди сознавал, с каким риском сопряжено это задание. Он кружил на машине вокруг Эль Пасо несколько часов, чтобы удостовериться, что никто за ним не следит. Потом направился по дороге, ведущей в пустыню, и по пути дважды поворачивал обратно, убеждаясь, что сзади никто не следует.

То и дело ему казалось, что его настигает гудение вертолетов, но нет, вокруг полигона все было спокойно.

Шагая вдоль линии проложенного здесь газопровода, он обнаружил в одной из опор углубление, вполне пригодное для долговременного тайника. Второй удобный тайник он подыскал в нескольких милях от первого, на заброшенном кладбище — внутри памятника, стоящего на могиле ребенка, который, судя по надгробной надписи, умер в возрасте трех лет. На минуту Руди задумался: какие же это американские секреты будут прятаться здесь, в памятнике над могилой американского ребенка, и что за человек тот, кто станет приносить их сюда?..

В начале 1976 года "центр" приказал подыскать еще три тайника — "в треугольнике, образуемом городами Пуласки, Коламбия и Файетвил, в штате Теннесси". Снова обратившись к карте, Руди испытал понятное удовлетворение: неподалеку от этого треугольника размещались Редстоунский арсенал и Окриджский атомный исследовательский центр. Он вызвал из Монреаля Петера, чтобы тот потренировался в искусстве подбора тайников.

Сын и здесь порадовал Руди: он сумел подыскать отличные места для тайников. Но за четыре дня, которые они провели вдвоем, он разочаровал отца в чем-то гораздо более существенном. Выяснилось, что Петер ревностно помогает ему из чисто сыновних чувств, а вовсе не по каким-то идейным побуждениям. Руди вспомнил, как сам он много лет назад был вдохновлен марксизмом, открывшейся ему великой истиной... Он испытывал тогда почти религиозное чувство. С Петером не происходило ничего подобного.

Руди еще раз указал "центру" на необходимость идеологической подготовки Петера в Москве, ближайшим летом, и одновременно выдвинул предложение относительно собственного будущего: возможно, он, Руди, должен получить американское гражданство, на что уже давно имеется формальное право: И нельзя ли ему после этого рассчитывать на перевод куда-нибудь в Южную Африку, на Ближний Восток или в Центральную Америку, где он сможет принести не меньше пользы, чем здесь?

"Центр" без промедления возразил: "США — это основной противник. Все операции в других местах носят скорее вспомогательный характер, дополняя те, что направлены не-

посредственно против США. Вам надлежит оставаться в Штатах”.

Очередное распоряжение, сопровождаемое пометкой ”срочно”, заставило Руди лететь в мае в Мехико-сити. Здесь, у фонтана в парке Чапультепек, его тепло приветствовал гебист, назвавшийся Владимиром. Руди получил от него два предмета, один из которых выглядел как авторучка, а другой — как тюбик губной помады.

— К сожалению, я ничего не смогу вам толком объяснить, — сказал Владимир. — Могу только повторить указания, исходящие из ”центра”. Внутри каждого из этих предметов — металлический цилиндр. Что в нем, я не имею представления, но, должно быть, нечто важное. Ни в коем случае не вскрывайте эти вещи: ”центр” предупредил, что это опасно. Не позже воскресенья подыщите два тайника в северо-западной части Чикаго, в одном оставьте ручку, в другом — тюбик, и не позднее чем в понедельник положите в известный вам тайник в Вестчестерском округе записку с указанием местонахождения тех двух тайников.

Утром в субботу Руди, прихватив с собой Петера, полетел в Чикаго, там взял напрокат машину и, потратив полдня на поиски, засунул, наконец, авторучку в дренажную трубу, проходившую под скоростной автомагистралью, а тюбик воткнул за камень, подпиравший столбик уличного телефона-автомата.

Вскоре ”центр” радировал: ”Авторучку не могут найти. Уточните местонахождение тайника. Тюбик найден поврежденным. Представьте объяснение”.

Руди казалось, что он и без того указал местонахождение авторучки с максимально возможной точностью. Но, как человек добросовестный, он пытался добавить еще какие-то детали. Одновременно он подтвердил, что у него не было причин разбирать или повреждать тюбик, и никто другой при нем этого тоже не делал.

Через отца Петер известил ”центр”, что его зачислили в Джорджтаунский университет в Вашингтоне, и в сентябре он надеется приступить там к занятиям. Рассчитывая, что ему опять предстоит провести большую часть лета в Советском Союзе, он вылетел из Нью-Йорка в Люксембург на самолете исландской авиакомпания. Из Люксембурга Петер поездом прибыл в Вену и там 10 июня дал знать о своем появлении,

оставив отметку на заранее условленной телефонной будке. На следующий день, ровно в 12 часов, у входа в кафе его стиснул в медвежьих объятиях высланный навстречу гебист. Выяснилось, что в Москву Петер не едет. Ему придется основательно поработать тут, в Вене, под руководством "Макса", одного из ветеранов КГБ, а затем вернуться в Соединенные Штаты: КГБ хочет, чтобы он поскорее перебазировался в Вашингтон.

На другой день состоялась встреча с Максом. Тот прежде всего поздравил Петера с тем, что он выбрал Джорджтаунский университет. Дело не только в том, что юридический факультет этого университета пользуется отличной репутацией, и что университет считается католическим и умеренно консервативным, хотя все это, конечно, по-своему важно. Главное в другом: Петер будет учиться и жить в Вашингтоне, столице государства, где происходит так много важных событий, где многие прямо или косвено связаны с правительственными кругами. КГБ считает, что идеологическое воспитание Петера может и подождать. Москва пришла к выводу, что он может принести большую пользу уже сейчас, отнюдь не рискуя тем блестящим будущим, которое они ему готовят. Вот его задачи на ближайшее время:

"Выявлять студентов, чьи родители имеют отношение к правительственным сферам и притом могут представлять интерес ввиду того, что имеют личные проблемы, недостатки характера, пороки или иные специфические качества.

Выявлять "прогрессивных" студентов и преподавателей, явно не одобряющих империалистическую политику Соединенных Штатов.

Выявлять в университете совместителей, которые одновременно работают в Центре стратегических исследований в Джорджтауне.

Попытаться завести дружеские связи со студентами-китайцами, кто бы они ни были, и постараться больше разузнать о каждом из них".

Макс дал Петеру условный адрес в Мехико-сити, по которому тот должен будет посылать свои сообщения, написанные тайнописью. Он указал также места предстоящих свиданий Петера с гебистами в Мехико-сити, в Вене и потребовал, чтобы юноша заучил наизусть кодовые имена своих будущих партнеров, опознавательные признаки и пароли.

Руди сразу оценил всю важность этой венской встречи. Снабжая Петера средствами непосредственной связи с "центром", КГБ выводил его в самостоятельные агенты. Это говорило о том, что Советы вполне доверяют Петеру и высоко оценивают его возможности. Правда, используя Петера в качестве агента без тщательной тренировки, а вдобавок не осуществив его идеологической подготовки, КГБ нарушает договоренность, достигнутую в Москве. С точки зрения Руди, это было непременным условием, без соблюдения которого его сын не должен был заниматься такой работой.

Стараясь выразиться как можно более сухо и сдержанно, Руди потребовал, чтобы ему была предоставлена возможность побывать в Москве для обсуждения его собственного статуса.

"Центр" ответил далеко не сразу. Только в начале декабря пришел долгожданный вызов в Москву на начало января следующего, 1977 года, — как обычно, через Вену. Вслед за тем последовала радиограмма, предписывавшая Руди срочно, в течение ближайшего уикенда, приехавшегося на 18-19 декабря, подыскать два тайника в окрестностях города Форт Ворс, в штате Техас. Дело, связанное с компанией Ай-би-эм, требовало присутствия Руди в те же дни в Чикаго, так что поехать в Техас пришлось Инге. Толковая и исполнительная, она, как всегда, отлично справилась с задачей: подобрала два вполне подходящих тайника вдоль не слишком оживленного шоссе, связывающего Форт Ворс с ближайшим аэропортом.

В Европу Руди предстояло лететь в разгар зимы, и он не был уверен, что самолет прибудет по расписанию, поэтому не брался указать точно, когда его следует встречать в Вене. КГБ просил его уведомить о своем прибытии пост фактум, поставив мелом крест на одной из глухих дверей в условленном многоквартирном доме, и в тот же день к шести часам вечера явиться на встречу в заранее оговоренное место.

Чувствуя себя скверно из-за сдвига во времени, вызванного дальним перелетом, и пронизывающего январского холода, Руди долго бродил по городу, пока, наконец, не разыскал назначенное место встречи. Здесь, на тротуаре перед магазином дамского белья, он дождался шести часов. Никто из КГБ не явился.

Наутро, зайдя посмотреть, на месте ли крест, Руди увидел, что кто-то — должно быть, не в меру усердный смотритель

здания — стер его с двери. Пришлось снова поставить этот условный знак и снова дожидаться у магазина. Опять на встречу никто не пришел, а на следующее утро крест оказался, как и следовало ожидать, стертым.

Только на пятый вечер Руди удалось встретиться со своим партнером. Так неудачно началась эта поездка. В Москве его тоже ждали неприятности.

С первого же момента, войдя в квартиру, где его ожидали четверо офицеров КГБ, Руди ощутил атмосферу мрачной враждебности. Незнакомый ему до этого офицер, назвавшийся Дмитрием, начал с придинок по поводу злополучных чикагских тайников. Он без конца задавал Руди одни и те же вопросы, на которые тот уже ответил или пытался ответить в своих письменных сообщениях.

— Фактом является, что мы так и не нашли эту авторучку, — вновь и вновь повторял Дмитрий. — И кто-то лазил в тубик, — это тоже факт. Таковы факты. Как вы их объясните?

— Никто не в состоянии объяснить того, чего не делал, чего не знает и к чему не имеет отношения. Это должно быть понятно даже такому ограниченному человеку, как вы, — не сдержался наконец Руди.

— Мы требуем, чтобы вы отчитались за каждый свой шаг тогда, в Чикаго!

— Если вы мне не доверяете, то, наверное, еще верите моему сыну. Он видел, как я клал эти вещи в тайники, и знает, что они были в полном порядке. Может быть, вы допросите его?

Павел произнес с пафосом:

— Дуглас, мы всегда вам полностью доверяли, и теперь мы вам верим во всем!

— Почему же тогда вы не даете мне конкретных заданий, как обещали, когда я был здесь два с половиной года назад? — продолжал Руди, чувствуя, что все в нем кипит от гнева. Он перечислил все накопившиеся обиды: назойливые дурацкие приказы посещать бары, проникнуть в Гудзоновский институт; распоряжение КГБ, чтобы он сделался "настоящим американским бизнесменом", а потом постоянные нападки на него за то, что он в точности исполнил это распоряжение; наконец, пренебрежение идеологической подготовкой Петра к работе в разведке.

— Я сделал буквально все, что вы требовали и что только

позволяла моя легенда. Но есть вещи, которые для меня недоступны, потому что у моей легенды есть существенные изъяны.

— Это отличная легенда, — сказал Макс. — Железная легенда.

— Отличная — для той роли, которую вы, по вашим же словам, предназначили мне в Америке. Но она никак не соответствует другим заданиям, выполнения которых вы теперь от меня добиваетесь.

Павел еще раз попытался смягчить остроту спора:

— Дуглас, вы — нелегальный резидент, и это самое главное. Давайте бросим ворошить прошлое и начнем по-настоящему конструктивный разговор о вашем будущем.

— Может быть, я и считался нелегальным резидентом, но я больше никакой не резидент. В этом смысле у меня нет будущего. Я не возвращаюсь в Соединенные Штаты.

— Товарищ! — взмолился Виктор. — Вы должны вернуться туда, чтобы бороться за мир во всем мире.

Павел обратился к присутствующим:

— Наш товарищ Дуглас утомлен дальней дорогой. Он долгие годы работал в условиях чудовищного напряжения. Давайте, товарищи, сделаем перерыв, дадим ему отдохнуть. Продолжим наше обсуждение завтра утром, соберемся сюда к одиннадцати часам...

— Нет, так не годится, — запротестовал Руди. — Я прибыл сюда из Соединенных Штатов за собственный счет, и время дорого. Единственный раз сделаем так, чтобы было удобно мне. Я хочу как можно скорее уехать отсюда, побыть здесь как можно меньше времени. Так что, если вы хотите мне что-то еще сказать, приходите завтра не в одиннадцать, а пораньше — к восьми утра.

Наутро в восемь часов явился только один человек — как раз тот, с кем Руди вовсе не рассчитывал встретиться, но кого он вспоминал с неизменно теплым чувством. Это был Алекс, его первый учитель на поприще секретной службы.

— Всю ночь я провел в дороге, — сообщил он. — Мне позвонили вчера около десяти вечера и попросили срочно прибыть сюда.

Последний раз они виделись в 1958 году в Берлине. Теперь Алекс заговорил о том, как в годы войны он работал в Мексике, в тамошней резидентуре, и как долго он добирался от-

туда до Нью-Йорка, чтобы отбыть наконец морем на родину. Тогда он пересек Соединенные Штаты из конца в конец на поезде. Его интересовало, какие перемены произошли в обеих странах и как живет Руди в Нью-Йорке.

— Наверное, ты в курсе того, что тут у нас происходило вчера вечером, — сказал Руди.

— Да, мне дали понять, что вроде не все ладно...

— И они тебя вызвали, чтобы ты на меня повлиял?

— Точно.

— Ну, это даже тебе не удастся.

— Да я и не собираюсь. У тебя своя голова на плечах, поступай, как считаешь нужным...

Тем не менее, оставшись с Руди, стараясь говорить мягко и увещательным тоном, перемежая свои доводы воспоминаниями о прежних "более легких для всех нас" временах, Алекс сумел убедить его в необходимости вернуться в Нью-Йорк.

Через день пришли Павел и Макс. Они обращались с Руди необычайно учтиво, почти ласково, как с тяжелобольным, — словно и не было того спора и перебранки. Чтобы подчеркнуть, как они ему доверяют и насколько важна его миссия, оба пустились расхваливать чудесный новый приемник, который должен существенно упростить работу Руди. Это приемное устройство автоматически и чрезвычайно сжато записывало сообщения, посылаемые из Москвы через спутник связи. Затем оно давало возможность воспроизвести их растянутыми во времени, так что расшифровка становилась прямо-таки удовольствием, но главное — отпадала необходимость дежурить у приемника в определенные часы: стоило его настроить, и он сам принимал и записывал сообщения, которые можно было расшифровать позже, на досуге. Отпадала также проблема пропусков в тексте и помех. Приемник исключительно компактен, его легко прятать. Само собой разумеется, он относится к сугубо секретным новшествам, и его доверяют лишь избранным. Руди получит его через какой-нибудь тайник поблизости от Нью-Йорка.

Руди, подчеркивали его собеседники, совершил настоящий подвиг, поразительный и неоценимый, сумев так основательно закрепиться в Америке. Теперь он в состоянии руководить здесь всей нелегальной сетью агентуры, если возникнет такая необходимость. Это признает все руководство КГБ. Но в до-

полнение к этим потенциальным обязанностям нелегального резидента он будет получать все более важные конкретные задания, которые, конечно, будут определяться с учетом сильных и слабых сторон его легенды.

Что касается идеологического перевоспитания и оперативной подготовки Петера, то и то и другое, разумеется, предусмотрено Комитетом. Но в данный момент самое важное — это чтобы Петер получил университетское образование. Ну и, в конце-то концов, кто во всем КГБ сможет более эффективно тренировать Петера, да и внушить ему преклонение перед марксистской идеологией, если не сам Руди — человек таких выдающихся способностей, с таким богатым опытом?

Несмотря на всю эту лесть, некоторая натянутость в отношениях не проходила, и по обоюдному согласию стороны отказались от традиционного прощального обеда. Улетая из Москвы, Руди чувствовал, что в его отношении к стране социализма произошел какой-то перелом. Его вера в партию и чувство партийного долга остались нерушимыми, но уважение к КГБ было безвозвратно утрачено.

Он вез с собой новый шифровальный блокнот взамен того, что был им сожжен перед поездкой, в соответствии с обычными правилами безопасности. Не найдя на месте расписания сеансов связи, он сообразил, что, вероятно, впопыхах сжег и его тоже. Пришлось запросить его у "центра"; было решено, что новое расписание передадут через Ингу 7 мая.

Вечером 2 мая в их доме раздался телефонный звонок. Кто-то из клиентов просил Руди. Это оказался архитектор Дик Мартин:

— Моя компания разработала новую конструкцию сборной сауны для массового производства, и нам нужны фотоиллюстрации для рекламного проспекта. Мои знакомые из Ай-би-эм рекомендовали вас как первоклассного фотографа. Вы располагаете временем в ближайшие два-три дня?

— Завтра я занят. Давайте договоримся на среду.

— Отлично. Мы как раз смонтировали такую сауну в одном загородном доме, примерно в часе езды от вас. Я заеду за вами часам к десяти, и отправимся туда вдвоем.

Дик Мартин, крупный, угловатый, немногословный, помог Руди погрузить в машину фотографическое снаряжение, и через час они уже подъезжали к месту назначения — большой загородной усадьбе. Выходя из машины, Руди вдруг встрепенулся:

— Простите, маленькая неприятность... Я забыл дома экспонометр.

— Он вам не понадобится, — ответил Дик Мартин. — Пойдемте.

Руди, кажется, понял. Какое-то мгновение он еще пытался разубедить себя — но к чему?

Они вошли в гостиную, где их ждали двое мужчин. Один — плотный, средних лет, с суровым лицом, холодными серыми глазами и седеющими волосами; другой — высокий, стройный, атлетического сложения, с мелко вьющейся шевелюрой, напомнивший Руди стандартного молодого героя многих американских кинолент. Никто из четверых не выказал желания обменяться рукопожатием.

— Мы из ФБР, — объявил старший. — Меня зовут Джо, а это — мой партнер Эд.

Оба показали Руди свои служебные удостоверения; то же сделал и Дик.

— Руди, мы знаем, кто вы такой, — продолжал Джо. — Нам известно, на кого вы работаете. Мы знаем и про Ингу, и про Петера, и вообще знаем о вас абсолютно все. Мы годами вас не трогали, но теперь накопилось уж очень много свидетельств вашей работы. Фотографические свидетельства, документальные доказательства, вещественные улики. — словом, каких только душа желает. Если хотите, мы их можем продемонстрировать вам.

Прослеживая ваше прошлое, мы узнали, что вам приходилось не раз принимать серьезные и важные решения. Но самое важное предстоит вам сегодня. Перед вами — два пути. Мы можем арестовать вас и передать федеральному прокурору. Это означает для вас тюрьму, долгие годы заключения. Не только для вас лично, но и для Инги, и для Петера, — ведь их вина тоже неоспорима и будет доказана в суде. Так что вам предстоит определить будущее всей вашей семьи. Если вас троих отправят в тюрьму, Майкла, несомненно, придется отдать под опеку администрации штата Нью-Йорк, потому что у него не останется никаких родственников. По крайней мере таких, в родстве с которыми вы сможете признаться, не признаваясь во всем остальном.

Но мы предоставляем вам возможность выбора. Переходите на нашу сторону, становитесь нашим союзником в борьбе с КГБ. Если вы будете честно сотрудничать с нами, ваша

семья сможет остаться на свободе в Соединенных Штатах до конца своих дней. Мы найдем для вас новое место жительства, изменим ваши имена и фамилии и обеспечим вашу безопасность. Для вас война проиграна — теперь постарайтесь просто выжить.

...Руди выглядел совершенно спокойным. Да так оно и было — уже некогда пугаться и расстраиваться, предстояло собраться с мыслями и решать. Ему придется трезво оценить все, что он услышал, и принять объективное решение с учетом всех "за" и "против".

— Сколько времени вы мне даете? — спросил он.

— Мы можем ждать до трех часов, — ответил Джо. — Группы наших агентов дежурят вокруг вашего дома в Хартсдейле и возле студенческого городка в Джорджтауне. Если к трем часам вы не согласитесь на сотрудничество с нами, ваши жена и сын будут арестованы по обвинению в шпионаже.

Руди заметил в комнате устройство для видеозаписи и проекционный экран.

— Мы захватили с собой массу кассет с пленкой и можем при необходимости показать вам множество фильмов, — сказал Джо.

— ...Где вы исполняете главную роль, — добавил Эд.

Руди страдал заболеванием желчного пузыря, и у него постоянно были с собой болеутоляющие таблетки. Сейчас, почувствовав приступ колик, он привычно нащупал в кармане флакончик с таблетками. С быстротой тигра Дик бросился к нему и схватил его руку, как клещами.

— Это таблетки от желудка! — запротестовал Руди.

— Давайте их сюда... И все остальные, какие у вас при себе имеются, — приказал Дик. — И вот что еще: если вы хотите побродить возле дома и подумать в одиночестве, — пожалуйста. Только не вздумайте бежать.

Двое американцев — Джо и Эд — были такими же идейными и так же преданными своей работе людьми, как и сам Руди. Джо, родившийся в семье иммигрантов, выросший в беднейших кварталах Нью-Йорка, когда-то работал в ФБР мелким служащим, учился в вечерней школе и, получив образование, со временем стал агентом. Убежденный католик, отец шестерых детей, он имел за плечами уже чуть ли не четверть века стажа. Борясь сначала с уголовной преступностью, а в дальнейшем — с иностранной подрывной деятельностью, он

не раз подвергался смертельной опасности, почти постоянно находился в разлуке с семьей.

Эд был тоже нью-йоркцем, ирландцем по происхождению и католиком. Сначала он служил ночным клерком в Нью-аркском отделении ФБР, в дневные часы учась в колледже. По окончании колледжа ему пришлось ждать еще целых семь лет, прежде чем его произвели в агенты. Его усердие и бесспорные оперативные способности привлекли внимание Джо, который взял его к себе в "советскую" секцию Нью-йоркского оперативного управления ФБР.

По существу Руди представлял собой идеальный образец шпиона, какой только могли создать КГБ и советское государство для тайной работы в Америке. Но точно так же Джо и Эд являлись лучшими из тех, кого Америка могла выставить для своей защиты.

Американцы понимали, что если бы Руди пришлось решать только за себя, думать лишь о собственном существовании, он без колебаний выбрал бы тюрьму. Поэтому им пришлось выжидать, пока КГБ, совершая промах за промахом, не поставил под удар всю семью.

Расхаживая возле дома, Руди последовательно задавал себе вопросы, от ответа на которые зависело его решение. Быть может, американцы просто блефуют? Нет, поскольку им известно об Инге и даже о Петере. Как им удалось напасть на его след? Впрочем, это уже несущественно. Каковы шансы на спасение? Никаких.

Допустим, мы все трое сядем в тюрьму. Кому от этого будет польза? Мы отведем от КГБ те опасности, которые, несомненно, сулит этому ведомству мое сотрудничество с ФБР. Но отведем не полностью. Инга, разумеется, будет стойко держаться на допросах. А Петер — едва ли. И все только потому, что эти проклятые ублюдки так и не сделали из него убежденного коммуниста. Они были щедры только на обещания. Но, как бы то ни было, нам нельзя соглашаться на сотрудничество с ФБР, потому что это означало бы — подстраивать КГБ все новые и новые ловушки.

А с другой стороны, — чем я обязан КГБ? В чем мой долг по отношению к нему? Я не должен КГБ ровным счетом ничего. Я посвятил ему свою жизнь и свою семью. В благодарность за это они вновь и вновь нарушали свои обещания — в отношении Петера, да и в других случаях. Собственно, во всем.

Но мой долг перед Партией? Разве КГБ — это не щит и меч Партии? Да, так без конца твердят они сами. Я им уже не верю.

Мне придется помогать американским империалистам? Не означает ли это измены всему тому, чем я жил чуть ли не с детства? Но теперь начинается жизнь мой сын. Какое у меня право приносить его в жертву? Я втравил его в эту историю. Он принял в ней участие только ради меня... А Майкл? Я должен подумать и о нем!..

— Ваше время истекло, — сказал Джо.

— Я принимаю ваше предложение. При двух условиях.

— Каких?

— Что мне не придется никого убивать...

— Господи помилуй! — пробормотал Эд.

— Это КГБ убивает людей. Мы не убиваем, — заметил Джо.

— Мы никогда не станем требовать, чтобы вы кого-то убили.

— И второе. Я не изменю своим убеждениям. Я коммунист и коммунистом останусь!

— Пожалуйста, это ваше личное дело. Думайте про себя, как хотите. Но действовать вам придется, как скажем мы. Итак, согласны?

— Согласен.

— Нам предстоит как следует поработать, так что давайте начнем. Эдди, звони!

ФБР хотело, чтобы допрос по существу дела с самого начала ошеломил Руди. Так и получилось. Вопросы были нарочно сформулированы так, чтобы из них становилось ясно: ФБР знает все тайники в Нью-Джерси, под Эль Пасо, в Теннесси, в Чикаго, в Вестчестере, даже те тайники, что Инга подыскала в районе Форта Ворса. ФБР было известно о поездках всех троих в Москву, о путешествиях Руди в Мехико-сити. ФБР разобралось даже в том, какие из поездок Руди в пределах Соединенных Штатов предпринимались в связи с его легальным бизнесом, а какие — по заданию КГБ. Осведомленность ФБР даже в мелких деталях убедила Руди, что скрывать что бы то ни было не имеет смысла.

Руди рассказывал о своей жизни начиная с детства, с Чехословакии. Его слушали и одновременно записывали на пленку. Рассказ его был последовательным, четким и складным — иного и не ждали от такого способного профессионала разведки.

Прервав это плавное изложение, он сказал, что если ему не разрешат позвонить Инге, она подумает, что с ним случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Что вы собираетесь ей сказать? — спросил Джо.

— Что я занят, у меня деловая встреча, которая закончится поздно, так что я не буду ночевать дома. Это не покажется ей чем-то необычным. В подобных случаях мы всегда предупреждаем друг друга по телефону, — Руди улыбнулся. — Впрочем, вам это известно. — Агенты тоже заулыбались.

Рассказывая о себе в более или менее хронологической последовательности, Руди упорно не вспоминал об одном факте, о котором ФБР также было уже осведомлено: наступил четверг, 5 мая 1977 года, и все участники допроса знали, что вечером этого дня Инга должна лететь в Мехико-сити за новым графиком сеансов радиосвязи. ФБР предстояло принять весьма ответственное решение. Если Инга не явится на свидание в Мехико-сити, КГБ забеспокоится и заподозрит что-то неладное. Позволить Инге лететь тоже опасно: что, если муж сумел подать ей по телефону какой-нибудь тайный знак, который даст знать КГБ, что он пойман?

Доставить Ингу, пока есть еще время, на свидание с мужем и попытаться убедить ее, что игра проиграна и должна продолжаться под диктовку ФБР? А если она и после этого все же решится предупредить гебиста, который явится на встречу с ней в Мехико-сити?

Было три часа ночи. Джо отослал Руди в спальню, чтобы в его отсутствие посоветоваться с коллегами.

Конечно, Руди был не в состоянии спать. Из множества мыслей, роившихся в его голове, он выделил одну. Если ФБР засекло все тайники, значит, оно оказалось в состоянии идентифицировать всех агентов и сотрудников КГБ, которые пользовались каждым из этих тайников. Почему же их не арестовывали? Ответ мог быть только один: ФБР намерено продолжить игру, провести всеобъемлющую операцию по раскрытию агентурной сети и одновременно успеть снабдить "центр" ложной информацией, якобы исходящей от его агентуры в Штатах.

Утром Джо объявил, что ФБР решило дать Руди возможность встретиться с Ингой. Трое агентов отвезли его в Хартсдейл. По дороге Руди спросил:

— Можете вы мне сказать, как это вам удалось выйти на меня?

— Это навсегда останется для вас тайной, — ответил Джо.

— Я хотел бы знать, собственно, одну только вещь... — настаивал Руди. — Что, это следствие какой-то ошибки, допущенной мной самим?

— Нет, Руди, вы во всех случаях действовали безупречно. Чего нельзя сказать о КГБ в целом...

Руди представил их Инге: "Эти джентльмены из ФБР. Они знают о нас все, в том числе знают о Петере. Я принял решение сотрудничать с ними. Хорошо бы, чтобы и ты рассказала им все, что тебе известно".

Ужас, отчаяние, сознание, что все пропало, охватили Ингу. Она была в таком состоянии, что не могла произнести ни одной связной фразы. Эду пришлось пойти к машине и вызвать по рации агента-женщину. Прибывшая, по имени Шейла, помогла Руди успокоить Ингу, и та призналась, что ей сейчас немедленно предстоит отправиться в Мексику.

— Ну что ж, придется ехать, — сказал Джо.

— Нет, нет, я не смогу... Я провалю все дело.

— А вы внушите себе, что должны держать себя в руках хотя бы ради Петера. Тогда все обойдется!

— Инга, он прав, — вмешался Руди. — Тебе пора ехать.

Эд с Шейлой доставили ее в аэропорт Кеннеди. "В вашем распоряжении примерно двадцать минут. За эти минуты вы должны перестать плакать и взять себя в руки. Слушайте внимательно. Мы будем следить за вами в Мехико-сити. Там вы будете находиться в окружении наших людей. А здесь нам придется не выпускать из виду вашего мужа и сына. Ваша задача — провести встречу в Чапультепеке точно так же, как всегда. Стоит вам сказать или сделать что-нибудь не так — и мы сразу же узнаем об этом".

Эд отдавал себе отчет в том, что никто из американцев, никакие сотрудники ЦРУ не станут наблюдать в Мехико-сити за Ингой: у них просто нет времени на организацию такого наблюдения — всестороннего, плотного и в то же время не поддающегося обнаружению. ФБР приходилось полагаться только на то, что материнские чувства Инги одержат верх над ее коммунистическими убеждениями.

После возвращения Инги сотрудники ФБР доставили ее в квартиру Шейлы.

— Ну, рассказывайте все по порядку, — приказал Джо.

Инга сказала, что она встретилась с офицером КГБ в Ча-

пультепеке в 10 часов утра, обменялась с ним опознавательными фразами и несколькими дежурными комплиментами, после чего получила от него конверт, как она полагала, с расписанием сеансов радиосвязи. Но, вскрыв его в отеле, она увидела, что конверт пуст. Не зная, как связаться вторично с людьми, представляющими КГБ в Мексике, Инга поняла, что ей ничего не остается, как лететь обратно в Нью-Йорк. Признаться, она была озадачена, не найдя в конверте ожидаемого кусочка пленки с расписанием...

В то же время она решительно утверждала, что ни единым словом не дала понять сотруднику КГБ о провале и об участии ФБР в их встрече.

Джо тем не менее спросил, согласна ли она пройти испытание на детекторе лжи. Инга храбро согласилась. Проверка на детекторе показала, что она говорит неправду. Оператор, обслуживающий детектор, сказал, что Инга, судя по показаниям прибора, явно нервничала, при ответе на два вопроса: сообщили ли вы о нас сотруднику КГБ? действительно ли конверт оказался пустым? Он утверждал, что либо она явно лжет, либо чего-то недоговаривает, стремясь ввести в заблуждение. Допрос продолжался, но толку не дал: Инга еще два раза подвергалась испытанию на детекторе лжи, однако упорно отказывалась изменить свои показания хотя бы в мелочах.

Наконец, уже далеко за полночь, Джо сказал:

— Инга, все эти уловки ни к чему. Мы же старые знакомые. Вы припоминаете, что мы однажды с вами уже встречались, — довольно давно?

— Нет, я никогда раньше вас не видела.

— А вспомните-ка утро того дня, когда вы должны были подыскать тайники под Форт Ворсом. Вы завтракали в столовой мотеля, время было очень раннее, но за соседним столиком уже сидело двое мужчин. Вспомните: когда вы поднимались из-за стола, с плеча у вас соскользнула сумка и задела одного из ваших соседей по голове. Вы извинились. Посмотрите на меня, — это вы ведь передо мной извинялись тогда.

Некоторое время Инга молчала, спрятав лицо в ладонях. Отняв руки, она посмотрела на него в упор.

— Да, это были вы.

Понемногу он вытянул из нее всю правду. Встреча с гебистом в Мехико-сити проходила точно так, как она рассказыва-

ла с самого начала. Инга действительно ни словом не обмолвилась о ФБР. Но в конверте, полученном ею, конечно же, была пленка с расписанием. Убедившись в этом по возвращении в отель, она не просто расстроилась. Нет, она пришла в совершенное отчаяние и всю ночь боролась с настойчивой мыслью о самоубийстве.

В отчаянии наутро она снова пошла в Чапультепек, надеясь, что, может быть, там случайно окажется вчерашний гебист. Увидев его на этот раз, она, конечно, дала бы ему знать, что Руди попался. Но этого не произошло, — да и с какой стати, выполнив накануне свою задачу, он стал бы вторично являться на то же место? Уже собираясь ехать в аэропорт, чтобы лететь назад в Нью-Йорк, она почувствовала, что не сможет справиться с новым приступом ужаса и отчаяния. Если ФБР получит расписание сеансов связи, рассудила она, то американцы впредь смогут читать все московские сообщения, узнают о родных Руди и Инги, живущих в Европе, и получат возможность еще больше шантажировать их семью. Чтобы этого не случилось, Инга порезала пленку на мелкие кусочки и спустила их в туалет.

Такой оборот дела поставил ФБР перед новой трудной проблемой. Если радиосвязь с Руди не возобновится и теперь, после того как ему было направлено расписание, это вызовет у КГБ вполне понятные подозрения. С другой стороны, Руди не может еще раз потребовать у Москвы присылки расписания, не объяснив исчерпывающим образом, что же произошло с этим, полученным Ингой в Мехико-сити.

14 мая в семь часов утра Джо с Эдом заехали за Руди к нему домой, а затем отправились втроем в один из нью-йоркских отелей. Установив в гостиничном номере мощный приемник, они уселись возле него и стали ждать. Руди недоумевал, для чего это все понадобилось, раз ему по-прежнему неизвестны ни время, ни частоты, на каких "центр" выйдет с ним на связь. Всмотриваясь в мерцающую шкалу приемника, он уловил сигналы, явно исходившие из Москвы, и засмеялся: "Это предназначено для какого-то другого агента!"

В 10 часов 21 минуту Эд указал ему, на какую частоту он должен теперь настроиться. Минуту спустя Руди обескураженно объявил: "На этот раз — я! Это мои позывные!" Кончая записывать сообщение, Руди уже осознал, что произош-

ло: ФБР располагает его расписанием и подключилось к связи между ним и Москвой.

ФБР предпочло бы, конечно, чтобы все выглядело иначе. Но ввиду неожиданной утраты расписания, которое должна была привезти Инга, ФБР пришлось дать Руди копию его собственного расписания — другого пути для вовлечения Руди в задуманную радиоигру просто не было, да и сама игра без этого не могла бы начаться.

Руди расшифровал полученное сообщение, пользуясь своим шифровальным блокнотом. В сообщении содержалось требование, чтобы он представил не менее шести докладов политического характера, и Джо с Эдом почувствовали полное удовлетворение: все идет нормально, "центр" старается поручать Руди "конкретные задания", как он просил, и, следовательно, несмотря на сцену, произошедшую в Москве, КГБ все еще считает его крайне важным для себя сотрудником.

— Ну, как? — обратился к нему Джо.

— Я думаю, все в порядке, — отвечал Руди.

По его требованию из Вашингтона приехал Петер. Представив ему Джо и Эда как агентов ФБР, Руди сказал:

— Мы сотрудничаем с этими людьми, так уж случилось... Пожалуйста, расскажи им без утайки все, что тебе известно.

Петер, похоже, не был ни огорчен, ни взволнован. В отличие от родителей, его не терзали переживания идейного порядка. Снисходительно поглядев на Джо, затянувшегося сигаретой, он спросил:

— Вам обязательно надо здесь курить?

— Не обязательно надо, но предпочитаю курить, — неприятно откликнулся Джо, пуская в его сторону струю дыма.

— Давайте начинать. Когда и при каких обстоятельствах вы впервые познакомились с КГБ?

Рассказ Петера занял более шести часов. Все его детали совпадали с тем, что ФБР успело узнать от Руди. В Лиме Петер был рад, когда отец "раскрыл ему глаза", и готов был делать все, что тот от него потребует. Но теперь, казалось, он испытывал еще большее удовольствие и облегчение, рассказывая обо всем агентам ФБР. Он без колебаний дал согласие сотрудничать с этим ведомством.

Расставаясь с отцом и сыном, Джо обратился к обоим с такой речью:

— Хочу быть с вами откровенным. Вы все трое будете на-

ходиться под круглосуточным наблюдением. Постепенно создастся такое положение, когда мы с вами сможем до известной степени доверять друг другу. Пока еще мы этого не достигли. Малейшая странность в вашем поведении вызовет с нашей стороны вполне понятные подозрения, а может быть, и соответствующие действия. Все у вас должно быть совершенно обыденным и нормальным, как и до сих пор. В том числе и ваши отношения с КГБ.

Утром следующего дня, точно по расписанию, пришло радиосообщение из Москвы. "Центр" требовал, чтобы Петер летом поехал в Саудовскую Аравию, а Руди подготовился к поездке с разведывательными целями в Сальвадор. Одновременно Москва запрашивала, не собирается ли Инга побывать этим летом в Европе, как она делала это из года в год. Руди ответил: "Эрбе не планирует на лето никаких зарубежных поездок. Собирается усиленно заниматься. У Герды осложнение с венами на ногах, что, наверное, не позволит ей посетить, как обычно, Европу".

По-видимому, "центр" счел эти причины правдоподобными и достаточно уважительными, потому что на протяжении всего 1977 года продолжал поддерживать связь с Руди согласно расписанию, не выказывая неудовольствия.

В ближние тайники в своем Вестчестерском округе Руди поместил затребованные Москвой донесения, подготовленные с участием ФБР. Их расценили там, видимо, как вполне удовлетворительные. Последовало распоряжение продолжать изучение тех же вопросов и готовить дальнейшие доклады. Конечно, ФБР наблюдало за тем, кто опорожняет тайники.

В сентябре "центр" запросил, не сможет ли Руди "помочь внедрить нашего человека в Гринфилд, штат Огайо". Этот запрос встревожил ФБР, так как рядом с Гринфилдом расположена база "Райт-Паттерсон" военно-воздушных сил, где ведутся работы по созданию новейших видов вооружения. Впрочем, "центр" почему-то больше не поднимал перед Руди этого вопроса. На протяжении всей осени и вплоть до середины зимы по радиосообщениям было видно, что КГБ проявляет все больший интерес к Петеру, к его текущим успехам и перспективам.

14 января 1978 года Руди принял сообщение, состоявшее всего из двух фраз: "В ознаменование ваших заслуг и для руководства дальнейшей деятельностью Эрбе вам присвоено

высокое воинское звание полковника. Сердечно поздравляем вас и Герду, желаем доброго здоровья, больших успехов в работе и счастья всей вашей семье”.

Неделю спустя ”центр” потребовал, чтобы Руди прибыл 1 марта в Мехико-Сити. Все указывало на то, что ”центр” стремится всеми силами восстановить прежние отношения с Руди, всячески поднять его настроение и заручиться дальнейшей поддержкой как с его стороны, так и со стороны Петера. Но ФБР на всякий случай решило подстраховать его во время пребывания в Мексике.

Как раз в январе было отмечено исчезновение американца — агента-двойника, который направился на тайное свидание с офицером КГБ в Вене и пропал. Американская разведка опасалась, что он был похищен советской стороной. ЦРУ, отвечающее за операции, проводимые за пределами США, заверило, что для охраны Руди будут приняты все необходимые меры. И действительно, явившись первого марта в парк Чапультепек, Руди с облегчением увидел, что там и сям в пределах видимости маячат фигуры нескольких мексиканцев, необычно высокого роста.

И все же он испытывал сильное волнение с самого начала и до конца этой встречи. Ему даже пришло в голову, не заметит ли гебист, как он возбужден.

Этим гебистом оказался Владимир, с которым Руди встречался однажды в Чикаго.

— Доброе утро. Мы, кажется, виделись с вами как-то на Парижской авиационной выставке?

— Сдается мне, что это было на авиавыставке в Фарнсборо, в Англии...

— Совершенно верно. В семьдесят пятом году, не так ли?

— В семьдесят четвертом.

— Приветствую вас и поздравляю с очередным званием, — сказал Владимир. — Поскольку вы теперь выше меня рангом, я уже не могу вам приказывать и просто кое-что хочу вам передать.

Владимир сообщил, что отныне ”центр” будет придавать все большее значение подготовке и использованию Эрбе.

— Приложите все силы, чтобы подтянуть его до необходимого профессионального уровня. Особое внимание уделите его идеологической подготовке, не жалейте на это времени. Свой бизнес поддерживайте только, чтобы сохранять види-

мость. Они просили передать вам 15 тысяч и сказали, чтобы вы не стеснялись просить еще, — столько, сколько вам понадобится... В общем, Эрбе — это сейчас главное. Кстати, как вы думаете, на этот раз он сможет летом побывать в "центре" или хотя бы приехать в Вену?

— Если это очень нужно, — сможет, я думаю. Но ему как раз обещали очень заманчивую должность в одной компьютерной фирме в Арлингтоне, как только он получит диплом. Эта фирма обслуживает Конгресс, и у него там появится возможность знакомиться с конгрессменами и одновременно, что тоже очень важно, изучать компьютерную технику. Одним словом, убьет сразу двух зайцев.

— Пожалуй, это действительно важнее, чем поездка, которую планирует "центр". Так я и доложу им.

Заглянув в шпаргалку, Владимир продолжал:

— Еще они озабочены состоянием здоровья Герды. Как ей, лучше?

— Вроде лучше, но по-прежнему нога ее беспокоит...

— Последите, пожалуйста, за ее здоровьем. И себя тоже поберегите. Вот ваши деньги.

На протяжении последующих месяцев почти не проходило недели, чтобы от Руди не требовалась очередная информация или не возникла надобность передать ему то или иное поручение. Одно из этих поручений выполнило за него ФБР. Речь шла об уточнении подробностей местонахождения некой фермы под Вудстоком, в штате Нью-Йорк, только что перешедшей от одного владельца к другому. Очевидно, эта информация требовалась КГБ для составления легенды какому-либо агенту, который впредь сможет заявлять, что работал здесь. Удобство состояло в том, что если кто-то в ближайшие годы захочет убедиться, действительно ли это лицо тут работало, нынешний владелец фермы как новый человек не сможет ни подтвердить этого, ни опровергнуть.

8 сентября "центр" приказал Руди подыскать пять или шесть тайников, предназначенных для лица, проживающего в Далгрене, штат Вирджиния. Это распоряжение крайне обеспокоило Джо и Эда, — серьезнее, чем все, перехваченные до сих пор. Раньше "центр" поручал Руди подобрать в каждом случае один, два, максимум три тайника, даже когда речь шла о таких важных объектах, как Уайт Сандс, Редстоун или Окридж. Теперь "центру" требовалось сразу пять или шесть —

по-видимому; для особо серьезной и длительной операции. Но что это за Далгрэн? Ни Джо, ни Эду никогда не приходилось даже слышать о таком населенном пункте, он не фигурировал ни на одной из карт, находившихся в Нью-йоркском управлении ФБР.

Джо запросил руководство ФБР, что представляет собой этот Далгрэн и почему он, собственно, мог вызвать такой интерес у Советов. Спустя четыре дня начальство ответило, что ему следует лично и притом немедленно прибыть в Вашингтон, где он и получит ответ на свой запрос. Далгрэн окружала такая завеса секретности, что ФБР понадобилось четыре дня, чтобы получить все интересующие Джо данные.

В Вашингтоне Джо узнал от своего начальства, что Далгрэн представляет собой деревушку, расположенную возле устья реки Потомак, приблизительно в 25 милях к востоку от Фредериксбурга. На многие мили вокруг нее тянутся сплошные леса. В самом этом населенном пункте до недавних пор не было ничего примечательного: парочка бензоколонок, несколько магазинчиков, кафе... Но... здесь обосновался научно-исследовательский институт, занимающийся разработкой систем вооружения для военно-морских сил. В Далгрэне разрабатывались устройства наведения ракет на цель, вооружение для подводных лодок класса "Трайидент", системы слежения за искусственными спутниками и электроника военного назначения.

— Но это было бы еще полбеды, — втолковывало Джо начальство. — Они там работают также над совершенно фантастическим оружием, оружием будущего, занимаются такими материями, о которых нам с вами и не догадаться. Говорят, эти вещи произведут такую же революцию в военном деле, как когда-то атомная бомба. Словом, Далгрэн — это одна из самых засекреченных точек на всей территории США!

— Ну, а Советы уже пронюхали об этом и даже завели там своего агента, — или считают, что вот-вот им удастся его завести, — отвечал Джо.

— Вам придется поймать его — во что бы то ни стало! Можете взять у меня столько людей, сколько сочтете нужным, использовать все средства, какими мы только располагаем... Без каких бы то ни было ограничений. Если будет нужно, мы поставим в известность об этой операции Белый Дом: Ну, желаю удачи!

Ознакомившись с местностью, Джо разработал план операции, для участия в которой было мобилизовано более сотни агентов. Под Далгрена было стянуто снаряжение на миллионы долларов — джипы, пикапы, армейские вездеходы, передвижные генераторы тока, тысячи метров кабеля, фотокамеры, палатки, приборы ночного видения и всякая секретная аппаратура. В течение трех дней была получена санкция директора ФБР Вильяма Уэбстера на проведение операции по разработанному плану. Джо были обещаны всяческие содействие и помощь.

Три недели кряду агенты ФБР прочесывали леса в окрестностях Далгрена, подыскивая тайники, которые должны были удовлетворять двум противоречащим друг другу требованиям. С одной стороны, они должны были быть такими, какие обычно подбирает профессиональный разведчик, с другой — их расположение должно было позволить держать их круглые сутки под тайным наблюдением.

”Центр” потребовал, чтобы Руди доложил об их точном местоположении, доставив 14 октября свою информацию в тайник под Ирвингтоном, в штате Нью-Йорк. Точно в условиях военного времени, группы сотрудников ФБР каждый день с рассвета до темноты хлопотали вокруг Далгрена, лихорадочно подыскивая тайники, лишь бы успеть к этому сроку. За несколько недель они установили в лесах огромное количество тщательно замаскированных детекторов, связанных с постами круглосуточного наблюдения. Но утром 14 октября ”центр” радировал, чтобы Руди поостерегся приближаться к тайнику под Ирвингтоном. От него теперь требовали, чтобы он сообщил, когда он может прибыть в Вену или Мехико — по его выбору, — чтобы лично доставить информацию о местоположении тайников, намеченных в районе Далгрена.

— Передайте им, что сможете появиться там во второй половине ноября, — сказал Джо. Таким образом, ФБР получало еще месяц отсрочки для завершения всех приготовлений вокруг Далгрена.

25 ноября Руди встретился с Владимиром в Мехико-сити и передал ему детальную информацию о расположении пяти тайников плюс двух сигнальных пунктов для каждого из них, а также донесение, составленное Петером, четыре своих собственных политических доклада, подробности, касающиеся

фермы в районе Вудстока, интересовавшей "центр", и письма, которые должны быть переправлены родным.

Загадочный агент, затаившийся в сверхсекретном далгренском научно-исследовательском учреждении, отныне мог в любой момент появиться в окрестных лесах.

В последних числах ноября мотель во Фредериксбурге заполнила сотня служащих какой-то мифической калифорнийской корпорации, занимавшейся проблемами распространения радиоволн микроволнового диапазона. Ясно, что работников корпорации интересовало, как распространяются радиоволны в разное время и при любой погоде, притом для исследований им могла подойти только местность, удаленная от линий электропередачи и вообще от всяких промышленных помех. Естественно, что эта беспокойная публика день и ночь шмыгала по окрестным пустынным дорогам и проводила целые сутки в лесной глуши.

Агенты были доставлены из 26 различных управлений ФБР, с разных концов страны. Каждый прошел четырехдневный курс интенсивного обучения. Джо постарался довести до сознания каждого, насколько важна эта операция, от которой зависит безопасность Соединенных Штатов. При этом он предупредил:

— Может быть, вам станет не по себе от этой глуши, от того, что придется сутками лежать где-нибудь в болоте, под дождем, а то и под снегом, в полном одиночестве. Тогда приходите ко мне, и я гарантирую вам, что вы тут же вернетесь домой без каких бы то ни было упреков с нашей стороны. Помните только одно: как бы тяжело вам ни приходилось, вы не должны выдавать своего присутствия в этих лесах. Если с кем-то из вас это произойдет, я постараюсь, чтобы он больше не служил в ФБР.

Между тем Москва радировала Руди: "Ваши сообщения поступили через Мехико. Вашей информацией воспользовались. Продолжайте накапливать дальнейшие сведения того же рода. Внедрение Эрбе в компанию, обслуживающую Конгресс, одобряем. Передайте ему просьбу продолжать поиск источников информации, соблюдая тщательные меры предосторожности".

Люди из ФБР самоотверженно несли свое дежурство вокруг Далгрена. Прошли рождественские праздники, миновал Новый год. Наконец, 9 марта Джо и его ближайшие помощ-

ники за один день свернули поиск. Мотель во Фредериксбурге молниеносно опустел. За какие-то двое суток из лесов, окружающих Далгрэн, исчезла вся аппаратура слежения.

До сих пор нет объяснения, почему так случилось.

”На то были особые причины, — заявляет руководство ФБР. — Едва ли можно будет сделать их достоянием общест­венности при жизни нашего поколения”.

Вот как?! Но своих-то сотрудников ФБР все же, видимо, не оставило в полном неведении? Многим агентам, участвовав­шим в этой операции, объяснили, что ФБР столь внезапно свернуло операцию, опасаясь... огласки в прессе. Между тем такая огласка все же имела место: одна из газет, выходящих в штате Вирджиния, воспользовалась “утечкой информации” (на наш взгляд, это была не “утечка”, а сознательный ход ФБР) и расписала всю операцию как “очередную неудачу секретной службы”.

...К концу лета Руди исчерпал все возможности объясне­ния, почему Петер и Инга уклоняются от встреч с представи­телями КГБ за пределами США. Прежде Инга всячески доби­валась свиданий с матерью — не реже чем, до крайней мере, раз в два года. Так что казалось совершенно необъяснимым, по­чему она вдруг охладела к матери и не собирается ее навес­тить. Петер дважды увиливал от свидания с гебистами под предлогом, что ему в первый год работы не полагается от­пуска. Но теперь этот год остался уже позади.

Конечно, ФБР во имя продолжения удачно начатой опера­ции готово было позволить Петеру и Инге встретиться с пред­ставителями КГБ за пределами США. Руди уже помог ФБР выйти на весьма важные узлы советской шпионской сети. Тот факт, что КГБ подключил его к своей шпионской акции, касающейся Далгрена, показывал, что его по-прежнему рас­сматривают в Москве как ценнейшего сотрудника, которого и впредь будут привлекать к участию в акциях чрезвычайной важности. Если удастся сохранить и Петера в качестве агента-двойника, это означает, что с годами ФБР окажется в курсе всех наиболее опасных акций КГБ на территории США.

Но риск был тоже немалым. Что, если Инга или Петер до­пустят в Вене либо в Москве какой-нибудь промах? Что, ес­ли они выдадут себя на беспощадном допросе, которому вполне способны подвергнуть в КГБ при малейшем подозре­нии? В таком случае шанс, что они уцелеют, почти равен нулю.

В начале сентября руководство ФБР, взвесив все "за" и "против", пришло к такому заключению: "Руди обещал честно сотрудничать с нами и сдержал свое слово. Мы тоже должны сдержать обещание, данное ему".

23 сентября 1979 года, в предрассветных сумерках, к дому на Эндовер роуд в Хартсдейле подошел огромный автофургон. Он забрал все имущество проживающей здесь семьи. Впрочем, она уже тут не жила. Руди Герман перестал существовать. Глава семьи, его жена и двое сыновей живут теперь под другими именами далеко от Нью-Йорка и еще дальше от Москвы.

1 декабря "центр" обеспокоенно радировал: "Возможно, за вами установлено наблюдение. Примите необходимые меры предосторожности. Ждем вас в Вене, где вы получите новое назначение".

Ответа не последовало.

* * *

У нас тоже возникло несколько вопросов, остающихся пока без ответа.

Когда и каким образом ФБР обнаружило, что Рудольф Герман — советский шпион? Судя по тому, как много ФБР успело узнать о нем, Руди мог заключить, что это произошло еще в начале 1975 года или даже раньше. Если он сам не допустил никаких профессиональных ошибок, — следовательно, его выдал кто-то из агентов Запада, занимающий ответственную должность в недрах КГБ. Или же он стал жертвой промаха, допущенного тем или иным гебистом, который, скажем, мог пользоваться общим с Руди тайником.

Почему ФБР решило войти в открытый контакт с Германом именно в мае 1977 года? Сам Руди дает этому факту вполне убедительное объяснение. Как раз перед этим он вернулся из Москвы крайне возбужденным и разочарованным. У него начались ссоры с Ингой, требовавшей, чтобы он беспрекословно исполнял все требования КГБ, даже заведомо нелепые. По-видимому, ФБР пришло к выводу, что это состояние делает его особенно уязвимым и настало время использовать возникший шанс.

Почему ФБР внезапно сняло осаду Далгрена? Из опасения огласки? Но ведь единственное сообщение в прессе было, по всем данным, инспирировано самим ФБР. Возможно,

ФБР обнаружило искомого советского агента, но по каким-то соображениям решило убедить КГБ в обратном:

Что выиграли Соединенные Штаты, выследив Германа и склонив его к сотрудничеству с ФБР?

Безусловно, ФБР установило постоянное наблюдение за всеми тайниками, к которым он так или иначе был причастен. Значит, были выявлены все советские агенты и сотрудники КГБ, пользовавшиеся этими тайниками. Возможно, некоторые из них были тайно перевербованы и сделались агентами-двойниками. Заодно ФБР существенно пополнило свои знания по части тактики, применяемой КГБ в Соединенных Штатах.

Но главный выигрыш состоит не в том, что удалось раскрыть и узнать, а в том, что удалось предупредить. Если бы ФБР оказалось не в состоянии выловить такого опытного и глубоко законспирированного агента, каким был Герман, его замечательный сын сейчас прокладывал бы себе дорогу в высшие американские сферы, информируя КГБ обо всем, что он видит и слышит.

Глава девятая ШПИОН ПО ПРИЗВАНИЮ

Вплоть до 1950-х годов важнейшими советскими агентами на Западе были левые интеллектуалы, считавшие коммунизм надеждой человечества.

Однако разоблачение ужасов советского режима в сталинскую эпоху заставило многих из них отшатнуться от коммунизма. Чем более полно выяснялись результаты советского эксперимента, тем труднее становилось Советам вербовать эту публику, пользуясь чисто идеологической приманкой. Пришлось разработать систему иных соблазнов.

В частности, в Северной Америке КГБ охотился за молодыми людьми, родители которых были коммунистами или симпатизировали Советскому Союзу. Одним из них и оказался Хью Джордж Гэмблтон.

Он родился в Оттаве в 1922 году. Его отец, по происхождению англичанин, был видным журналистом, и в 1930 году Канадская ассоциация печати поручила ему представлять ее в Европе в качестве первого постоянного корреспондента. Человек энергичный, общительный, свободно владевший немецким и французским, он легко нашел доступ к выдающимся политическим фигурам тогдашней Европы, среди которых были и нацистские главари — Риббентроп и Геббельс. Благодаря таким знакомствам Гэмблтону-старшему нетрудно было сориентироваться в ходе событий и почувствовать, что в ближайшие годы начнется общеевропейская война.

Пока он колесил по Европе, его семья — жена, дочь и сын — жили во Франции. Миссис Гэмблтон обладала исключительной памятью, которую принято называть фотографической и которая позволила ей накопить обширный запас знаний в раз-

ных областях. Она к тому же была ирландкой, а ирландцы, как известно, славятся разговорчивостью. Ничего удивительного, что эту даму с распростертыми объятиями принимали во многих европейских салонах. Ей удалось так очаровать одного богатого французского аристократа и его жену, что те вскоре стали почитать миссис Гэмблтон и ее детей чуть ли не за членов собственной семьи. Поэтому Гэмблтон-младший провел отроческие годы в роскошном нормандском поместье с сонмом слуг, среди классически распланированного и подстриженного сада. К его услугам были первоклассные репетиторы, а затем — и элитарные частные школы.

Живя во Франции, миссис Гэмблтон испытывала жадный интерес к Советской России и революционному эксперименту, поставленному в этой стране. Она овладела русским языком, усиленно изучала российскую историю и вращалась среди российских эмигрантов. Хотя эти эмигрантские массы отличались в основном явной неприязнью к коммунизму, среди них кишели советские агенты.

Будучи убежден, что пожар войны в ближайшее время охватит Европу, Гэмблтон-старший отправил в конце 1937 года семью обратно в Оттаву. Здесь, в Канаде, его супруга бывала на приемах, устраиваемых советским представительством, и в знак взаимности принимала работников представительства у себя дома. В дальнейшем она стала давать кое-кому из них уроки английского. Таким образом, ее сын с детства привык к мысли, что нет ничего необычного в дружбе с советскими.

В 1940 году он окончил среднюю школу и года полтора провел в Соединенных Штатах, знакомясь со страной и изучая в Калифорнии испанский язык. После того, как японцы в декабре 1941 года атаковали Перл Харбор и США вступили в войну на стороне антигитлеровской коалиции, Гэмблтон-младший вернулся в Канаду. Здесь вооруженные силы Свободной Франции, возглавляемые Шарлем де Голлем, объявили набор добровольцев. Тяга к приключениям и симпатии, которые Гэмблтон-младший испытывал к Франции, побудили его вступить в ряды этих воинских формирований.

Во французском тренировочном лагере, в штате Небраска, он оказался среди разношерстной публики, собранной сюда со всех концов земли. Юный Гэмблтон, которому едва исполнилось 19 лет, был сразу же назначен сержантом, так

как выяснилось, что он способен отдавать приказания сразу на четырех языках. Затем французы направили его в Алжир, в распоряжение Главного управления разведки — переводить донесения, поступающие от их агентов в Испании.

Во французских штабах в Алжире молодой Гэмблтон познакомился с закулисной политической жизнью. Все интриговали против всех — голлисты, сторонники вишийского режима, роялисты, все стремились одержать верх друг над другом. Хотя наш молодой канадец и не был вовлечен в эти происки, они захватывали его воображение и кое-чему научили по части конспирации.

После освобождения Парижа Гэмблтон сначала работал здесь в Управлении французской разведки, а затем был прикомандирован в качестве офицера связи к 103-й дивизии американской армии и отправлен в Баварию. Связь с Францией была затруднена и из-за отсутствия указаний, которые должны были бы поступать из Парижа, Гэмблтон полностью подчинялся американским офицерам и получал разведывательные задания от них.

Вернувшись в конце 1945 года в Париж, он заметил, что французы начали относиться к нему с некоторым недоверием, — возможно, из-за его тесного сотрудничества с американцами. Используя связи отца, он добился перевода в армию Канады. Командование канадских вооруженных сил направило его в Страсбург, где он допрашивал бывших пленных, анализировал и обобщал разведдонесения.

Получилось так, что ко времени своей демобилизации Гэмблтон успел послужить на поприще разведки трем государствам — Соединенным Штатам, Франции и Канаде. Правда, его обязанности пока что нельзя было назвать ни сколько-нибудь ответственными, ни необычными. Но они запомнились ему соблазнительным вкусом острых приключений, легкой, но вполне реальной опасностью. Ему нравилось быть причастным к тайнам и возможностям заранее предугадывать ход мировых событий. Став после демобилизации студентом Оттавского университета, Гэмблтон ежегодно уезжал на летние занятия в Мехико-сити, в Национальный независимый институт. Ему здесь так нравилось, что свой последний академический год он провел именно в этом университете, где и получил в 1950 году степень магистра экономических наук.

Вернувшись в Оттаву, он устроился работать в Националь-

ное управление кинематографии, которому для распространения его продукции в странах Латинской Америки как раз требовался агент, говорящий по-испански.

1950-й год характеризовался укреплением советского владычества по всей Восточной Европе, попытками Советов поглотить Иран, Турцию и Грецию, воскрешением практики сталинских чисток, блокадой Берлина, — и, наконец, нападением коммунистической Северной Кореи на Южную. Все эти события радикально изменили то представление о Советском Союзе, которое сложилось на Западе за годы второй мировой войны. Отношения Канады с Советским Союзом особенно изменились к худшему, когда из советского посольства в Оттаве сбежал шифровальщик Игорь Гузенко, рассказавший миру о том, как советская агентура похитила секрет производства атомной бомбы и как глубоко она внедрилась в круги, близкие к правительствам США и Канады.

Впрочем, родители юного Гэмблтона продолжали общаться с советскими дипломатами, — и в посольстве, и у себя дома. В 1951 году хозяйка дома познакомила сына с первым секретарем этого посольства Владимиром Бородиным. (Так называл его сам Гэмблтон. Но в бумагах того времени, сохранившихся в архиве канадского Министерства иностранных дел, это лицо фигурирует как "Бурдин".) Потом они встретились еще несколько раз. Бородин начал приглашать Гэмблтона пообедать с ним, выбирая неизменно дорогие рестораны.

Этот русский выглядел вполне современным дипломатом. Лощеный, элегантный, не лишенный чувства юмора, он действительно стремился лучше понять Канаду и в то же время с готовностью рассказывал о собственной стране. Он вспоминал о своих переживаниях в годы войны, в частности, об осаде Ленинграда, и Гэмблтону в ответ не оставалось ничего иного, как поведать о своей службе в армии — собственно, все время в разведке. Оба вспоминали о былых днях советско-канадской дружбы, о борьбе против общего врага.

Бородин продолжал в классической манере приручать и обрабатывать Гэмблтона вплоть до момента, пока его не отозвали в Москву. Перед отъездом, в конце 1953 года, он осторожно попросил своего канадского знакомого помочь ему получить "некоторые материалы" из Национального управления кинематографии.

Насколько знал Гэмблтон, в деятельности Управления ки-

нематографии не было ничего такого, что считалось секретным или могло представлять особый интерес для иностранной державы. Но он понимал, что это только начало, которое может поощрить русских.

Не желая показаться невежливым дипломату, часто бывавшему в доме его матери, столь любезному и щедрому, Гэмблтон отвечал уклончиво и перевел разговор на другое. Он полагал, что собеседник поймет это как отрицательный ответ. Но Бородин и не думал отказываться от своих просьб. Он даже показал Гэмблтону одно местечко вблизи дорожно-го перекрестка, где надлежит оставить "материалы", если канадец все же решится помочь ему.

Когда они расстались, Гэмблтон с облегчением подумал, что, наверное, ему уже больше не придется встречаться с Бородиным.

В 1954 году Гэмблтон решил сделать в Париже докторскую диссертацию и там же получить степень, чтобы начать научную деятельность в области экономики. С юной женой — канадкой французского происхождения — он поселился в прелестном коттедже километрах в 50 от Парижа. Но их беззаботное существование уже через несколько месяцев оказалось нарушено: как-то субботним вечером из сумерек, окутавших эту идиллическую местность, вынырнуло двое мужчин. Одним из них был Бородин.

— Я как раз ехал через Париж и не мог удержаться от искушения повидаться еще раз с давним другом, — объяснил он.

— Но как же вы меня разыскали?! — Гэмблтон был искренне поражен, зная, что никому, исключая родителей, не давал свой адрес.

— Друзья всегда найдут друг друга. Так или иначе, мы здесь. Давайте отметим нашу встречу после разлуки.

За роскошным обедом, состоявшимся в местной гостинице, Бородин усиленно расхваливал своего спутника Алексея (майора КГБ Алексея Федоровича Тришина), называя его образованным дипломатом, верным и искренним другом. Гэмблтона он расспрашивал о его научных занятиях, о планах после получения докторской степени и заодно поинтересовался, не сможет ли тот провести некое "независимое исследование", за которое ему, конечно, хорошо заплатят.

Гэмблтон и на этот раз уклонился. Он заговорил об оригинальной теме своей диссертации, которая очень ему уда-

лась. Если добавить к этому, что требовательные французские профессора дали о ней очень лестный отзыв, можно считать, что эта диссертация окажет весьма благотворное влияние на его будущее как ученого-экономиста. Так что он не хотел бы отвлекаться на какие-либо побочные темы.

Это действительно было так. Но правдой было и то, что он прекрасно понимал смысл бородинских просьб и все осложнения, которые неминуемо возникнут, как только он начнет получать деньги от Советов.

Тем не менее Гэмблtonу не удалось избежать дальнейших встреч с ними. Подобно раззадоренному ребенку, тянущемуся к запретному плоду, после второй или третьей встречи он уступил настойчивым приглашениям Алексея отобедать вдвоем, и на протяжении всего 1955 года они регулярно встречались за обедом каждые 2-3 месяца. Эти встречи не были, строго говоря, тайными, но Алексей дал понять, что из-за отравленной антикоммунизмом атмосферы (установившейся в западном мире под влиянием американского маккартизма) в интересах самого Гэмблтона было бы встречаться в более или менее скромных ресторанчиках и вообще не распространяться об их дружбе. Этот легкий оттенок безобидной конспирации вполне отвечал гэмблтоновской страсти к приключениям. Гэмблtonу льстило внимание, с каким Алексей относился к его высказываниям о международных событиях. Сверх того, как ученый, стоящий вне политики и выше всяких идеологических расхождений, он находил удовольствие в таком забавном интеллектуальном упражнении: время от времени он пытался заставить себя посмотреть на мировые дела и события с советской точки зрения.

За душой у Гэмблтона не было, слава Богу, никаких ни политических, ни военных секретов, и советские не делали попыток выжать из него какую-нибудь особенную информацию.

Но в начале 1956 года он как-то завел с Алексеем разговор о своем будущем: что ему предстоит делать после получения этим летом докторской степени. Алексей начал убеждать его устроиться на службу в парижскую штаб-квартиру НАТО. Гэмблтон не представлял себе кадровой структуры НАТО, но считал, что у него нет специальной подготовки для работы в каком бы то ни было военном учреждении. Однако, предлагая свои услуги ряду университетов и институтов, он

на всякий случай направил письмо и в НАТО. Направил — и забыл о нем, не придавая ему серьезного значения.

Довольно скоро Гэмблтон решил, что писать вообще никому не стоило, потому что совершенно независимо от всех своих хлопот он получил предложение вести научную работу в Лондонском институте экономики. Встретившись — как ему представлялось, в последний раз, — с Алексеем, он объявил, что этим же летом уезжает в Англию.

Но в конце весны последовал неожиданный ответ из НАТО. Гэмблтон и не подозревал, что там в Экономическом управлении работает с некоторых пор его приятель, с которым он встречался в первое время своей жизни в Париже. Услышав о предложении, поступившем от Гэмблтона, тот начал расхваливать его начальству. Гэмблтон был приглашен на предварительную беседу, и дело кончилось тем, что ему предложили здесь еще лучшие условия, чем в Лондонском институте экономики. Он, не раздумывая, дал свое согласие.

В его обязанности входил анализ сильных и слабых сторон, потенциальных возможностей и ограничений, присущих экономике стран НАТО и советского блока. Он и его коллеги получили доступ к самой детальной и достоверной информации, добываемой всеми легальными и нелегальными путями. Составляемые ими обзоры, нередко сочетавшиеся с анализом политической ситуации, принимались в соображение руководством НАТО при разработке перспективных планов и текущей политики Североатлантического союза.

Гэмблтону нравилось это сочетание теоретического и практического аспектов его работы, не говоря уж о том, что приятно было чувствовать себя участником мировых событий и до некоторой степени даже оказывать влияние на их ход. К тому же эта работа прекрасно оплачивалась.

Он был бы полностью удовлетворен своим выбором и своим нынешним положением, если бы не опасение, что его советские знакомые могут как-то подорвать доверие, которым он здесь пользуется, и таким образом повредить его служебной карьере. Он легко прошел проверку на допуск и получил доступ к особо секретным документам и информации. Ему было совершенно ясно, что любые дальнейшие контакты с Советами или хотя бы выявление прежних связей наверняка означали бы лишение его допуска и увольнение со службы.

Поэтому Гэмблтон написал родителям, заклиная их ни при

каких обстоятельствах не говорить о его новой работе никому из русских, с которыми они знакомы или могут встретиться в будущем. Со своей стороны, он из предосторожности сменил квартиру и номер телефона.

Его опасения постепенно утихли, так как лето и осень прошли без осложнений. Они угасли окончательно к ноябрю — когда советские вооруженные силы вторглись в Венгрию, чтобы подавить восстание венгерского народа.

Как-то в начале ноября Гэмблтон вышел из своего учреждения, погруженный в мысли об отчете, который необходимо было закончить дома и наутро представить начальству. На углу улицы его поджидала знакомая фигура. Он инстинктивно съежился, рассчитывая проскользнуть незамеченным. Но не тут-то было. Алексей, перехватив его взгляд, чуть кивнул, давая знак следовать за собой. Этот жест не был ни просьбой, ни приглашением, он выражал приказ, и Гэмблтон повиновался.

Они расположились в небольшом кафе, где к ним присоединился еще один русский, перед тем, должно быть, следивший на улице, не наблюдает ли кто-нибудь за этой встречей. Алексей сказал, что им известно о работе Гэмблтона в НАТО, они в общих чертах знают даже, с какого рода документацией ему обычно приходится иметь дело. Напомнив о прежней дружбе, скрепленной множеством обедов в ресторанах Оттавы и Парижа, о естественной преданности Гэмблтона "делу мира", он подчеркнул, что Советский Союз не может эффективно бороться за мир, не располагая детальной информацией о намерениях западных держав. Небрежная, снисходительная манера, с которой Алексей все это излагал, свидетельствовала, что его собеседники уже заранее решили: конечно же, Гэмблтон будет делиться с ним информацией, к которой он имеет доступ в своем учреждении. Весь вопрос только в том, когда и как это будет происходить? А вот как и когда: в ближайшую пятницу, в половине первого, у выхода с такой-то станции метро в рабочем районе Парижа. "Мы в течение часа вернем вам все эти бумаги, и к двум часам вы снова будете сидеть за ними в своем кабинете".

Все эти дни до пятницы Гэмблтон убеждал себя: если не уступить им, они в отместку меня разоблачат. Придется убоготворить этих русских, предоставив им несколько несекретных документов, — в сущности, совершенно безобидных.

Назначая место встречи, гебисты исходили из точного учета расстояния и возможности сюда добраться. Гэмблтон прибыл на место встречи поездом метро меньше чем за двадцать минут. Подскочил Алексей. Взял у него портфель, сказал всего одну фразу: "Через час на этом же месте", — и тут же отъехал в поджидавшей машине. В резидентуре при советском посольстве документы были быстро пересняты. Алексей вполне уложился в час времени. Возвращая портфель, он сказал: "Я вложил сюда конверт с вознаграждением за ваши труды".

Гэмблтон рывком открыл портфель, нашел среди бумаг конверт и сунул его в ладонь Алексея:

— Я не нуждаюсь в деньгах...

— Как экономист, вы должны бы понимать, что Советский Союз может позволить себе обойтись без денежных пожертвований с вашей стороны.

— Мои расходы невелики, — от поездок на метро на свидания с вами я уж, во всяком случае, не разорюсь:

— Ну и отлично. Через две недели, в то же время, но в другом месте. — Алексей назвал кафе возле следующей станции метро. — Захватите с собой, что сможете.

Гэмблтон благополучно вернулся в свое учреждение. Не было еще двух, и получилось, что он пришел с обеденного перерыва одним из первых. Дело оказалось очень несложным и, надо признаться, во всем этом было нечто увлекательное, возбуждающее.

Несекретные бумаги, вынесенные им для начала, конечно, не имели серьезного значения. Но не в этом дело. Передавая их советским, он как бы переступал некий порог: он уже не просто общался с врагом, он с ним сотрудничал.

Первые месяцы КГБ станет удовлетворяться тем, что он будет приносить по собственному выбору, не оказывая на него дополнительного давления, — просто для того, чтобы затянуть его поглубже в свою паутину, не вызывая с его стороны противодействия и, тем более, отпора.

Летом 1957 года КГБ, видимо, решил, что Гэмблтон уже прочно сидит на крючке и пришла пора требовать от него более важных услуг. Алексей по-деловому объяснил: все, что он доставлял до сих пор, конечно, было ценным и полезным, но теперь требуется более серьезная информация, то есть секретная. "Вы сами признавали, что работаете с секретными до-

кументами. Их вам так же легко будет вынести, как и не-секретные...”

В его тоне отнюдь не звучала угроза, да в этом и не было необходимости. Гэмблтон прекрасно понимал, что всякую возможность порвать с советскими он уже упустил. Пока он не начал тайно выносить Алексею натовские документы, еще можно было от них отделаться, откровенно рассказав о своих прежних, действительно безобидных встречах с ними. Впрочем, даже после первых свиданий у метро можно было как-то выкарабкаться — потерять работу в НАТО, но спасти собственное будущее. Но теперь, после восьми-девяти месяцев активного и тайного сотрудничества с Советами, Гэмблтон уже никому бы не доказал, что он не является самым настоящим советским шпионом.

На ближайшее свидание Гэмблтон пришел с тремя секретными документами и одним совершенно секретным — в общей сложности они составляли примерно 70 страниц печатного текста. Усилия, затраченные КГБ на протяжении семи лет, теперь начали по-настоящему окупаться и, более того, приносить все растущие дивиденды, так что “центр” распорядился сформировать в парижской резидентуре специальную группу, которая занималась бы исключительно Гэмблтоном и доставляемой им информацией. Резидентура приобрела большой черный автофургон, оборудовала его под передвижную фотолабораторию, и он каждый раз оказывался стоящим где-нибудь неподалеку от очередного места встречи Гэмблтона с Алексеем. Одетый нередко под заурядного парижского водителя грузовика, Алексей исчезал за дверью фургона и там, внутри, лихорадочно вдвоем с техником действовал. Минут за десять они ухитрялись переснять сотню страниц текста.

Документы, переснимаемые ими, зачастую относились к важнейшим военно-политическим областям — таким, как ядерная стратегия, баланс вооруженных сил, политические разногласия между государствами — членами НАТО, расходы на создание перспективных систем вооружения и предполагаемые военно-тактические возможности этих систем, космическое оружие, оценка последствий военного столкновения между Востоком и Западом. Оценка советских возможностей и намерений, внутренних конфликтов и неурядиц в СССР, странах Варшавского договора и западных странах, эконо-

мические последствия внедрения новой техники на десять и двадцать лет вперед.

В общем, почти не было таких жизненно важных для Запада вопросов, которые не освещались или, по крайней мере, не затрагивались бы в сотнях документов, переправленных Гэмблтоном из штаб-квартиры НАТО в гебистский фургон на протяжении 1958 и 1959 годов.

Все это была информация, так сказать, из первых рук. Документы, вне всякого сомнения, были подлинными. По ним Советы могли судить, что Запад считает (основательно или неосновательно, это уже другой вопрос) правильным и полезным для себя, и нередко также — как он намерен поступать в том или ином случае. На основе этих документов Советы получали возможность проверять, дополнять или корректировать информацию, добытую из других источников. Ничего удивительного, что Алексей делился с Гэмблтоном такими советскими оценками этих документов: "Чистое золото!" "Исключительно ценная информация..." "Было доложено членам Политбюро!"

Чем ценнее становилась разведывательная информация, тем усерднее "центр" стремился сохранить Гэмблтона в качестве ее постоянного источника. Его неоднократный отказ получать от КГБ деньги, хотя бы просто в качестве возмещения расходов, давно уже дал "центру" основание считать, что они имеют дело то ли с убежденным марксистом, то ли с горячим поклонником Советского Союза. Кроме того, КГБ прекрасно знал, как, впрочем, и сам Гэмблтон, — что в самом крайнем случае этого шпиона можно удержать на крючке, прибегнув к шантажу.

С другой стороны, отказ от денег и интеллигентская независимость, с какой держался Гэмблтон, заставляли советских считать, что с ним надо обращаться более или менее деликатно, если не изысканно. Свидания Гэмблтона с Алексеем хоть и были короткими и тщательно продуманными, все же означали немалый риск, и со временем этот риск все увеличивался. Поскольку Гэмблтон был женат, КГБ не считал целесообразным снабдить его приемопередаточным устройством для связи: едва ли он смог бы постоянно принимать инструкции по радио так, чтобы об этом не узнала его жена.

Но в 1958 году супруги разошлись, и Алексей тут же начал настаивать, чтобы Гэмблтон взял отпуск и потихоньку потре-

нировался в приеме и передаче шифрованных сообщений, изучил в ускоренном порядке азбуку Морзе. Гэмблтон уклонился: шифры, которые он представлял себе чем-то вроде кроссвордов, еще могут его заинтересовать, но морзянка с ее скучными комбинациями точек и тире — нет уж, избавьте. Гебистам пришлось искать иные варианты связи.

Весной 1960 года Алексей пригласил Гэмблтона принять участие в воскресном пикнике в одном из парижских парков. "Там кругом будут наши друзья, и они сразу почувствуют, если возникнет какая-нибудь опасность. Если все будет в порядке, я, увидев вас, встану. Если я останусь сидеть, вы просто пройдете мимо, как будто мы незнакомы".

Все было в полном порядке, и Гэмблтону оставалось только удивляться, какая масса друзей оказалась у КГБ в Париже и вот теперь принимала участие в воскресном пикнике. Алексей познакомил его с новой процедурой секретной связи, которой он отныне должен будет пользоваться. Специалисты из КГБ сконструировали для него радиоприемник, в который встроен магнитофон, чтобы записывать на магнитную ленту краткие сообщения. Снаружи это устройство — точная копия приемника французской марки, который можно купить в любом парижском магазине радиотоваров. Так что ни у кого при взгляде на эту аппаратуру не возникнет ни малейшего подозрения. Все, что придется делать Гэмблтону, — это настроить приемник в назначенное время на определенную волну, а затем вынуть бобину с лентой и втереть в нее специальный черный порошок. На ленте проступят ряды цифр. Эту запись легко расшифровать, пользуясь шифровальным блокнотом, который Гэмблтон получит одновременно с приемником и порошком.

Кроме того, КГБ решил, что отныне по соображениям наибольшей безопасности Гэмблтон должен брать документы на ночь к себе домой, переснимать их и оставлять пленку в тайниках, условно обозначаемых распространенными английскими именами.

Получение инструкций по радио он должен каждый раз подтверждать, — а заодно и сообщать о возможности или невозможности их выполнения, — посылая по почте специальные открытки в Женеву, на адрес, полученный от КГБ.

Личные встречи с гебистами должны быть сведены к минимуму — две-три встречи в год, притом они будут происхо-

дить по возможности за пределами Франции. В случае крайней необходимости Гэмблтон может набрать такой-то телефонный номер и попросить "мсье Фонтена", и через два часа Алексей или другой сотрудник встретится с ним в известном ему месте, около кладбища Пер-Лашез.

Гэмблтон получил ключи от двух секций автоматической багажной камеры на одном из парижских вокзалов. В этих секциях он найдет аппаратуру и принадлежности, о которых шла речь.

— Мы все это делаем исключительно в ваших интересах, — говорил ему Алексей. — Вы для нас чрезвычайно ценный человек, и приходится очень дорожить тем местом, которое вы занимаете. Мы надеемся, вся ваша дальнейшая карьера тоже будет связана с НАТО. Как вы думаете, это у вас получится?

— Полагаю, что да, — отвечал Гэмблтон.

Между тем в эти дни он уже подумывал, как бы ему улизнуть от КГБ.

Он находил некое болезненное удовольствие в этой игре, в этом захватывающем приключении, именуемом шпионажем. Ощущал себя актером на всемирной сцене, инструментом в руках самой Истории. В то же время он искренне считал НАТО конструктивной силой, помогающей поддерживать равновесие противостоящих друг другу военных блоков. Он испытывал чувство определенной лояльности по отношению к этой организации, считал себя многим обязанным ей, с симпатией относился к коллегам и начальству, и они платили ему тем же.

Чисто технические действия, знакомые каждому шпиону, усугубляли этот внутренний конфликт. Расшифровывая радиосообщения, тайно переснимая документы и пряча потом пленку под какой-нибудь камень или в древесное дупло, он уже не мог убедить себя, что по-прежнему участвует в увлекательной абстрактной игре. Приходилось признать, что его первоначальный флирт с советскими выродился в нечто иное, чему могло быть только одно название: и з м е н а. Сейчас, в 1961 году, когда отношения между Востоком и Западом сделались напряженными до крайности, Гэмблтон вполне осознавал, что его преступление объективно выглядит все более и более тяжким.

Может быть, именно ввиду возникновения такой напряженности в международных отношениях КГБ начал предъ-

являть к Гэмблтону требования, выходящие, как он считал, за пределы разумного. Не исключено, что это явилось просто следствием некомпетентности сотрудников, отвечавших за этот участок разведывательной деятельности. Но, так или иначе, КГБ потерял всякую меру в своих домогательствах. За предыдущие годы Гэмблтон доставил гебистам несколько сот документов, насчитывавших в общей сложности тысячи и тысячи страниц. Теперь они требовали, чтобы он поставлял информацию неукоснительно раз в неделю. Но особенно не понравилось ему исходящее из Москвы распоряжение добыть особую, сверхсекретную документацию — ему прямо продиктовали натовские шифры этих документов.

Когда к уже терзавшим Гэмблтона сомнениям добавился этот бесцеремонный нажим со стороны гебистов, он окончательно решил, что порвет с ними, и в мае 1961 года, позвонив, договорился о срочной встрече. С кладбища Пер-Лашез они с Алексеем бежали, стремясь укрыться от внезапно хлынувшего дождя, и нашли убежище в каком-то кафе.

— Меня уволили... по соображениям безопасности, — начал сочинять Гэмблтон.

— Что такое случилось? — всполошился Алексей.

— Моя сестра, живущая в Оттаве, тайно побывала на Кубе, и какая-то из западных разведок об этом пронюхала, — продолжал лгать Гэмблтон.

— И это все?

— По-видимому, больше им ничего не известно... По крайней мере, мой шеф сказал, что против меня лично они ничего не имеют.

Для КГБ увольнение Гэмблтона в том виде, как он его изобразил, представлялось еще одним вопиющим проявлением "охоты за ведьмами", маккартизма в его худшей форме, нарушением элементарных принципов справедливости.

— Вы должны нанять адвоката и добиваться восстановления на службе, — внушал собеседнику Алексей, едва сдерживая негодование. — Подыщите себе лучшего адвоката, какой только найдется в Париже. Мы покроем все расходы, сколько бы он ни запросил.

— Боюсь, что это не поможет, — твердил Гэмблтон, как бы уже смирившись с нанесенной ему обидой. — Ведь НАТО — наднациональная, да к тому же еще и военная организация, для нее необязательны все эти гражданские кодексы... К тому

же, если я и сумею добиться восстановления, все равно я останусь для них подозрительной личностью.

Алексей был в отчаянии. Операция, в связи с которой он пребывал в Париже уже более пяти лет и на которой он, можно сказать, делал карьеру, вдруг так неожиданно срывалась. И к тому же — какой небывалый источник информации потерян! Хорошо, хотя бы, что никто не сможет сказать, будто это произошло по его, Алексея, вине.

— Дайте нам одну неделю, мы что-нибудь придумаем, — уныло сказал он.

Через неделю Алексей, действительно, явился на свидание с гебистским проектом, уязвившим Гэмблтона до глубины души.

— Мы предлагаем вам бежать в Советский Союз и выступить по московскому радио с обращением к народам всех стран, разоблачая натовский заговор против мира. Это станет сенсацией, а для Запада это будет означать мировой скандал. Вы сможете обратиться к людям на всех языках, какими владеете, и люди повсюду вам поверят, потому что увидят: вы знаете, что говорите. Можно будет даже привести цитаты из известных вам документов. А потом, когда вы выучите русский, вам будет предоставлена преподавательская и научная работа в одном из наших университетов. Вы сможете принести пользу и в других областях деятельности...

— Все это очень великодушно с вашей стороны, — проговорил Гэмблтон, пытаясь скрыть охватившее его замешательство. — Но я полагаю, что смогу сделать больше для дела мира, если останусь здесь, на Западе, и буду спокойно работать. Лондонский институт экономики все еще рассчитывает на меня, и я решил заняться научной работой, пока эти господа из НАТО не одумаются.

Никакие уговоры Алексея трезво подумать и согласиться на выезд в Советский Союз не имели успеха. Сдаваясь, Алексей сказал:

— Ну хорошо, мы еще увидимся. Нам понадобятся радиоприемник, шифровальный блокнот и фотокамера. Положите все это в чемодан и оставьте в камере хранения на вокзале.

Во время их последнего свидания Алексей еще раз предложил Гэмблтону денег. Тот, как обычно, отказался. Из вежливости он записал себе, однако, условие, продиктованное Алексеем: если в дальнейшем Гэмблтон захочет свя-

заться с ними, ему следует появиться в третью среду любого месяца, в полдень, на таком-то парижском перекрестке.

Служба в лондонском институте не требовала постоянного присутствия, и Гэмблтон решил на время поселиться в Испании, чтобы отдохнуть и прийти в себя после пережитого в Париже. Время от времени он ездил в Лондон — поездом через Париж, наслаждаясь в промежутках покоем, царившим в испанском захолустье, среди масличных деревьев, над древними утесами средиземноморского побережья. Жизнь текла тут спокойно и сонно, и ему начало казаться, что слишком уж спокойно.

Как-то его поезд прибыл в Париж с опозданием на несколько часов, Гэмблтон не успел к отходу экспресса Париж—Барселона и вынужден был переночевать в Париже. Наутро, сидя в кафе за чашечкой кофе, он вспомнил, что сегодня как раз среда. Третья среда мая 1962-го. Интересно, как они там... Ждут ли меня по-прежнему?

— Какая приятная неожиданность! — воскликнул внезапно появившийся сотрудник КГБ. — Знаете ли, я почти год каждую среду стою на этом углу в надежде встретиться с вами.

Гэмблтон не мог бы объяснить даже самому себе, что заставило его прийти сюда. В эту минуту он не был уверен, что бы его больше устроило: присутствие гебиста на этом углу или же его отсутствие. Но раз уж он пришел и они встретились, следовало что-то сказать, чем-то оправдать свое появление. Сейчас он живет в Испании и там мог бы взяться за выполнение каких-нибудь важных заданий, связанных с этой страной. Не заинтересован ли Советский Союз, к примеру, в развертывании партизанского движения на территории Испании? Не нуждается ли для этого в сборе той или иной предварительной информации?

— Вы наш верный товарищ, — прервал его гебист. — Но информация по Испании нас не интересует. У нас там больше агентов, чем требуется, мы даже не можем их всех загрузить. Кроме того, мы должны беречь вас. Сейчас ваша задача — не делать ничего такого, что могло бы привлечь излишнее внимание. А вообще — какие у вас планы на ближайшее будущее? Вы ведь не намерены долго оставаться в Испании?

Гэмблтон пояснил, что ввиду сложности темы он едва ли завершит работу над диссертацией ранее весны 64-го года. Он уверен, что по окончании ее и получении докторской степени

ему удастся занять должность профессора экономики в каком-либо ведущем канадском университете.

— Отлично, — последовал ответ. — Если у вас будут сложности с этим, мы вам поможем.

КГБ не беспокоил Гэмблтона еще два года, давая ему возможность укрепить свои академические позиции. В конце весны 1964 года на встрече в Париже ему посоветовали принять приглашение на профессорскую должность в Лавалевский университет в Квебеке. Молодой, по виду нервный человек, явившийся на встречу, поспешно пробормотал, что Гэмблтону следует немедленно съездить в Вену, где с ним хотят посоветоваться в условиях большей безопасности. Так как его сбережения были на исходе, он впервые взял предложенные ему деньги на билет до Вены — 75 долларов.

В Вене плотный русский с красным рябоватым лицом завел его в уютную виноградом беседку уличного ресторана и представил там трем своим коллегам, одетым все как один в дешевые, плохо сидевшие на них костюмы. Все они разговаривали с Гэмблтоном очень вежливо, даже почтительно, словно робея перед агентом с такими легендарными заслугами. Единственная их просьба сводилась к тому, чтобы он по солиднее устраивался в канадском университете и, так сказать, наживал себе научный капитал, что откроет ему доступ в высшие академические круги. Достав шаргалку, тот же плотный рябой офицер продиктовал Гэмблтону, что ему следует делать, если он захочет встретиться в Канаде с представителями КГБ. Встречи должны будут происходить в Оттаве, перед зданием главного почтамта.

На одном из таких свиданий, в 1967 году, сотрудник КГБ поручил ему поэнергичнее намечать студентов и преподавателей университета, пригодных для вербовки в качестве агентов. Он также настаивал, чтобы Гэмблтон постарался встретиться с кем-либо из руководства канадского министерства иностранных дел.

Гэмблтон, по правде сказать, не собирался ни расставаться со своей преподавательской должностью, ни добиваться поста, где он получил бы доступ к государственным тайнам Канады. Не хотелось ему также информировать КГБ о студентах или о своих коллегах-профессорах, которых ему же потом поручат "сбивать с пути истинного". Поэтому он просто перестал являться в Оттаву на встречи с сотрудниками КГБ.

Его отсутствие на протяжении полутора с лишним лет заставило "центр" включить в игру подполковника Рудольфа Германа. Заметим в скобках, что это решение до некоторых пор могло казаться очень удачным всем. За приветливой и простодушной внешностью Руди Гэмблтон быстро разглядел рафинированного интеллигента, эрудита, с которым можно было самозабвенно обсуждать проблемы искусства Латинской Америки, китайский вариант марксизма, экономику Соединенных Штатов или достоинства привлекательных женщин. Не догадываясь, что Руди — кадровый офицер КГБ, Гэмблтон принимал его за такого же агента, как он сам, за любителя приключений, видел в нем родственную душу, и это делало их встречи особенно непринужденными и привлекательными для обоих.

После первого свидания в университете и мимолетной встречи на каком-то монреальском перекрестке они повстречались в старинном здании Шато Фронтенак, в Квебеке. Сидя в баре, облицованном панелями красного дерева, у окна, выходящего на реку Святого Лаврентия, Руди сказал:

— Мы делаем документальный фильм о Квебеке для показа в американских учебных заведениях. Я его продюсер, вы пишете сценарий.

Такая легенда вполне объясняла их пребывание здесь, в Шато Фронтенак, и позволяла им беседовать спокойно и как угодно долго, — этой возможностью, кстати, они пользовались потом еще не раз.

— Вам известно такое учреждение — Гудзоновский институт? — спросил Руди.

— Конечно, я слышал о нем.

— Одна из ваших долгосрочных задач состоит в том, чтобы попытаться проникнуть в этот институт.

— Каким образом?

— Это уж ваше дело. Я только вестник воли начальства, вот и привез вам такую весть: вы должны проникнуть в Гудзоновский институт и подготовить основательный отчет, характеризующий экономику Китая. Такие вот два задания.

— Где же, они считают, я должен собирать данные о Китае для такого отчета? Здесь, во Фронтенаке, что ли?

— А вы попробуйте напрячь воображение.

По возвращении в свой университет, Гэмблтон написал в тайваньское посольство письмо, в котором просил оказать по-

мощь в исследовательской работе, касающейся экономики континентального Китая. Тайваньцы без промедления откликнулись, прислав пропагандистскую брошюру, полную проклятий в адрес китайских коммунистов. Конечно, в брошюре содержалась также масса фактического материала, и многие из этих фактов, надо полагать, были верны. Переписав часть страниц и убрав пропагандистские ноты, Гэмблтон через Руди послал этот опус в Москву в качестве оригинального исследования. Москва расценила его как шедевр.

В апреле семидесятого года Руди позвонил Гэмблтону из Нью-Йорка:

— Вы не могли бы прислать мне свой сценарий к субботе?

— Думаю, что да, — ответил Гэмблтон.

Это значило, что они договорились встретиться в полдень ближайшего воскресенья в том же Фронтенаке. На этот раз Руди сказал Гэмблтону, что тот во что бы то ни стало должен прибыть через две недели в Оттаву на свидание с сотрудником КГБ "в обычном месте". "Это все, что мне известно", — добавил Руди.

Распоряжение, полученное на сей раз в Оттаве, было четким и безапелляционным. Чего бы это ни стоило, Гэмблтон должен изыскать возможность для проведения летом научных исследований в Израиле. До наступления лета ему следует изучить по открытым источникам особенности производства ядерного оружия. На пути в Израиль необходимо сделать остановку в Вене для получения инструкций, уточняющих настоящее указание.

Иерусалимский университет, получив от Гэмблтона запрос в связи с тем, что канадскому ученому хотелось бы посвятить летние каникулы "изучению истории осады Родоса", ответил, что профессор сможет без всяких ограничений пользоваться университетской библиотекой, а кроме того, ему будет оказана помощь в работе над темой исследования, если он почувствует в этом необходимость.

Полученные между делом знания атомной технологии Гэмблтон имел случай проверить в ходе бесед с коллегами-физиками, пояснив им, что собирается заняться вопросами экономики военной промышленности. Те были удивлены его познаниями в столь специальной области.

В начале июня, держа в левой руке книгу с желтой обложкой, Гэмблтон не спеша шел по венской улице, спускавшейся

к Дунаю. Было как раз время паводка, река вышла из берегов, и перекресток, где должна была состояться встреча, исчез под водой. Гэмблтон заколебался было, но считая, что приказ должен быть исполнен точно, полез в воду. "Мама! — раздался рядом детский голосок. — Смотри, дядя сошел с ума, он может утонуть!"

Стоя по колени в воде, Гэмблтон видел, что выше по улице, на сухом месте, собралась толпа, наблюдая за неожиданным представлением. Из-за спин собравшихся какой-то мужчина отчаянно махал ему, призывая выйти из воды. Гэмблтон невозмутимо двинулся на сухое место. Публика наградила его аплодисментами. Мужчина, по призыву которого он вышел из воды, шепнул:

— У меня есть для вас несколько гравюр.

Гэмблтон отвечал заготовленной репликой, которая всегда казалась ему классическим образцом кретинизма:

— Благодарю, я уже получил несколько штук из Лондона.

— Пойдемте, у меня тут рядом машина, — тихо сказал гебист. Отъезжая, он спросил:

— Что вы там делали, стоя в реке? Уж не доставила ли вас сюда подводная лодка?

— Они велели мне ждать вас точно в указанном месте...

— Ну, ладно, обсушитесь, поедим, а потом нам предстоит обсудить множество дел.

Русский — голубоглазый, слегка седоватый, с приятным лицом — просил называть его "Паула". Ему было на вид под пятьдесят, и Гэмблтон отметил, что в отличие от многих знакомых офицеров КГБ, Паула был тщательно одет — на нем был прекрасно сшитый темный костюм, из-под которого виднелась белоснежная сорочка.

— Вы представляете для меня неоценимый шанс, — говорил Паула. — Я рассчитываю работать с вами много лет, и, надеюсь, мы будем встречаться еще множество раз, то здесь, то там. Я люблю путешествовать. В Австрии мне, правда, легче всего увидеться с вами, но я смогу приехать и в любую другую страну, если вы заранее дадите мне знать. Вы должны помочь мне, придумывая разные причины, почему я должен поехать на встречу с вами, да вдобавок куда-нибудь подальше. Я люблю Москву, но хотел бы поездить по свету, пока есть такая возможность...

В ресторане Паула одобрительно отозвался о научной под-

готовке, проведенной Гэмблтоном в связи с поездкой в Израиль, и откровенно сказал, что Советы очень нуждаются в разведывательной информации об этой стране. В то же время из его речей следовало, что сам он совершенно не представляет себе, что это за государство и как живут израильтяне. Похоже, при слове "Израиль" гебисту мерещилась толпа горбоносых евреев, оцепенело сидящих над кучами монет в ростовщических конторах и меняльных лавках.

Заглядывая в какие-то бумаги, Паула перечислял вопросы, на которые Гэмблтон должен был получить ответ в Израиле:

Производят ли израильтяне атомные бомбы? Если да, намерены ли они применить их в предстоящих военных конфликтах на Ближнем Востоке?

Как должен действовать иммигрант, собирающийся открыть в Израиле собственный бизнес? Какой суммой денег ему необходимо располагать для этого?

Каково состояние израильской экономики и ближайшие перспективы ее развития?

— Да, это действительно серьезное задание, — заметил Гэмблтон.

— Ну, вам приходилось выполнять куда более сложные, — возразил Паула. — А впрочем, всему, что вам удастся разузнать, мы будем рады.

В Израиле из разговоров с учеными коллегами и на основе собственных наблюдений Гэмблтон без особого труда подготовил ответы на вопросы, касающиеся израильской экономики и частного предпринимательства. Выяснить состояние атомной промышленности оказалось сложнее.

Расспрашивая при каждом удобном случае, какие части страны он может посетить, Гэмблтон установил районы, закрытые для иностранцев. Изучая все доступные здесь источники информации, беседуя с университетскими преподавателями, он составил общее представление о характере предприятий и их оборудовании в этих закрытых зонах, о масштабах потребления ими электроэнергии, о специализации работающих здесь ученых и инженеров. Особое внимание он обратил на отношения Израиля с Южно-Африканской Республикой, так как считал, что Южная Африка уже способна производить атомное оружие. К концу своего пребывания в Израиле, то есть к августу, он убедился, что это действительно так.

Паула читал три его отчета, не скрывая восхищения. В одном из отчетов утверждалось, что израильская экономика находится в жалком состоянии и в силу ряда присущих этой стране особенностей, не выйдет из плачевного положения, пока израильтяне и арабы не научатся сотрудничать друг с другом. Однако экономика Израиля искусственно поддерживается за счет иностранных, главным образом американских, субсидий.

Во втором отчете подчеркивалось, что не всякий иммигрант, а только еврей может надеяться основать в Израиле свое, пусть мелкое, предприятие. Для начала требуется примерно 20 тысяч долларов, но в дальнейшем понадобятся дополнительные капиталовложения, так как израильский бюрократизм, налоги и инфляция способны запросто удушить любое дело, начатое независимым предпринимателем.

Третий отчет не на шутку взволновал Паулу. Он сводился к следующему: на основе секретного сотрудничества с ЮАР и используя расщепляющиеся материалы, похищенные у Соединенных Штатов, Израиль изготовил несколько атомных бомб. Каждый год он добавляет к имеющемуся у него запасу таких бомб несколько новых. Если в ходе будущей войны Израиль придет к выводу, что во имя спасения государства от уничтожения ему необходимо применить атомное оружие, — эти бомбы будут пущены в ход в качестве последнего, решающего средства.

— Вы в этом уверены? — спросил Паула.

Гэмблтон объяснил, что заставило его прийти к такому заключению.

— Ну, это будет настоящей неожиданностью для Москвы!

Покончив с отчетами по Израилю, Паула начал настаивать, чтобы Гэмблтон более энергично повел "охоту за прогрессивными" в своем Лавалевском университете.

— По совести говоря, — возразил Гэмблтон, — не так-то легко встретить молодого канадца, который бы с симпатией относился к Советскому Союзу.

— Но все же такие встречаются, неправда ли? Мы знаем об этом из других источников...

Паула поручил ему собирать информацию о тех студентах, кто интересуется маркизмом, сочувствует марксизму, а также сообщать об особо одаренных студентах, независимо от их взглядах. В заключение он повторил требование, уже

слышанное Гэмблтоном от Руди Германа: постараться проникнуть в правительственные круги Канады и устроиться на государственную службу.

Такая возможность возникла перед Гэмблтоном в 1971 году, когда Канадское агентство международного развития попросило его взять в университете шестимесячный отпуск, чтобы его можно было командировать в Перу в качестве советника правительства этой страны по экономическим вопросам. В Оттаве, в ходе напряженной встречи с представителем КГБ, длившейся не более минуты, Гэмблтон ухитрился поставить "центр" в известность о своем новом назначении.

В Лиме, столице Перу, Гэмблтона неожиданно навестил Паула. Явно довольный тем, что ему представилась возможность попасть в Южную Америку, Паула восторженно рассказывал: "Ваш доклад об израильских бомбах получил самую высокую оценку. Его читали сами члены Политбюро! Примите мои поздравления!" Он попросил теперь составить отчет о политической ситуации в Перу, оценить степень устойчивости правительства этой страны и перспективы лидеров различных партий. Однако больше всего КГБ был заинтересован в том, чтобы Гэмблтон завел побольше знакомств среди американцев, проживающих в Лиме, и выявил тех из них, кто по тем или иным причинам "может представлять интерес для нас".

Во время второй встречи Паула дал Гэмблтону условный адрес в Восточном Берлине, по которому следовало направлять письменные сообщения, и показал ему, как пользоваться специальным блокнотом для тайнописи. Листок из такого блокнота следовало поместить на лист высококачественной почтовой бумаги и писать на нем, подложив стекло. "Вам действительно не хватает профессиональных навыков, — огорченно заметил он. — Мы предусмотрим такие занятия с вами при первой возможности".

Внезапное появление Паулы в Лиме приятно щекотало самолюбие Гэмблтона. Выходит, он для КГБ — такой ценный сотрудник, что человека погнали через полмира, чтобы тот поговорил с ним каких-нибудь два часа. То, что Гэмблтон пишет, оказывается таким важным, что составленные им документы читают персонально руководители Советского Союза. Итак, прямой канал связи соединяет его с руководством второй по могуществу мировой державы. Многие ли

научные работники его ранга могут похвастать чем-либо подобным?

Вернувшись домой в конце года, Гэмблтон переправил свой перуанский отчет, как ему было сказано, в Восточный Берлин. В Перу он завязал знакомство с несколькими видными сотрудниками Канадского агентства помощи развивающимся странам, и они предложили ему с начала 1973 года принять участие в "Гаитянском проекте".

Канадское правительство и Организация американских государств совместно финансировали разработку проекта экономического и культурного развития Гаити. Поскольку Гэмблтон, помимо всего прочего, свободно владел всеми тремя языками, на которых говорит население этой страны, — французским, испанским и английским, — его участие в проекте представлялось весьма желательным. С благословения своего университета в мае 1973 года он вылетел в столицу Гаити — Порт-о-Принс, уведомив КГБ, что пробудет там года два. Однако после этого связь прервалась: полученный им адрес для переписки — Восточный Берлин, Карл-Маркс-Аллее — выглядел слишком вызывающе, и Гэмблтон опасался, что письма с таким адресом будут перехватываться гаитянскими властями. Но в один прекрасный день, осенью семьдесят четвертого года, на пыльной улице Порт-о-Принса Гэмблтона неожиданно перехватил вездесущий и неутомимый Руди, снабдивший его новым адресом для переписки, и Гэмблтон получил распоряжение КГБ прибыть в декабре на встречу в Вену.

Забрав с собой гаитянскую "экономку" экзотической внешности, Гэмблтон вылетел в Нью-Йорк, подтвердив в письме, что он появится в Вене, когда ему назначено, и проследовал в Европу. Пожилой джентльмен англосаксонского типа, неотлучно сопровождаемый двадцатилетней темнокожей красавицей, вызывал повсюду иронические переглядывания и неприкрытые насмешки. Гэмблтона это только забавляло. Но их связь неожиданно оборвалась — в Испании юная красотка подпала под влияние католической церкви до такой степени, что бросила своего спутника, чтобы немедленно уйти в монастырь.

В Вене Гэмблтона радостно приветствовал Паула. Заглядывая в блокнот, он с ходу перечислил несколько новых заданий:

— Вы должны всемерно сосредоточиться на поиске и всесторонней оценке подходящих для нас американцев. Нам не так-то легко заполучить американцев, но они очень нужны. Вы имеете возможность говорить с ними, не вызывая никаких подозрений. Кроме того, вам придется подумать о том, как найти себе замену в Канаде. Все мы стареем, всех придется постепенно заменить...

Без всякого перехода и тем же бесстрастным тоном Паула продолжал:

— Требуется также, чтобы вы уведомили нас о предполагаемой дате нападения американцев на Советский Союз...

— Черт возьми! — вскипел Гэмблтон. — Вы явно переоцениваете мои возможности!

По-видимому, Паула его не понял.

— Да-да, информируйте нас об американских мероприятиях по подготовке нападения и постарайтесь установить, когда они его планируют.

— Вообще-то я сомневаюсь, чтобы американцы планировали нападение на вас. Но если даже это так, то едва ли они пожелают поставить меня в известность...

— Ну, во всяком случае, как только вы получите какие-либо сведения о готовящемся нападении, сразу же дайте нам знать.

— Конечно, конечно. Я дам вам знать, — иронизировал Гэмблтон.

КГБ хотел также, чтобы он совершил ближайшим летом еще одну поездку в Израиль, а затем тайно прибыл в Москву для "совещания на самом высоком уровне".

В Израиле Гэмблтон, следуя полученным инструкциям, занялся изучением демографической ситуации этого государства. Ему вновь оказали существенную помощь коллеги из Иерусалимского университета, видевшие в нем всего лишь добродушного канадского профессора, с симпатией относящегося к их стране. Проследившая картину иммиграции в Израиль, он отметил, что все возрастает процент прибывающих из стран Ближнего Востока, в ущерб иммиграции из Европы и Северной Америки. Это изменение состава населения, заключил Гэмблтон, неминуемо окажет влияние на внутреннюю политику еврейского государства и заставит израильских лидеров, независимо от их убеждений, непримиримо настаивать, в частности, на решении проблемы Иерусалима в пользу Израиля.

Приехав в июне 1975 года в Вену, Гэмблтон четыре дня подряд тщетно пытался увидеться с Паулой. Никто не приветствовал его знаменитой фразой "У меня есть для вас несколько гравюр". Положение осложнялось тем, что, появившись на условленном месте встречи, нельзя было находиться там более пяти минут. Билет, имевшийся у Гэмблтона, и расписание его поездки не позволяли оставаться в Вене. Пришлось бросить открытку на венский адрес, сообщая о том, что он уезжает и снова будет в этом городе 15 августа.

Когда это время подошло, Гэмблтон прибыл самолетом в Грецию и в Афинах пересел на поезд. Среди пассажиров, севших в Салониках, оказалась стройная молодая девушка, вошедшая в вагон в сопровождении родителей. Темные бархатные глаза, смуглое лицо и черные, как смоль, волосы до плеч делали ее вылитой цыганкой. Проходя мимо, она кокетливо улыбнулась ему.

Не зная толком, зачем он это делает, Гэмблтон захватил свои вещи, проследовал за ней в соседнее купе и уселся напротив. Поезд углубился в горные теснины Македонии. Семья решила перекусить и извлекла из сумки съестные припасы. Все трое заговорили по-сербски; девушка, обратившись к Гэмблтону, нерешительно спросила:

— Извините меня... Вы американец?

— Нет, канадец. Я преподаю в университете в Квебеке.

— Я изучаю английский, — сказала она. — Правда, знаю его еще недостаточно...

— Но у вас очень приятный выговор. Такой же красивый, как ваше личико.

— Мама спрашивает, не хотите ли вы... — слово "бутерброд" не приходило ей на память, и она замялась.

— Да, я с удовольствием возьму сэндвич!

Выяснилось, что девушку зовут Лильяна, ей всего 21 год и она изучает в Белградском университете биологию. Прошлым летом ее старший брат работал официантом в ресторане где-то под Нью-Йорком и привез оттуда на родину не только кучу денег, но и захватывающие воображение рассказы о жизни в Америке. Теперь девушка жадно расспрашивала своего случайного спутника о Канаде и так же горячо хвалила ему родную Югославию.

Они проговорили чуть не три часа, не замечая ничего кругом. То и дело встречаясь взглядами, каждый из них замечал

в глазах другого необычный к себе интерес. Пожалуй, это чувство можно было назвать любовью с первого взгляда.

На югославской границе им предстояло пересесть в разные поезда. В пристанционном магазине Гэмблтон купил девушке ожерелье на память. Застегивая его у нее на шее, он спросил:

— Мы еще увидимся?

— Да...

— Когда же?

— Мы можем встретиться через пять дней в Белграде.

— Хорошо, я приеду!..

Они обменялись адресами, вдобавок Гэмблтон назвал отель, где он собирался остановиться по приезде в Вену.

Весь остаток пути до Вены он продолжал думать о Лильяне. Эти мысли не оставили его даже тогда, когда уже произошла встреча с Паулой и тот радостно пожимал ему руку. Но вдруг до его сознания дошла фраза, сказанная Паулой:

— Отсюда вы отправитесь в Москву!

— То есть как?

— Завтра вам предстоит вылететь в Москву. Как вы, готовы?

Гэмблтону хотелось назад, к Лильяне, он и думать забыл о Москве. Помимо прочего, он опасался, что русские могли раскопать историю с его уходом из НАТО, — ведь его никто оттуда не выгонял, — и, возможно, теперь намереваются допросить его и наказать за обман. Но нельзя было и уклониться от поездки в советскую столицу — это неминуемо вызвало бы подозрение.

В девять утра на дунайской набережной с ним поравнялась черная машина. Он обратил внимание на ее дипломатический номер. В машине сидело двое мужчин. "Можно вас подвезти?" — окликнул его по-английски один из них. Когда он сел, его попросили сдать "на хранение" все документы и вручили взамен советский дипломатический паспорт с его собственной фотографией. Всего через полчаса машина подъехала к чехословацкой границе. Пограничники, едва взглянув, махнули им: "Проезжайте!" В Братиславе все трое пообедали, потом Гэмблтону отвезли в какой-то пригород и там высадили из машины. Следуя полученным инструкциям, он двинулся пешком по тихой улочке. Спустя несколько минут Гэмблтону догнал незнакомый русский, пригласивший его сесть в "Москвич".

То и дело чертыхаясь и извиняясь за никудышную, расхлябанную машину, новый спутник повез его по направлению к Праге. По дороге они остановились перекусить, после чего "Москвич" в течение получаса никак не мог завестись. Поздно вечером, остановившись в Праге перед зданием советского посольства, компаньон Гэмблтона попросил у него паспорт, который хотя и был снабжен фотокарточкой, но не заполнен.

— Какое имя вы хотите носить? Какой вам поставить возраст? Где вы хотели бы родиться?

— Оставляю это на ваше усмотрение.

Русский скрылся в посольстве; не прошло и десяти минут, как он вынес Гэмблтону заполненный паспорт. Они вдвоем вошли в здание посольства, где канадцу предстояло переночевать.

Наутро, чуть свет, тот же самый человек отвез его на военный аэродром, где ждал уже транспортный самолет с военным экипажем. Первая посадка была на советской авиабазе под Берлином, потом где-то в Польше, и только к вечеру они добрались до Москвы.

Выйдя из самолета, Гэмблтон обнаружил, что никто его не встречает. Прошло несколько минут, прежде чем на летное поле въехала черная машина. Из нее выскочил и бегом устремился к Гэмблтону элегантный мужчина в гражданском костюме. "Разрешите взглянуть на ваш паспорт..." — он говорил по-английски с таким явным американским акцентом, что Гэмблтон в первый момент даже подумал, не американец ли это. Сверив паспортную фотографию со снимком, который у него был с собой, и бегло взглянув на физиономию стоявшего перед ним Гэмблтона, встречающий протянул руку.

— Меня зовут Павел. Извините, что заставил вас ждать. Вы заслужили более четко организованной встречи.

Пока они в сумерках двигались по направлению к Москве, Гэмблтон успел убедиться, что КГБ, пригласив его в Советский Союз, не имел никаких враждебных намерений:

— Мы подготовили для вас очень насыщенную программу, — толковал ему Павел. — Во-первых, пройдете курс интенсивного обучения, необходимый для вашего же собственного благополучия. Во-вторых, посоветуемся насчет вашего будущего. Вас ожидают важные собеседования на высшем уровне — можно сказать, на самом высшем. Ну, и к тому же мы хотели бы показать вам Москву, свозить хотя бы на день в

Ленинград — это очень красивый город. Словом, вы только-только уложите в три недели.

Гэмблтон подумал, что, значит, Лильяна напрасно будет ждать его в Белграде.

— Наверное, я не смогу пробыть здесь так долго. К концу месяца меня ждут в университете, и мне неудобно было бы опоздать туда хотя бы на неделю.

Павел пробормотал что-то по-русски, прежде чем ответить:

— Мы постараемся все уладить. Не беспокойтесь. Это не ваша вина, если вы задержитесь...

Перед тем, как войти в подъезд многоэтажного здания в северо-западной части Москвы, Павел предупредил Гэмблтона: ни в лифте, ни в коридоре не следует говорить по-английски. "Это особое здание, и мы никогда не помещаем сюда иностранцев. Если кто-нибудь заговорит с вами, просто кивните головой. Никто ни о чем вас не станет спрашивать".

Квартира, отведенная Гэмблтону, состояла из четырех комнат, кухни и ванной и по московским понятиям выглядела великолепно. Холодильник ломился от водки, грузинских вин, балыка, икры и прочих деликатесов. Павел сказал, что Гэмблтон обязательно должен ночевать здесь, а по утрам сюда будут приходить Паула и разные инструкторы, чтобы целый день заниматься с ним. В его распоряжение предоставляется машина с водителем, и он может ездить знакомиться с городом, когда выдастся свободное время. При желании он сможет посещать специальные магазины, где за доллары можно купить различные предметы роскоши по льготной цене.

Появившийся назавтра Паула дал Гэмблтону сто рублей на карманные расходы и убеждал его почаще бродить по окрестностям, чтобы "почувствовать пульс нашей столицы".

Цель "интенсивного обучения", к которому приступили теперь инструкторы КГБ, состояла в том, чтобы обеспечить Гэмблтону возможность, используя множество различных средств и приемов, поддерживать связь с Москвой из любого уголка земного шара. Один из офицеров технической службы знакомил его с практикой тайнописи и учил проявлять невидимые письма, получаемые из "центра". Другой инструктор посвящал в особенности использования тайников и рассказывал, как обнаружить признаки наблюдения, приближаясь к тайнику.

Однажды утром два технических сотрудника принесли

Гэмблтону коротковолновый приемник "Грундиг-Сателлит" со специальной приставкой, которую они называли "мигалкой". Мигалка представляла собой серую металлическую коробку с десятью квадратными окошками на верхней плоскости. Один из техников подсоединил ее к приемнику, настроил "Грундиг" на заданную волну и попросил Гэмблтона последить, что будет дальше. Внезапно окошки мигалки начали вспыхивать и гаснуть — одно за другим; при этом в них высвечивались цифры от нуля до девяти. Техник объяснил, что каждая цифра соответствует определенному сигналу, передаваемому "центром". Гэмблтону остается только записывать цифры в том порядке, в каком они вспыхивают в окошках мигалки, потом разбить запись на группы по пять цифр в каждой и расшифровать запись, используя соответствующий лист шифровального блокнота.

Лаборатории КГБ сконструировали "мигалку" для особо ценных агентов, которые почему-либо не освоили азбуку Морзе или по иным причинам не могут принимать морзянку. Это устройство имело массу преимуществ — оно работало бесшумно, было несложным и не реагировало на атмосферные помехи. Правда, как сразу же сообразил Гэмблтон, любая служба контрразведки, обнаружив мигалку, тут же безошибочно определит ее происхождение и назначение.

Должно быть, мигалка была дефицитным устройством, потому что гебисты обещали доставить ее в Оттаву не сразу, а в ближайшие месяцы. Ее должны были передать Гэмблтону из рук в руки, а не оставлять в тайнике, — "так меньше риска".

В Ленинград, чтобы познакомить Гэмблтона с Эрмитажем и другими туристскими достопримечательностями, его возил какой-то на редкость педантичный сотрудник. Он пришел в смятение, когда выяснилось, что канадец слабо разбирается в теориях Маркса и Ленина и вдобавок не проявляет интереса к беседам на эту тему. По возвращении в Москву этот тип горячо заспорил о чем-то с Паулой. Гэмблтон готов был биться об заклад, что речь идет о нем. Кончилось тем, что Паула выставил его из квартиры, и больше он не появлялся.

В конце недели Павел объявил: "Сегодня мы ждем к ужину очень важного гостя. Его интересует ваше мнение по ряду международных проблем. Держитесь, как всегда, и говорите ему обо всем откровенно, — так, как думаете".

Вечером в квартире появился высокий седеющий мужчина с утомленным лицом, сопровождаемый тремя другими, — двое из них по всем признакам были его телохранителями. Визитер держался вежливо, но производил впечатление несколько рассеянного. Начать с того, что он не счел нужным представиться Гэмблтону. Он настоял на том, чтобы разговор шел по-английски, и Гэмблтон пришел к выводу, что когда-то его собеседник владел английским совсем неплохо: он уверенно подбирал слова и строил фразу. Правда, ему то и дело приходилось просить своих помощников, чтобы они подсказали то или иное английское слово или пояснили ему, что сказал Гэмблтон.

После короткого обмена любезностями все сели за ужин, и гость начал задавать приезжему вопросы, касающиеся мировой политики. Есть ли у Соединенных Штатов возможность внезапно и резко увеличить расходы на военные нужды? Гэмблтон ответил, что как экономист он не в состоянии судить, допускают ли прерогативы американского правительства такую возможность. Если же речь идет о чисто экономическом аспекте проблемы, то, разумеется, США без особого труда могут даже удвоить свой военный бюджет. Для этого не понадобится даже менять структуру американской экономики, достаточно будет увеличить налоги и урезать расходы на невоенные нужды.

После короткого размышления гость затронул иную тему:

— Что, здорово не любят евреев в Соединенных Штатах?

Гэмблтон возразил, что, если не считать предрассудков, свойственных отдельным людям, в целом такое суждение было бы неверным. Евреи в США пользуются теми же правами и располагают теми же возможностями, что и все остальные граждане. Дискриминации в отношении доступа к образованию, профессиям, каких-то особым проблемам, относящимся к бизнесу, владению недвижимостью и так далее просто не существует. Антисемитизм не может считаться сколько-нибудь существенным фактором в жизни американского общества.

Гостя, по всей видимости, такой ответ удивил.

— Теперь о настроениях американской молодежи, — начал он. — Можно ли сказать, что прогрессивная молодежь Америки связывает свои надежды и чаяния с Советским Союзом?

Гэмблтон постарался поточнее сформулировать свой ответ.

— Знаете ли, молодежь везде одинакова. Ее всегда притягивает то, что кажется новым, экзотичным, модным. Поэтому прогрессивная часть американской молодежи увлекается сейчас Кубой и Китаем, чьи недостатки пока еще не видны ей столь отчетливо. А Советский Союз существует уже много лет, и о его проблемах и теневых сторонах так много сказано и написано...

— Ну, пороки Китая прямо-таки вопиющи, их невозможно не замечать. Скоро они станут очевидны всему миру, — энергично заявил гость, и на его тусклой физиономии впервые появился отблеск какого-то чувства. Он немного помолчал и с грустью добавил, что скверные отношения, сложившиеся между СССР и Китаем, "мы рассматриваем как трагедию".

Разговор коснулся Западной Европы. Гость предсказал, что "Общий рынок", представляющий собой образование весьма непрочное, неминуемо должен развалиться. Когда Гэмблтон выразил свое несогласие с таким суждением, он промолчал.

— Вклад, внесенный вами в наше общее дело, мы считаем очень значительным. Ну, а как у вас пойдут дела теперь? Есть ли шансы на то, что вы сможете так или иначе влиять на политику Канады? Можно ли рассчитывать, что вы станете, допустим, депутатом канадского парламента от какой-либо партии?

— Едва ли. Я никогда не проявлял политической активности. В этой области у меня нет опыта, нет должного, так сказать, фундамента.

— А что, если бы мы предложили вам поработать в Соединенных Штатах, в каком-нибудь закрытом исследовательском центре, скажем, в Гудзоновском институте?

Гэмблтон ответил, что можно бы попытаться. Гость настаивал, чтобы он попробовал туда устроиться. "А пока мы будем продолжать использовать вас в таких критичных районах, где мы испытываем трудности с засылкой агентов".

Прошло около часа, и гость неожиданно встал из-за стола, пожелал Гэмблтону всего хорошего и удалился со своими сопровождающими. Напоследок он заметил: "Знаете ли, вы представляете собой незаурядный случай..."

Оставшись вдвоем с Паулой, Гэмблтон спросил, кто это был, и услышал ответ: "Председатель КГБ Андропов".

— Вам не показалось, что я разговаривал с ним слишком резко, не сглаживая острых углов?

Паула пожал плечами.

— Вы говорили правду, как вы ее понимаете. На то и существует разведка, чтобы докладывать истинное положение дел.

Принял ли Андропов личное участие в планировании того, как дальше использовать Гэмблтона, трудно сказать. Но через два дня после этого визита Паула познакомил канадца с новыми распоряжениями начальства. "Нужно, чтобы вы подыскали себе такую должность, которая позволит вам почаще бывать в Вашингтоне или Нью-Йорке. Одновременно вам следует найти какие-то точки соприкосновения с Гудзоновским институтом. Кроме того, хорошо бы подыскать какую-нибудь научную тему, которая даст вам возможность периодически появляться на Ближнем Востоке".

Настойчивое нацеливание на Соединенные Штаты, характер беседы с председателем КГБ, предстоящее получение "мигалки", — все это убедило Гэмблтона, что ему готовят смертельно опасную роль в системе советского шпионажа. Получается, что он ставит на карту уже не только свою карьеру и репутацию, но и свою жизнь как таковую, а вдобавок способствует возможному грядущему поражению Запада с его цивилизацией. Про себя он решил, что никогда не станет пытаться получить работу в Соединенных Штатах.

Теперь ему хотелось как можно быстрее уехать из Советского Союза. Это государство демонстрировало ему только парадную, показную свою сторону, и тем не менее здесь он задыхался от какой-то не до конца осознанной тоски. Ему претило иссушающее душу советское однообразие, зловещая регламентация всего и вся. Про себя он поклялся, что если на этот раз ему удастся выбраться, нога его больше не ступит на советскую землю. А вслух говорил: "Лично для себя ничего бы я так не желал, как остаться здесь и без конца познавать это необыкновенное общество. Но я уже и так просрочил целую неделю, и это чревато опасностью. Меня ждут в Квебеке, я не могу более рисковать. Конечно, я надеюсь, что у меня еще будет возможность сюда приехать, и не раз. Что же касается порученных мне заданий, — я приложу все силы, чтобы их выполнить".

Военный самолет подбросил Гэмблтона до Праги, отсюда машина КГБ доставила его через Братиславу в Вену, где те

же двое гебистов вернули ему документы и, сердечно пожелав счастливого пути, подвезли к отелю. Там он забрал из камеры хранения свой чемодан и первым же поездом выехал в Белград.

Однако не успел он зарегистрироваться в белградской гостинице "Славия", как его окружили четверо в штатском: "Мы хотели бы задать вам несколько вопросов. Пройдемте..." Его привели в какое-то унылое помещение, почти пустое, если не считать стола и деревянных стульев, и подвергли ожесточенному допросу, повторяя раз за разом одно и то же: зачем вы приехали в Югославию? Что вы здесь делаете? Кого вы знаете в Югославии? Чем вы занимались в Израиле? Какую должность вы занимаете в НАТО?

Гэмблтон всячески внушал себе: надо во что бы то ни стало уберечь Лильяну, ее имя ни в коем случае нельзя упоминать. Все остальное проще. Он разыгрывал оскорбленную невинность: да, он работал в штаб-квартире НАТО, но ушел оттуда 14 лет назад. Это легко проверить по справочникам "Кто есть кто". В Израиле он собирал материалы об осаде Родоса в 1480 году — было в истории такое важное событие, сделавшее возможным широкое распространение христианства в пятнадцатом столетии. А в Югославии он рассчитывал получить консультацию у одного ученого, известного своими авторитетными трудами по истории того периода...

Что это за ученый? Гэмблтон назвал фамилию профессора, который, как ему было известно из научной прессы, умер несколько месяцев назад. После этого Гэмблтону оставалось только требовать, чтобы о его задержании было поставлено в известность канадское посольство, и угрожать, что он расскажет корреспондентам европейских газет, как обращаются в Югославии с иностранцами.

Эти молодчики из службы безопасности все еще подозревали в Гэмблтоне шпиона какого-нибудь капиталистического государства, может быть Израиля, но серьезных оснований задерживать его, строго говоря, не было, и часа через три его отпустили, наказав немедленно покинуть территорию Югославии. Так он и уехал, не повидав Лильяну и не зная, встретится ли с нею когда-нибудь еще.

Однако в Квебеке его ожидало письмо из Белграда. Лильяна изливала в нем свою досаду на то, что он не приехал в Белград, как обещал. Оказывается, она пыталась навести о нем

справки в венском отеле, но безуспешно. У нее остается надежда, что они будут переписываться.

Действительно, переписка завязалась. Вскоре он стал получать по три-четыре письма в неделю. Весной 1976 года Лильяна упомянула в письме, что ее брат рассчитывает летом снова появиться в штате Нью-Йорк, чтобы опять поработать в том же ресторане. Гэмблтон начал уговаривать обоих погостить у него в Квебеке.

Они прилетели на югославском самолете, совершавшем чартерный рейс Белград—Монреаль. Гэмблтон встретил их в аэропорту и отвез в Оттаву на своей новенькой "Тойоте". Оказалось, что брату Лильяны предстоит приступить к работе только в конце июня. Гэмблтон предложил обоим пока что прокатиться в Новую Англию. Эта поездка по зеленым холмам Вермонта, чистеньким рыбацким деревушкам, по просторным прибрежным равнинам осталась в памяти у всех троих как долгое романтическое приключение.

Лильяна собиралась прожить в квартире, которую снимет ее брат под Нью-Йорком, до середины июля, когда было запланировано ее возвращение домой. Но Гэмблтон выдвинул новую идею. Он собирается побывать в Вашингтоне в дни празднования двухсотлетия независимости Соединенных Штатов. Неужели Лильяна готова пропустить эти праздничные зрелища? Такого случая больше не выдастся! Лильяна умоляюще взглянула на брата. "Ну что ж, — сказал тот, — я за тебя решать не могу. Если хочешь поехать, я не против".

Они нашли свободный номер в скромной вашингтонской гостинице, окна которой выходили в парк. Целыми днями они бродили вдвоем по музеям, паркам, театрам, стояли в благоговейном молчании перед могилой Неизвестного солдата на Арлингтонском национальном кладбище. Они пили вино и слушали игру народных оркестров под открытым небом.

Четвертого июля, когда стотысячная праздничная толпа ликовала на вашингтонских бульварах и над мемориалом Линкольна рассыпались в небе огненные букеты фейерверка, Лильяна и ее спутник решили, что они станут мужем и женой. Но Лильяне предстояло еще вернуться в Белград — и потому, что там оставались родители, и потому, что ей следовало закончить университет, прежде чем уезжать из Югославии на постоянное жительство в чужую страну. Гэмблтону пришлось

признать, что ее доводы разумны, и они договорились отложить свадьбу до получения ею диплома.

Будущее лето они так или иначе опять проведут вместе — поживут в Канаде, съездят в Мексику, а до того станут писать друг другу каждый день. По крайней мере, так было твердо решено, когда Лильяна улетала из Монреаля, увозя с собой его подарок — бриллиантовый перстень.

То ли оттого, что он был слишком занят Лильяной, то ли вследствие неприятного осадка, оставшегося от посещения Москвы, Гэмблтон несколько месяцев подряд игнорировал поступающие оттуда запросы и пропустил две встречи, назначенные ему в Оттаве. В конце августа из Москвы последовало категоричное по тону распоряжение: забрать "материалы" из тайника, расположенного возле заброшенной дороги, неподалеку от Оттавы. "Материалы" оказались паркеровской авторучкой, в которую была вложена пленка с перечислением тайников вокруг Монреаля и мест будущих встреч со связными в Оттаве и ее окрестностях. Каждый из тайников и каждый пункт предстоящих свиданий обозначался каким-нибудь мужским или женским именем. Еще одно распоряжение Москвы предписывало Гэмблтону срочно заглянуть в один из монреальских тайников. Там оказались шифровальный блокнот и приемник "Грундиг-Сателлит", приспособленный в лабораториях КГБ для работы с мигалкой. Вскоре после этого Гэмблтон получил письмо и, проявив тайнопись, прочел расписание сеансов радиоприема и подробные указания, как ему получить мигалку.

В соответствии с этой инструкцией январским днем 1977 года он заехал на платную автостоянку в указанном ему районе Монреаля и поставил машину в назначенном секторе. Вскоре рядом остановилась другая машина, из кабины вылез низкорослый толстяк, открыл багажник и вытащил оттуда автомобильный аккумулятор. "Привет, как дела?" — добродушно окликнул его Гэмблтон. Толстяк выронил аккумулятор и бросился прочь со всей прытью, какую могли выдержать его коротенькие ножки. Гэмблтон забрал аккумулятор в свою машину и, вскрыв его дома, увидел новенькую мигалку.

Первый же сеанс приема прошел успешно: в назначенный расписанием день и час приемник был настроен на заданную волну, и мигалка замерцала своими окошками — точно, как

в Москве. Расшифрованный текст содержал вопросы: сможет ли Гэмблтон побывать ближайшим летом в Саудовской Аравии, Турции, Египте и Израиле? Когда Гэмблтон рассчитывает появиться в Вене? Что предпринято им для проникновения в Гудзоновский институт и подыскания работы в Соединенных Штатах?

Зная, что это лето он проведет с Лильяной, Гэмблтон ответил, что его обязывают принять участие в научном конгрессе, который состоится в Мехико-сити. Это лишает его возможности побывать предстоящим летом в Европе и на Ближнем Востоке. Зато на лето следующего, 1978 года, у него как раз приходится академический отпуск. Тогда он и посетит любую из стран, интересующих КГБ. Насчет Гудзоновского института и работы в Соединенных Штатах Гэмблтон счел за лучшее просто отмолчаться.

В апреле мигалка выдала ему поручение, которое он расценил как курьезное и в то же время рискованное: "Пользуясь методами, использованными вами в Израиле, не могли бы вы определить, насколько далеко продвинулась Южно-Африканская Республика по пути создания ядерного оружия?" Странно! Москве известно ведь, что в этом году он не сможет появиться в Восточном полушарии. Или гебисты ожидают, что он определит степень готовности ЮАР к ядерной войне, сидя в Квебеке? И это задание дают ему люди, в распоряжении которых — тучи шпионов, фотографии, сделанные со спутников, масса информации, поступающей по легальным и нелегальным каналам! Неужели всего этого недостаточно, чтобы раскрыть атомные секреты ЮАР?

Но невероятная сложность этого задания все же подзадоривала его заняться им. С другой стороны, действительно, у него было то преимущество, что, находясь в Израиле, он кое-что разузнал о южно-африканских технических ресурсах и возможностях. Теперь, подолгу работая в библиотеках и усиленно переписываясь с учеными коллегами, Гэмблтон всерьез углубился в исследование проблемы, давая понять своим корреспондентам, что его интересуют перспективы распространения мирной ядерной энергетики.

К концу мая он уже смог написать краткий доклад, показывающий, что Южная Африка накопила все необходимые ресурсы и информацию, позволяющие производить атомные бомбы более значительной мощности, чем те, которые были

сброшены в 1945 году на Японию. Подобно Израилю, утверждал Гэмблтон, Южно-Африканскую Республику толкают к этому два очевидных фактора: сильное желание обладать таким оружием и действительная потребность в нем. Он предсказывал, что в ближайшие же месяцы это государство проведет первое испытание собственной ядерной бомбы.

Доклад, переснятый на микроплёнку и запечатанный в пластиковый мешочек, он оставил под камнем, подпирающим столбик уличного телефона под городком Сент-Катеринс, в штате Онтарио. Выждав ровно час, как полагалось по инструкции, он проехался по той же дороге к другому уличному телефону, расположенному километра за полтора от первого. На нем уже должна была стоять пометка мелом, означающая, что за этот час тайник опорожнили. Не обнаружив такой пометки, Гэмблтон вернулся к тайнику и забрал свой мешочек. В этот момент мимо проехала чья-то одиночная машина, и он вспомнил, как московский инструктор предостерегал: имея дело с тайником, берегитесь одиночных машин. Пусть лучше они целыми стадами проносятся мимо по автостраде — это не страшно, а вот одиночный автомобиль может означать опасность. По пути домой Гэмблтон сжег плёнку в автомобильной пепельнице и отправил текст своего доклада почтой, невидимо вписав его между строчек безобидного письма.

В июне прилетела Лильяна. Уже в аэропорту Гэмблтон сразу заметил, что она выглядит грустной и утомленной, постаревшей на пять лет. В ответ на его расспросы она отвечала, не вдаваясь в подробности, что перенесла серьёзную болезнь. Но Гэмблтону казалось, что стоит им очутиться в Мексике, как яркое солнце, радостное очарование этой страны и несколько недель беззаботной жизни вернут Лильяне её всегдашнее веселое настроение.

Эти ожидания не оправдались. Лильяна худела, бледнела, нередко украдкой плакала. Она стала теперь такой слабой, что могла бродить с ним не более трех или четырех часов подряд, а после этого испытывала потребность прилечь. К концу их пребывания в Мексике она разрыдалась при нем и призналась, что прошла курс химиотерапии — у нее обнаружили рак.

— Я не знаю, надо ли, чтобы ты на мне женился. Мама говорит, что мне нельзя выходить замуж, раз я больна раком.

— "Вместе навеки, во здравии и болезни, в горе и радости,

пока не разлучит нас смерть...” — тебе что, никогда не приходилось слышать эти слова?

— Нет...

— Ну вот, мы их скажем, когда будем стоять под венцом. Мы любим друг друга, и я все равно на тебе женюсь, несмотря ни на что.

Тревога за Лильяну заслонила для Гэмблтона все остальное. КГБ напрасно ждал от него новых сообщений, все его внимание было поглощено Лильяной. Она улетела домой, и он по-прежнему писал ей каждый день. Но ее письма стали приходить все реже, она вообще избегала упоминать в них о своем здоровье. Зато на рождественские каникулы она согласилась встретиться с ним где-нибудь в Европе. Гэмблтон написал, что хотел бы провести с ней всю неделю Рождества и что пусть это произойдет в Испании.

Лильяна привезла плохие новости. Югославская служба безопасности обратила внимание на поток писем из Канады и в течение трех дней подвергала ее грубо настойчивому допросу. “Это было ужасно”, — признавалась Лильяна. Кроме того, врачи объявили, что химиотерапия не дала ожидаемых результатов, и рекомендовали ей как можно скорее подвергнуться хирургической операции. Она не могла уже ни гулять по улицам, ни упаси Боже, греться на солнце, и большую часть дня проводила лежа. По вечерам Гэмблтон садился у ее постели и что-нибудь рассказывал, пока она не засыпала.

На будущее они договорились, что станут писать друг другу реже, чтобы не раздражать тайную полицию, но Лильяна обещала сразу дать ему знать о результатах операции.

Никаких известий не было вплоть до марта. Потом она сообщила — коротко и убийственно сухо, — что выписалась из больницы и снова приступила к занятиям в университете.

Между тем “центр” вновь и вновь требовал, чтобы Гэмблтон явился в Вену для “деловой встречи”, притом по возможности скорее. Решив, что в ходе этой поездки он во что бы то ни стало постарается повидаться с Лильяной, Гэмблтон назначил свидание своим партнерам из КГБ на май, рассчитывая после него заскочить в Белград, а уже оттуда отправиться в Египет.

Встреча с Паулой отняла почти три часа. Они сидели вдвоем в уютном придунайском ресторане Линдмайера, наслаждаясь прекрасными рыбными блюдами и австрийским игрис-

тым вином. Поглядывая в блокнот, Паула развивал перед своим собеседником такую задачу: надо дать общую оценку состояния египетской экономики и определить, в какие отрасли хозяйства Египта и какие фирмы вкладываются американские капиталы. Что касается Израиля, КГБ хотел бы знать, из каких источников это государство получает нефть, какое количество нефти добывается на месте, в каких видах стратегического сырья особенно нуждается Израиль и какие международные экономические санкции могли бы оказаться для него наиболее чувствительными.

— Но главной вашей задачей, — подчеркивал Паула, — остается возможно более эффективное использование годичного академического отпуска, который вам полагается. Постарайтесь провести этот год в Вашингтоне или Нью-Йорке. Мы готовы оплачивать стоимость квартиры, которую вы снимаете в любом из этих городов. Вы нужны нам именно там. Уделите этим летом внимание Ближнему Востоку, а к осени возвращайтесь, пожалуйста, в Америку. В Соединенные Штаты.

— Сделаю все, что в моих силах, — неискренне обещал Гэмблтон.

Он купил железнодорожный билет на прямой поезд Вена—Афины, однако вышел в Белграде и, не заглядывая ни в какие гостиницы, бросился прямо к Лильяне, зная, что она занимает отдельную комнату в общежитии при университете.

Лильяна выглядела совсем больной и изнуренной. Они обменялись только рукопожатием. В ее взгляде он уловил какую-то отчужденность, словно она не сразу его узнала.

Оказывается, операция длилась семь часов, и она, по ее словам, "едва выкарабкалась". Но результаты хирургического вмешательства более чем скромны, похоже, что ей надо продолжать лечиться.

— Послушай, я сейчас еду на месяц в Египет. Потом я вернусь и вместе поедем в Израиль. Знаешь, какие там врачи! И к тому же мы там опять будем вместе...

— У меня нет сил двигаться с места. Я могу провести на ногах только два или три часа, а потом мне обязательно надо прилечь...

— Но я все же загляну к тебе на обратном пути из Каира.

— Хорошо.

В Каире Гэмблтон не стремился разузнавать и вытягивать

из своих собеседников какие-либо секреты. Он интересовался только общедоступными данными, теми, без каких просто невозможно обойтись ученому, занимающемуся экономикой Ближнего Востока. Поэтому отчет, который он писал для КГБ, выглядел настолько безобидно, что, отлучаясь от гостиничного номера, можно было спокойно оставлять на столе кипу исписанных страниц. Лильяне он тоже посылал совершенно невинные открытки, чтобы быть уверенным, что ими не заинтересуется югославская тайная полиция. Но, увидевшись с ней на обратном пути в Вену, он с ужасом убедился, что ее совершенно запугали. Несмотря на серьезную болезнь, служба безопасности сочла возможным "задержать" ее, как они это называли, на целую неделю и на протяжении этой недели изо дня в день подвергать допросам. Она и теперь содрогалась при одном воспоминании об этих допросах. Между тем врачи считали, что у нее только одна возможность выздороветь: ей надо вести спокойную, размеренную жизнь, без волнений и потрясений. Она решила, что никуда отсюда не поедет, останется в Югославии, чтобы быть рядом со своими близкими, и сказала Гэмблтону, что им придется забыть о существовании друг друга.

В Вене, сидя в гостиничном номере, Гэмблтон написал своим московским хозяевам, что ему не удастся провести следующий, 1979 год, в Соединенных Штатах, так как "университет возражает". Оставив в тайнике это письмо и отчет, посвященный египетской экономике, он слетал в Израиль и договорился, что на будущий год займется там исследовательской деятельностью в каком-либо из университетов. Затем он проследовал в Лондон и оттуда тайнописью сообщил в КГБ: до декабря он намерен работать в Англии, и держать с ним связь можно по такому-то лондонскому адресу.

В середине ноября в ежедневной почте обнаружилась красочная открытка с таким текстом: "Дорогой Джордж! Мы с женой надеемся видеть вас в Вене и совместно отметить первую годовщину нашей свадьбы". Это означало, что Гэмблтона срочно вызывают в Вену.

...Ежась от холода, он шел по венской улице и, завидев на условленном месте пустой автомобиль, стоящий перед входом в какой-то ресторанчик, открыл дверцу и юркнул внутрь. Через несколько секунд сзади подоспел огромный грузовик

и притерся к тротуару бампер в бампер с машиной, где притаился Гэмблтон. Вскоре с другого конца улицы появился второй грузовик, такой же здоровый, и стал напротив, метрах в тридцати. Точно из-под земли, возник вокруг с десятков прохожих, все как на подбор мужчины, и Гэмблтон понял, что машина, в которой он сидит, обложена целым отрядом русских, а в фургонах, должно быть, засели дальнейшие подкрепления.

Откуда-то появился Паула и плюхнулся на переднее сиденье машины. Вместо обычного сердечного приветствия Гэмблтон услышал отрывистую фразу: "Поговорим здесь, на месте". Обеспокоенно озираясь, точно в любой момент ожидая нападения или выстрела из засады, Паула спросил:

— За вами никто не шел, когда вы направлялись сюда?

— Не думаю. Я, честно сказать, особенно не присматривался.

— Вечно вы ведете себя легкомысленно! — огрызнулся Паула.

— Да что такого, собственно, произошло?

— Дело очень серьезное. Ваше письмо из Лондона было вскрыто службой безопасности.

— Если только это вас беспокоит, я могу сразу же развеять ваши опасения. Это я сам виноват: уже заклеил было конверт, а потом пришлось его вскрывать, — забыл приписать, что собираюсь пробыть в Лондоне до декабря. Ну, и затем я снова запечатал конверт, мазанув его клеем. Только и всего.

— Да нет, это не то. Я же вам говорю, что конверт был вскрыт профессионально. Вас, должно быть, взяли под наблюдение. Может, это и не так, но надо поберечься. Нам известно, что западные секретные службы тщательно прослеживают всю биографию тех, кто, вроде вас, когда-либо имел доступ к закрытой информации. Они копаются в мельчайших деталях вашей личной жизни... Мы хотим, чтобы вы пока что отошли от всех этих дел. Забудьте о задании, связанном с Израилем, да и обо всех остальных тоже. Можете отправляться на Восток, а можете и оставаться на Западе, как вам будет угодно.

— Что вы имеете в виду — "ехать на Восток?" Куда, зачем, если ваши задания отпадают?

— Я же сказал — на ваше усмотрение. Поедете на Восток —

хорошо. Останетесь на Западе — тоже ваше дело. В любом случае вам надо на время свернуть всю эту деятельность.

Протягивая Гэмблtonу запечатанный конверт, Паула добавил:

— Вот вам деньги на первый случай. Мне пора, — стоять здесь долго нельзя. А вам советую поскорее уезжать из Вены.

Не попрощавшись, Паула хлопнул дверцей и исчез в надвинувшихся сумерках.

Сильно озадаченный Гэмблтон тоже вышел и побрел в свою гостиницу. За его спиной тут же зафырчали и загудели моторы грузовиков. Улица в мгновение ока опустела.

В номере отеля он вскрыл конверт и пересчитал деньги — там было пять тысяч, бумажками по двадцать долларов. Произведя в уме несложный расчет, он невольно усмехнулся. Двадцать два года умножим на двенадцать... Разделим 5000 на это число, получим 19. Итак, за его работу, начавшуюся в 1956 году, КГБ заплатил ему из расчета 19 долларов в месяц.

Не считаясь с тем, что в любой момент его могут арестовать, Гэмблтон вернулся в Белград и отдал эти деньги Лильяне. В конце концов, может случиться, что скоро она вообще будет недосыгаема для земных властей, — так пусть она воспользуется ими напоследок.

Всю весну и лето 1979 года Гэмблтон провел в Европе, используя свой академический отпуск. От Лильяны приходили, правда очень редко, теплые письма. Ничто не указывало на какую-то слежку, не было оснований предполагать даже, что британские секретные службы его в чем-то подозревают. Похоже, что КГБ ошибался; ну что ж, это и к лучшему. — по крайней мере, Москва оставит его в покое. В сентябре он вернулся в Лавалевский университет. Здесь тоже все было мирно и спокойно.

Правда, как-то вечером, идя подземным переходом, соединявшим здания университетского городка, он услышал далеко за собой эхо чьих-то шагов. Стоило ему остановиться, эти шаги стихли. Он пошел дальше, и кто-то за его спиной тоже двинулся следом. А в ноябре в его квартиру позвонили, и, открыв дверь, он увидел перед собой пятерых незнакомых мужчин.

— Профессор Гэмблтон?

— Да, это я.

— Вот ордер на обыск вашей квартиры. Разрешите, мы приступим к делу.

Внимание сотрудников тайной полиции привлекла "мигалка".

— Не объясните ли нам, откуда у вас эта штука и для чего она предназначена?

Гэмблтон усмехнулся.

— Вы ведь все равно не поверите моему объяснению. Попробуйте сами решить, что это такое.

Паула был прав, когда говорил Гэмблтону во время их последнего свидания в Вене, что западные службы безопасности имеют обыкновение время от времени брать под опеку людей, когда-либо имевших доступ к закрытой информации. Но КГБ ошибался, считая, что Гэмблтон привлек внимание контрразведки по этой причине. Дело обстояло проще: его выдал Рудольф Герман, рассказавший о нем ФБР. Но канадская тайная полиция решила на первых порах ограничиться тайным наблюдением за Гэмблтоном, чтобы не повредить чрезвычайно важной разведигре, начатой ФБР с участием Германа.

Теперь, когда эта операция закончилась, канадцы получили возможность обезвредить Гэмблтона. Информация, поступившая от Германа, и улики, собранные затем канадской контрразведкой, показывали, что этот человек является советским агентом. Правда, если не считать канадскими материалами документы НАТО, в свое время полученные Комитетом госбезопасности от Гэмблтона, последний никогда не выдавал Советам каких бы то ни было канадских секретов. Кроме того, на территории Канады он не совершал никаких противозаконных действий. Поэтому канадские власти не были вполне уверены, что в случае предания его суду он понесет должное наказание. Было решено воздержаться от его судебного преследования, однако он должен был обещать секретной службе, что всеми силами поможет ей в раскрытии тактических приемов, применяемых КГБ и ставших известными Гэмблтону благодаря длительным и разнообразным контактам с советской госбезопасностью. Контрразведке это было чрезвычайно выгодно. Она получала возможность со знанием дела вникнуть в прошлые, текущие и даже предстоящие операции КГБ, направленные против Канады.

Проницательные канадские контрразведчики понимали также, что Гэмблтон наиболее жестоко наказал себя сам, буквально обокрал себя, начав сотрудничать с КГБ. Если бы он

употребил свои недюжинные способности на достижение конструктивных целей, кто знает, как далеко он бы пошел. Вместо этого он растратил силы, да, собственно, всю свою жизнь, неизвестно на что.

Последнее письмо из Югославии было получено им в октябре 1979 года. Оно кончалось словами: "Я чувствую себя очень неважно. Всего доброго. Лильяна".

* * *

Всю жизнь Гэмблтон был неутомимым путешественником. В летнее время, свободное от преподавательской работы, он с удовольствием возил за границу сына, чтобы тот тоже поглядел на разные страны.

Когда следствие по его делу было прекращено, он запросил компетентные канадские инстанции, можно ли ему, не опасаясь последствий, побывать в Соединенных Штатах и Англии. Ему ответили, что ФБР, вероятно, примет меры, чтобы арестовать его как агента иностранной державы. В случае появления на территории Англии его тоже, вероятно, ждет арест на основании Закона о неразглашении государственной тайны.

Тем не менее Гэмблтон с сыном отправились летом 1982 года в Лондон. Трудно сказать, почему Гэмблтон так поступил. Возможно, он полагал, что прошло уже так много времени после его службы в штаб-квартире НАТО, что английская служба безопасности просто забыла о нем. А может быть, чувство опасности даже после всего пережитого продолжало щекотать ему нервы. Или, скорее, он желал облегчить душу, рассказав обо всем британским контрразведчикам. А вернее всего, ему хотелось снова начать играть какую-нибудь заметную роль в таинственном мире разведки, и он искал путей к этому.

Поскольку его фамилия фигурировала в "черных списках", о его приезде сразу же стало известно британской контрразведке, и она начала допрашивать Гэмблтона буквально сразу после его прибытия. Он охотно посвятил англичан во все детали своей шпионской деятельности и рассказал им то же, что канадской секретной службе. Это его и погубило.

Принятый в Великобритании Закон о неразглашении государственной тайны считает преступлением любой вид шпионской деятельности, направленной против Соединенного

Королевства, где бы она ни совершалась. Этот закон не знает такого ограничения, как срок давности. Англичане пришли к выводу, что им неминуемо придется отдать Гэмблтона под суд.

Судебный процесс начался в ноябре. В последний момент Гэмблтон сделал жалкую попытку спастись, заявив, что он являлся двойным агентом, работавшим не столько на Советский Союз, сколько на... Францию и Канаду. Это, разумеется, не подтвердилось, и 6 декабря 1982 года Гэмблтон, измотанный неоднократными переходами от надежды к отчаянию, окончательно павший духом, признал свою вину на открытом судебном заседании.

— Вы по сей день считаетесь сотрудником КГБ? — спросил его прокурор.

— Почему обязательно КГБ? Я предпочитаю, чтобы меня считали просто профессиональным офицером разведки, — возразил подсудимый.

Это как-то больше льстило его самолюбию: он ведь, действительно, был офицером французской, американской, канадской разведок, — ну, и напоследок — советской.

Как офицер советской разведки он и получил свой приговор: 10 лет тюремного заключения. Гэмблтон начал отбывать этот срок в шестидесятилетнем возрасте, и свои дни, по видимому, он закончит в английской тюрьме.

Глава десятая

ОТПОР

Сейчас, в восьмидесятые годы, КГБ все еще твердо придерживается ленинского указания шестидесятилетней давности: коммунисты должны терпеливо, настойчиво и умело использовать каждую трещинку, какой бы ничтожной она ни казалась, в стане противника. И недаром, анализируя советскую тактику, бывший майор КГБ Станислав Левченко говорит: "Присмотритесь повнимательнее, где у вас уязвимые места — и вы повсюду в них обнаружите присутствие КГБ".

Определенные слабости, характерные для демократического строя, можно устранить без ущемления принципа свободы, которая является сущностью, опорой и целью демократии. Посмотрим, как это должно выглядеть, на примере Соединенных Штатов.

В первую очередь Соединенные Штаты должны резко сократить присутствие КГБ на своей территории, прибегнув к массовой высылке его агентов. Нелепо допускать, чтобы Советы держали у нас полчища офицеров КГБ, которые, пользуясь дипломатическим статусом, повсюду бы шныряли, проникали в Конгресс, правительственные учреждения, университеты, орудуя как проводники советского влияния, пробирались в лаборатории, исследовательские центры и на промышленные предприятия, стремясь похитить наши технологические достижения, вылезали по ночам из своих гнезд на встречи с ими же завербованными шпионами.

Советское консульство в Сан-Франциско, нависшее над одним из важнейших в мире центров научно-технического прогресса, представляет собой, в сущности, не что иное, как рассадник шпионажа. Его давно пора закрыть. В этом случае

весь его персонал уберется восвояси. Кроме того, Соединенным Штатам пора осознать права, вытекающие из суверенитета нашего государства, и дать знать Объединенным Нациям, что они не могут больше содержать на американской территории полчища шпионов из стран советского блока, что служащие ООН обязаны подчиняться законам страны, оказавшей им гостеприимство.

СССР и его сторонники, несомненно, отзовутся на массовое выдворение кагебешников всякого рода обвинениями Соединенных Штатов в "раздувании холодной войны", "угрозе делу разрядки", "подрыве принципов мирного сосуществования" и т.п. Но все это быстро стихнет — как это было, например, когда Великобритания выгнала сразу 105 советских "дипломатов" (дело происходило в 1971 году). Эта решительная акция ни в малейшей степени не отразилась на нормальных дипломатических отношениях между Советским Союзом и Соединенным Королевством.

В качестве следующего шага Соединенные Штаты во взаимодействии со своими союзниками должны ужесточить правила, регламентирующие экспорт передовой технологии, и добиться безусловного соблюдения этих новых правил.

Американская разведка и службы безопасности, в частности Центральное разведывательное управление и Федеральное бюро расследований, должны быть подняты на уровень, соответствующий сегодняшней обстановке в мире. Опросы общественного мнения показывают, что население нашей страны готово содержать вооруженные силы, достаточно мощные, чтобы защитить Америку и дать отпор любой акции враждебных сил.* Но самая могучая военная сила неэффективна в войне того рода, что ведет КГБ. Американцы, достаточно хорошо снаряженные для борьбы с КГБ на "невидимом фронте", — это всего лишь несколько тысяч мужчин и женщин,

* Опрос, проведенный организацией Гэллапа в 1981 году, свидетельствует, что 83% американцев предпочитают вступление в войну с Советским Союзом, нежели подчинение коммунистическому владычеству; 11% не имеют определенного мнения на этот счет, и только 6% высказались за подчинение без борьбы.

В 1961 году опрос, проведенный той же организацией, показал, что 8% американцев предпочли бы тотальную ядерную войну существованию под коммунистической диктатурой.

составляющих штат ЦРУ и ФБР. Оба ведомства все еще не оправились от тех опустошений, какие были произведены в рядах их служащих в 70-е годы.

Единственное звено американской разведки, ведущее поединок с КГБ по всему миру, — это оперативный отдел ("служба тайных операций") в составе ЦРУ. Но и его сильно ослабили нелепые сокращения штатов, относящиеся к 70-м годам. Так, в октябре 1977 года тогдашний директор ЦРУ Тернер распорядился уволить из этого отдела 820 служащих.

По данным одного из авторитетных источников, в конце 70-х годов ЦРУ потеряло в общей сложности 2800 человек. Они ушли, унося с собой бесценный оперативный опыт, знание языков и чрезвычайно детальное знакомство с различными уголками земного шара. Результаты этого не замедлили сказаться, хотя их и скрывают от широкой общественности.

Когда аятолла Хомейни, сидя в Париже, еще только готовился к захвату власти в Иране, его ближайший помощник Садек Готбзаде дважды пытался установить личный контакт с ЦРУ. Оба раза ЦРУ бездумно игнорировало эти усилия, не предвидя, что наступает время, когда Америка будет отчаянно нуждаться в разведывательной информации, касающейся Ирана.

Контрразведывательные возможности ФБР во второй половине 70-х годов также пострадали, — главным образом, ввиду атак, которым ФБР подвергалось в Конгрессе, и соответствующей реакции общественного мнения. В то время как угроза безопасности Соединенных Штатов в областях контрабандной доставки наркотиков, организованной преступности и иностранной подрывной деятельности резко возросла, количество агентов ФБР, борющихся с этими видами преступлений, сократилось с 8619 в 1976 году до 7844 в 1980-м. На протяжении сорока лет ФБР тщательно собирало информацию о явно подрывных организациях; в их числе были и те, через которые КГБ проводит свои так называемые "активные мероприятия". ФБР собирало также данные об отдельных лицах, связанных с подрывной деятельностью, терроризмом или иными преступлениями на политической почве. Но в апреле 1976 года генеральный атторней Эдвард Леви постановил, что отныне ФБР не имеет права расследовать деятельность тех внутриамериканских организаций, в отношении которых нет доказательств, что они совершили какие-либо конкретные

преступления или готовятся их совершить. Больше того, Леви распорядился также, чтобы ФБР не заводило досье на членов подрывных или террористических организаций.

В результате число таких досье, постоянно пополняемых ФБР, сократилось с 21 тысячи в 1973 году до неполной сотни (!) в 1982-м.

Для восстановления дееспособности ЦРУ и ФБР Соединенные Штаты должны принять на себя общенациональное обязательство содержать мощную разведку и эффективные службы безопасности как обязательное звено обороны государства. Сейчас годовой бюджет службы тайных операций ЦРУ вместе с контрразведкой, входящей в состав ФБР, уступает затратам на приобретение и содержание всего лишь двух эскадрилий современных самолетов-истребителей.

Кроме того, Соединенным Штатам предстоит принять меры к разоблачению той "двойной бухгалтерии", двойной морали, во внедрении которых Советский Союз ухитрился так преуспеть во всем мире. В соответствии с этой двойной бухгалтерией считается, что Советы вправе красть, лгать, жульничать, заниматься подрывной деятельностью, вмешиваться во внутренние дела других стран, раздувать пламя терроризма, начинать и поддерживать войны в любой точке земного шара. Все эти акции, по советскому определению, "способствуют делу мира". В то же время протесты против несоблюдения Советами Хельсинкского соглашения, против содержания в психушках и принудительного "лечения" действительных защитников мира и инакомыслящих, против тех или иных западных точек зрения квалифицируются как провокация и "недопустимое вмешательство во внутренние дела советского государства". Подобные действия, по советскому определению, подрывают разрядку и мир и толкают человечество к ядерной войне.

Но население земного шара вовсе не обязано слепо подчиняться советским правилам и определениям. Советский Союз неоднократно объявлял, что в отношениях со свободным миром он придерживается принципа упорной и бескомпромиссной борьбы на всех фронтах — экономическом, политическом и идеологическом. Но раз это так, Запад вправе превратить территорию самого Советского Союза в поле битвы — битвы идей.

Запад должен наводнить эту страну произведениями вы-

дающихся русских писателей, которые правдиво свидетельствуют о советских реалиях и подчеркивают неугасимое стремление народа к воскрешению величия русской культуры. Запад должен обеспечить круглосуточное радиовещание на Советский Союз. Книги и статьи, обращающиеся в самиздате, воззвания к народу, исходящие от писателей и философов, должны с помощью Запада стать достоянием всего подсоветского населения. Их авторы уже не будут чувствовать себя духовно изолированными, одинокими и бессильными перед всеподавляющим могуществом государства.

Советская олигархия ничего так не боится, как подрывающего ее господство идей правды и свободы, особенно когда эти идеи провозглашают сами же граждане СССР. Вот почему крупнейшие русские писатели оказались, подобно прокаженным, изгнаны из страны, вот почему их произведения запрещены на территории Советского Союза: советские власти смотрят на них как на бацилл, разносящих смертельную болезнь.

До тех пор, пока СССР пытается атаковать свободные страны, Запад должен искать тайного союза со всеми советскими гражданами, кто готов пойти на такое сотрудничество. По свидетельству Левченко, никогда еще среди подсоветского населения, — даже в учреждениях разведки, в системе министерства иностранных дел, в самой партийной иерархии, — не было так распространено желание вступить в сотрудничество с Западом. Он приводит ряд красноречивых примеров, подтверждающих его мнение и заимствованных из секретной информации, имеющейся в распоряжении КГБ.

В середине 70-х годов пребывавший в Алжире полковник Анатолий Николаевич Филатов, видный сотрудник Главного разведывательного управления, вступил в контакт с ЦРУ и предложил Соединенным Штатам свое сотрудничество. Как профессиональный работник разведки, он прекрасно сознавал, на какой риск идет. Но в то же время он знал, как эффективнее всего можно навредить "родной и любимой" партии.

В результате четырнадцатимесячного сотрудничества с ЦРУ полковник Филатов передал американцам огромное количество советских секретов, относящихся к областям разведки и военной техники. В частности, он детально ознакомил ЦРУ с таким важным вопросом, как участие Советов в орга-

низации террористической деятельности и партизанских действий во многих районах мира.

После перевода на работу в Москву Филатов продолжал передавать ЦРУ секретные оперативные документы. Он продержался почти год, пока ищейки из КГБ не прихватили его в тот самый момент, когда он загружал тайник. Местонахождение тайника было обнаружено ими в результате слежки за одним из агентов, державшим связь с Филатовым. Следствие по делу Филатова шло несколько месяцев, после чего военный трибунал вынес ему смертный приговор.

В другом случае главным действующим лицом был Александр Дмитриевич Огородник, служащий министерства иностранных дел, превратившийся из коммуниста-идеалиста, каким он был в ранней молодости, в яркого противника коммунизма. Огородник работал в советском посольстве в Боготе, столице Колумбии. Сотрудничать с ЦРУ он начал в 1974 году. В дальнейшем, работая в Москве, он смог устроиться в то управление министерства иностранных дел, которое занимается вопросами мировой политической конъюнктуры. Это управление является одним из немногих, получающих конфиденциальную информацию от КГБ, и располагает также собственными источниками секретных сведений международного значения.

Каждый советский посол за рубежом обязан ежегодно составлять обстоятельный отчет, включающий анализ политической ситуации в стране пребывания, тенденций развития, отношения к СССР и так далее. Резидентура КГБ в соответствующей стране вносит немалый вклад в такие отчеты, поставляя многие сведения и обеспечивая их оценку. Для добывания этой информации привлекается агентурная сеть. При нормальных личных взаимоотношениях между послом и резидентом в распоряжение посла предоставляется практически любая информация, которой располагает резидентура.

Проницательный аналитик, читая такие годовые отчеты, имеет возможность взглянуть на мировые дела глазами кремлевского руководства, оценить точки опоры и, напротив, источники беспокойства Советов, а также проникнуть в советские намерения и козни применительно к каждой стране. В ряде случаев удастся также установить характер и масштабы действий КГБ в конкретных странах.

На протяжении двадцати месяцев Огородник передавал

ЦРУ микрофильмы сотен секретных советских документов, в том числе и посольских отчетов. Сводки, составляемые ЦРУ на их основе, поступали в Белый Дом, Совет национальной безопасности и Госдепартамент.

В первой половине 1977 года КГБ убедился, что каким-то образом происходит утечка политических секретов. Определив, какого рода секретная информация явно советского происхождения обсуждается в Вашингтоне, КГБ заподозрил, что в утечке ее повинно то управление МИДа СССР, где работал Огородник. Слежка за персоналом управления на первых порах ничего не дала. Строгий контроль, установленный здесь, исключал возможность выноса документов. Инвентаризация последних показала, что все они на месте.

Оставалось предположить, что кто-то из сотрудников переснимает документы, оставаясь в помещении вечерами или дежуря в выходные дни. КГБ скрытно установил в комнатах управления замаскированные телевизионные камеры, и как-то субботним вечером в поле зрения одной из них попал Огородник, занятый пересъемкой документов с помощью миниатюрного фотоаппарата американского производства.

Будучи арестован, Огородник немедленно капитулировал. Он объявил следователям: "Я придерживаюсь убеждений, противоположным вашим. Когда я начинал это дело, я отлично сознавал, на что иду, и знал, чем мне придется поплатиться, если вы меня поймаете. Я готов оплатить счет, который мне будет предъявлен. Против вас лично я ничего не имею: понимаю, что вы должны делать свое дело. Не вижу смысла мешать вашей работе и полностью готов сотрудничать с вами. Если хотите, я могу даже письменно изложить все, что произошло — начиная с того дня, когда я впервые встретился с ЦРУ. А потом вы сможете задавать мне сколько угодно дополнительных вопросов".

По окончании предварительного допроса следователи отправили Огородникова в камеру. Он получил бумагу и авторучку, однако не был удовлетворен ее качеством и заявил, что много лет писал одной и той же ручкой фирмы Монблан. "Я думаю, она и сейчас лежит на моем столе. Если кто-нибудь из ваших людей в ближайшие дни окажется рядом с моим домом, хорошо было бы ее получить".

Вскоре Огородник получил свою авторучку. В нее была скрытно вмонтирована крошечная ампула — настолько искус-

но, что осмотр ручки специалистами не позволил ее обнаружить. Огородник вскрыл ручку, проглотил ампулу, и не прошло и десяти секунд, как он был мертв. Так КГБ и не пришлось узнать, как он поддерживал контакты с ЦРУ, живя в Москве, что именно передал ему и были ли у него сообщники.

Самым известным случаем сотрудничества с ЦРУ в те же годы было дело Аркадия Шевченко. Окончив в 1954 году Институт международных отношений, Шевченко начал невероятно быстро продвигаться по службе в Министерстве иностранных дел, — благодаря собственным способностям и покровительству, которое оказывал ему министр Громыко. В сорок лет Шевченко был присвоен ранг посла. В 1973 году ему позволили занять пост помощника генерального секретаря ООН. Его считали одним из ведущих советских специалистов по проблемам разоружения. Помимо Громыко, Аркадий Шевченко лично встречался и беседовал с рядом членов Политбюро, включая Брежнева, а также с ведущими партийными идеологами Суловым и Пономаревым. Советские руководители настолько доверяли Шевченко, что незадолго до истечения обычного пятилетнего срока его работы в ООН, в 1978 году, решили продержать его здесь еще два года.

По свидетельству полковника из "линии X", первым посвятившего Левченко в "дело Шевченко", в начале 1977 года Советы с удивлением обнаружили, что американцы вполне осведомлены не только об их истинной позиции по проблемам ограничения вооружений, но и о том, как далеко разрешено заходить их представителям, ведущим переговоры.

По мере того как увеличивалась американская осведомленность, росла и советская подозрительность. КГБ приступил к расследованию и к концу года пришел к ошеломительному выводу: по всей вероятности, американцев снабжает секретной информацией одно из трех лиц — посол в США Анатолий Добрынин, глава постоянной советской делегации в ООН Олег Трояновский или же Аркадий Шевченко.

Андропов потребовал — и получил — от удрученного этим фактом Политбюро специальное разрешение на расследование деятельности всех троих.*

* КГБ строго воспрещено вести следствие по делам, касающимся высокопоставленных партийцев, без индивидуального в каждом случае разрешения Политбюро.

Каждому из них была вручена копия совершенно секретного документа, излагавшего новую советскую позицию по вопросам ограничения вооружений. За всей троицей было установлено тщательное наблюдение. Только Шевченко на какое-то время был выпущен из поля зрения. При ближайшей встрече участников переговоров выяснилось, что американцы в курсе основных положений этого документа.

Из Москвы Аркадию Шевченко была направлена любезная телеграмма, высоко оценивающая работу, проделанную им в ООН, и содержащая пожелание, чтобы он продолжал и впредь столь же успешно трудиться на своем ответственном посту. Однако, говорилось в телеграмме, накопились некоторые мелкие, но требующие решения вопросы, связанные с его функциями, и удобнее всего было бы обсудить и решить их в Москве при его участии. Впрочем, это не особенно спешно, поэтому ему предоставляется выбрать наиболее удобное для него время, чтобы прибыть ненадолго в Москву, — например, в одну из ближайших недель.

В первых числах апреля 1978 года Шевченко сообщил интернациональному контингенту своих сотрудников, что болезнь тещи заставляет его слетать в Москву. Он бы и в самом деле полетел, если б не случайная встреча с одним из друзей, недавно прибывшим оттуда. "Не знаю, зачем ты им понадобился, — заметил тот, — но КГБ ходит за тобой по пятам. Если ты туда вернешься, тебе уже не вырваться".

Так получилось, что Аркадий Шевченко, помощник генерального секретаря ООН, протеже советского министра иностранных дел и доверенное лицо Политбюро, объявил себя невозвращенцем.

Продолжая вести расследование, КГБ обнаруживал все новые и новые свидетельства тайной деятельности Шевченко в Соединенных Штатах на протяжении ряда лет. Было установлено, что за два с половиной года, предшествовавших его бегству, он тратил значительно больше денег, чем позволяло ему официальное жалованье. Именно таков был срок его сотрудничества с ФБР и ЦРУ.

Когда американцам требовалось узнать что-либо, касающееся советской политики или намерений, Шевченко попросту направлял соответствующий запрос в Москву или спрашивал своего покровителя Громыко. Скажем: сколько человек из числа советских граждан, работающих в ООН в Нью-

Йорке, являются агентами либо штатными сотрудниками КГБ или ГРУ? Шевченко легко мог перечислить большинство этих людей. Кто из московской партийной верхушки или из руководящего состава Министерства иностранных дел может оказаться наиболее податлив, если американцам потребуется иметь в этих кругах своего агента? Шевченко и на этот счет имел весьма ценные соображения. Действительно ли Советы заинтересованы в значительном сокращении запасов стратегического ядерного и обычного оружия, и в каких пределах они намерены следовать соглашениям, о заключении которых ведутся переговоры? Как ведущий советский специалист по проблемам разоружения Шевченко и тут мог не только высказывать авторитетные суждения, но и давать прямой ответ на все подобные вопросы.

Тот факт, что такой высокопоставленный человек, как Шевченко, совершенно очевидно предпочел сотрудничество с американцами всей своей советской карьере, говорит о неблагополучии в руководящем слое СССР и о неожиданных трудностях, с какими приходится в настоящее время сталкиваться Комитету госбезопасности. Причем Шевченко не одинок, его не приходится считать какой-то "белой вороной".

Летом 1982 года из Тегерана бежал и просил убежища у британских властей молодой русский — Владимир Андреевич Кузичкин, ответственный сотрудник советского консульства. Его биография, интеллект и убеждения невольно заставляют вспомнить Левченко.

Кузичкин родился в 1947 году в Москве. По окончании средней школы он был призван на действительную военную службу и три года отслужил в армии, причем часть этого срока провел в Восточной Германии. Демобилизовавшись, он поступил на восточный факультет Московского университета, где овладел языком фарси.

На него обратили внимание люди из КГБ. Когда в 1975 году Кузичкин получил университетский диплом, его пригрело Первое главное управление. По окончании разведшколы его прикомандировали к управлению "С" для прохождения узкоспециального курса обучения.

Если не считать "16-го отдела", в функции которого входит вербовка иностранных шифровальщиков и вообще персонала служб связи, управление "С" можно назвать, пожалуй, наиболее засекреченным подразделением КГБ. В его со-

став входит отдел, отвечающий за организацию диверсий и покушений, оно подбирает, обучает и направляет нелегальную агентуру, действующую по всему миру. Насколько известно, до 1982 года ни одна иностранная разведка не могла похвастаться, что ей удалось завербовать или организовать бегство хотя бы одного штатного сотрудника управления "С".

С 1977 года Кузичкин работал в тегеранской резидентуре КГБ в составе группы, руководящей нелегальной агентурой. Здесь он не только наблюдал, но и участвовал в махинациях КГБ, получивших особый размах в последние дни шахского режима и после прихода к власти Хомейни.

Первое время Кузичкин был всецело поглощен служебными обязанностями, такими, как объезд по ночам отдаленных тайников, загрузка их инструкциями и заданиями для агентов и изъятие сообщений агентуры, предназначенных для "центра". По мере того как руководство резидентуры проникалось к Кузичкину все большим доверием, а с другой стороны, Хомейни выдворял из Тегерана все новых и новых гебистов, Кузичкину удалось войти в состав руководства резидентуры и получить таким образом представление об операциях более широкого масштаба, в том числе тех, что осуществлялись на территории соседнего Афганистана. Кузичкина дважды повышали в звании, и к 1982 году он был уже майором.

Но в 1982 году Кузичкин, в основном по тем же причинам, что и Левченко и другие, почувствовал, что хватит с него этой службы в КГБ. Неясно, вступил ли он в контакт с англичанами еще до бегства или же бежал на Запад на свой страх и риск. Во всяком случае, летом этого года обнаружилось исчезновение майора Кузичкина, приведшее к опознанию иностранными спецслужбами множества сотрудников и агентов управления "С".

Ошарашенный КГБ предпочел "не выносить сор из избы" и даже не проводил на Западе никакого зондажа, чтобы установить местонахождение и дальнейшую судьбу беглеца.

КГБ обслуживает советскую олигархию и как внутри страны, так и в своих зарубежных операциях ограничивается лишь тем, что эта олигархия считает выгодным для себя. Напротив, разведка и контрразведка стран Запада служат правительствам, избранным демократическим путем. Эти правительства не могут игнорировать волю и совесть своих народов, нарушать принципы морали и поведения, присущие цивилизованному обществу.

В силу этих фундаментальных различий двух систем в тайной войне наблюдается некий дисбаланс. Он обусловлен далеко не равными возможностями каждой стороны в области секретной деятельности, а также тем, что демократическая и тоталитарная системы уязвимы далеко не в одинаковой степени.

Но наряду с этим очевидным дисбалансом, идущим на пользу тоталитаризму, существует и обратный эффект. Советская система тоже крайне уязвима, но в ином, гораздо более серьезном смысле. Эта система, в значительной мере существующая за счет таинственности и секретности, которыми она себя окружила, очень чувствительна к малейшим нарушениям секретности, к проникновению неконтролируемой информации извне и утечке информации из страны.

А советская партийная бюрократия зашла между тем в тупик, советская верхушка страдает прогрессирующим склерозом, и режим становится все более уязвим. Ему угрожают не только идеи свободы, но и государственный переворот — дело рук "своих же", какой-нибудь группы кагебешников или партийных аппаратчиков.

Если в СССР не произойдут существенные реформы, то на протяжении восьмидесятых годов человечеству придется ожидать от этого государства лишь продолжения тех акций, какими оно занималось во внешнем мире в семидесятых. То есть: увеличится количество подрывных "активных мероприятий", возрастет число и размах тайных террористических и подобных им акций. До тех пор, пока в Советском Союзе не произойдут коренные изменения, нам никогда не следует забывать слова, неоднократно произносившиеся советскими лидерами и в очередной раз повторенные Андроповым: "Ареной исторического противоборства социализма и капитализма является весь мир, это противоборство затрагивает все области общественной жизни, экономики, идеологии, политики". Тот же Андропов подчеркнул, что "чекисты" (читай: КГБ) действуют в такой специфической области, где не бывает и не может быть перемирия и передышек. Что ж, примем эти слова к сведению.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА КГБ

Основное назначение Комитета госбезопасности — сохранение и расширение власти советской партийной олигархии. Эта олигархия стремится распространить свою власть на весь мир и пользуется, как правило, тайными средствами.

За последнее десятилетие КГБ подвергся организационным преобразованиям. Изменились цели ряда операций. Советская госбезопасность стремится действовать более эффективно, к тому же КГБ извлекает из прошлого выводы. Эти преобразования будут происходить и в дальнейшем. Но рассмотреть сегодняшнюю структуру КГБ важно хотя бы потому, что это позволит лучше понять нынешние и перспективные задачи советской тайной полиции.

Штаб КГБ подразделен на пять главных управлений, которые в свою очередь делятся на службы и отделы. Первое главное управление занимается операциями за рубежом, Второе отвечает за контрразведку и контролирует гражданское население в пределах Советского Союза, Управление погранохраны ведает пограничными войсками и формирует отборные воинские части. Пятое главное управление отвечает за подавление идейного инакомыслия, Восьмое занимается иностранными линиями связи, перехватывает и пытается дешифровать идущую по ним информацию.

Кроме того, в состав КГБ входят менее крупные самостоятельные управления, выполняющие свои специфические задачи.

ПЕРВОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В состав Первого главного управления входит три самостоятельных подразделения.

Самое крупное из них — Управление "С", в ведении которого находятся нелегальные агенты КГБ, разбросанные по всему миру. Одно из подразделений этого управления занимается вербовкой таких агентов из числа советских граждан и их подготовкой к деятельности за

рубежом. Другое подготавливает им легенды и снабжает фальшивыми документами. Третье руководит уже внедренной агентурой, четвертому подчинены работники зарубежных резидентур, занимающиеся нелегальными агентами.

КГБ предпочитает направлять за рубеж на нелегальную работу супружеские пары. Нередко это ведомство само устраивает браки.

Будущий агент проходит трехлетний индивидуальный курс обучения в Москве и ее окрестностях. В дальнейшем его могут послать на несколько лет за границу для адаптации к местным условиям и упрочения своей легенды. И уже после этого направляют в страну, для работы в которой его предназначали с самого начала.

Для разработки правдоподобных легенд и подделки документов КГБ накапливает массу информации и аутентичных образцов из всех стран. Используются туристские путеводители, планы городов, телефонные справочники, расписания движения поездов и автобусов, паспорта, метрики, образцы почерков чиновников и т.п. Если, например, служащий тайваньского консульства в той или иной стране будет уволен или уйдет на пенсию, КГБ должен об этом знать: подпись его преемника, ставящаяся на визе, будет уже другой.

В сборе этой информации деятельно участвуют сотрудники зарубежных резидентур, занимающиеся нелегальными агентами (эти сотрудники относятся к так называемой "линии Л"), но главная их задача заключается в обеспечении связи между нелегальной агентурой и "центром". Для этого они подыскивают тайники и используют их как важнейшие каналы связи. Обычно эти сотрудники находятся в той или иной стране под видом служащих советских консульств, где по роду службы постоянно имеют дело с иностранными паспортами и документами.

Управление "С" в 70-х годах включило в свой состав действовавшее до того независимо Управление "В", занимавшееся диверсиями и организацией покушений.

После бегства на Запад (1971) Олега Лялина, оказавшегося британским агентом, КГБ перетряхнул все Управление "В", к которому относился Лялин, уволив или понизив в должности руководящих работников этого Управления и отозвав всех его представителей из зарубежных резидентур.

Со временем Управление "В" было восстановлено в качестве Восьмого отдела Управления "С". К 1982 году Восьмой отдел уже можно было считать процветающим, и, если учесть масштабы подготовки террористов и диверсантов, осуществляемой в Балашихинском учебном комплексе, принадлежащем этому отделу, едва ли можно сомневаться в его блестящем будущем.

Управление "Т", второе по величине в Первом главном управлении, отвечает за сбор научно-технической информации, включая кражу передовой технологии всех видов. Его сотрудники владеют иностранными языками, методикой секретных операций. Как правило, это квалифицированные научные работники или инженеры, многие из которых имеют ученую степень. Сотрудников и агентов Управления "Т" можно встретить во всех советских ведомствах, ведущих дела с зарубежными странами по линии науки, техники или коммерции. Они вхо-

дят в состав советских делегаций, посылаемых на научные симпозиумы, конференции и т.п.

В резидентурах, действующих на территории промышленно-развитых стран, сотрудники Управления "Т" менее заметны, чем прочие. Они относятся за рубежом к так называемой "линии Х" и замаскированы под членов торговых миссий, служащих Аэрофлота и так далее.

Управление "К" (оперативное обозначение — "линия КР") отвечает за проникновение в иностранные разведывательные органы и службы безопасности. Оно также следит за советскими гражданами, работающими за рубежом. Это управление помогает Министерству иностранных дел обеспечивать физическую безопасность персонала советских посольств.

Управление "К" подразделяется по географическому и функциональному признакам: часть его отделов пытается вербовать сотрудников иностранных разведок и других секретных служб в определенных географических районах мира.

Один из отделов отвечает за внедрение советских агентов в террористические и вообще подрывные организации. Еще один следит за моряками советского торгового флота, экипажами самолетов Аэрофлота и советскими туристами, оказавшимися за рубежом. На самый засекреченный отдел, подчиненный непосредственно заместителю начальника Первого главного управления, возложена деликатная задача: следить за сотрудниками самого Управления.

Значительная часть кадров Управления "К" пришла сюда из Второго главного управления, где они усвоили образ мышления, характерный для тех, кто борется с инакомыслящими. Их знание языков, степень интеллигентности и общий уровень подготовки — ниже, чем у сотрудников Первого главного управления в целом.

Оказавшись в сложных условиях работы за рубежом, они стоят в стороне от рискованных операций и стараются сосредоточиться на слежке за советскими гражданами, попавшими за границу, а также на обеспечении безопасности советских колоний в иностранных государствах. Конечно, встречаются исключения. Так, Левченко знал в токийской резидентуре нескольких блестящих работников, относящихся к "линии КР".

В Первом главном управлении созданы три важных подразделения, именуемых "службами".

Служба 1 анализирует разведывательную информацию, тайно собираемую всеми подразделениями Управления. Она также составляет ежедневную сводку текущих событий для Политбюро и регулярно предоставляет прогноз развития ситуации в мире.

Два раза в месяц Служба 1 передает зарубежным резидентурам обзор всех докладов и донесений, полученных за минувшие две недели, а также делает ежегодную оценку деятельности каждой резидентуры.

Служба 1 старается быть осторожной в своих долгосрочных прогнозах, чтобы избежать претензий в случае, если они не оправдаются. Правда, у нее бывают и удачи в этом смысле. Так, в середине 70-х годов она рискнула предсказать возрождение политического консерватизма в США и Западной Европе, которое наступит с начала 80-х годов, — и оказалась права.

Служба "А" ("Служба активных мероприятий") выделилась из бывшего Отдела "А", известного на протяжении длительного времени как "Отдел дезинформации". Эта служба выросла в одно из самых важных подразделений КГБ, что отражает то значение, которое придает КГБ "активным мероприятиям" для распространения советского влияния.

Служба работает в тесном контакте с отделами ЦК КПСС — Международным, Пропаганды, а также с Отделом соцстран. Заметим в скобках, что в самом КГБ пропагандисты и дезинформаторы из этого подразделения приобрели устойчивую репутацию хронических алкоголиков. Не располагает ли к этому сам характер их работы?

Иностранцы, добровольно или по принуждению переселившиеся в СССР, консультируют Службу "А" относительно тонкостей того или иного языка и деталей образа жизни своих стран. Служба фабрикует разного рода фальшивки, подделки и литературу, происхождение которой скрывается.

Идея любого нового "активного мероприятия" может родиться в пределах самой Службы "А", в какой-либо из зарубежных резидентур, в Международном отделе ЦК и даже в Политбюро. После одобрения Политбюро идея обрастает планами, графиками, исполнителями.

В настоящее время Служба "А" не держит за границей собственных сотрудников, и проведение "активных мероприятий" возлагается на "Линию ПР" (Политическая разведка) в резидентурах, на иностранные компартии и на всякого рода организации, так или иначе связанные с СССР.

Служба "А" периодически составляет строго секретный бюллетень, предназначенный для Политбюро и характеризующий ход проведения и результаты самых важных "активных мероприятий". Советское руководство, как известно, само принимает участие в наиболее крупных пропагандистских мероприятиях, а также кампаниях по дезинформации общественного мнения.

Служба "Р" постоянно осуществляет детальный анализ операций КГБ за рубежом "для лучшей организации дела". К концу 60-х годов сеть советской агентуры во всем мире настолько разрослась, что централизованные управление, контроль, планирование и координация ее действий сделались нецелесообразными.

По примеру ЦРУ КГБ учредил собственный Отдел оперативного анализа и планирования, который в 70-е годы и был преобразован в Службу "Р". К настоящему времени эта Служба стала вполне дееспособной, в частности, благодаря тому, что ее укомплектовали первоклассными работниками (многие из них в прошлом — резиденты или руководители групп зарубежных резидентур). Дело дошло до того, что Служба "Р" пытается уже фиксировать любой замеченный контакт советского гражданина и иностранца, происшедший за границей. Резидентуры по всему миру относятся к этой службе с опаской и почтением: от нее в конечном счете зависит оценка деятельности зарубежных сотрудников и агентов.

Как бы ни были важны отдельные службы, оперативным ядром Первого главного управления являются одиннадцать отделов, сформированных по географическому признаку. Каждый из них отвечает за работу в узком круге стран:

Первый: Соединенные Штаты и Канада;
Второй: Латинская Америка;
Третий: Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Скандинавия;
Четвертый: ФРГ и Австрия;
Пятый: Франция, Италия, Испания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Ирландия;
Шестой: Китай, Вьетнам, Корея, Камбоджа;
Седьмой: Япония, Индонезия, Филиппины, Таиланд, Сингапур;
Восьмой: арабские страны, Турция, Греция, Иран, Афганистан, Албания;

Девятый: страны Африки с преобладанием французского языка;

Десятый: страны Африки с преобладанием английского языка;

Семнадцатый: Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка (эти страны относились прежде к компетенции Седьмого отдела, но чтобы интенсифицировать операции, направленные и против Японии, и против Индии, КГБ разделил ответственность за них между двумя отделами).

Наряду с отделами, образованными по географическому признаку, в составе Первого главного управления имеются отделы, созданные по функциональному признаку.

Так, Одиннадцатый отдел осуществляет связь с разведывательными службами государств-сателлитов СССР и внедряет свою агентуру в эти службы. Их иностранные операции неизменно контролируются КГБ. Наибольшим доверием у КГБ пользуются службы Болгарии, ГДР и Кубы. Болгары неплохо показали себя в области терроризма, контрабанды наркотиков, оружия и вообще в области "силовых" нелегальных операций. Восточные немцы специализируются на шпионаже против Западной Германии и на подрывной работе в Африке, где их акции оказались более успешными, чем советские. Кубинцы проявили себя в качестве эффективных проводников советского влияния в США и в странах Третьего мира.

Двенадцатый отдел представляет собой любопытное новшество в системе КГБ. Он образован, видимо, исходя из андроповской убежденности в том, что "все области" человеческой деятельности должны стать ареной сражения двух политических систем. Отдел укомплектован главным образом ветеранами КГБ, много лет проработавшими за границей и благодаря этому знакомыми с языками и складом мышления иностранцев. Они считаются сотрудниками Академии наук СССР, Института США и Канады и прочих солидных учреждений и поэтому, как научные работники соответствующего профиля, широко общаются с иностранцами. Эти люди выезжают за границу в порядке научного обмена, на различные международные конференции и конгрессы и таким образом могут проникнуть почти всюду. Двенадцатый отдел зарекомендовал себя настолько эффективным, что, вероятно, будет развернут в самостоятельное управление.

Тринадцатый отдел, по-видимому, временно упразднен. Долгие годы он занимался диверсиями и покушениями. Затем был преобразован в Отдел "В" и, наконец, в Восьмой отдел Управления "С". Если Тринадцатый отдел и воскрешен, то из тех источников, к которым имел доступ автор этой книги, его функции установить не удалось.

Четырнадцатый отдел разрабатывает технические средства тайных операций, в том числе средства связи, оружие, фотокамеры специаль-

ного назначения, принадлежности для тайнописи и пр. Его лаборатории изготавливают специальные яды и другие средства, с помощью которых Восьмой отдел Управления "С" проводит покушения. Этот же отдел отвечает за обеспечение резидентур устройствами, парализующими действие посторонних систем подслушивания.

Пятнадцатый отдел представляет собой архивную службу Первого главного управления.

Шестнадцатый отдел, один из наиболее засекреченных, руководит операциями, объектом которых являются шифровальщики и персонал связи всех иностранных государств. По данным Левченко, на протяжении 70-х годов этот отдел заметно вырос.

Наконец, в Первом главном управлении есть собственный отдел кадров, партийный комитет и секретариат, т.е. канцелярия, в состав которой входит и экспедиция, отвечающая, в частности, за спецпочту.

ВТОРОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Это главное управление руководит обширным аппаратом подавления на территории СССР. Его подразделения именуются "направлениями": одно из них занимается так называемыми экономическими преступлениями, другое отвечает за охрану промышленных объектов, третье определяет, кому из советских граждан может быть разрешен выезд за границу и т.д. Часть подразделений отвечает за слежку за иностранными журналистами, студентами и туристами на территории СССР.

УПРАВЛЕНИЕ ПОГРАНОХРАНЫ

Этому управлению подчинены специальные вооруженные силы, оснащенные артиллерией, броневиками, патрульными судами и пр. и располагающиеся вдоль государственной границы СССР. Их численность составляет 300-400 тысяч человек.

ТРЕТЬЕ УПРАВЛЕНИЕ

Сотрудники и агенты Третьего управления существуют во всех подразделениях советских вооруженных сил, вплоть до роты. Они шпионят даже за работниками Генерального штаба и Главного разведывательного управления (ГРУ). Наряду с политработниками они несут ответственность за устранение из военной среды любого инакомыслия и за ее полное подчинение режиму.

ПЯТОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

"Диссидентское", или "идеологическое". Образовано при Андропове для выявления и радикального "искоренения" инакомыслящих. Персонал других управлений относится к Пятому главному управлению с известным презрением, ибо они прибегают к таким методам, как избивание диссидентов, заточение их в психиатрические лечебницы, направление им писем, содержащих разного рода угрозы. Впрочем, руководство КГБ считает работу этого управления эффективной.

СЕДЬМОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В 70-е годы Седьмое управление, занимающееся наблюдением за персоналом иностранных посольств и миссий в Москве, получило известную автономию, в частности право по собственной инициативе начинать слежку и создавать свои аналитические группы.

Управление насчитывает более трех тысяч сотрудников, большинство которых — выпускники двухгодичной спецшколы в Ленинграде. Они вооружены инфракрасными биноклями, фотоаппаратурой с мощными телеобъективами, миниатюрной радиаппаратурой и имеют безграничные возможности для маскировки под работников невинных городских служб. Их автомашины выглядят как обычные "Волги", однако снабжены мощным мотором "Чайки" и способны догнать любой другой автомобиль из числа имеющихся в Москве.

Седьмое управление — одно из немногих в КГБ, в котором оперативной работой занято много женщин. Ввиду частых несчастных случаев, связанных с исполнением служебных обязанностей, работа в этом управлении считается опасной. При начислении пенсионного стажа каждый год работы здесь считается за два.

Иностранные посольства, находящиеся в Москве, и в первую очередь американское, находятся под непрерывным наблюдением переодетых агентов. Работники этого управления могут в считанные минуты стянуть вокруг подозреваемого лица многочисленную группу сотрудников, образующих невидимый подвижный кордон.

ВОСЬМОЕ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

У этого управления — две основные функции: во-первых, разработка шифров и систем криптографии для КГБ и Министерства иностранных дел; во-вторых, обеспечение надежности и безопасности правительственных линий связи на территории СССР. Кроме того, персонал его перехватывает и пытается расшифровывать радиообмен между иностранными правительственными учреждениями, используя искусственные спутники Земли, специальные суда и аппаратуру, размещенную в зданиях советских посольств.

ДЕВЯТОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Девятое управление обеспечивает персональную безопасность высшего партийно-государственного руководства, а также охрану жизненно важных центров государственного аппарата, в том числе КГБ.

ШЕСТНАДЦАТОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Существование и назначение этого управления не удалось подтвердить с помощью источников, доступных автору этой книги. Однако в 1974 году, будучи в отпуске, Левченко познакомился с офицером КГБ, который как-то признался ему, что работает в Шестнадцатом управлении. Когда Левченко сказал, что не имеет представления, чем оно занимается, тот ответил: "Мы работаем под землей, как кроты. В буквальном смысле слова, роём туннели".

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Исследование Джона Баррона о деятельности КГБ на Западе позволяет нам понять саму сущность политического режима, который создал эту невероятную машину шпионажа и дезинформации.

История еще никогда не знала, чтобы секретная полиция по существу открыто участвовала в политической жизни государства. Не сразу пришла к этому и советская госбезопасность. Для того чтобы достичь нынешнего положения на внешнеполитической арене, КГБ должен был вначале "легализовать" свою ведущую роль внутри страны

По словам видного американского политолога Северина Бьялера, это было достигнуто следующим образом: "Будучи анонимными и тайными, секретные органы превратились в открытую политическую силу. Они были окружены романтическим ореолом в литературе и прессе. Их возносили на официальных церемониях и политических собраниях. Советская пропаганда провозгласила их высшим образцом для подражания молодежи. Высшие офицеры КГБ избирались в Верховный Совет и там, начиная с 1936 г. до дня смерти Сталина, создавали вторую по величине и влиянию политическую силу после представителей партии".¹

Сегодня влияние органов госбезопасности на политику Советского Союза определяется не числом их депутатов в Верховном Совете, а их повседневным контролем над ключевыми источниками информации. Известно, что мнение КГБ предопределило решение Советского правительства оккупировать Чехословакию. Близкий соратник Дубчека Джири Валента по этому поводу писал: "КГБ может влиять на политический процесс в СССР прежде всего путем отбора и истолкования информации, которая поступает в Политбюро. Комитет госбезопасности отбирает только те данные, которые, с его точки зрения, являются важными".²

Сравнительный анализ деятельности секретных служб свидетельствует о том, что они постоянно участвуют в политических процессах, независимо от того, где происходят так называемые социалистические революции — в Польше, Венгрии или в Камбодже.³

КГБ — это безусловно специфическая организация, и психология ее руководителей — особая психология. Прибыв в Москву на похороны Брежнева во главе американской делегации вице-президент Буш был приглашен на дружескую беседу с Ю.В. Андроповым. Чтобы разрядить обстановку, Буш, который был директором ЦРУ с 1976 по 1977 год, заметил: "Я чувствую, господин председатель, в вас родственную душу, так как я занимал ту же самую должность, что и вы". Андропов иронически и как-то странно усмехнулся. Он-то знал, что нет ничего общего между прошлым постом Буша и той должностью,

которую он занимал на протяжении пятнадцати лет, возглавляя мощную машину шпионажа, диверсий и дезинформации.

Приведу здесь лишь некоторые факты, которые показывают сколь велика разница между КГБ и ЦРУ.

В декабре 1941 г., когда японцы нанесли сокрушительный удар американскому флоту в Тихом океане, Соединенные Штаты были единственной державой, которая вообще не имела централизованной разведывательной службы. КГБ же в те годы вел обширные тайные операции в Англии, в Германии, в Испании, в Японии и в десятках других стран. Более того, к этому времени некоторые из ведущих представителей второго поколения чекистов успели бежать на Запад.⁴

Лишь во время войны в США был создан отдел стратегических исследований, а ЦРУ было образовано только в 1947 г., после того, как Советский Союз фактически оккупировал страны Восточной Европы.

После Уотергейта, в который ЦРУ было втянуто Никсоном, президент Форд создал специальную комиссию для расследования тайной деятельности американской разведки внутри США (официально этой деятельностью руководит ФБР). Председателем комиссии назначили вице-президента Нельсона Рокфеллера, а одним из ее членов был Рональд Рейген — нынешний президент США.

В июне 1975 г. комиссия опубликовала отчет (299 страниц), в котором подробно перечислялись грехи ЦРУ за последние годы: перлюстрация писем и подслушивание без разрешения суда телефонных разговоров лиц, подозреваемых в шпионаже, использование для целей разведки автомашин ФБР и т.д. Можно ли, хотя бы теоретически, вообразить подобный гражданский контроль над деятельностью КГБ!

Так называемая сага о советском шпионаже не заканчивается на последней странице книги Джона Баррона. Лишь в течение шести месяцев 1983 г. более ста советских дипломатов-шпионов были объявлены персонами нон-грата и выдворены из ряда стран: из Франции — 47, из Ирана — 18, из Англии — 4, из Италии — 4, из Швейцарии — 5, из США — 3, из других стран, таких как Западная Германия, Норвегия, Бельгия, Испания, Голландия, Дания, Австралия, Таиланд, Япония, в превентивных целях — по одному.

Главная концепция КГБ состояла и состоит в том, что США — это враг номер один, хотя шпионская деятельность КГБ весьма активна и в ряде других стран.

В начале 70-х годов мне довелось беседовать с известным советским радиокомментатором и экспертом по США Валентином Зориным. Узнав, что я занимаюсь исследованием отношений между СССР и социал-демократической партией ФРГ, Зорин дружески заметил: "Эти отношения не великой важности. В крайнем случае вы найдете нашего работника в штабе Вилли Брандта. Ну и о чем это говорит? Занимайтесь лучше главным — отношениями между США и СССР".

Эти слова явились в каком-то смысле пророчеством, ибо были произнесены еще за три года до того, как главный помощник Вилли Брандта Гюнтер Гулиам был арестован и обвинен в шпионаже в пользу Германской Демократической Республики (шпионаж этот осуществлялся, разумеется, не без ведома КГБ). Арест Гулиама привел к падению Брандта — главного архитектора политики детанта в Западной Европе.

Спрашивается, как КГБ допустил подобный провал? И не слишком ли это высокая цена — падение угодного СССР канцлера ФРГ? Неужели нельзя было удержать Гулиама на этом тонком льду, то есть хотя бы временно свернуть его активность в штабе Вилли Брандта? Ответ на эти вопросы дает агент КГБ Борис Чудинов: "Не испытывайте жалости к Гулиаму. Мы сами разоблачаем или помогаем разоблачать таких, как он. Для нас его разоблачение было в тысячу раз важнее, чем плоды его нынешней работы".⁵ По-видимому, КГБ в это время был заинтересован в том, чтобы замедлить развитие детанта с ФРГ.

Одна из целей КГБ на этом этапе — похищение западной технологии. Советский интерес к ней никогда не носил чисто меркантильный характер. Об этом, в частности, писал М.Ронге в книге "Военный и промышленный шпионаж",⁶ переведенной на русский язык и изданной Воениздатом в 1937 г. Сегодня к тому, что пишет Баррон о краже западной технологии, следует добавить, что контрабанда в этой области достигла такого цинизма, что похищенные машины возвращаются на Запад для ремонта.

Из книги "КГБ сегодня" выясняется, что, несмотря на обилие информации о Западе, советские власти, включая профессионалов из КГБ, и по сей день не понимают сущности западной политической культуры и плюрализма. Они полагают, что иерархия западного мира подобна советской, и считают, например, что президент США может дать указание депутатам своей партии, как им голосовать в Конгрессе.

Но если все это еще способно, например, объяснить дипломатические промахи, в результате которых СССР лишился привилегированного статуса в торговле (поправка Джексона-Ванника) или то, что США и НАТО приняли решение сбалансировать количество ракет в Европе, то куда труднее понять феномен "самодезинформации" главы КГБ Ю.Андропова. Андропов представлял себя человеком широкой западной культуры. Ему была доступна любая информация, из любых источников. И вот, как рассказывает нам Дж.Баррон, глава КГБ вдруг задает завербованному канадскому профессору Гэмблто-ну следующий вопрос: сильна ли дискриминация евреев в США? И при этом он крайне удивлен отрицательным ответом собеседника. Но если согласно его представлениям, в США свирепствует антисемитизм, то как объяснить появление стольких советских книг, где те же американские евреи предстают как главная финансовая сила Америки, субсидирующая гонку вооружения против СССР? Объяснить все это

можно лишь цинизмом, который является доминантой советской политической культуры.

Деятельность отдела, занимающегося так называемыми "мокрыми делами" (главным образом с помощью агентов из стран Третьего мира), остается за пределами книги Дж.Баррона. Этому посвящена недавно вышедшая книга Р.Клайна и И.Александера "Терроризм — звено советской политики", которая детально описывает созданные в СССР школы "ликбеза" для террористов из стран Третьего мира. Язык самих удостоверений, которые выдаются выпускникам школ, лучше всего свидетельствуют о характере этой подготовки. Вот, например, текст одного из них: "Настоящее свидетельство выдано Раафату Абд Эр-Рахману Ахмаду Сильми в том, что он в сентября 1980 г. поступил и в январе 1981 г. окончил Офицерские курсы по специальности командир разведывательного взвода. Настоящее свидетельство дает право на самостоятельное выполнение работ, связанных с полученной специальностью".⁸

Таким образом, сформировалось уже целое поколение террористов, которые самостоятельно сбивают самолеты, топят суда, захватывают школы и автобусы с заложниками, стреляют в Папу Римского...

Именно в наши дни так называемые "активные мероприятия КГБ" достигли поразительных масштабов, а детант явился своего рода черномозгом для усиления деятельности КГБ.⁹

Его "невидимый фронт" все более расширяется, захватывая новые страны и вовлекая в свою сферу все новые социальные силы. Опасность КГБ для демократического мира очевидна. Поэтому исследование Дж.Баррона имеет уникальное значение для читателей. как на Западе, так и на Востоке.

Илья ЛЕВКОВ

Примечания

- 1 Seweryn Bialer, *Stalin's Successors*, Camb.Univ.Press, 1980, p.14.
- 2 Jiri Valenta, *Soviet Intervention in Czechoslovakia 1968*, J.Hopkins Univ.Press, 1979, p.104.
- 3 См: *Terror and Communist Politics. The Role of Secret Police in Comm.States*, ed.J.R.Adelman, Westview Press, 1984.
- 4 Гордон Брук-Шеферд. Судьба советских перебежчиков. Нью-Йорк, изд-во "Время и мы", 1983.
- 5 Solovyov V., E. Klepikova, *Yuri Andropov*, McMillan, 1983, p.127.
- 6 Ronge, Maximilian, *Kriegs und Industrie-Spionage: Zwoelf Jahre Kundschaftdienst*, Amalthea Verlag, Zurich, Wien, 1930, 424 pages.
- 7 См: Vladimir A.Lefebvre, *Algebra of Conscience. A Comparative Analysis of Western and Soviet Ethical Systems*. D.Reidel Publishing Company, Dordrecht, Holland, 1982.
- 8 Ray S.Cline, Y.Alexander, *Terrorism: The Soviet Connection*, Crane & Russak 1984, p.118.
- 9 R.H.Schultz, R.Godson, *Dezinformatsia, Active Measures in Soviet Strategy*. Pergamon, Washington, 1984, p.20.

ВРЕМЯ И МЫ

НЬЮ-ЙОРК – ИЕРУСАЛИМ – ПАРИЖ

Главный редактор – Виктор ПЕРЕЛЬМАН

Международный журнал литературы и общественных проблем.

Основан в 1975 г. в Тель-Авиве как независимый, беспартийный журнал третьей эмиграции.

На страницах журнала печатались такие выдающиеся современные писатели, как Сол Беллоу, Артур Кестлер, Олдос Хаксли, Эфраим Кишон, А.Б.Иошуа и многие другие.

Среди авторов журнала – известные писатели современной России и русского зарубежья: Василий Гроссман, Лидия Чуковская, Виктор Некрасов, Владимир Войнович, Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Семен Липкин, Инна Лиснянская, Юз Алешковский, Владимир Марамзин, Александр Зиновьев, Аркадий Львов.

В разделе публицистики выступают: Андрей Синявский, Ефим Эткинд, Дора Штурман, Лев Наврозов, Амос Oz, раввин Адин Штейнзальц, Борис Шрагин и др.

С именем журнала 'Время и мы' связано появление в русской литературе целого созвездия талантливых имен: Фридриха Горенштейна, Бориса Хазанова, Зиновия Зиника, Юрия Карабчиевского, Феликса Розинера.

Огромной популярностью у читателей пользуется раздел "Из прошлого и настоящего", где были опубликованы воспоминания о Бунине, мемуары Марии Йоффе (бывшего секретаря Л.Троцкого), Самуила Микуниса (в прошлом генерального секретаря компартии Израиля), письма Лескова, переписка Николая Милюкова, дневники Ольги Берггольц.

За девять лет существования журнала вышло 76 номеров. Журнал высоко ценится среди либеральной интеллигенции современной России, откуда редакция постоянно получает письма и рукописи.

Журнал распространяется практически в большинстве стран мира. Среди его подписчиков – крупнейшие университеты Европы и Америки.

Стоимость годовой подписки (6 номеров в год) – 43 доллара, включая пересылку. С целью экономической поддержки редакции – 50.

Для библиотек – 48 долларов (в США) и 49 долларов – в Европе.

**Заказы и чеки высылать по адресу главной редакции
журнала "Время и мы"**

**"Time and We" 475 Fifth ave, suit 511–A, New York, New York
10017**

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД

СУДЬБА СОВЕТСКИХ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ,

ЭТО КНИГА О ПОБЕГЕ НА ЗАПАД ВИДНЫХ СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ, ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ И ДИПЛОМАТОВ (ИГНАТИЯ РЕЙССА, ВАЛЬТЕРА КРИВИЦКОГО, ГРИГОРИЯ БЕСЕДОВСКОГО, ГЕОРГИЯ АГАБЕКОВА, АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА, БОРИСА БАЖАНОВА И ДР.), О ИХ СТРЕМЛЕНИИ ОТКРЫТЬ ЗАПАДУ ГЛАЗА НА СТАЛИНСКУЮ РОССИЮ, О ИХ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ЗАПАДНЫМИ РАЗВЕДКАМИ, О ПРОИСКАХ СОВЕТСКОЙ АГЕНТУРЫ В ЕВРОПЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ РАСПРАВЫ НЕОТСТУПНО ПРЕСЛЕДУЕТ КАЖДОГО СОВЕТСКОГО ПЕРЕБЕЖЧИКА. РАНО ИЛИ ПОЗДНО РУКА СОВЕТСКОЙ ПОЛИЦИИ НАСТИГАЕТ ОДНИХ, И ПЕРЕД ВЕЧНОЙ УГРОЗОЙ РАСПРАВЫ ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ ЖИЗНИ ЖИВУТ ДРУГИЕ.

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД – ИЗВЕСТНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПУБЛИЦИСТ – ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЮ ДО СИХ ПОР НЕИЗВЕСТНУЮ, УНИКАЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ, СОБРАННУЮ ИМ ВО МНОГИХ СТРАНАХ МИРА ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ.

КНИГА ПЕРЕЖИЛА НЕСКОЛЬКО ИЗДАНИЙ, ПЕРЕВЕДЕНА НА МНОГИЕ ЯЗЫКИ МИРА И СЕЙЧАС ВПЕРВЫЕ ВЫХОДИТ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Цена книги – 15 долларов. При предварительном заказе – 12 долларов. Пересылка – 1 доллар.

Заказы и чеки высылать по адресу: Time and We

475 Fifth ave, room 511- A

New York, New York, 10017

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

**Александр Орлов
ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Эта книга принадлежит одному из видных деятелей сталинского НКВД, но почти 30 лет она была неизвестна русскому читателю. Чудом уцелев, генерал Александр Орлов бежал в 1938 году в Соединенные Штаты и, оставаясь 15 лет неузнанным, прожил здесь до конца своих дней. Книга Орлова — это документальное свидетельство эпохи, раскрывающее самые глубокие тайны сталинской секретной полиции.

...КАК ГОТОВИЛОСЬ УБИЙСТВО КИРОВА...

...ВСТРЕЧА СТАЛИНА С НИКОЛАЕВЫМ...

...КАК БЫЛИ ВЫРВАНЫ ПРИЗНАНИЯ У ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА...

...ИХ СДЕЛКА СО СТАЛИНЫМ В КРЕМЛЕ...

...ДОПРОСЫ И ПРИЗНАНИЯ ПЯТАКОВА, БУХАРИНА, РАДЕКА...

...ПОДРОБНОСТИ ГИБЕЛИ АЛЛИЛУЕВОЙ...

...ЯГОДА ПЕРЕД КАЗНЬЮ...

...ЕЖОВ, КАКИМ ОН БЫЛ...

...ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНА ПАУКЕР ОБ УТЕХАХ ВОЖДЯ...

Таковы лишь штрихи, лишь отдельные эпизоды документальной эпопеи Александра Орлова.

По свидетельству специалистов, ни одна из изданных до сих пор книг о советской тайной полиции не может сравниться с книгой Александра Орлова как по документальной точности излагаемых фактов, так и по захватывающему интересу, который она вызывает у читателей. Тот, кто открыл первую страницу этой книги, уже не сможет закрыть ее, не дочитав до конца этот зловещий детектив сталинской инквизиции.

Книга Орлова (350 стр.) иллюстрирована редкими фотографиями 30-х годов. Цена книги — 15 долларов. Пересылка — 1 доллар.

Заказы и чеки высылать по адресу:

**Time and We
475 Fifth ave, room 511—A
New York, New York 10017**

